

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
князь

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
князь

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — наладник Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — троссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — цроссфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — граф

Ригард Длинные Руки —
КНЯЗЬ

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
Князь

ЭКСМО
Москва
2012

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — князь : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-55380-8

Сэр Ричард, паладин Господа и сюзерен все разрастающихся земель, мечется по королевствам, пытаясь удержать расползающиеся регионы, и понимает, что так жить нельзя.

Вариант по спасению только один, весьма жесткий... Но кроме основного, появляется и совсем неожиданный. Со стороны эльфов.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-55380-8

© Орловский Г. Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Часть первая

Глава 1

Чудовищно огромный город, целая планета, а не город, воздуха как будто нет вовсе, видно все очень далеко, и везде чудовищно высокие дома, в наростах, пристройках, но все выглядят как поставленные стоймя карандаши, как лес со срубленными вершинами, где были ветви, и в то же время нет ощущения современности или будущности — те же исполинские башни, но только вмещающие целые города!

Я пытался проследить взглядом за ближайшими домами вверх, на каждом этаже сотни крохотных огоньков в ряд, а этих рядов сотни и сотни, я задираю голову и не видел, куда уходят...

Таких домов тысячи тысяч, между ними рассмотрел прямое ущелье, через которое перекинуты широкие мосты, я ожидал увидеть реку, пусть она и намного ниже, но присмотрелся и ахнул снова, там такие же дома, такой же мир, и ущелье уходит вглубь, и там новый ряд домов.

Далеко от земли, почти на горизонте, прямо на глазах протянулись к небу две широкие полосы света, но не прямые, а изгибаются, как взбирающиеся по небосводу исполинские змеи, трижды коснулись одна другой, но ничего не произошло.

Постепенно от земли начали подниматься светлые струи, тоже изгибаются, не такие яркие и заметные, а весь небосвод из лилового стал ядовито-красным.

Сквозь красноту выступил некий полукруг, я нагнулся, ожидая увидеть серп исполинской луны на полнеба, но когда присмотрелся, ноги ослабели, и я чуть не рухнул: полукруг оказался с мелкими зубчиками, эдакая изящная шестеренка, такие были в старинных часах...

Чуть позже сумел разглядеть это чудовищное колесо целиком, нижняя часть утопает в парах, поднимающихся из теперь уже лиловой земли.

Так, судя по детским впечатлениям, древние, что знали только механику, представляли устройство мира. Оно так и называлось тогда во всех трудах «Божественная Механика», а еще «Устройство Вселенной», когда под устройством подразумевалось именно механическое устройство...

Я огляделся наконец, огромное помещение, запах затхлости и заброшенности, как будто я в огромном складе, оставленном за ненадобностью много лет назад. Стены покрыты коричневым мхом, длинный ворс свисает до пола, а самый нижний слой так и вовсе лежит толстым валиком на месте плинтуса, словно протискивается снизу в щель между стеной и полом.

В дальней стене проем на месте двери, я ринулся в ту сторону, на той стороне улица. Широкая, совсем не средневековая, под ногами не земля, а сплошной камень, никакой брусчатки, просто плита, ощущение такое, что на этой плите весь город...

Город странно качнулся, словно нарисованный на огромном полотне, по которому пробежал легкий ветерок. Исполинские башни сдвинулись одна к другой, я застыл в страхе, но все вернулось, но теперь мое сердце

вообще едва не выпрыгивает, ощущение большой беды пришло и медленно вползает под кожу.

Люди то и дело показываются вдалеке, но не успеваю рассмотреть, все быстро тает, словно струйки горячего пара. Не уходят никуда, а просто на ходу исчезают. Не мгновенно, а именно тают, но только за две-три секунды.

Я с холодком увидел, что и появляются из ниоткуда, сперва бледная тень, затем молочно-белое тело, похожее на кокон, затем уже полностью человек, только все это за пару секунд.

— Эй, — сказал я дружелюбно и заулыбался пошире, человек с улыбкой вроде бы нравится всем, — привет, дорогие друзья!.. И не дорогие — тоже...

Никто не откликнулся, хотя пару раз я понимал, что видят, однако все проходят, быстрые в движениях и целеустремленные.

Испуганный еще больше, я пошел с оглядкой, впереди стена высотного дома без всякого перехода превратилась из сверкающего камня в нечто чудовищно странное: рыхлая пористая глина, как мне показалось, хотя все такая же высокая, вершина скрывается в лиловом низком небе, но из самой стены теперь торчат пучки травы, неопрятно и комьями.

Напрягшись, я прикоснулся к ближайшему стеблю, ничего не случилось, я осмелел и попробовал дернуть на себя. Пальцы соскочили, словно пытаюсь ухватить скользкую рыбину, но я с холодком понял, что даже не коснулся этого стебля, он словно окружен тонкой пленкой твердого воздуха.

Люди все видят меня, но лишь бросают взгляд и проходят мимо. От одного, слишком быстрого, я не успел отстраниться, он ударился в меня... так мне показалось, но через мгновение исчез, у меня оставалось впечатление сквозняка, пронзившего внутренности.

— Господи, — охнул я, — это что, я в мире призраков?... Эгей, люди, вы живые?

Они продолжали сновать по своим делам, жутко сосредоточенные, с мрачными лицами, иногда все разом ускорялись, я едва успевал заметить, как все проскакивают из конца улицы в конец за доли секунды, но бывали моменты, когда весь мир замедлялся и все двигались едва-едва.

Я бродил, изо всех сил стараясь отыскать то, что пригодится или будет хотя бы зацепкой, но с холодком во всем теле понял, что весь их мир постоянно сокращается.

Город на самом деле не так уж и бесконечен, как показалось вначале, я прошел несколько благополучных кварталов, громадных и чудовищных, а дальше пошли те, что я назвал неблагополучными: все такие же нечеловечески громадные, но странно изуродованные чудовищными силами: оплавленные, с прожженными неведомой мощью в стенах дырами...

Мороз, что вздымает на моей шкуре волосы, пробирался под кожу и стал кусать суставы. Я почувствовал, что начинаю стучать зубами. Думал, что сейчас ночь, глядя на эту черную стену за городом, но сейчас увидел: если это и ночь, то вечная, абсолютная, после которой не останется ни материи, ни времени, ни пространства...

Эта ужасающая черно-лиловая стена приближается не так уж и медленно. На моих глазах коснулась каменных плит и металлических конструкций, начался распад, исчезновение, а потом все это поглотит Хаос, черный и... нет, даже не черный, просто хаос, в котором нет ничего, даже цвета, додумывается в моем запаниковавшем мозгу, который не может себе вообразить Ничто...

Среди прохожих внимание привлекла женщина,

немолодая, с бледным лицом и трагически расширенными глазами. Я смотрел на нее и не понимал, чем отличается от остальных. Наконец сообразил, что все как бы в одеяниях, а на этой одежда, различаю покрой и даже цвета, хотя и они переходят один в другой, но преобладает все равно серый, как у всех.

Она шла красиво и с гордой обреченностью во взгляде. Я засмотрелся, она даже не повела на меня глазом, но когда проходила мимо, наши плечи соприкоснулись...

...да, они прошли насквозь, но стегнула короткая резкая боль, будто заныли там все нервы. А еще плечи прошли одно сквозь другое медленно и с трудом, как две толпы, бегущие резво друг другу навстречу, столкнувшись, долго расходятся, задерживаясь на каждом шагу.

Я услышал ее тихий вскрик, она обернулась и оставалась, глядя на меня расширенными глазами. Я тоже замер, боль быстро утихает, но незнакомка явно видит по моему лицу, что и для меня наше столкновение не прошло незамеченным.

Я вскрикнул торопливо:

— Наконец-то!..

Она пошевелила губами, но я ничего не услышал, она поняла по моему лицу, что ее слова остались в ее мире, заговорила отчетливее, но я видел только двигающиеся губы.

— Давай еще!.. — крикнул я. — Старайся!.. Я же вижу... между нами почти нет помех...

Мне казалось по ее обреченному лицу, что она осознала тщетность попыток, вдруг решительно взяла меня за руку.

Боль стегнула по нервам, и тут же я услышал:

— ...за нами... сколько вас...

По моему лицу она поняла, что у нее получилось, отдернула руку, лицо ее стало бледным.

Мимо все так же ходят люди, в нашу сторону никто и не смотрит, разве что кто-то проходит совсем рядом, все серые и все больше похожи на призраков.

— Я один! — крикнул я, хотя уже начал понимать, дело не в мощности вопля, но все равно старался докличаться. — Я пришел... не отсюда!..

Она снова взяла меня за руку, я догадался по ее лицу, что меня она слышит и без телесного контакта.

— Откуда?

И снова отдернула руку, на лице появилось выражение отчаянной надежды.

Я ответил уже без крика, это о победах кричим, а о беспомощности шепчем:

— Из своего мира! Но... как... не знаю!

Она ухватила меня за руку и почти сразу отдернула, успев спросить:

— Там война?

— Нет, — ответил я уже громче. — Поднимаем хозяйство, экономику, промышленность... Ты меня понимаешь?

— Да, — ответила она, прикоснувшись к моей руке одними кончиками пальцев. — Да!.. Как хорошо!

— Что хорошего? — спросил я. — Здесь все гибнет?..

— Последний бастион, — сказала она быстро. — Порождение Хаоса пожирает наш мир... Все потеряли надежду и смирились... Я тоже... Но появился ты...

— Я не спасатель, — ответил я. — Я сам не знаю, как меня сюда занесло...

Она встрепелулась:

— Занесло? Значит, это у вас есть?

— Но работает криво, — ответил я. — В грозу был сбой, вот и занесло не знаю куда...

Ее глаза заблестели восторгом, щеки покрылись румянцем, она вскрикнула счастливо:

— Значит, у вас все есть... А я смотрела на твою одежду дикаря...

— Это дань предкам, — сообщил я. — Традиции надо чтить. Но все равно я не представляю, как мне обратиться обратно. Там я, понимаешь ли, важное лицо, уже отвык своими ручками... а сервы на что, спрашиваю?

Она опять коснулась меня одним пальчиком, почти не поморщилась, сказала торопливо:

— Быстрее ищи!.. Это спасет не только тебя!

— А что здесь случилось? — спросил я.

Она сказала так же быстро:

— Не бойся, мы не заразные!.. Когда начался... наши Великие Маги... но только наш город... источники иссякают... гибнут... Хаос пожирает пространство...

— Значит, — предположил я, — вы сумели переместить во времени целый город?.. Круто...

— Осталось несколько кварталов, — объяснила она, — да и те...

— Ясно, — сказал я. — Что делать будем?

Она прокричала:

— Беги за мной!

Двигалась с такой скоростью, что я хоть и понесся, как олень, удирающий от сэра Растера, но она дважды останавливалась, ожидая меня в нетерпении, наконец вскрикнула:

— Ты что, потерял спайд?

— Я даже не знаю, — прокричал я, — что это!

Она показала на браслет, плотно охватывающий ее запястье.

— Такое!

— Откуда, — сказал я, запыхавшись, — у нас другие технологии магии! Более продвинутые как бы!

У здания с обугленной стеной под ногами сухо захрустело, она ловко вбежала в искореженный проем, где навстречу торчат ощеренные обломки конструкции.

Мне показалось, что здание вот-вот рухнет, уже покачивается и скрипит, как трухлявое дерево, здесь внизу все разрушено, а сверху давит страшная тяжесть...

Она выглянула, в нетерпении протянула ко мне руку, но я и так знал, что хочет облаять за черепаховость, нагнулся и протиснулся в щель, чувствуя, как вот-вот меня раздавит, как муху.

В холле все разрушено в том смысле, что сожжено, испепелено, затем восстановлено, снова сожжено, и так несколько раз, дико смотрится на стене грубо вытканый гобелен со сценами охоты на мамонта, а рядом изысканный подсвечник из чего-то настолько странного, что я мог бы предположить, что это овеществленное время или спрессованные бозоны.

Вместо свечей жарко горят столбики света, такого же размера, как и свечи, однако не могу предположить, как можно яркий луч света обрезать так аккуратно: вот до этого места светит ярко, а дальше его просто нет.

Она яростно разбрасывала полуразрушенное, выскочила в другую комнату, там гремело и трещало, я услышал яростный вскрик:

— И здесь... тоже!

Мы выбежали и понеслись дальше, я запыхался, в боку колет, непонятно, что она ищет и на что надеется, но в то же время она единственная, с кем могу хоть как-то.

Я старался не отставать, прокричал на бегу:

— Тебя как зовут?

Она крикнула, не оглядываясь:

— Хиксана Дэйт!

— Хорошее имя, — крикнул я. — Красивое... Бизонов Хикса ты придумала?

Она не ответила, впереди квартал под натиском хаоса тает на глазах, пусть не так быстро, как глыба сахара в горячей воде, но все же метаморфозится, ибо дома то ли так устроены, то ли по структуре своей должны уметь саморемонтироваться, но я видел удивительную вещь, как великолепное здание из перестроенного пространства или времени, я так и не понял, под натиском Хаоса стремительно менялось, теряя с фасада украшения, но ошестиниваясь бронированными плитами, сверкающими щитами плазмы...

В одном месте изнемогающий дом из белоснежной стены сделал грязную и ржавую монолитную плиту от основания и до крыши, без окон и малейших выступов, превратившись в несокрушимую цитадель, так показалось мне, но чувствами я понимал с горечью, что Хаос не остановить...

Однажды увидел еще более удивительное: волна хаоса отхлынула на время, отодвинутая каким-то космическим течением, и тут же в мертвом пространстве начали стремительно вырастать стены дома, сразу с защитными щитами, дикого вида излучателями и трансформаторами материи, однако Хаос подступил снова, как девятым валом безбрежный океан, стены дрогнули и начали крошиться, таять, превращаясь в пар, в ничто...

В стороне дома-башни наклонило вовнутрь квартала, я присмотрелся, понял, что не только дома, сама земля на краях приподнялась, а страшное лиловое небо, как отражение земли, закрывает квартал таким же куполом, уже начинает крушить высокие гордые шпили.

Некая чудовищная сила сворачивает пространство в тугую ком, этот квартал, похоже, последнее из их мира...

Ноги мои стали ватными, я замедлил бег и приготовился остановиться, но Хиксана оглянулась, лицо разъяренное.

— Быстрее!

— Там нас накроет, — крикнул я жалко.

— Здесь тоже!

Я подбежал трусой к ней, прохрипел, задыхаясь:

— Что ищем?

Она несколько раз открывала и закрывала рот, я не слышал ни звука, хуже того, она сама начала таять, но заметила ужас на моем лице, собралась и, вернувшись в прежнюю форму, проговорила:

— Святи... ли...

Я сказал быстро:

— Святилище?.. Убежище?

Она прислушалась, какие-то мои слова все-таки прорываются в ее мир, она замедленно кивнула.

— Да... Не отставай!

Еще вбегая в помещение, я ощутил по сильнейшему покалыванию по всему телу, что здесь перенасыщено чудовищной энергией, для меня это подобно радиации, разрушающей клетки тела.

Я крикнул в тревоге:

— Здесь смертельно опасно!

Она, не отвечая, пинком разбила ящик, казавшийся мне несокрушимым, он разлетелся вдребезг, но обломки еще не успели упасть на землю, как она схватила широкий, тускло поблескивающий металлом пояс с очень широкой круглой пряжкой, закрывающей живот.

— Вот! — вскричала она победно. — Это сработает!

— Что? — крикнул я. — Мне больно, я ухожу!..

Она ухватила меня за руку:

— Сожми меня крепче!

— Может, — крикнул я, — не здесь?

— Дурак, — крикнула она яростно. — Быстрее, ди-карь!.. Все рушится!

Над нами раздался треск, повторился, я в ужасе ощутил, что здание не выдержало своего чудовищного

веса и рассыпается на глыбы, которые уже набирают скорость...

Я ухватил ее, сжал, преодолевая боль во всем теле. Вспыхнул свет, я успел увидеть, как здесь в ускоренном свете все рушится, а затем черные волны Хаоса дробят и превращают в ничто даже время и материю.

Глава 2

Свирепый удар подошвами о твердое. Я вскрикнул от боли в пятках и упал, покатился. Обеими руками прижимаю к груди красное платье, а еще тихо звенят покотившиеся по полу кольца и браслеты.

В голове туман, перед глазами пелена, однако это мой кабинет в Савуази. На пол опускается легкий пепел, в воздухе легкий аромат ее волос, но все, что осталось от странной женщины, — платье, пояс и украшения.

Во всем теле странная ноющая боль, словно каждая клеточка зудит и требует, чтобы ее почесали, да не просто так, а поскребли остервенело ногтями. Суставы словно бы распухли, и я долго лежал на полу, уговаривая свой организм постараться, а я отблагодарю, накормлю и напою, как голодного кабана...

Дверь с треском распахнулась, словно в нее ударил астероид. Влетело огромное черное тело, я не успел пикнуть, как насело сверху, теребило, катало по полу, облизывало и пинало твердыми, как копыта, лапами.

— Бобик, — прохрипел я, — ну ты и слон... раскормили все-таки... поубиваю...

Он слез, но скакал вокруг так, что не ухватиться, пришлось подползти на четвереньках к стене и подняться, цепляясь за нее, как плющ.

Переведя дыхание, подобрал платье, пояс, браслет

и даже кольца, что старательно и с недоумением обнюхивал Бобик.

— Пока что спрячем, — пробормотал я. — И ты никому, понял? Пусть у сэра Вайтхолда не возникает лишних вопросов. Надо трудиться аки пчелка божья и не ломать голову над тем, над чем даже боюсь задумываться.

В коридоре послышался тяжелый топот, звон металла. Я приосанился, сделал нужное выражение лица за секунду до того, как в распахнутые двери заглянули несколько встревоженных лиц.

Я сказал утомленным голосом государственного деятеля:

— Да, собачка прибежала. И как вы угадали?.. Закройте двери.

Двери поспешно и с великой осторожностью приоткрыли, по ту сторону началась приглушенная суматоха, а я вынул руки из-за спины и рассматривал браслет.

Удивительно легкий, странный металл, весь из таких мельчайших звеньев, что скорее их угадываю, чем вижу. Растягивается так, что можно бы и на ногу слона, я попробовал надеть на руку, обхватило плотно, словно на меня и делали, и только тут я спохватился, осторожный такой на лестнице, что если он из другого мира, то как бы и я не того, вслед за Хиксаной Дэйт...

...с другой стороны, вещи уцелели, переход из одного мира в другой разрушил только сложные структуры. Я уцелел, видимо, за счет регенерации, хотя, возможно, сработало что-то еще, но сейчас важно то, что я успел вовремя выскочить из гибнущего колдовского мира.

Бобик понюхал браслет достаточно равнодушно, на меня поднял взгляд детских коричневых глаз в недоумении, дескать, что такого в нем интересного?

Я несколько раз вздохнул глубоко, с опаской по-

смотрел в зеркало. Лицо бледное, волосы дыбом, в глазах страх, даже губы подрагивают, в таком виде надо прятаться в темной комнате под одеялом, иначе репутация будет испорчена безнадежно.

Осваиваясь и напоминая себе, что я здесь и никто с меня моих обязанностей не снимал, я пригладил волосы, еще раз посмотрел в зеркало, достаточно ли напустил на себя выражение государственной значимости.

Стражи выпучили глаза, это уже не те, что заглядывали, зато вышколенные Гиллебердом слуги у стены напротив даже не вздрогнули, только поклонились и застыли в таком положении.

— Вольно, — сказал я. — Вайтхолда ко мне. Быстро!

Вайтхолд вошел привычно осторожно, все время помня, что теперь он — правая рука, по крайней мере, во дворце, за это время похудел еще больше, его прежняя сухощавость переходит в аскетичность, но лицо серьезно, а взор прям.

Остановился с поклоном и ждет не двигаясь, пока Бобик обнюхает и сообщит, что чист. Я все еще собирался с духом, сердце начинает колотиться, как только вспомню, из какого ужаса выскочил, хотя всего лишь шкурку подпалил, ничего серьезного.

— Барон, — сказал я сумрачно, так легче скрывать, что иногда все еще потряхивает.

— Ваша светлость...

— Ваше высочество, — уточнил я. — Теперь можно так, ибо расту, расту. Так что кому-то придется кланяться еще на дюйм ниже. Но для вас я — сэр Ричард, как и для всех друзей. Что-то вы похудели... Не пугайтесь, это я отеческую заботу проявляю таким странным образом. Как вижу, город и даже дворец еще не подожгли, хвалю. Что-то за это время особенное случилось?

Он смотрел исподлобья.

— Нет, но...

— Но что?

— Вы же прибыли, — сказал он несколько настороженно, — теперь начнется... Народ собрать?

— Вы читаете мои мысли, — восхитился я. — Это опасно.

— Только это займет время, — предупредил он.

— Почему? — удивился я. — Они же раньше спали прямо во дворце! Или уже нашли себе теплые постели в других домах?

Он посмотрел с неодобрением:

— Ваша свет... ваше высочество, какие постели? Сейчас уже полдень. Это ландесфюрсты до обеда могут...

— Могут, — согласился я. — Хорошо, что я не какой-нибудь там ландесфюрст или вообще гроссфюрст!

Он посмотрел на меня опасно.

— А кто вы на этот раз, ваше... то самое? Уж не Господь ли сразу?

— Нет, — ответил я скромно, — и даже не папа римский. Я — гранд королевства Варт Генц! А ландесфюрстов всяких заставим арбайтэн, арбайтэн, нечего им спать... Кстати, пригласите тогда уж и лордов Вигфрида и Аттельстана.

Он вздрогнул.

— Господи, а их зачем?

— Герцоги же, — объяснил я.

Он в недоумении развел руками:

— Ваша свет... тьфу... ваше вели... ой, ваше высочество... о, вроде верно, ваше высочество! Ага, точно попал!.. Но они же сражались и после того, как Гиллеберд был убит!.. Не опасно ли?

Я сказал недовольно:

— Опаснее, когда сидят, как хомяки в норах. Пусть работают, а не заговоры заговаривают.

Он насторожился:

— Есть сведения?

— О заговорах? — уточнил я. — Нет, но если людям нечем заняться, то либо по бабам, либо революцию... Чем-то надо загрузить, раз уж почему-то живы, и по-прежнему это они владеют огромными богатствами, а не мы.

Он кивнул:

— Хорошо. Герцог Вигфрид, кстати, здесь, в Савуази, по каким-то делам.

— А второй?

— Аттельстана, — ответил он, — искать надо в его владениях, а те по всей стране...

— Подумать только, — сказал я враждебно, — богаче короля!

Он посмотрел в недоумении, не понимая, в каком месте смеяться, все-таки у многих лордов земельные угодья больше королевских, да и сами они побогаче, что вполне естественно. Королями становятся не по размеру земель.

— Что-то еще? — спросил он. — А то у меня бумаги на подпись...

— Пока все, — ответил я. — Вели собраться и давай пока бумаги. Посмотрю, какие схемы придумал для разворовывания моей... гм... народной собственности. И отмывания незаконно собранных налогов.

Он посмотрел с недоумением.

— А мы их разве собираем?

— Будем, — пообещал я зловеще.

— Тогда и придумаем, — ответил он. — Схемы.

— Какие?

— Разные, — пообещал он.

— Ничего разворовывать не будем, — твердо сказал я. — Мы ж не президенты какие на два срока! Мы — короли, а какой дурак у себя ворует?

...Народ собрался к вечеру, довольно именитый народ, я из окна видел, как во двор влетел на горячем коне диковатого вида Каспар Волсингейн, с ним двое горцев, тоже в накидках мехом наружу, лохматые и звероватые, но под шкурами видны добротные кольчуги.

Оба соскочили на скаку, ухватили коня виконта под уздцы, а тот спрыгнул легко и пошел к главному входу.

Барон Саммерсет прибыл вместе с виконтом Рульфом, оба сосредоточенные, но оживленные, сразу начали шарить взглядами по окнам. Баннерный рыцарь сэр Геллермин прибыл в одиночку, кстати, надо бы ему хоть виконта дать, а то один из моих приближенных, и все еще безтитульный...

Земля задрожала, когда на полном скаку пронесся в сторону дворца от ворот всадник на огромном тяжелом коне, каждая нога толщиной с дерево, грива настолько густая и длинная, что просто нечто эпическое, хвост не уступает, да что там грива и хвост, ноги от копыт и до колен тоже укрыты густыми волосами.

Он покинул седло солидно, высокий и широкий, весь в металле, только забрало поднято, передал, не глядя, повод коня в чьи-то руки и пошел неспешными широкими шагами.

В кабинете хлопнула дверь, я обернулся, сэр Вайтхолд уже стоит на пороге, очень сдержанный и правильный.

— Ваша ми... — проговорил он и торопливо ударил себя по губам, — что это я говорю? Ваша све... ваше святей... ага, ваше высочество, вот снова не сразу попал!.. Кого из местных тоже?

Я сказал хмуро:

— В Турнедо у нас, как видите, дорогой друг, ситуация с этим хуже некуда. Это в Сен-Мари сразу нашли

сторонников... В общем, кроме лордов Вигфрида и Ательстана, которые могут и не прийти на зов, кликните еще Бальзу и Ортенберга.

На его лице отразилось отвращение.

— Насчет Ортенберга еще понимаю, но Бальзу...

— Он и мне весьма неприятен, — признался я. — Но если уж взвешивать их по полезности, то Бальза куда более ценен. Мы с вами в таком муравейнике, что как нас еще не загрызли!

Он возразил с неудовольствием:

— Но мы же управляем?

— Мы?

Он поправил себя:

— Как-то же все идет?

— Заслуга Гиллеберда, — сказал я. — Надо же, можно половину деталей сломать, что мы и сделали, а машина все еще работает! Вот это прочность.

— Готовился к войне, — сказал он понимающе, — вот и учел. Но что-то вы все чаще этого врага хвалите...

— Похваливая противника, — сказал я мудро, — косвенно хвалишь себя.

Народ, очень даже вельможный народ, собрался сперва внизу в большом зале, а потом сэр Вайтхолд спустился к ним и торжественно сообщил, что его высочество гранд Варт Генца милостиво приглашает их в малый зал на второй этаж, где король Гиллеберд обычно проводил совещания.

Заинтригованные, они поспешили наверх по широкой лестнице, я видел, как торопливо переговариваются, спрашивают у Вайтхолда, однако тот с верблужьим выражением вечного покоя смотрит на них сверху вниз, только на Клементу Фитцджеральда с его ростом не удастся, как жаль, но тот ошарашен не меньше других.

Я торопливо вернулся в мой кабинет, он сразу за дверь, но туда пускаю лишь самых избранных и не такой толпой. Слышал, как они входят, и хотя в комнате широкий стол на двенадцать персон и кресла с обеих сторон, однако никто не садится.

Бальза на своем месте хорош, когда я вышел из кабинета и пошел по короткому коридорчику к малому залу, церемониймейстер громко и вдохновенно прокричал:

— Его высочество Ричард!

Еще громче и торжественнее пропели трубы, это на всех этажах сейчас знают, что сэр Ричард куда-то пошел, надо прятаться. Или, наоборот, постараться попасться навстречу и поклониться особенным образом, вдруг заметит.

Я вошел быстро и решительно, в зале под обеими стенами стоят мои и не мои вельможи, впрочем, все мои, даже если еще об этом и не знают.

Они разом поклонились и застыли в этом положении.

— Лорды, — сказал я.

У трона я остановился, медленно повернулся к ним лицом. Они начали распрямлять спины, на лицах готовность слушать меня, какую бы чушь ни понесло мое уже высочество, и я, окинув всех тяжелым державным взглядом, медленно опустил в кресло.

Рядом с моими лордами стоят, почти соприкасаясь рукавами, но не смешиваясь, лорд Вигфрид, Бальза и Ортенберг. На их лицах тщательно скрываемое недоумение, благородные люди не выказывают такие примитивные чувства так уж открыто.

Я сказал властно:

— Надо бы послушать сперва всех вас, что тут и как без меня, но, вижу, особенных изменений не произош-

ло, что кого-то радует, а меня... не очень. Но тогда сообщу некоторые новости я.

На их лицах все то же выражение настороженного внимания, только лорд Вигфрид бросил осторожные взгляды по сторонам, как бы еще раз стараясь понять, почему он здесь.

— Могущественные лорды Варт Генца, — сказал я, — снова пытались уговорить меня принять королевскую корону!.. Я отказался еще раз, однако сердце мое беспокоит, ибо у них вот-вот снова вспыхнет гражданская война. Вон лорд Вигфрид злорадно улыбается, я его понимаю, но все-таки давайте зароем топоры войны!.. Им надо помочь, а не вредить. Мы же христиане?..

Сэр Клемент прогудел осторожно:

— Ваша свет... тьфу, ваше высочество... не на вас, это я вообще, но чем помочь можем мы?

Вигфрид пробормотал:

— Да и зачем?

— Титул гранда, — сказал я, — и все атрибуты этого звания мне вручили после того, как я согласился принять верховную власть в Варт Генце. Нет-нет, не королевскую! Я согласился управлять Варт Генцем в течение года. Правда, я выговорил практически абсолютную власть, так как для предотвращения гражданской войны и вывода страны из экономического кризиса меры должны быть быстрыми, жесткими и решительными. Здесь потерять день — потерять все. Потому я имею право действовать, не собирая советы мудрецов. Правда, через год я отчитаюсь...

Я видел на их лицах тревогу и сочувствие, Клемент проговорил тем же тяжелым низким голосом:

— Но если что не так... Хотя вы все сделаете правильно! Вас не упрекнут...

— Надеюсь, — ответил я так, чтобы все слышали и

скрытую тревогу, неуверенность и колебание. — Но справляться я намерен с вашей помощью.

Они смотрели с тем же сочувствием, и только на лице Бальзы проступило новое выражение.

Клемент шевельнулся, но раньше него преданно сказал барон Саммерсет ясным голосом верного васала:

— Все, что понадобится! Только прикажите!

— На ваши плечи ляжет, — сказал я, — прием новобранцев из Варт Генца. Срочно стройте военные тренировочные лагеря, обучайте обращаться с оружием. Сэр Клемент!

Клемент, выпятив грудь, сделал гроыхающий шаг вперед.

— Ваше высочество?

— На ваши плечи, — сказал я, — ляжет снабжение их доспехами, конями. И обучение, конечно.

— Слушаюсь, — прогрохотал он.

Некоторое время я продолжал раздавать указания, распределял обязанности, наконец увидел, как шевельнулся застывший было столбом лорд Вигфрид.

— Ваше высочество, — спросил он учтиво, — можно вопрос?

— Для того и собрались, — ответил я. — Все неясности утрясем прямо сейчас!

— Ваше высочество, — повторил он, и я чувствовал, как он произносит эти слова, прислушиваясь к их звучанию, сложил оружие он к ногам курфюрста, а тут уже гранд, а мои соратники приняли это как должное, никаких криков восторга. — Ваше высочество... а зачем нам их обучать?

— Учение — свет, — сказал я.

— Но... чтобы снова напали?

Ортенберг сказал негромко в поддержку лорда:

— Вы ведь там только на год?

— Все верно, — согласился я. — Через год я уйду. Но та земля останется к нам дружественной! Разве за год мы не сумеем это сделать?.. Посмотрите на Бальзу!.. Он уже не сомневается и уже прикидывает, как связать наши королевства неразрывными узами!

Все обратили взоры на эту гору жира, Бальза торопливо поклонился и вскричал тонким пронзительным голосом:

— Ваше величест... ой, простите, ваше высочество!.. Конечно же, я сегодня же начну договариваться, какие рудники мы у них начнем разрабатывать в уплату за обучение и новобранцев!.. И еще, раз уж вы там гранд, то по той части реки, что проходит через их земли, можно будет пустить наши корабли с товарами и лесом без всяких пошлин и сборов...

Я кивнул, вскинул руку, прерывая:

— Хорошо, хорошо, даже отлично! Так все и сделаем. И кое-что еще, но эти мелочи обговорим потом. Главное же сейчас...

Лорд Вигфрид кашлянул, все обратили на него взоры, а он спросил очень вежливо:

— Ваше высочество, но если война кончилась, зачем готовить новую армию? Потери вартгенцев были не столь уж велики. Пополнять можно обычным порядком, добирая людей в уже существующие отряды...

Все обратили взгляды ко мне, у всех в глазах тот же вопрос. Я сказал с чувством:

— Вы добрый христианин, лорд! И вы не хотите войны, как и все мы. Обещаю вам, войны между Варт Генцем и Турнедо больше не будет! Но если бы все остальные люди и народы последовали нашей миролюбивой политике... Однако на островах в океане разрастается Великое Зло, что время от времени запускает щупальца в наш мир и пытается отравить его своими отвратительными миазмами. Я получил от папы рим-

ского благословение на святой крестовый поход во имя Христа за веру, за церковь, за свободу, за недемократические ценности всех людей на свете!

Глава 3

Они смотрели сперва ошалело, потом глазки заблестели, на лицах начало проступать выражение понимания и поддержки.

Герцог пробормотал:

— Великое дело затеяли... Пронести по всему миру святые недемократические ценности. Под силу ли?

— Мы не узнаем, — ответил я, — пока не попытаемся. Разве вам не хочется повести победную армию на гнусный развращенный Юг, где правят одни мерзкие колдуны?..

— Ну... об этом даже мечтать не решаемся.

— Юг далеко, — возразил Ортенберг, чуточку осмелев.

— Все сперва кажется далеким, — изрек я мудрость, — а начнем мы хотя бы с островов, откуда недавно был такой невиданный натиск всякой мрази. Мы бы не выдержали, скажу честно, если бы не подоспели две армии из Турнедо!

Вигфрид спросил с недоверием:

— Рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда?

Я кивнул:

— Верно.

— Я слышал, — пробормотал он ошарашенно, — что они прошли туда, куда намеревались... но уже как ваши подданные, но не поверил сперва...

— Они покрыли себя неувядаемой славой, — подчеркнул я. — Реабилитировали себя как искусные пол-

ководцы и военачальники. Население королевства Сен-Мари встретило их как героев и спасителей! Рейн-графа и стальграфа местные вельможи засыпали дарами, солдат разбирали по домам, поили, кормили и тоже совали им подарки, ибо там королевство очень богатое.

Он завистливо вздохнул:

— Им просто повезло оказаться на южном направлении фронта.

— А если бы вы там оказались? — спросил я с интересом. — Воспользовались бы моим предложением?

Он подумал, покачал головой:

— Вряд ли.

— Ну вот, — сказал я, — значит, дело не только в везении. Победа над пиратами говорит о том, что мы очень вовремя успели управиться здесь. Если бы затянули еще на пару дней... королевство Сен-Мари было бы захвачено! И нам выход к океану отрубили бы.

Он спросил с сомнением:

— Но... как выйдем даже после такой победы?

Я сказал усталым голосом:

— Вам подробно расскажут о небывалом флоте, который я строю в Сен-Мари на берегу океана. Эти гигантские корабли легко пересекут океан, им не страшны бури и штормы. И на каждом корабле поплывет не меньше тысячи солдат, которые смогут разместиться со всеми удобствами.

Он вскрикнул:

— Таких кораблей не бывает!

— Первые уже построены, — сообщил я. — Сейчас новые люди обучаются ими управлять. Скоро флот будет готов выйти в море и задать всем жару.

— Господи, — проговорил он.

— Нужно, — закончил я, — чтобы к этому времени

были готовы и мы. Не вы лично, это ваше решение, я так, вообще.

Он застыл и смотрел на меня, не зная, что сказать, но по мучительно искривившемуся лицу любой догадается, что перетерпевшему унижение и позор сдачи в плен страстно хотелось бы как-то реабилитироваться в победных боях, как получилось у двух командующих армиями на южном фронте.

Я сказал дружески:

— Давайте забудем, что мы недавно были противниками. Война окончена, перевернем эту страницу. Турнедо живет, экономика после небольшого спада рванулась вверх. Не в последнюю очередь, как вон наверняка заметил наш Бальза, из-за того, что с грохотом рухнули таможенные барьеры на пути со странами-противниками. Так что, по большому счету, Турнедо в этой войне выиграло!

Герцог покачал головой, экономика его не касается, а вот возможность снова принять участие в войнах и очистить свое имя наверняка уже долбит темя.

— Ваше высочество, — произнес он вежливо, — располагайте мною. Я могу принять участие в строительстве лагерей на своих землях и дам лучших своих командиров для обучения.

— Прекрасно, — сказал я обрадованно. — Прекрасно!

— Хотя я не уверен...

— Вы работаете на свою страну, — перебил я. — А приносить мне присягу верности я не требую.

Он поклонился, но голос его прозвучал озадаченно:

— Вы странно... щедры. И непонятно великодушны...

Я отмахнулся:

— Не люблю никого принуждать, лорд Вигфрид. Со мной здесь все добровольцы, не заметили?

Он посмотрел по сторонам на добровольцев-бес-

сребреников, что, придя за мной, ничего не получили, кроме земель, титулов и богатства, а это вообще для мужчин неважно, хотя со стороны бывает завидно...

— Благородные люди, — согласился он. — Ваше высочество, повторяю твердо и неколебимо, вы можете на меня рассчитывать!

— Спасибо, дорогой герцог.

— Я не буду отсиживаться в своих землях, — сказал он. — А если и поеду по делам, то вызывайте при первой же необходимости.

— Спасибо, — повторил я. — Вы увидите, с нами соскучиться невозможно. На всякий случай, если кто из местных не в теме, сообщаю, флот строится ускоренными, да, темпами. Все королевство проливает пот и слезы на ударной стройке столетия!.. Отстояв от пиратов гавань, мы прорубили окно в океан, но когда из бухты выйдет наш великий и могучий, считайте, что окно расхренякали до размеров двери, куда и верблюд пролезет, что зря пытался через игольное ушко..

— А команды откуда? — спросил Вигфрид. — Управлять такими махинами, как вы рассказали, это же я просто не знаю...

— Ордоньес из кожи вон лезет, — сообщил я. — Это мой адмирал флота. Как и его матросы, что теперь все станут высокими чинами. Может быть, даже капитанами. Кстати, сэр Вайтхолд, запишите...

— Ваше величество?

Я сделал вид, что не заметил шуточку, сказал деловым тоном:

— Из прибывающих из-за Большого Хребта новобранцев лучшую часть отправлять в Тараскон.

— Во флот?

— Да. Проследите, чтобы равные доли... Эх, ладно, это я лучше в Геннегау распоряжусь, чтобы проследили, а вы тут заранее отбирайте лучших для флота.

Он спросил настороженно:

— Турнедцев?

— Турнедцев, — сказал я, — вартгенцев, скарландцев и любых, что вызовутся добровольцами. А в Генегау добавляют еще и сен-маринцев, армландцев и фоссановцев.

Они молчали и поглядывали друг на друга, потом сэр Каспар прошептал так тихо, что затрепетали огоньки свечей, а на стенах вздулись, как от сильного ветра, гобелены:

— Сэр Ричард... но это же почти империя...

Я посмотрел на него люто.

— Тихо. И никому ни слова.

Он ответил тем же громогласно-потрясенным шепотом:

— Я никому-никому!.. Это вырвалось... потому что в голову только что пришло.

Сэр Геллермин пробормотал:

— А мне уже приходило, но страшился о таком и подумать. Слишком как-то... и быстро.

Барон Саммерсет произнес степенно:

— Такие дела только быстро и делаются. Если медленно и неспешно... кто бы нам из соседей позволил? А так не успели глаза со сна продрать, почесаться и назеваться, как их и накрыли мокрым одеялом.

Я сказал строго:

— Но пока о таком забудьте, иначе... тьфу-тьфу!.. все гавкнется. Даже между собой чтоб не хрюкали на эту тему, ясно?

— Тьфу-тьфу, — ответил сэр Клемент.

— Тьфу-тьфу, — подхватил сэр Каспар и поплевал через плечо на сэра Геллермина.

— Тьфу-тьфу, — присоединился к ним сэр Геллермин и перекрестился.

— Тьфу-тьфу, — барон Саммерсет поплевал через

плечо на сэра Геллермина, перекрестился и показал две фиги себе за спину в сторону подсматривающего дьявола.

Я хлопнул себя по лбу:

— Ах да, еще одна проблема... нет, не проблема, мелочь, но неприятная, все время о ней вспоминаю... В Армландии у меня был заклятый враг Хоффман. Он сбежал в Турнедо, где король Гиллеберд одно время поручил ему командовать немалым войском.

Герцог сказал настороженно:

— Мы слышали. Но потом как-то все затихло.

— При известии о захвате столицы и гибели короля, — сказал я, — войско вроде бы разбежалось. Или Хоффман сам его распустил... Он не трус, но хитрая и осторожная тварь! Я предпочел бы видеть его на плахе. В общем, наведите справки. Он не мог исчезнуть без следа.

Бальза сказал льстиво:

— Но вы-то умеете...

— Нам не нужно двух таких умельцев, — отрезал я. — И так с самим собой толкаюсь, иногда догоняю и в спину бью, а потом смотрю, что это же я себя... Еще нужно создать крайне необходимую для любого культурного и гуманного общества, идущего по пути цивилизации и высокой культуры, некую важную организацию, без которой культура существовать просто не может...

Сэр Каспар, утомившись слушать мою витиеватую речь, спросил грубо:

— Что за организация? Тюрьма?

— Тюрьма у нас уже есть, — сказал я, — и по мере роста культуры она все ширше и глыбже, а виселицу мы расширили до трех петель, а сейчас думаем модернизировать до пяти, хотя висеть будут тесновато...

— А им не все равно?

— А чувство прекрасного? — парировал я. — Мы же вешаем не для них, а для зрителей! И развлечение, и воспитание наглядной агитацией, что жить нужно по Божеским законам, ибо если Господь все простит, то мы, Его помощники, ну ни в жисть! Потому на виселице, эшафоте, плахе или других воспитательных местах все должно быть красиво и соразмерно. Красота в пропорциях, как сказал Пифагор, был такой кулачный боец, хоть и простолюдин... Но мы отвлеклись малость, как мы всегда делаем, когда мимо проходит с вот такими...

Барон Саммерсет начал радостно оглядываться:

— Где?

Я указал на него кивком:

— Видите, с кем приходится работать? А вы хотите немедленно в Царство Небесное... Так вот, чтобы его построить, нам нужно создать еще одну важнейшую структуру...

Сэр Клемент, самый тугодумный, пробормотал задумчиво:

— Да уж, пять петель... гм... слишком. Придется расширять и сам помост. Так что за организация?

— Плаща и кинжала, — объяснил я.

— А-а-а, — протянул он, — это да, понятно. А что, у нас ее еще нет?

— Увы, — ответил я. — Если иметь в виду свою, а не оставшуюся от Гиллеберда.

Он воскликнул с презрением:

— Что мы за примитивы, если умеем пользоваться только чужим?.. А еще о культуре разговорчики!

— Мы только создаем общество, — объяснил я. — Как раз нам выпала честь создавать новую формацию с человеческим оскалом, где ожидается небывалый взлет культуры, гуманизма и приток инвестиций, а в этом случае без плахи... тьфу, плаща и кинжала никак, как вы сами понимаете..

— Никак, — подтвердил лстыиво Бальза. — Но если будут выделены достаточные средства, то можно начинать создавать.

— Используйте старые проверенные кадры, — велел я. — Этим мастерам все равно, кому служить, а тут еще и Гиллеберда нет, у них совесть совсем чиста... ну, насколько она может быть чиста у людей этой профессии и политиков.

— С какого отдела лучше начинать? — спросил сэра Вайтхолд.

— С разведки, — ответил я. — Нам нужно знать обо всем, что делается за пределами нашего королевства. Контрразведку чуть позже, мы тут столько посуды побрили, что не скоро поднимут головы.

— А разведку куда нацеливать?

Я посмотрел с неудовольствием.

— Как только гроза прошла, так о ней и забыли? А если вернется?.. Мы же не в Сен-Мари, что укрылся за Большим Хребтом! Тут совсем недавно армия Карла разгуливала...

Лорд Вигфрид помрачнел, подтянулся, Бальза и Ортенберг огляделись по сторонам, словно Карл уже в комнате.

Барон Саммерсет сказал тревожно:

— Это да. Мы к Карлу приблизились весьма...

— И ничего о нем не знаем, — сказал я жестко. — А знать нужно. Вдруг он снова поднимает армию в великий поход?

Глава 4

Отпустив лордов, пусть перетрут между собой мои повеления и установки на светлое будущее для всего человечества и для них в особенности, я пару часов заново входил в курс дел, разбирая и подписывая указы,

что подсовывал мне сэр Вайтхолд. Хотя память пока еще ни с кем не изменяет, однако надо всякий раз заново вживаться, прочувствовать, что важно, а что действительно важно.

Главное, на эйфории побед и раздаче имений, поместий и титулов нужно как можно незаметнее проводить эту громоздкую реформу армии, а также сбора налогов. Собственно сбора налогов, а уж благодаря ему и реформу армии, ибо теперь содержать буду я, если все получится, а на содержание понадобятся деньги, которые крупные феодалы королям ни в одной стране не предоставляют во избежание усиления последних.

Я сказал приподнято, уже умею так при любом случае:

— Сэр Вайтхолд, я намереваюсь завтра-послезавтра отбыть в Варт Генц. А если не получится из-за вас, чепухистых, то через недельку точно.

Он изумился:

— Снова?

— Разве я не гранд? — просил я.

— Да, но Савуази грандее...

— Надо малость пограндствовать и там, — объяснил я, — а то вроде обманул их, как могут подумать.

Он изумился:

— А вы их не обманули? Правда?

Я покосился сурово, он смотрит расширенными в изумлении глазами и с распахнутым ртом.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — государи никогда не обманывают. Подчеркиваю, никогда! Но, конечно, если обстоятельства меняются, то приходится какие-то мелочи корректировать даже в одностороннем порядке...

— Теперь понял, — сказал он задумчиво. — Сколько же старых слов в новом значении... Корректировка, надо же... Хорошо, ваша светлость, мы все выполним!

Я спросил с подозрением:

— А разве я что-то приказывал?

— Нет, — ответил он, — но мы ничего и не выполним! Все честно. Даже без корректировки.

— Размечтались, — сказал я саркастически. — Я на вас столько работы навалю, хребет треснет. И сам сверху сяду... А это что за бумага?... Кто такой этот сэр Уильям Джефферсон? Что-то знакомым тянет, не могу вспомнить... И этот Энтони Чарльз Линтон... Что у меня с мозгами, какое-то дежавю... Они что, снова сговорились напасть на соседа, что на востоке? Мол, у него земли слишком много, надо делиться?

— Да, ваше вели... тьфучество, что-то и у меня с памятью, никак не запомню! Вы не могли бы притормозить с титулами?

— У самого в глазах мелькает, — признался я, — но жизнь такова, что либо вверх, либо вниз. Бывает же, что не сам выбираешь, а тебя выбирают?

Он фыркнул:

— Бывает? Да у меня, как и у всех, так постоянно. Всегда. Жизнь несет, как по реке, а хватаешься только за воду. Только перед глазами мелькают совсем не титулы... Ужинать здесь будете?

Я махнул рукой:

— Да, вели подать прямо на канцелярский стол.

— Но это же немыслимое нарушение придворного этикета и распорядка...

— Буду подавать пример, — сказал я, — как надо работать! И вообще этикет для человека, как сказал Иисус, а не человек для этикета.

Вообще-то трапезу могу еще лучше состряпать сам, благо возможности только увеличиваются от тренировок, но не стоит в глазах слуг выглядеть чернокнижником, ведь про удобства думают прежде всего они, а добрым христианам любы аскетизм и воздержание...

Сэр Вайтхолд удалился, вместо него слуга вскоре внес на блюде ломоть жареного мяса и спросил, что подать еще.

— Достаточно, — ответил я. — Государь должен быть воздержанным в пище и притязаниях.

Он удалился, я бросил мясо под стол, там лишь один раз коротко щелкнули челюсти, смачно чавкнуло, и снова тишина.

Я наделал сочного мяса, сыра, запил большой чашкой кофе, перевел дыхание и сказал Бобику:

— Охраняй кабинет. А я разомну задние лапы.

В зале сэр Вайтхолд, барон Саммерсет, виконт Каспар Волсингейн, виконт Рульф и еще несколько знатных сановников переговариваются вполголоса и посматривают на меня с некоторым опасливым ожиданием.

Я сказал бодро и приподнято, как должен говорить и выглядеть отец народа:

— Ну-ну, заговор? Выкладывают! Обещаю казнь через простое усекновение головы, а не вытаскивание кишок через отрезанную мошонку.

— Вы так добры, ваше святейшество, — пробормотал барон Саммерсет.

Пульф толкнул его в бок.

— Его высочество, — прошипел он.

— Чего? — не понял Саммерсет.

— Его высочество, — прошипел тот громче, чтоб слышали и на другом конце зала, — а не святейшество!

Саммерсет удивился:

— Я так сказал? Ох, простите... Сэр Ричард сегодня выглядит таким милостивым, таким одухотворенным, я уж понадеялся, что и грехи нам отпустит...

— Только перед казнью, — предупредил я. — А так чего буду стараться? Отпущу, а вы тут же снова, не сходя с эшафота...

— Ох...

— Дорогие друзья, — сказал я и потер ладони, что для них понятно: я очень доволен, а это значит, что довольны будут и они, все-таки мы один боевой отряд, спаянный уже крепче, чем родные братья. — Я сообщу для вас потрясающую новость: жизнь хороша!

Они смотрели на меня настороженно. Барон Саммерсет спросил опасливо:

— Правда?

— У нас громадные перспективы, — продолжал я довольным голосом.

Волсингейн заметил настороженно:

— Хорошее начало, значит, дальше будет палкой по голове...

Я сказал с укором:

— Такова ваша вера?

Волсингейн перекрестился.

— Вы имеете в виду Господа Бога?

Я перекрестился еще размашистее и посмотрел по бедно, дескать, а так можете? А я могу еще и через ногу.

— В Господа мы все верим, — ответил я твердо. — Он тоже верит в нас. Хотя и не во всех, конечно.

— Но вы уж замолвите за нас словечко, — сказал сэр Вайтхолд подхалимски. — За сэра Каспара не обязательно, а за нас с бароном хорошо бы...

Волсингейн оскорбился:

— Почему это за меня не обязательно? Я что, совсем пропащий?

— Нет-нет, — заверил Вайтхолд, — я совсем другое имел в виду.

— Что? — спроси Волсингейн с подозрением и набычиваясь.

— Что это мы с бароном совсем пропащие, — объяснил Вайтхолд, — за нас и заступаться бесполезно,

только свою белоснежную репутацию, как вон у сэра Ричарда, портить, а вы, напротив, и так сама святость!

— С чего это я святость? — спросил Волсингейн оскорбленно. — Вы уж выбирайте слова, дражайший сэр! А то и за меньшее перчатку к задним ногам бросают!

Я прервал в нетерпении:

— Вижу по вашим речам, дела у нас идут хорошо. Но пойдут еще лучше. Я тут составил и послал папе римскому просьбу о разрешении начать Великий Крестовый Поход против сил Зла. С обоснованием, цифрами, графиками, дорожной картой и объяснением, что это нам даст. В духовном плане, разумеется.

Сэр Вайтхолд поддакнул:

— Конечно-конечно! Мы именно все в духовном плане. И неважно, что духовенства я давно не видел, мы сами — духовенство! В смысле, духовники.

— Духовные, — поправил барон Саммерсет.

Я пояснил:

— Церковь всегда была медлительна, в этом ее сила, а мы всегда бежим впереди. Если что не так, церковь скажет, что она ни при чем, это все еретики... Так что за церковь не переживайте, она подтянется. Но это единственная мощная сила, перед которой все склоняемся... и которая может держать нас всех вместе.

Волсингейн спросил с недоверием:

— Даже в нашем случае?

— В нашем особенно, — подчеркнул я. — Сколько сражений было проиграно потому, что какой-то из лордов не изволил подчиниться королю, а возжелал отдохнуть или же, напротив, вступить в бой по своему почину?..

Волсингейн сказал с негодованием:

— Сэр Ричард, у нас такого ни разу не было!

— Потому что у нас еще не устаканилось, — пояснил я. — У нас еще период бури и натиска, а я не ко-

роль, а полевой вождь. Но стану королем, от этого отвертеться не удастся, как чувствую, и начнется феодальная вольница... Король — всего лишь один из лордов, не самый богатый и не самый могущественный. Перед ним кто-то склоняет выю, а кто-то не изволит. И только перед церковью мы все смиренно смиряем головы. Потому не я, а она и поведет нас...

Вайтхолд перекрестился, за ним перекрестились все.

— Но церковь, — поинтересовался Вайтхолд таким елейным голоском, что можно поскользнуться, — это... вы?

Игнорируя выпад, я сказал очень серьезно:

— Под нашей властью оказалось слишком много земель. Это очень рыхлое образование, что не сегодня завтра развалится. Слишком уж у всех свои интересы, и никто не желает исконно-посконные права делегировать центру. Единственное, что может нас удержать вместе...

Запнулся, обдумывая, Вайтхолд спросил настороженно:

— Что? Только не пугайте так сразу, а ласково-ласково, а то у барона сердце...

— Нас может удержать от распада только превращение всех этих земель в единый рыцарский орден, — сказал я. — Наподобие тамплиеров или тевтонцев... Может быть, слышали?.. С подчинением своего эгоистического «я» высшим интересам.

— То есть, — уточнил Вайтхолд снова, — вашим?

Я посмотрел на него зверем, но ответил так же елейно:

— А я служу Господу, ибо паладин есмь. Я как бы посредник между Ним, всевидящим и всезнающим, и вами, ничего не видящими и ничего не знающими.

— А-а-а, — протянул барон Саммерсет, — а вы, значит, что-то да видите и что-то да знаете...

— Самые опасные люди, — буркнул сэр Каспар.

— Почему? — спросил любознательный Рульф.

— А кто их знает, что они там видят и как видят, — сказал Каспар. — Лучше уж совсем не зреть, чем видеть криво и говорить уверенно: все за мной и — галопом!

Я посмотрел на него сверху вниз.

— Сэр Каспар, это нужно понимать как бунт на корабле?

Он сказал предельно испуганно:

— Что вы, сэр Ричард!.. Как посмею?.. Вам-то мы верим! Все еще.

Я кивнул и прошел дальше, стоит пройтись по всем залам, показать себя, ответить на поклоны, это же обязанность сюзерена, а самому думать, как действительно удержать воедино это аморфное образование. Пока два пути: церковь и рыцарский орден с отделениями во всех королевствах и опорными замками у переправ...

Они мне верят, мелькнула мысль. Все еще. Но времени у меня не так уж и много. Прошляпил, нужно было начинать раньше. Но все делаю первый раз, а умный я, как уже не раз себе с гордостью напоминал, на лестнице, как говорят при дамах, а без них, мол, задним умом крепок, жопой думаю.

Первое, опираться и дальше нужно только на Фитцджеральда, Волсингейна, Рульфа, Геллермина и подобных им безлошадных героев или младших сыновей именитых лордов, которым ничего не обломится при разделе родительского пирога, а у меня пожить можно, еще как можно.

Правда, они тоже рассчитывают получить большие земельные наделы, выстроить роскошные замки, если там нет готовых, и стать крупными собственниками, могущественными лордами.

С другой стороны, их можно ловить на крючок, что крупных лордов я буду постепенно лишать прав, так

что выгоднее быть при мне, в этом случае у них права останутся.

Нет, это слишком откровенно. Про мое будущее усиление заикаться нельзя, это надо подавать как временное явление для военного периода, когда вся власть в интересах дела должна быть сосредоточена в одних руках, а потом, дескать, расслабимся, будем жрать и пить в три горла, наслаждаться победами.

Глава 5

На ночь Бобик посмотрел на меня преданно и лег у двери, дескать, никто не ворвется, всех порву, а утром я вылез из постели и чуть не упал, наступив на него бо-сыми ногами.

— Эй, парень, — сказал я с укором. — Уже петухи пропели!

Он открыл один глаз, посмотрел с укором, какие тут петухи, откуда, никаких петухов не бывает, и захрапел снова.

Я сказал язвительно:

— Спасибо, что в постель не залез!

Он проигнорировал сарказм, знает же, зверюга, что люблю, а я оделся с помощью ошастливленных вельмож, еще двое подвигали передо мной зеркало, я осмотрел себя и одобрил изображение, ясное и высокой четкости, хорошо, благодарю за службу Отечеству.

— Спасибо, — сказал я благосклонно, — всем изволю быть доволен. И сны хороши, государственные...

Они ушли, тоже довольные, что не побил, я убрал улыбку, снилось вообще кошмарное, вручную дрался с Хаосом, переносил город еще дальше, но с постройками удалось, а людишки остались на месте, а еще и подумал: а на фиг они мне, зато в домах пошарю, я же привык собирать трофеи...

Пока никого, вытащил из ящиков стола кольца и браслеты, очень уж странное ощущение, когда надеваю. Понятно, потом привыкаешь, перестаешь замечать, но если молодожен с неделю чувствует на пальце непомерную тяжесть и неудобство простого обручального колечка и норовит снять, то это вообще...

Не люблю загадок, потому всегда для себя, не тупоголового, а основательного, разжевываю, а то и повторяю несколько раз, но сейчас вообще не понял: был ли это город магов, вырванный в последние моменты всеуничтожающей войны из пространства-времени, или же вообще что-то странное на другой планете?

И вроде бы люди, и в то же время не совсем. И почему она так удивилась, что сумел заговорить. То ли человек, как свинья, все ест и всюду вхож, то ли это я такой красивый, других вариантов в упор не зрю, сколько бы передо мной ни прыгали и хвостиками ни махали...

Сэр Вайтхолд вошел по лорд-канцлерски важно, очень собранный и настолько деловой, что мне стало стыдно за негосударственные мысли, быстро сунул пояс Хиксаны обратно в ящик, задвинул его коленом и прикинулся, что весьма мыслю.

Он остановился и терпеливо ждет, никто не смеет заговорить с лордом первым, наконец я поднял голову и произнес устало:

— Сэр Вайтхолд.

Он поклонился:

— Ваше высочество.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — что там у вас? А то лицо у вас какое-то не внушающее. Или внушающее не то.

— Увы, — ответил он со вздохом, — другого у меня нет.

— Пока еще, — утешил я. — На государственной службе все становятся двуличными. Это специфика.

— Ваша светлость, — он начал подавать по одной бумаге, — это вот на уплату жалованья городским стражам, это расходы на содержание королевской конюшни, это заказ на изготовление новых светильников, а это о графе Керкегоре, который только что отказался выполнять ваше требование передать сбор налогов в руки королевских сборщиков.

Я вскинул брови:

— Чем он это объясняет?

— Законом, — ответил он. — Говорит, что всегда в своих владениях он собирал налоги, набирал на них людей, одевал, вооружал, кормил и содержал, чтобы в случае необходимости явиться с ними по вашему зову!

— Истинный патриот, — одобрил я. — Передайте, я горжусь им. Но эту досадную обязанность на всю подготовку к крестовому походу беру на себя, ибо вся армия должна быть вооружена одинаково, а не во что горазд одеть местный лорд, чтобы гордиться перед соседом.

Он чуть искривил в улыбке рот.

— Не интересно будет. Так все кичатся друг перед другом, у кого дружина с оружием получше, у кого в доспехах, а кто сумел одеть поярче...

— Идущие в крестовый поход, — сказал я внушительно, — все надевают одинаковые плащи и нашивают на грудь красные кресты установленного размера. Это армия, а не... ну, вы поняли. Мы вообще живем в цейтноте!.. Мне мало победы над Турнедо, мне надо еще, чтобы эту победу не отняли. Потому будем закрепляться всеми силами. Бросать якоря, пускать корни... как угодно!

— Ваше высочество?

— Тщательно отслеживайте, — распорядился я, — все людские потоки из северных королевств на юг, а также насколько активно идет проникновение южан на север.

Он фыркнул:

— Да и вообще, идет ли...

— Что, — спросил я, — совсем нет?

Он пожал плечами:

— Так, по каплям.

— Надо сделать север привлекательнее, — сказал я. — Начиная от песен про романтику севера и драконов, что там наворовали принцесс и стерегут золото, и вполне реалистичными обещаниями государственной поддержки частного бизнеса.

Он спросил с сомнением:

— Реалистичной?

— Точно, — заверил я. — Мошь нашей державы будет прирастать севером и его несметными богатствами.

— А там вправду несметные богатства?

— Даже более, — заверил я, — чем несметные. Их нужно будет только отрыть.

— Раскопать?

— Верно сказано, — одобрил я, — эх, заживем... если нас не затопчут. Еще проблема, как заставить герцога Готфрида принять корону Сен-Мари... так и так поворачиваю, но герцог слишком рыцарственен, чтобы не был лояльным до гроба...

Он буркнул тихонько:

— Дык Кейдан и так одной ногой в гробу. Я слышал, прихварывает...

Он быстро зыркнул на меня, проверяя впечатление.

Я отмахнулся:

— Нет, такое не пройдет. Я бы за, но он здоров как бык, и все это знают. А придушить втихую... не хочу пока злить императора. У меня не выходит из памяти, что если придет сюда войско, то вся наша армия поляжет, как ягнята перед стаей волков... Герцог Ульрих однажды в молодости видел их, до сих пор содрогается.

Он посопел, сказал нехотя:

— Значит, только добровольная передача короны?

— Да, — ответил я, — с какими-то немалыми гарантиями самому Кейдану. Но нам нужно действовать так, словно мы уже убедили герцога Готфрида. Тем более что король Кейдан отказывается от трона в пользу именно герцога Валленштейна...

Вайтхолд спросил с недоверием:

— Кейдан отказывается?

— Ну да, — подтвердил я, — а вы что, не знали?

Он покачал головой:

— Нет...

— Странно, — проворчал я. — Какой-то вы... Правда, я никому еще и не говорил, но все-таки вы же лорд-канцлер всего Турнедо! Должны бы знать, а то мне за вас как-то не совсем ловко.

Он сказал с неудовольствием:

— А сам Кейдан уже знает?

— Нет, — ответил я удивленно, — но разве это важно? Победную поступь истории затормозить нельзя!

— Но свернуть можно, — добавил он тихонько.

— Пусть только попробуют, — ответил я. — Сэр Ричард идет, как крокодил в посудной лавке, не пятясь и не сворачивая, а только грациозно помахивая шипастеньким хвостиком.

— А если Кейдан... гм... воспротивится?

Я изумился:

— Поступи истории?..

— Ну да, — сказал он осторожно, — такой вот, гм, крокодиловой поступи. Все-таки у него немалое количество сторонников в Сен-Мари. Одни не любят чужаков, даже если те лучше своих, другие за легитимность...

— Не любят чужаков, — проговорил я с неудовольствием, — пусть сволочь, зато свой?.. Долго еще придется выбивать эту дурь из голов, чтобы превратить че-

ловечество одного села в общечеловечество отдельно взятого королевства... Но мы постараемся! И ничего, если из некоторых голов выьем вместе с мозгами. Время сейчас хорошее, дикое.

Он поклонился:

— Ваше высочество?

— Вот видишь, — одобрил я, — уже запомнил... Хорошо, остальные бумаги оставь на послеобедье. Да и вообще хрень какая-то... Не верю, что Гиллеберд подсвечники заказывал или городской страже платил. Страже должны платить городские власти из своего бюджета, подсвечники и конюшня на Бальзе...

— А вы, — спросил он почтительно, — будете ходить, засунув натруженные лапки в карманы, и посвистывать?

— Вот именно, — сказал я. — Стратег должен мыслить! А не подсвечники заказывать. Все, пойдем завтракать. Есть хочу, глаза на лоб лезут.

Мы вышли вместе, в малом зале толкутся вельможи из местных, несколько моих лордов, что поспешили навстречу и окружили меня плотным кольцом.

— Ваше высочество...

— Ваше высочество!

Я отвечал милостивым наклоном головы, Вайтхолд сказал тихонько:

— А если граф Керкегор откажется? Если будет настаивать на своих вольностях? Есть такие, упертые..

Я подумал, спросил у сэра Каспара:

— Кто там поближе к землям местного магната графа Керкегора?

— Да сэр Клемент Фитцджеральд, — ответил тот с удовольствием. — И его люди там же в замке.

— Прекрасно, — сказал я. — Сэр Вайтхолд, запишите. Пусть дружина сэра Клемента отправится к сэру Керкегору в гости. В полном составе. И продемонстри-

рует, что надо выполнять не только мои приказы, но и пожелания.

Он поклонился:

— Хорошо, так и сделаю, но...

— Что еще за «но», когда вслух говорит моя светлость... тьфу, мое высочество?

Он заколебался:

— Даже не знаю, как сказать...

— Ну-ну, говорите!

— Да больно вы гневливы, ваше величество...

— Я те дам «ваше величество», — пригрозил я. — Что еще не так?

— Граф Керкегор очень хорош, — сказал Вайтхолд с сомнением. — И убеждать умеет. Не нужно, чтобы ваши верные люди слишком уж соприкасались с ним. А то и сэр Клемент наслушается о вольностях дворянства и начнет думать, что жить маленьким королем в своих владениях все же лучше, чем исполнять приказы большого короля.

— Нечего, — отрубил я, — поддаваться! Мои люди должны проходить проверку на прочность!.. Хотя да, вы правы, дорогой друг, а я, дурак, все еще людям верю. Сэра Клемента к нему не посылать, а разместить на землях графа Керкегора военный лагерь по подготовке новобранцев. Графу Керкегору вменить в обязанность снабжать их едой, питьем и всем необходимым. Если же заартачится...

— Заартачится, — сказал Вайтхолд убежденно. — Даже не из-за вольностей, а прокормить такую ораву будет непросто. К тому же они станут бесчинствовать в соседних селах, воровать кур и бесчестить женщин...

Мы прошли в зал, где слуги торопливо расставляют по столам последние блюда. Я отправился к тронному креслу, а сэру Вайтхолду сказал резко:

— Мелкие издержки! Подумаешь — кур воровать и

женщин брюхатить! Те и другие для того и предназначены. Если заартачится, то это уже государственная измена во время войны

Лорды следовали за нами тесной группой, жадно улавливая брызги моей мудрости.

Виконт Рульф полюбопытствовал:

— А с кем воюем?

Я зыркнул на него, как лев на антилопу.

— Ускоренная подготовка к войне уже почти война!.. Хорошо, вот иная формулировка: измена во время военного положения! Всякий, кто начнет отстаивать свои суверенные права, играет на руку врагу, которому так необходима наша разобщенность и всякие демократические свободы.

Он спросил тихонько:

— Какому врагу на этот раз?

Я посмотрел на него зверем:

— Всякому! Враг не дремлет, слышали?.. Нет?.. Ну что за непуганые, враг всегда не дремлет и всегда мечтает!.. А у нас враг всегда коварный, хитрый и подлый, что не соблюдает никакие договоры! Потому мы с ним и не заключаем, а если заключим, то не будем соблюдать тоже, кто соблюдает с такими?.. Это что за порция? Вы что, не видите, кто здесь сидит?

Испуганные слуги принесли целиком зажаренного оленя, я милостиво указал, откуда и сколько отрезать для такого прожорливого, и пир начался, ибо в присутствии сюзерена любая трапеза считается пиром.

Глава 6

После обеда сэр Вайтхолд намеревался снова завалить меня мелочовкой, я напомнил строго, что я и он уже не лорды поместий, где в самом деле порой каж-

дую овцу считаешь, а мы уже ого, теперь нужно ставить управителей, а над ними еще одних, самим же только проверять, как работают.

— А я, — закончил я мудрую сентенцию, у меня они все мудрые, — пошел как бы мыслить и думать. О тайнах вселенной, разумеется!.. И бытии в целом. Ибо я — стратег.

Он сказал ошарашенно:

— Да, ваше высочество, да... Как-то забываю, что вот так хозяйство резко увеличилось... Вам хорошо...

— Сэр Вайтхолд?

Он сказал неуклюже:

— Вы ж наверняка империями управляли... В прошлой жизни, имею в виду.

— А то как же, — согласился я. — И Темными, и Светлыми, и всякими... Даже Великой Эльфийской и Величайшей Гагандской... хорошо, идите, но сперва челюсть подберите с пола.

Оставшись наедине с собой, самым интересным и умным собеседником, я открыл ящик стола, взгляд упал на тонкое колечко, браслет и свернутый в тугое кольцо пояс, все, что осталось от Хиксаны. Продолжая думать над тем, как из простолюдинов создать верное мне войско, я взял колечко, покатал в ладони, смутно дивясь его легкости, словно его и не существует, а так, видимость одна, или же это я вообразил, что у меня в ладони что-то лежит.

Вряд ли налезет даже на мизинец, у нее пальцы были совсем тонкие, но, к моему удивлению, вошло без всякого труда, колечко не давит, но обхватило плотно.

Удивленный, я стащил, тоже легко, попробовал надеть на безымянный, и тоже с той же легкостью. Заинтригованный и обнаглевший, попытался с большим пальцем... тот же результат!

Наверное, сумел бы и сам в него влезть, но к чему

мне такой странный пояс, потому снял и водрузил на безымянный, подвигал им, рассматривая. Мягкий блеск серебра, приглушенный, не бьющий нагло в глаза, как у дешевых вещей...

Вошел сэр Вайтхолд, я сжал руку в кулак, пряча колечко, хотя у него самого колец и перстней на обеих верхних конечностях по три штуки, но даже он не так уж и весьма, некоторые лорды носят не то что на всех пальцах, но на безымянных или средних по два-три. Так что я совсем скромник, кто бы поверил.

— Сэр Вайтхолд, — произнес я.

— Ваше высочество, — ответил он смиренно.

— Сэр Вайтхолд, — спросил я, — самый главный вопрос: как идет сбор налогов?

— Весьма успешно, — ответил он с облегчением. — Даже более чем. Я, правду сказать, и не надеялся.

— Это как?.. — уточнил я. — В самом деле начали шевелиться?

— Вы не поверите, — ответил он с поклоном, — действительно начали начинать, если позволено будет так сказать..

— Не будет позволено, — отрубил я. — Уже должно быть в разгоне. Мы не можем позволить себе промедлений!

Он сказал серьезно:

— Да? Тогда действительно все ускоряется, ваше высочество! Как скажете.

— Хорошо, — проворчал я, — тогда сегодня убивать не буду. Следите ежедневно! Если хоть один лорд откажется, ссылаясь на старинные права и привилегии, помните, что мы — завоеватели. Все старые правила отменяем, а новые введем попозже. Пообещайте, что вольностей дворянства и привилегий будет еще больше!

Он изумился:

— Так и сказать?

— Так и сказать, — подтвердил я. — Самое интересное в том, что я не вру. Вольности будут!.. Что там за крики снизу?

Он посмотрел с укором.

— Ваше высочество, ну что же это, как не пир?

— С какой стати?

— В честь вашего возвращения.

Я фыркнул:

— Завтра отбуду в Варт Генц, устройте еще пышнее и веселее. И на столах будете плясать голыми!

Он посмотрел на меня с укором:

— Ваше высочество, как можно? Мы будем скорбеть о вашем отбытии. И только чтобы сгладить горечь, пригласим женщин. Вот они и будут танцевать на столах... возможно, без заметно отягощающей одежды, ведь женщины — существа слабые, хрупкие...

Я посмотрел на него очень пытливо, этот гад скопировал меня и умеет нести чушь с таким же уверенным видом, пламенем в глазах и патетическим тоном.

— Я уже послал церкви сигнал, — сказал я зловеще, — что и здесь нужно укрепить мораль. Так что ждите скоро приезда священнослужителей всех рангов. Будут вам танцы на столах!

Он сказал испуганно:

— Тогда сегодня ночью нужно успеть до упаду. Чтоб потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Ваше высочество, вы почтите пир в вашу честь?

Я подумал, махнул рукой.

— Только совместим пир в честь моего приезда с пиром в радостную честь моего отъезда. Кстати, все забываю спросить, вам было поручено выстроить здание фактории в милостиво указанном мной месте. Все сделано?

Он изумился:

— Правда, было такое приказано?

— Да, — сказал я резко, показывая, что не до шуток. — И чертеж вам рисовал!

— Ах да, — сказал он, — мне б вашу память, ваше высочество!

— Все сделано?

— Конечно, — сказал он убежденно. — Прикажете разрушить?

Я посмотрел на него строго:

— Зачем?

— Да так просто, — ответил он. — Вроде бы снова военные действия... Вы по ним скучаете, верно?

— Ничуть, — отрезал я. — Готовьте пару телег с хорошими рессорами. И отправите самых доверенных... Можно виконта Рульфа, а то он, смотрю, уже звереет от безделья.

Он спросил осторожно:

— Что нужно забрать?

— Кольчуги, — сообщил я.

Он охнул:

— Господи, гномьи кольчуги?

— Не гномьи, — поправил я сварливо, — а наши. Зачем нам гномьи?

— Простите, ваше высочество, — воскликнул он, — я имел в виду — скованные гномами! Говорят, их не только ничем не пробить, даже магия не берет!.. Верно?

— Мы так и договаривались, — сообщил я. — У гномов своя магия, магия металла. Потому эти бородачи и обрабатывают его с такой легкостью. В общем, снабдим нашу гвардию. Сперва тех, что охраняют дворец, чтоб ощутили важность быть при мне, затем начнем отправлять в действующие войска.

Его глаза стали круглыми, я нахмурился, он сказал просительно:

— А нам... вашим верным соратникам? Можно будет?..

Я изумился:

— Кольчуги?.. Я для вас заказал рыцарские доспехи! Если сами не решитесь спускаться в их кузницы, хотя это совсем рядом с адом, хоть посмотрите, где потом ждать Страшного суда, то запишите очень точно свои размеры и передайте.

Он сложил руки на груди ковшиком.

— Ваше высочество, вы истинный отец народа!.. И даже простолюдинов... наверное. Деньги из казны брать или нам самим расплачиваться?

Я проворчал, стараясь не выказывать свое полное довольство:

— Какие деньги? Я им отдал в концессию Опаловую гору. За это кольчуги, а рельсы за отдельную оплату.

Он переспросил, услышав незнакомое слово:

— Рельсы?

Отмахнулся:

— Не берите в голову, сэра Вайтхолд. Владения наши расширяются. Можно всю жизнь проторчать на одном конце и не узнать, что делается на другом. Но, конечно, я этого не позволю. В общем, готовьте обоз, возчиков, я сам дам инструкции. Вот сопроводительное письмо тому, кому вы поручите доставку заказанного...

Я протянул руку, готовясь взять со стола бумагу, и сам сперва не понял, что случилось, некое неприятное жжение в кончиках пальцев, и затем сам похолодел, когда рассмотрел, что мои пальцы прошли сквозь бумагу, углубившись по первые фаланги в столешницу из мореного дуба!

Сэр Вайтхолд почтительно ждал, я отдернул руку, стараясь даже в этой ситуации держать лицо и выглядеть, да, помолчал, это солидно и государственно, хотя

на самом деле просто страшился, что дам петуха, все-таки перетрусил так, что все внутри трясется.

— Как бы вот так, — проговорил я задумчиво, даже не проговорил, а пробормотал как бы про себя, так легче контролировать голос. — В этом важном разрезе и смысле... ибо сие! Стратегически амбивалентно, но если размышлять с высоких позиций, что нам всегда свойственно... да, я бы так и сказал, что естественно...

Сэр Вайтхолд почтительно ждал, не решаясь прервать мои немисливо мудрые мысли о великом, судя по сложным конструкциям речи, явно не просто мудрость крупного государственного деятеля, а подлинное озарение, что постигает немногих.

Я перевел на него взгляд, изумился:

— Вы еще здесь? Вон возьмите сопроводиловку, она сверху, и топайте-топайте! Работать все-таки надо, а не только наслаждаться общением с моим замечательным высочеством!

Он поклонился:

— Ваше высочество...

Едва за ним закрылась дверь, я с шумом вздохнул, с опаской, даже со страхом посмотрел на бумаги, собрался с духом и осторожно приблизил к ним палец.

Ничего не произошло, но когда я попробовал прижать ее пальцем, моя фаланга до половины ногтя погрузилась в бумагу и, что совсем уж жутковато, в стол. При этом ощущение такое, что отсидел эту часть пальца, сразу забежали мурашки...

Хиксана, мелькнула мысль. Когда мы соприкасались, было точно так же. Может, потому, что на ней было это кольцо? Или потому, что она точно была не из прочего растерянного люда, а явно одна из тех, кто еще боролся и пытался спасти их мир, одна из последних Великих... или хотя бы крупных, значительных магов?

Передохнув и набравшись отваги, я приблизился к стене и попытался засунуть в нее палец, а потом и всю кисть. Снова огненные мурашки, но, когда я попробовал пошевелить там, в толще камня, пальцами, все-таки удалось, хоть и с трудом, словно сунул их в застывающий мед.

Я воспрянул духом, мышечная активность не нарушается, а что чувствую себя, как в вязкой глине, то понятно, все равно здорово, это же какие возможности!..

Некоторое время прикидывал всякие варианты, что это мне даст, но в голове каша из тысячи взаимоисключающих мыслей, только и понял, что из тюрьмы удрать смогу.

Сэр Вайтхолд вошел, взглянул вопросительно. Мне показалось, что я его совсем недавно отправил трудиться, подумаешь, лорд, церковь у нас старательно внедряет идею, что перед Богом все равны, следовательно и лорды должны арбайтэн.

Он остановился у двери и молчит, я сказал малость раздраженно:

— Дорогой друг, если видите, что я в данный исторический момент не записываю некую мудрую мысль, которых у меня просто несметное количество, то можете говорить сразу, а не ждать, когда я подниму свою отягощенную сами знаете чем голову с высоким лбом и ясным взором и обращаю на вас глубокомысленный взгляд, исполненный... в общем, вы поняли. Ну шо там?

Он ответил с поклоном:

— Аббат Дитер, ваше святей... высочество. Весьма!

— И зело?

— Весьма зело!

Я вздохнул:

— Зови.

Аббат вошел, зорко поглядывая на меня и легонько кланяясь, готовый поклониться и ниже, если выражу

неудовольствие, а так понимает, что мне эти знаки покорности ни к чему, у меня и так бразды в кулаке.

— Аббат, — сказал я. — Сэр Вайтхолд, можете идти. Да-да, можете!

Аббат после ухода сэра Вайтхолда поклонился еще раз.

— Ваше высочество...

— Что привело вас во дворец?

Он сказал с торопливой деловитостью:

— Во-первых, я хотел бы поинтересоваться, как проходит перемещение между двумя столицами?

Я спросил хмуро:

— У вас там счетчик?

— Какой счетчик? — осведомился он.

— Не знаю, — ответил я. — Может быть водяной, паровой или ртутный. Про электрический молчу, хотя могли б, конечно...

Он смотрел очень заинтересованно.

— Вы меня пугаете, ваше высочество, — ответил он негромко. — Да, вы правы, у нас замечается падение энергии, когда кто-то из братьев совершает такое... путешествие. Но мы не думали, что можно поставить некое устройство, чтобы считало количество перемещений...

— Можно даже настроить на массу тела, — сказал я. — Думаю, перенести шуплого монашка легче, чем таких лосей, как мы с вами, ваше преосвященство.

Он улыбнулся, реагируя на шутку:

— Да, вы правы... Кстати, я прибыл, чтобы предупредить вас еще о некоторых нежелательных моментах.

— Слушаю...

— Не стоит, — сказал он, — перемещаться сильно пьяным. Нагрузка и так велика, а тут еще организм ослаблен. Не нужно перемещаться больным...

Я кивнул, добавил безразличным тоном:

— Не нужно также, думаю, перемещаться в сильную грозу.

Он насторожился:

— Почему?

— Сильные разряды электричества, — сказал я, — это та сила, что заключена в вашем агрегате. А в грозовой туче ее еще больше, может вызвать помехи. И тогда занесет совсем не по адресу.

Он вздрогнул, зябко повел плечами.

— Такие ужасы рассказываете... Хотя, конечно, что-то в этом есть. Гроза помешать может... наверное, так что лучше избегать, вы правы. Только, что занесет куда-то, это маловероятно.

— Почему? — спросил я. — А если эти агрегаты до Войны Магов стояли на каждом углу? И где-то сохранились еще?... Скажем, заваленные на большой глубине?... Закинет туда, а обратно не выбраться...

Он снова вздрогнул, в глазах появилось отсутствующее выражение, словно вспоминал нечто или видел перед внутренним взором не совсем приятные моменты своей работы.

— При испытаниях, — сказал он с трудом, — трое наших братьев-монахов исчезли.

— Погибли? — вырвалось у меня против воли, хотя уже чувствовал, что ответит аббат.

Он покачал головой.

— Только Господь ведает, — прошептал он, — куда они попали... Господи, не дай им умереть такой ужасной смертью!..

Он перекрестился, сложил ладони ковшиком у груди и пробормотал короткую молитву. Я помолчал, отдавая должное первопроходцам, здесь лабораторными мышами не отделаешься, приходится сразу, как раньше на себе испытывали прививки от чумы, холеры, испанки, заражения крови...

— Может быть, — сказал я, — еще вернутся. Починят там... и вернутся.

Он перекрестился, но на меня поглядывал уже испуганно, с ожиданием в глазах.

— Как ваши ощущения? — и добавил сразу извиняющимся тоном: — К сожалению, пока не удается сделать... комфортным. Но мы уверены, что раньше все было гораздо удобнее, если такое слово подходит. Перемещались наверняка и достойные люди, а у них обычно здоровье уже не то, что у молодежи...

— Наверняка так и было, — согласился я. — Думаю, постепенно отладите технологию.

Он смотрел пристально, и вид у него был такой, что хотел бы сказать нечто, но не решается, а я помогать не стал, в некоторые разговоры лучше не влезать, выпутываться потом непросто.

— Мы... стараемся улучшить, — произнес он неуверенно.

— Это хорошо, — сказал я великодушно, — а что вы хотели спросить во-вторых?

Он с неловкостью улыбнулся.

— Мы готовы предоставить еще одно устройство перехода, ваше высочество. Только укажите, где изволите установить.

Я поежился, воспоминание не из самых радостных, сказал в сомнении:

— Если у вас все готово, то перепроверьте еще разок и начинайте готовить для перевозки.

— Сделаем!

— А я пока подумаю, где установить.

Он поклонился:

— Прекрасно, ваше высочество. Мы очень рады, что вам очень понравилось. Не смею злоупотреблять вашим вниманием, я тут же поспешу готовить наших мастеров.

Он откланялся и удалился настолько быстро, что я не успел сказать, что не так уж мне и понравилось, грубовато пока весьма в перемещениях, но он, похоже, рассчитал каждое слово и каждый жест в разговоре, так что придется ставить и третью установку...

...хотя ее можно будет использовать для особо доверенных людей. Или гонцов. А мне теперь что-то летать даже больше нравится. Хотя на большие расстояния уходят часы, но, возможно, здесь есть еще какие-то резервы...

Глава 7

В малый зал, где собираются наиболее приближенные, я вошел быстро и уверенно, задавая тон. Все склонились в поклоне, я впервые отметил, что именно так кланяются королю. Хотя гранд от короля не так уж и далеко, но какое-то должно быть и отличие...

Или же, что вероятнее, понимают, что тот, кому предлагали корону, но не взял по своей воле, все равно возьмет когда-то, разве что выторгует условия лучше.

На узких столах расставляют сладости и вино, пир не предусмотрен как таковой, но всяк может подкрепить силы чашей вина, конфетами, сдобными пирогами или булочками с медом.

В окна падают узкие лучи света, но из-за толстых стен освещают совсем крохотные участки пола, так что свечи горят как на люстре, так и на столах в изящных подставках.

Гости стоят по два-три человека, степенно беседуют, но если верховные лорды никого не замечают, кроме себя, то феодалы поменьше суетливо зыркают по сторонам, для маленького человека сейчас масса возможностей быть замеченным.

К моему удивлению, присутствовал даже герцог Ательстан, огромный и толстый, как только под ним пол не прогибается, как молодой лед, на меня посмотрел со странной смесью недоброжелательства и покорности судьбе, мол, если будет отсиживаться и дальше, то сам вычеркнет себя из общественной жизни и возможности на что-то повлиять, а вот так, хоть и без комфорта, но все-таки лорд Вигфрид прибыл, участвует, даже в Совете Лордов...

Я сам подошел к нему, обратился с сочувствием и доброжелательностью:

— Герцог, я ценю вас как истинного патриота. Вы можете рассматривать меня как захватчика, но признайте, что это Гиллеберд напал на маленькую и беззащитную Армландию! Он просто не мог предположить, что сопредельные короли создадут союз и выступят вместе против акта неоправданной агрессии. Лишь потому я здесь. Но, как видите, отношусь к местным реалиям с уважением и почти ничего не меняю.

Он возразил с тяжелым вздохом:

— Что-то да меняете... Да не по мелочам, что замечают в первую очередь, а меняете нечто более важное.

— Что?

Он посмотрел на меня с ухмылкой:

— Вы знаете. Но большинство просто не видят.

— А почему вы им не скажете?

Он пожал плечами:

— Момент у вас больно удачный. Кто возразит? Армию вы еще не распустили... Никто, как вижу, не уехал обратно в Армландию... Иногда мне кажется, удача — это такое же нечто вещественное, как вот ваши сапоги. Или как рост, цвет глаз или размер ушей. Вот у вас эта удача есть, а у меня, скажем, нет.

Я фыркнул:

— Это вы так культурно меня дураком называете?

Он поморщился:

— Ну зачем же так прямо в лоб... Но вы должны признаться, что вам частенько сопутствует банальная удача. Под вами лед только трещит, а под другим ломается.

— Пусть быстрее свою жопу носят, — посоветовал я. — Или пузо не отращивают, тогда и под ними не провалится. И вообще, сэр Аттельстан, какое-то у вас пессимистическое видение! То, что дураки называют удачей, на самом деле продуманный расчет! Иногда плод долгих размышлений, иногда мгновенное решение... но и оно на чем-то основано! Нет-нет, я не о себе даже, дорогой друг, но мы же христиане! Господь создал для нас прекрасный мир, но дальше мы с ним должны управляться сами. И если засрем, то никакая удача не поможет!

Он пробормотал:

— Да это я понимаю, но что вы все на глобальность переводите...

— А как иначе?

Он огрызнулся:

— Я говорил, что вам везет. Лично вам. Другой бы голову сломил...

— Падать тоже надо уметь, — сказал я наставительно. — Но лучше, конечно, падать отсюда в небо. Растопырься, как птицы. Если уж разбиться, то о небесную твердь!

Гости начали подходить ближе, а то мы все вдвоем, неприлично даже, сюзерен обязан распределять высокое внимание между всеми высокопоставленными подданными.

Я широко улыбнулся:

— Дорогие мои! Как мне с вами хорошо, поубивал бы всех. Но, увы, труба зовет, Господь смотрит и всех нас видит, кто чем занимается. Ему сверху видно все.

Это вы Его гнева не боитесь, бесстрашные вы мои, а я вот страшусь, потому прямо сейчас отправляюсь в Варт Генц нести тяжелую ношу призванного варяга-управленца. А с вас спрошу, не сколько кто выпил и сожрал, про баб тоже умолчу, но про дела и свершения спрошу со всей строгостью демократического режима с авторитарным оттенком!

Бобик в нетерпении распрыгался, что это я собираюсь так долго, уже и арбогастр, забыв о своем невозмутимом аристократизме, начал гневно ржать и бить копытом.

Кроме своего вооружения, я захватил и все, что досталось от Хиксаны Дэйт, разве что платье оставил в ящике стола. Вообще была мысль бросить в огонь, но рука не поднялась, нутром чую и высокую шедевральность самого материала...

Во двор вывалила целая толпа провожающих, я всем улыбался, вождь должен быть бодр и весел, у дикарей вообще убивали, если вожак болен и печалится, а мы еще те дикари, все наши с идиотскими приклеенными улыбками так и ходят, так и ходят, как гуси, важные, сытые, всем довольные...

Я сказал приподнято, с таким видом, что прям щас готов в победный танец Великого Щастя:

— Спасибо, что проводили! Но дальше я дорогу как бы знаю...

Сэр Вайтхолд спросил с тревогой:

— Как бы?

Я потрепал по шее арбогастра:

— А вот оно на што?.. В Варт Генце у него друзья, только скажи, что туда едем, сразу ржанет и помчится. Ого, видите, как ушами зашевелил? И морда, морда довольная?

— И глаза хитрые, — проговорил мощно сэр Клемент Фитцджеральд.

— В хозяина, — подтвердил виконт Рульф.

— Ладно-ладно, — сказал я бодро, расставаться нужно в таком приподнятом тоне, — не сожгите стра-ну, не передеритесь...

Сэр Геллермин ответил так же бодро:

— А спалим, так с вами другую завоюем!

Все довольно заржали, в самом деле чувствуют себя такими лихими и удалыми. Уже забыто, каких усилий, крови и пота, тревог и страхов нам это стоило.

Я красиво вскинул руку, улыбнулся широко и щедро, арбогастр рванулся в галоп, но я был готов и не ухватился позорно за луку седла, хотя спина от усилий оставаться ровной болезненно заныла.

Ветер засвистел в ушах, сердце стучит тревожно и радостно, в душе шем пополам с подъемом, а впереди неутомимый и радостный Бобик, что обожает мчаться вот так не меньше, чем лежать под столом и принимать от любимого хозяина вкусности.

Проскакивая в стороне от дорог, увидел группу вооруженных людей на дороге, окруживших пару повозок. То ли мародеры, то ли таможенники, останавливаться не стал, все равно те и другие будут упразднены, то ли росчерком пера, то ли повешением — неважно. Мое дело повелеть, а нижестоящим нужно исполнить быстро и четко, никакой волокиты и коррупции не допущу, это теперь мой большой огород...

По дорогам, вздымая пыль, маршируют в сторону юга, пока не в ногу, конечно, крепкие рослые парни, набранные из разных племен. Я как воочию увидел их возвращение, крепких и обросших тугими мышцами, прокаленных походной жизнью, умеющих обращаться с оружием.

Четверть из них вернутся конными, в Гандерсгейме

резвых скакунов хватит. Лучших из лучших коней отберем у местных, а кто посмеет пикнуть — таких на кол, горе побежденным!.. Не я на вас напал, отважные вы мои кочевники, так что в праведном гневе возмездия могу весьма круто умиротворить вас, выбить воинственный дух.

А из кого выбить трудно, выьем вместе с жизнью...

Я перетерпел долгий и довольно тягостный путь, любой становится тягостным, как только теряется новизна, и снова начал думать о способах ускорения. Подземный Вихрь бы, но пока найдешь достаточно глубокие шахты или расщелины, проще доскакать или долететь...

Наконец мимо пошли города и села Варт Генца, я перевел дыхание, наконец знакомые стены. Зайчик и здесь пронесся таким аллюром, в то же время ухитрившись никого не сбить с ног, что нас рассмотрели только перед королевским дворцом.

Стражники бросились принимать коня, Бобик проигнорировал их и весело понесся к ступенькам, пугая встречный народ.

Я передал повод арбогастра в протянутые руки и хозяйски двинулся во дворец, а впереди уже помчались слуги. Я слышал испуганно-восторженный вопль, что вернулся Ричард Завоеватель, вот идет там сзади, свиреп и грозен...

Это я-то свиреп и грозен, мелькнуло у меня. Знали бы, какой я на самом деле зайчик трепетный, но жизнь такая кусабельная, что надо вот делать вид, что страшнее меня нет на свете бандита и разбойника, сразу начну вешать, если что не по мне, сразу уважение и трепет возрастают...

В коридоре, что ведет к королевскому кабинету, слуги уже выстроились вдоль стен, даже не дышат,

стражники в блестящих доспехах и с копьями в руках застыли у двери.

— Здравствуйте, ребята, — сказал я.

Они так растерялись от того, что наследник Фальстронга их заметил, что даже не проревели извечное «Рады стараться!», а я толкнул дверь и вошел в кабинет, где ничто не изменилось, словно в мое отсутствие никто и не заходил.

Вошел с кипой бумаг в руках и остановился в смиренной позе ожидания сэра Клифтон, все в том же оранжевом с черным, лицо суровое и непроницаемое, на груди все так же сдержанно и с достоинством поблескивает золотая эмблема короля.

Из-за его светлых глаз и неторопливости мне он всегда казался некой сонной рыбой, что не делает ни единого лишнего движения, однако все просчитывает, и когда говорит или двигается, то всегда к месту.

— Сэр Клифтон, — обратился к нему я.

— Ваше высочество, — ответил он с поклоном.

— Сэр Клифтон Джонс, — произнес я со вкусом, — хорошо звучит! Доверенный слуга Его Величества, его личный секретарь... и вообще патриот, это я о том эпизоде, когда вы при попытке переворота спасали королевские бумаги и печати...

— Ваше высочество?

— Это я к тому, — пояснил я, — что, будучи патриотом, вы способны и на самостоятельные действия по спасению, упрочению, продвижению и благоденствию. То есть в мое отсутствие вы не откладываете срочные дела до моего возвращения, а что-то да решаете... Верно?

Он поклонился, развел руками:

— Только неотложные, ваше высочество. И что в моей компетенции. В вашу я вторгаться не осмелился.

— Прекрасно, — сказал я. — Тогда давайте сразу те, что требуют моего высокого и зело мудрого внимания.

— Спасибо, ваше высочество, — ответил он ровным голосом. — Вот, прошу вас.

Я охнул и опасливо покосился на бумаги.

— Что, так много?

— Было в десять раз больше, — ответил он невозмутимо, — остальное разобрал сам и... принял меры.

— Господи, — сказал я с ужасом, — вы, наверное, и к бабам не ходите?

— Ваше высочество, — сообщил он суховаато, — я женат. У меня четверо прекрасных детей.

Я покачал головой:

— Счастливцев... Но только не сорвитесь, а то у таких, благополучных, если что-то соскакивает, вообще идут вразнос. Потому что не прививали иммунитет малыми дозами... Та-а-ак, это что за перечень?

— Земли лордов, — сообщил он, — которые поддерживали мятеж Эразма. В этой стопке те, что были убиты, в этой — живы, но виновны, а это вот отдельно с делами тех, кто был с принцем Марсалом, перешедшим на сторону Гиллеберда.

Я указал на стол, где он разложил бумаги по стопкам, отодвинув их на разные края, чтобы я не перепутал.

— Хорошо, — сказал я, — буду знакомиться. Решение приму позже. Завтра-послезавтра, а то и через неделю. В таких делах спешить рискованно, можно невинного обидеть. Что-то еще?

Он ответил ровно:

— Да много всякого, но вы пока знакомьтесь с этими делами, это самое важное.

— Хорошо, — сказал я. — Итак, все за работу! Я тоже.

Он отступил к двери и еще раз поклонился:

— Ваше высочество.

— Когда мое высочество зовет, — сказал я, — можно помнить и о своих столь важных для каждого интересах, но когда зовет Господь, ему нельзя повиноваться наполовину. Мы призваны Господом, чтобы нести Его волю!

— Аминь, — ответил он поспешно и растворился.

Глава 8

Я работал до обеда, устал, начал подумывать насчет того, что перекусить бы, да и Бобик вылез из-под стола и, глядя на меня с укором, требовательно гавкнул.

В кабинет вошел Клифтон, взглянул вопросительно:

— Звали, ваше высочество?

— Что, — спросил я, — похоже?... Нет, но пора сделать перерыв на обед.

Он сказал торопливо:

— Может быть, успеете принять сэра Варвика?

— Это кто еще?

— Варвик Эрлихсгаузен, — пояснил он, — князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберконта!.. Примчался, как только узнал о вашем прибытии.

Я скривился, но кивнул:

— Зовите, но пока изволю принимать этого заносчивого магната, вы напишите указ об освобождении его сына...

— Людвиг фон Эрлихсгаузена, герцога Ньюширского?

— Памятью хвастаетесь? — буркнул я. — Да. И о прощении моей милостью.

— Вашим высочеством, — уточнил он.

— Знаю, — огрызнулся я, — это я напоминаю, что я

сама милость к падшим! А так да, я — мое милостивое и вообще замечательное высочество.

Он исчез, а через пару мгновений в кабинет вошел Варвик Эрлихсгаузен, князь.

В прошлый раз это был уверенный такой господин, на меня смотрел, как на лакея, сейчас тоже держится уверенно, это в крови, но на меня смотрит почтительно.

Лицо все такое же пергаментное, изрезано глубокими ущельями морщин, темные мешки под глазами, крючковатый нос, в глазах, помимо спокойствия высокорожденного лорда, я увидел и глубоко запрятанный вопрос.

Он поклонился и застыл с опущенной головой. Я выждал некоторое время, давая понять еще раз, что хозяин положения по-прежнему я, для меня никакие лорды — не лорды в период военного времени, ну, почти военного, наконец произнес с холодком в голосе:

— Лорд Варвик?

Он разогнулся и произнес почтительно, тоже все понял, не однажды грамотный:

— Выше высочество...

— Лорд Варвик, — спросил я, — что привело вас ко мне, своему сюзерену?

Он слегка дернулся при таком напоминании, но ответил смиренно:

— Ваше высочество, война окончена... И, как я слышал, даже мятежный Зигмунд Лихтенштейн прекратил сопротивление...

— А, — сказал я довольно, — вы совершенно правы! Тяжелая и кровопролитная война закончена, теперь будем пожинать плоды мира. Кстати, хорошее занятие... Ну, вы знаете, я думаю.

В кабинет без стука вошел сэр Клифтон, в руках бу маги, положил передо мной.

Я посмотрел с подозрением на стопу.

— Почему так много?

Он ответил невозмутимо:

— Да заодно уж подпишите еще несколько...

— Ничего себе, несколько!

— Несколько десятков, — уточнил он.

Я сказал раздраженно:

— Хорошо, но только печать прикладывайте вы!

— Кольцо на вашем пальце...

Я с грохотом вытащил из ящика стола шкатулку, открыл и сунул ему в руки большую королевскую с удобной ручкой и полустертым штампом.

— Можете этим.

Сэр Варвик стоит как столб, не смея прерывать государственную полемику насчет моментов работы, я быстро подписывал, а сэр Клифтон разогревал сургуч, капал им на бумаги и прикладывал печать.

Я закончил с последней, когда он со вздохом капал разогретым сургучом только на третью. Первой я подписал о помиловании Людвига фон Эрлихсгаузена, герцога Ньюширского, теперь там остывает сургуч, я взял ее и внимательно прочел:

— Сэр Клифтон, что это вы мне подсунули?.. Указ о помиловании Людвига фон Эрлихсгаузена?.. Гм, я намеревался этого мятежника завтра казнить... Ну да ладно, не будем бумагу переводить, что написано моим пером — не вырубить ничьим топором. Да и бумага пока еще дорого обходится...

— Так точно, — сказал Клифтон. — Пора бы начать удешевление.

— Начнем, — пообещал я. — Сэр Варвик!

Князь шагнул вперед и поклонился:

— Ваше высочество?

Я протянул ему бумагу с моим указом:

— Сэр Клифтон подсунул мне явно по ошибке бу-

магу о помиловании вашего сына, так ему и передайте!.. Его могли казнить, пусть это впечатлит его буйную голову.

Он принял бумагу, руки чуть вздрогнули, выдавая волнение, но лицо князя оставалось неподвижным.

— Благодарю, ваше высочество...

Я отмахнулся:

— Не стоит. Я же говорю, это всего лишь ошибка моего личного секретаря, я его лишу половины жалования. Кстати, можете прекращать там всякое с владельцами замков и земель Турнедо, что вошли в королевство Варт Генц.

Он поклонился.

— Да-да, ваше высочество, только вот...

Я спросил резко:

— Что еще?

Он ответил ровным голосом:

— Я всегда ладил с соседями. И мне совсем не хотелось бы прерывать добрые отношения с теми, с кем успел завязать.

Я махнул рукой и сказал великодушно:

— Ну, это на ваше усмотрение. Я тоже считаю, что со всеми соседями нужно жить дружно.

Он поклонился:

— Еще раз спасибо, ваше высочество. И позвольте откланяться.

— Позволяю, — ответил я великодушно.

Он удалился, а Клифтон все еще сопел и трудился над бумагами. Сжалившись, я сказал:

— Давай разогревай сургуч и капай, а я буду шлепать печати.

Он с благодарностью подвинулся. Правда, шлепать по расплавленному сургучу не получается, нужно прижимать аккуратно и ждать, когда там хоть чуть застынет, но все-таки работа пошла вдвое быстрее.

Накопившиеся бумаги пришлось разбирать до конца дня, и следующий тоже начинать с них, а после обеда, когда я все еще подписывал указы и посылал помощников казначея на призывные пункты, под охраной, разумеется, вошел Клифтон.

— Сэр Клифтон? — произнес я, не поднимая головы.

— Ваше высочество, — ответил он.

— Ну?

— Ее высочество, — сказал он почтительно, — принцесса Вирландина выразила высокое одобрение, что вы вернулись и с таким рвением занимаетесь государственными делами...

— Спасибо, — сказал я.

— Так и передать?

— Конечно, — ответил я. — Можешь сказать даже, что большое спасибо. Или огромное... Нет, огромное не нужно. Либо решит, что насмехаюсь, а обиженные женщины опаснее драконов, либо не так поймет, что еще хуже...

— Хорошо, ваше высочество.

— Что-нибудь еще?

Он сказал почтительно:

— Она сказала, что желает с вами перемолвиться по делам государственным, у нее как-никак немалый опыт... И желаете ли вы принять ее здесь, или же изволите оказать ей честь посещением ее дворца?

Я замотал головой:

— Нет-нет, я что, дурак, переться в такие дали?

Он хмыкнул:

— Как изволите, ваше высочество... Хотя я не назвал бы это особенными далями. Ее дворец на той стороне площади.

Мне показалось, что в глубине его глаз мелькнула насмешка, я рыкнул, расправил плечи, потом решил,

что сам сваял дурака, рычать надо на себя, сказал уже чуточку виновато:

— А-а, ну это я сам не слишком... или заработался как бы так. Пожалуй, поработаю до вечера, а на ужин приеду... или даже приду. Пусть готовит суп повкуснее.

Он ушел, затем был прием, я решал какие-то задачи и улаживал тяжбы, о своем решении насчет ужина совершенно забыл, однако Клифтон появился, как молчаливая белая рыба, уставился немигающими глазами.

— Ну че? — спросил я.

Он ответил изысканно вежливо:

— Ваше высочество, ее высочество принцесса Вирландина прислала слугу напомнить, что суп уже готов.

— Что? — изумился я, не поняв. — Какой суп?.. А, так это же было иносказание!.. Вот народ, все в лоб принимаете, хотя бы что-нибудь в бочину... Я имел в виду, что у каждого свои проблемы. У кого суп жидкий, а у кого бриллианты мелкие.

Он ответил мудро:

— Ваше высочество, лучше курица в супе, чем журавль в небе. Вам плащ подать или сами возьмете?

Я вздохнул.

— И что это я такой сегодня несдержанный? Мог бы и не ляпать дурным языком направо-налево, как хвостатая корова... Хорошо-хорошо! Иду.

— Сколько человек выделить для сопровождения?

— Через площадь?

— Здесь темнеет рано, — сказал он, — ночью можете заблудиться, площадь широкая.

— Не заблужусь, — ответил я сердито. — И не запугивайте, а то не пойду совсем. Пусть принцесса тогда у вас спрашивает, зачем вы меня так запугали, что ночь трясся под одеялом!

Провожать меня ринулся Бобик, а потом решил,

что он еще и отряд по охране, я трижды спотыкался о него, когда он начал бестолково кружить вокруг, показывая, что охраняет от всего, даже от светлячков.

Небо красное от заката, облака застыли над горизонтом, багрово-черные с подпаленными краями, на земле уже густая тень, и на той стороне площади у входа во дворец зажгли смолу в бочках, огонь вырывается из жерл густой, как из вулканов, такими же страшноватыми клубами.

Стражи вытянулись при моем приближении, слуги понеслись впереди меня, расчищая дорогу и выкрикивая, что идет сам, тот самый, который.

Холл блещет огнями светильников на стенах, а когда миновал и прошел под аркой в зал, откуда три лестницы в разные стороны, там светло, как днем, от трех огромных люстр и напольных светильников в рост человека, воздух теплый и с сильным приятным запахом пчелиного воска...

— Сэр Ричард...

Я повернулся на голос, Вирландина вышла из боковой двери, милая и царственно улыбающаяся, в туго затянутом платье с волочащимся по полу подолом, волосы плотно убраны под платок с жемчужными нитями, я вижу только лицо, чистое, умное, с чуть насмешливыми глазами.

— Принцесса, — воскликнул я и поспешил к ней, наклонился и припал долгим поцелуем к ее руке, хотя прикидываться не пришлось, рука нежная, теплая и пахнет от нее приятно садовыми цветами. — Ох, принцесса, как же я рад вас видеть...

Она сказала веселым голосом:

— Потому и не спешили?

— Надо же потомиться в муке сладкой? — воскликнул я. — К тому же я нагуливал аппетит, чтоб сожрать целый котелок супа!

— Пойдемте, — велела она. — Будет вам суп.

— Котелок?

— Целый котел, — пообещала она.

— Бегу, — ответил я поспешно. — Куда?

— Идите со мной, — сказала она строго. — Надеюсь, ваша собачка не все там пожрет...

— Если суп оприходуется, — пригрозил я, — шкуру сниму!.. Я в самом деле что-то проголодался, как только вас увидел. Вот смотрю сейчас, и вообще у меня что-то странное с аппетитом делается.

— Неужто совсем отбила?

— Напротив...

Мы поднялись по лестнице, и только когда там, наверху, поворачивали по коридору, заметил идущих на расстоянии двух фрейлин с опущенными глазками, тихих и скромных, как монахини.

Они тоже свернули за нами, выдерживая ту дистанцию, чтобы не слышать, о чем разговариваем, но не выпускают из виду, так что если позволю себе какой непристойный жест, это будет замечено сразу.

Впереди слуги поспешно распахивали двери, и мы безостановочно шли через анфиладу залов. Марсал, еще будучи наследником трона, уже отгрохал себе дворец, почти не уступающий королевскому, молодец, аппетиты росли быстрее его самого...

Наконец последний зал, на удивление небольшой и уютный, светильники только у входа, из-за чего почти полумрак, еще одна свеча на столе, небольшой стол, совсем не королевский, по креслу на противоположных концах, и — восхитительный аромат бараньей похлебки!

Я шумно повел носом и потер ладони. В дальнем конце зала, где почти полутьма, смутно выступает массивное ложе со слоновьим балдахином, все четыре

ножки резные, между ними колыхается полупрозрачная ткань.

У стены возле входа, откуда появились мы, застыли повар и двое слуг. Перед ними на небольшом столике большой котел, при нашем появлении все трое лишь повели взглядами, но не шелохнулись.

Я заулыбался во весь рот:

— Прекрасно!.. Спасибо, ваше высочество. Я вижу, вы серьезно восприняли мои слова насчет супа.

Она сказала мило:

— Мы вообще воспринимаем вас, сэр Ричард, очень серьезно.

Я провел ее к столу, отодвинул кресло и усадил, поклонился и отправился к своему месту, что не так уж и далеко, я опасался, что стол будет длиной в десяток ярдов.

Повар снял крышку и сунул поварешку в котел, а слуги подставили глубокие миски.

Я довольно потер ладони:

— Посмотрим, посмотрим, чем у вас тут кормят гостей!

— Гостей кормят иначе, — заметила Вирландина.

— Да? А я кто?

— Хозяин, — ответила она мирно.

Я не ответил, сделав вид, что всецело поглощен тарелкой, что осторожно ставят передо мной, настолько полную, что вот-вот прольют мне на штаны.

Но не пролили, я с облегчением перевел дух и сказал с оптимизмом:

— Судя по запаху, шедевр... Но сейчас проверим, насколько это соответствует...

Повар и слуги не отрывали от меня взглядов, Вирландина тоже поглядывала с усмешкой, но я видел, что и ей очень хочется, чтобы мне понравилось. Не только слышать, что да, понравилось, женщины ее типа как-

то чувствуют, когда врем, но воспринимают философски и даже с улыбкой, весь мир врет, а мужчины — вечные дети, врут на каждом шагу, надо их принимать такими, иначе хоть в монастырь, но ведь и там врут...

Я быстро работал ложкой, и хотя за едой самое время поговорить, но я сосредоточенно выловил все куски мяса, сожрал похлебку, выскреб остатки, сильно наклоняя миску, и со вздохом сожаления отодвинул.

— Да-да, чересчур вкусно... Такого повара повесить мало.

Вирландина изумилась:

— За что?

— За шею, — ответил я. — Но можно и... скажем, ну, за ногу.

— А почему?

— От такого супа не оторваться, — пояснил я, — даже когда на отечество нападут враги!.. А это недопустимо. Родину нужно защищать! Потому такого повара можно подозревать в работе на чужое государство, подготавливающее внезапное нападение.

Она медленно и чарующе улыбнулась.

— А что вы еще скажете о десерте...

— Мужчины сладкое не едят, — сказал я твердо. — Это немужественно. Но сегодня в виде исключения да-вайте, давайте! И побольше.

Она поинтересовалась смеющимся голосом:

— И как часто у вас бывают такие исключения?

— Всегда, — ответил я еще тверже. — Я же человек исключительный, не знали? И вообще каждый человек исключение, не за столом будь сказано, но до сих пор в такое не верю.

— Надеюсь, — сказала она, — поверите вот в это...

Слуги внесли на носилках большой торт, я указал, с какого конца отрезать для меня, затем появились медовые пироги, я сказал с энтузиазмом:

— А в Варт Генце, как погляжу, жить можно!

— Надеюсь, — произнесла она ровным голосом, — вы в самом деле в этом убедитесь.

— Уже убедился, — заявил я. — Какой супчик!.. А пироги?.. Слава Варт Генцу!.. А что у вас еще есть? Кроме залежей соли? Руда какая-нибудь, лес строевой вблизи сплавных рек?

Она ответила очень серьезно:

— Вы не поверите, но все это есть, и даже больше. И, главное, самые полные карты у меня.

— В интересах семьи? — спросил я.

Она ответила с мягкой улыбкой:

— У нас хорошая дружная семья. Я имею в виду ту, из которой я родом.

— И которой вы способствовали и покровительствовали, — добавил я. — Они, значит, занимались всеми разработками?

— Только наиболее прибыльными, — уточнила она спокойно. — И торговлей.

— А политикой?

Она покачала головой:

— Я не советовала своей родне в это вмешиваться. Марсал, Родерик и Эразм очень ревниво следили, чтобы все оставалось только в их руках.

Глава 9

Я взял пирог обеими руками, повар смотрит с восторгом, аппетит у меня вообще неслабый, а сегодня еще и не успел пообедать, зарывшись в бумаги, удачный повод показать уважение этому дому, похвалив все на столе и потребовав добавки.

— Мудро, — согласился я. — Политика может мешаться, а экономика всегда экономика, людям каждый

день надо что-то есть и во что-то одеваться... Вы уж дайте список вашей родни, чтобы я кого-то из них ненароком не повесил на дерево. А то я иногда пользуюсь правом военного времени...

— А сейчас у вас именно такая власть, — произнесла она. — Я все понимаю, сэр Ричард. Но, уверяю вас, моя родня у вас не будет путаться под ногами. А вас интересует все-таки больше политика.

Я кивнул, тоже улыбаясь, как и она, все понятно, она не желает отдавать в мои руки имена людей, которые фактически правят королевством,

— Ах, ваше высочество, — сказал я с мягким упреком. — Большая экономика — это уже политика! Так или иначе я столкнусь с вашей семьей, просто хотелось бы к ним быть заранее... мягче.

Она посмотрела на меня веселыми глазами.

— Сэр Ричард! Вы намекаете, что я хитрю и придерживаю какие-то карты? Но ведь и вы со мной хитрите!

Я изумился:

— Как можно?

— Хитрите, — сказала она со знанием дела, — еще как... Помните, как вы попросили меня уговаривать лордов предложить вам корону? Вы же знали еще тогда, что откажетесь!.. А я, как дура, убеждала всех, что вы — самый подходящий король для Варт Генца.

Я вздохнул, развел руками:

— Но разве мы кого-то обманывали? Вы и сейчас так думаете, я просто уверен!.. Но это позволило мне набрать очки популярности. Сейчас доверие ко мне просто зашкаливает, потому нужно побыстрее обобщить всех, пока не опомнились.

Ее глаза расширились, потом Вирландина расхохоталась.

— У вас такие шуточки, что я всякий раз вздрагиваю.

— Но все равно нужно побыстрее, — сказал я, — пока энтузиазм горит, пока сердца для чести живы, пусть отдадут души прекрасные порывы на благо, а не на баб. Бабы — это не благо.

— Уже убедились? — спросила она с сочувствием.

— Уже, — подтвердил я и тяжело вздохнул. — Где-то с пятнадцати лет. Нет, даже с семи, когда моя тетя, которую безумно любил, вдруг вышла замуж за какого-то совсем чужого дядьку, не за меня... Потому как вы смотрите на то, чтобы употребить все влияние вашей громадной семьи и проросших во все структуры управления родственников на благо воссоединения со Скарляндами?

Она чуть выпрямилась и посмотрела на меня ясными глазами.

— Хотите послать туда войска?

Я сказал с досадой:

— Ну почему всегда войска?.. Я думаю о мирном воссоединении! Когда-то на этих и тех землях был один народ, одно королевство... И не потому хочу воссоединить, что мне это зачем-то надо, а предвижу вскоре кровавую войну... Через год, когда оставлю руководство королевством, любой из мне наследовавших тут же вторгнется туда со всеми силами!.. Будет резня, и хотя Варт Генц победит, а здесь, в столице, начнутся ликования и праздники, но Скарлянды затеют партизанскую войну! Что получится? Верно, Варт Генц обессилеет, как и Скарлянды тоже...

Она помолчала, глядя на меня очень серьезно, лицо помрачнело, а после паузы произнесла тихо:

— И кто-то из соседей придет и поставит на колени нас обоих?

— Очень точно, — похвалил я. — Почему вы не королева?

Она чуточку улыбнулась:

— Увы.

— Значит, — сказал я с надеждой, — можете?

Она чуть наклонила голову.

— После того как вы очень ясно все изложили, я могу повторить своей родне так же убедительно. Конечно, Скарлянды будут благодарны за помощь в восстановлении их жилищ, рудников, хозяйства...

— Еще им нужно перегнать овец для расплода, — подсказал я. — Хороших коров... Самим им было проще прятаться от войск Карла, а вот коров прятать труднее. Все это следует передавать в торжественной обстановке вождям, чтобы их народ видел и чувствовал нашу братскую заботу. Еще, думаю, у вас есть подробные карты и Скарляндии, где отмечены все богатые рудники, залежи соли, рыбные места...

Она посмотрела с удивлением:

— Зачем?.. Ах да, понимаю. Вообще-то сомневаюсь, что у наших такое есть.

— Почему?

— Не все заглядывают так далеко, сэр Ричард.

— А скарляндцев, — сказал я деловито, — нужно будет завалить нашими вартгенскими товарами, более дешевыми и качественными, чтобы они там у себя даже не начинали их производить! Таким образом Скарлянды будут без всякой войны привязаны к Варт Генцу и станут его частью. Без всяких завоеваний!

Она посмотрела с интересом.

— Мне казалось, вы охотно хватаетесь за оружие.

— Если это кратчайший путь, — ответил я с достоинством. — Я не прочь повоевать, леди Вирландина, ведь война дает честь, славу, доблесть, героизм и всякие приятные материальные мелочи... но еще больше я заинтересован в усилении королевства, что под моей мощной дланью.

Она перевела взгляд на мою длань, странная улыбка

ка проступила на губах, но голос прозвучал очень серьезно:

— Очень зрелый подход, сэр Ричард. Тем более странный, что очень многие и с вот такими седыми бородами рассуждают все еще как юноши, что их, понятно, не красит, хотя они уверены, что молодцы и герои.

— Дык я зрелый, — похвастался я.

— С пятнадцати лет, — произнесла она с улыбкой, — помню-помню. И, будучи весь в делах, всячески избегаете женщин в своей постели, мне об этом все уши прожужжали.

— Пока удастся, — ответил скромно. — А что на бегу или в коридоре, то не в счет, понятно... Мужчина должен быть весь в деле. Вот как я, такой замечательный и скромный до ужаса, просто застенчивый. У вас там кровать широкая?

Она кивнула:

— Поместимся.

— Прекрасно, — сказал я, — под теплым одеялом так хорошо говорить о политике!

— И о торговле, — ответила она в тон. — Думаю, уже пора лезть под него, ночь на дворе.

Она хлопнула в ладоши. Из-за дальней занавеси появились две фрейлины, обе с опущенными глазками, присели в поклоне и смиренно ждут.

— Готовимся ко сну, — сказала Вирландина царственно. — Сэр Ричард, вам помогут раздеться...

— Нет-нет, — сказал я поспешно. — Мне обычно помогает оруженосец, а то и мой пес с меня штаны стягивает.

Она усмехнулась:

— Как хотите. Мне кажется, он сейчас на кухне стягивает очередной окорок.

Фрейлины подошли к ней с двух сторон и снимали сперва все многочисленные кольца, аккуратно склады-

вая в шкатулку, затем сняли одно платье, потом второе, что для меня тоже платье, хотя у женщин оно явно называется как-то иначе.

Я торопливо отошел к ложу, это то, что называется парадным, все четыре ножки идут на высоту в полтора человеческих роста, это чтоб и на кровати можно было встать, затейливая резьба по мореному дубу покрыта темно-коричневым лаком, легкая ткань подобрана к верхним рейкам и свисает красивыми волнами, это чтобы без помехи можно лечь с любой стороны.

Сверху с четырех сторон еще и деревянные орлы с растопыренными крыльями. Я покосился на них, стиснул челюсти и, торопливо сняв штаны, полез под одеяло.

Пора бы привыкнуть, что у важных особ все совершается на виду, даже при совокуплениях обычно присутствуют гости и важные лица, что потом могут подтвердить и засвидетельствовать под присягой факт исполнения супружеских обязанностей.

Крыша балдахина ярко-красная и плотная, но стенки из полупрозрачной ткани, что скорее вообще прозрачная, чем полу, так что если их распустить во всю длину, они тоже не укроют от нескромных глаз.

Хотя эти балдахины вообще на юге используют, чтобы прятаться от жгучего солнца и всяких там комаров, а по эту сторону Хребта — от сквозняков.

Мне казалось, что под одеяло я зашмыгнул быстрее мыши, удирающей от голодного помоечного кота, за это время Вирландину раздели только до половины, но когда наконец закончили, еще две вошли с серебряным тазиком с некой жидкостью, моих ноздрей коснулся резкий запах уксуса, и стопкой белых полотенец.

Я наблюдал с утробным интересом, как две фрейлины смачивают чистые тряпочки и тщательно протирают тело хозяйки, сочное зрелое тело здоровой женщины, с небольшими отложениями на боках, чуть высту-

пающим животом, крупной грудью, слегка провисшей от собственной тяжести, а две подбирают капли сухими платками.

Наконец ее тщательно вытерли полотенцами, она подошла и легла рядом со мной.

Я зыркнул в сильнейшем смущении на фрейлин.

— А они, — проговорил я, — чего?

Вирландина удивленно взглянула на меня, на фрейлин, снова на меня.

— Сэр Ричард, — сказала она почти нежно, — вы хотите, чтобы они ушли... или остались?

— Конечно, ушли, — сказал я нервно, — это же не первая брачная ночь, когда целая комиссия должна наблюдать за всеми подробностями!

Она сказала мирно:

— Как вам будет угодно. Девочки, вы можете идти. Вообще-то мы уже знаем, что делать.

Фрейлины, как мне показалось, были весьма разочарованы ее жестом и словами, присели в поклоне и удалились, но, как я предполагаю, там, за ширмой, всегда одна-две остаются на дежурстве даже ночью, вдруг да госпожа что-то изволит...

Как ни странно, мы в самом деле довольно долго обсуждали политику, экономику и расположение сил в Варт Генце, потом неспешно повязались, это было похоже на безмятежное и неторопливое плавание в плотной теплой воде лесного озера. Ее жаркое мягкое тело отзывалось на любой мой жест, я чувствовал себя свободным, счастливым и сытым.

Потом она повернулась ко мне спиной, упершись мягким разогретым задом, я обхватил ее и почти сразу заснул счастливым сном всем довольного человека.

Утром я проснулся от щебечущих пташек, даже по-

думал с закрытыми глазами, что эти существа скачут вокруг ложа, но оказалось, что уселись на подоконнике и требовательно стучат костяными клювиками, требуя зерен.

Вирландина улыбалась во сне, наконец потянулась и распахнула глаза, еще сонные, с поволокой, зевнула, повернулась ко мне и закинула на меня ногу.

— А вы очень деловой человек, — проговорила она еще сонно с поощрительной усмешкой. — Стоит вартгенцам узнать, что вы провели эту ночь в моей постели, ваше положение...

— Пошатнется?

— Напротив, — сказала она, — упрочится.

Я сказал понимающе:

— Вы сейчас благодаря своей родне наиболее влиятельный человек в королевстве?

— Не только благодаря родне, — пояснила она. — Я жила во дворце и привыкла общаться с людьми, окружавшими... Марсала, а также придворными, военачальниками, самим Фальстронгом. У меня достаточно прочные связи не только с теми, с кем наш многочисленный и дружный род и так в хороших отношениях.

— Вы очень умный человек, — сказал я, — что удивительно, так как вы на редкость красивая женщина. Хорошо, что все эти многочисленные влиятельные знакомые не знают, насколько вы хороши в постели... наверное, не знают. Все, по крайней мере.

Она засмеялась:

— Уместная оговорка. Но по сути не в бровь, а в глаз. Будучи женой принца, я не могла шагу ступить без фрейлин...

— Я это заметил, — подтвердил я.

— А когда его не стало, — продолжила она, — я размечталась, что вот сейчас-то наверстаю...

— И что?.. Помешало что-то?

Она произнесла задумчиво:

— Даже не знаю. То ли уже привыкла без мужчин, то ли какие-то опасения... каких не было у юной девушки, те все безголовые, а я ж теперь умная, как вы льстите, а это значит, в данном случае, осторожная... Да вы это знаете. По себе.

Я повернул голову, наткнулся на прямой взгляд ее влажно мерцающих и расширенных в полутьме глаз. На щеках все еще густой румянец, уходит очень медленно, губы распухли от жадных поцелуев, а ключицы выступают остро и незащищенно.

— Да, — признался я. — Хотя мужчинам вроде бы проще, какой с нас спрос, кобели безмозглые, но все-таки начинаешь осторожничать, подозревая в каждой что-то хитрое и коварное, что пытается влезть в постель, чтобы получить какие-то преимущества.

В полутьме с ее стороны донесся тихий смешок.

— У меня несколько фрейлин... Все из лучших фамилий королевства. Вы можете пользоваться ими без всяких опасений.

Я воскликнул шокированно:

— Ваше высочество! Как можно!

Она ответила с тем же веселым спокойствием:

— Все равно вы, мужчины, не утерпите. Но эти, по крайней мере, ничего от вас не захотят, так как видят — место занято.

— Ваше высочество, — возразил я, — мне стыдно в этом признаваться, но я все-таки романтик и верю в чистые отношения... где-то там, в глубине моей мохнатой, заскорузлой, темной и чешуйчатой души. Потому я никогда не посмею изменить вам с вашими же фрейлинами, разве что удастся совсем уж тайно, и чтоб никакая зараза не подсмотрела.

Она тихо засмеялась.

— Ну да, так даже интереснее. Сладость нарушения запретов...

В комнате неслышно появились фрейлины, их видно сквозь полупрозрачную ткань кроватного комплекта, я все-таки спустил на всякий случай эти шторы, рассаживаются тихо и чинно, губки поджаты, а глазки опущены.

Мне почему-то показалось, что эти хитрые морденки все ночь не спали, прислушивались, а то и подсматривали втихую.

Вирландина поднялась, с каждым движением и жестом обретая царственность и величавость, даже величие, откинула небрежно шторы и вышла.

Фрейлины тут же поднялись, поспешили к ней, я думал, начнут одевать, но она стоит обнаженная, а ее все так же обтирают смоченными в уксусном растворе тряпочками, старательно обмакивают сухими все места, лишь потом принялись за одежду.

Я наблюдал со стеснением, не решаясь выползти, только дивился, сколько этих одежд, оказывается, на женщинах, в прошлый раз и не рассмотрел, или же тогда она уже знала, что встреча с сэром Ричардом закончится постелью, умная женщина, и не надевала ничего лишнего.

Фрейлины все же пару раз бросили хитренькие взгляды в сторону ложа, но ни одна не показала виду, что заметила мужчину в постели хозяйки.

Вирландина оглядела себя в зеркало, его заносили со всех сторон, даже сзади, наконец произнесла с удовлетворением:

— Хорошо, можете идти.

Они присели и тихонечко удалились, а я торопливо выбрался из-под одеяла и натянул штаны.

— Что будете на завтрак, мой лорд? — произнесла Вирландина.

— Да че-нить съедобное, — сказал я. — Можно просто еду.

Она проговорила без тени усмешки:

— Хорошо, тогда я на свой вкус.

— Это будет прекрасно, — сказал я.

— Завтракать предпочитаете здесь, — спросила она, — или в завтракальной?

— Лучше в завтракальной, — ответил я. — А то если здесь, то надо прямо в кровати!

Она усмехнулась, подала мне руку, и я величаво вывел ее в соседнюю комнату. Слуги, не делая ни малейшего лишнего жеста, распахивали перед нами двери.

Глава 10

Завтракальная представляет собой небольшую и скромно убранную комнату. В середине стол и всего два кресла на противоположных концах, на стенах ковры и гобелены, на середине стола золотой двурогий подсвечник, у двери с обеих сторон еще два, помассивнее.

Я усадил Вирландину, вернулся на противоположный край стола.

В комнату неслышно начали входить слуги и, не поднимая глаз, ставили на стол тарелки с завтраком. Я жадно потянул носом, люблю яичницу с беконом, но почему-то здесь ее редко готовят.

— Прекрасный выбор, — сказал я с чувством. — Именно то, что мне нравится!

Она произнесла безмятежно:

— Вина, мой господин?

Я невольно покосился в сторону слуг, явно же услышали, морды, покачал головой:

— Благодарю, но... правителю нужна ясная голова.

Она чуть наклонила голову:

— Мудрый выбор. Кто начинает пить с утра, тот весь день уже ни на что не годен. Ни на что, как вы понимаете.

Я наклонил голову к столу, чувствуя, как начинаю краснеть, слуги совсем рядом, перекладывают мне на тарелку вкусно пахнущую яичницу с луком.

— Да... предполагаю...

— Как вам ветчина?

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — Я вижу, и это у вас получается прекрасно!

Она улыбнулась и показала взглядом на слуг, мимо них ничего не проскочит незамеченным и неслышанным.

— У нас хорошо получается все, — произнесла она со вкусом.

Слуги удалились по движению ее брови, она сказала тихонько:

— Хочу повторить, что сегодня ночью, мой лорд, вы сделали очень мудрый шаг...

Я пробормотал:

— Меньше всего я думал о мудрости.

Она мягко улыбнулась.

— Я расцениваю это как комплимент, чтобы не разочаровываться в вашей политической прозорливости. Это нужно было сделать, чтобы укрепить свои позиции. Теперь к вам будут относиться с большим доверием.

— Что-то я себя гадко чувствую, — пробормотал я. — У нас для таких мужчин есть определенный термин. Не совсем лестный. А если откровенно, то совсем не лестный.

Она сказала участливо:

— Правда? Тогда расценивайте иначе: это я постаралась вас затащить в постель, чтобы с вашей помощью удержать свои пошатнувшиеся позиции. Когда

был жив Фальстронг, я была его любимой невесткой, все со мной считались еще и потому, что за моей спиной стояли король и его сын. Теперь же те, кто старался вертеться при моем дворе ради выгоды, куда-то исчезли...

Аппетит у меня начал улучшаться, я повеселел, как Вирландина и рассчитывала, с удовольствием пожрал всю яичницу и ветчину, чуть было не затребовал добавки, но ощутил, что в животе потяжелело, надо остановиться.

— Я слышала, — произнесла она негромко, — вы начали собирать налоги в королевскую казну. Многие, конечно, недовольны уже сейчас, но пока терпят, так как вы очень умело увязали это с прекращением гражданской войны, а вдобавок пообещали этот строгий режим через год отменить...

Я придвинул к себе широкое блюдо с мелкими поджаренными пирожками, ухватил сразу два. Она наблюдала за мной с доброй материнской улыбкой.

— Нет-нет, — уточнил я. — Отменять ничего не буду. Просто через год я отстранюсь от управления Варт Генцем, а вы тут-отменяйте что хотите и как хотите. Только больше решать свои проблемы не зовите!

Она кивнула:

— Да-а, это многих успокаивает, а другие просто решили потерпеть годик. Скажите откровенно...

— Не скажу, — перебил я и улыбнулся, мол, шутка, но мое лицо оставалось серьезным. — Вот такая перед вами свинья.

— Я не выпытываю тайны, — ответила она мирно, — знаю, вы из тех, кто даже в постели ничего не выболтает. Я просто спрашиваю, чем я могу помочь.

Я быстро перебрал варианты, самый большой голод у меня, как вообще-то у любого реформатора, на людей. Либо не понимают, либо не умеют, либо не хотят,

все приходится делать с хитрыми вывертами, прикрываясь совсем другими мотивами.

— Собственно, — ответил я легко, — вы уже помогаете. Хотя бы тем, что теперь весь Варт Генц будет знать, что мы делим ложе. А это значит, я все больше становлюсь вартгенцем. И ко мне будет больше симпатий.

Она подумала, наклонила голову.

— Хорошо. Раз этот союз нас обоих устраивает, то постараемся извлечь из него максимум выгоды. Все земли, которые контролирует моя родня, будут передавать все собранные налоги вам.

— А я им верну, — поспешно заверил я, — все те деньги, которые необходимы на содержание замков и прислуги, ремонт строений, дорог и прочее-прочее, а себе оставлю только ту часть, которая шла на войско.

— А на войско истратите сами?

— Точно, — сказал я. — Не на любовниц, клянусь!

Она усмехнулась:

— Многие бы предпочли, чтобы на любовниц. Но я вас понимаю.

Я перекрестился и поплевал через плечо:

— Похоже, наступает конец света, если нас начинают понимать женщины!

— Я больше, чем женщина, — произнесла она со значением. — Я могу быть другом. Вы в этом убедитесь, мой лорд.

— Я уже убедился

Она покачала головой:

— В самом деле убедитесь. Правда.

Я с сожалением посмотрел на последние три пирожка, которые не сумел одолеть, сделал по вазочке с мороженым и одну придвинул Вирландине.

— Позвольте и вас угостить, моя дорогая хозяйка. Я паладин, иногда и для себя можно попользоваться...

Она с интересом посмотрела на мороженое.

— Для себя нельзя, сэра Ричард. Считайте, что и это для дела. Я вот так ошеломлена, что все отдам, даже карты... правда, не в этот раз.

Я ел быстро и мороженое, а Вирландина сперва с опаской, потом долго и с наслаждением смаковала. А я чувствовал, что после нервотрепок и постоянного напряжения впервые за долгое время наслаждаюсь счастьем и покоем. О женщинах раньше заботился я, это наша прерогатива, мы этих существ должны защищать и беречь, но сейчас как-то получилось, что с первого же часа пребывания в ее доме окружен буквально материнской лаской, хотя Вирландина старше меня всего ничего. Правда, такое зависит не от возраста, бывают и совсем соплюшки с развитым этим инстинктом, так вот у Вирландины и сам инстинкт, и манеры, и даже внешность — все в одном.

После завтрака я не спешил возвращаться в королевский замок, здесь уютно, а дожидаться новостей от Меганвэйла могу и здесь, потом играл с ошастливленным Бобиком, вместе ходили в конюшни дразнить арбогастра, тот фыркал и возмущался, что никуда не мчимся и вообще не сдвигаемся с места, мы выводили его во двор, и там они с Бобиком затевали азартные игры, к ужасу и восторгу челяди.

К обеду я услышал во дворе стук конских копыт, ржанье, голоса слуг. Сердце екнуло, наконец-то прибыл гонец от Меганвэйла, бросился к окну.

Конюхи разбирают коней у пышно одетых всадников, управляющий выскочил навстречу и низко кланяется одному, тот повернулся, и я узнал графа Меганвэйла.

— Ура! — крикнул я. — Граф прибыл собственной персоной! Все прочь с дороги!

И ринулся из комнаты, а затем по лестницам вниз.

Меганвэйл входил в холл, когда я сбежал по ступенькам, он услышал, быстро преклонил колено.

— Граф, — сказал я, замедляя шаг.

— Ваше высочество...

— Граф, — сказал я нетерпеливо. — Пойдемте в покои, предоставленные мне во временное пользование нашей любезной хозяйкой, там поговорим...

С лестницы раздался веселый голос:

— Какое это временное? Мой лорд, что вы говорите?

Вирландина спускалась быстро, сияющая, довольная. Меганвэйл поспешил к лестнице, поклонился и припал поцелуем к ее руке.

— Ваше высочество, — сказал он, — я счастлив видеть вас... такой цветущей и счастливой...

Она рассмеялась:

— Это все наш хозяин, сэра Ричард!

Он сказал быстро:

— Совершенно с вами согласен, ваше высочество. Он действует на всех своих друзей именно так.

Она произнесла с намеком:

— А на меня особенно!

Меганвэйл бросил на меня взгляд, я и без этого чувствую себя как жаба на горячей сковородке, а тут еще Вирландина демонстративно подчеркивает перед всеми, что у нас интим, а когда интим между двумя такими серьезными людьми, то это и совместное ведение хозяйства, или хотя бы просто общее хозяйство...

Понимаю, она старается узаконить еще больше мое положение в королевстве, овартгенчить, это политика, молодец, все делает правильно, но все равно неловко.

— Рад за вас, — проговорил замедленно немножко ошарашенный Меганвэйл, он сказал именно то, что можно сказать, когда сказать нечего. — Да, очень рад...

— Теперь, граф, — сказала Вирландина делови-

то, — идите посекретничайте с нашим лордом, а я пока распоряжусь насчет обеда.

Меганвэйл поднимался со мной рядом, я видел его быстрые прощупывающие взгляды. Вирландина не случайно называет меня то «мой лорд», то «наш хозяин», всякий раз подчеркивая, что и она целиком и полностью признает мою власть и верно служит мне. А люди такого ранга, Меганвэйл это понимает, никогда ничего не говорят просто так.

В моих покоях он выждал, когда я сяду и укажу ему на кресло напротив, по сторонам старается не смотреть, словно мы вообще подвешены где-то в пустом пространстве, а когда опустился в кресло, то смотрел только мне в лицо.

— Как? — спросил я.

— В Скарлянды отправлено несколько обозов, — ответил он четко. — С продовольствием, одеждой, а то все говорят, что эта зима будет холодной.

— Прекрасно, — сказал я.

— Посланы гонцы, — сообщил он, — чтобы предложить помощь, если какая понадобится еще.

— Прекрасно, — повторил я.

— Полагаете, что-то попросят?

— Нет, конечно, — сказал я, — но поблагодарят искренне. И, главное, это резко изменит отношение к Варт Генцу! Знаете ли, бывает достаточно самого крохотного жеста, чтобы изменить карту мира!.. Мы сейчас это и делаем.

Он подумал, кивнул:

— Да, конечно... Но все-таки, с другой стороны, как-то жаль... Соседи — хорошо, особенно когда хорошие, но еще лучше бы воссоединить наши земли... эх, мечты...

Я сказал негромко:

— Граф, вы меня удивляете. Неужели вы во мне так уж разуверились?

Он вяло покачал головой, потом вздрогнул, выпрямился и уставился расширенными глазами.

— Ваше высочество?

— Именно, — произнес я со значением.

Он прошептал:

— Неужели...

— Именно, — повторил я. — Конечно же, граф, Скарлянды и Варт Генц должны стать единым целым! Это настолько само собой разумеется, что я не сомневался в вашем полном понимании.

Он пискнул, сглотнул ком в горле и сказал низким хриплым голосом:

— Ваше высочество, прошу простить меня... за непонимание, но я — человек военный, мне просто в голову не пришло, что объединить можно как-то иначе, чем вводом огромной армии бронированной конницы и тяжелыми сражениями с местными войсками!

Я наклонился и похлопал его по колену:

— Успокойтесь, граф. Я тоже человек военный, и если понадобится, то без колебаний введу туда армию и выжгу дочиста очаги сопротивления. Но сперва испробуем мирные методы. Я говорю это не потому, что пацифист, просто армия нам понадобится для настоящего похода, а не детских ссор с такими королевствами, вообще-то братскими, если по сути.

Он смотрел остановившимися глазами.

— Для... настоящего?

Я спросил с усмешкой:

— Вы разве не слышали, что строю огромный флот из больших кораблей? Нам понадобятся все силы, граф!.. Мы не должны терять в мелочных войнушках друг с другом ни одного человека! Может быть, судьба всего мира будет зависеть именно от этого человека,

которого мы потеряем в драках с соседями. Не-е-е-ет, граф, нас ждут действительно великие дела! Действительно. А теперь давайте продумаем, какие еще мудрые и взвешенные шаги предпринять, чтобы все было, как надо, а не как у нас получается, когда мы не совсем весьма и вовремя...

Глава II

Меганвэйл отбыл с ворохом поручений, Вирландина предложила мне выехать завтра утром, но злое нетерпение трясет меня, как голодный медведь грушу, я согласился только поужинать, да и то побросал в себя, почти не чувствуя вкуса.

Она посматривала на меня со странной смесью одобрения и жалости, но когда я поднялся, сказала тепло:

— Езжай, мой господин. У тебя все получится.

Я наклонился уже с коня, поцеловал ее в лоб:

— У нас все получится.

Бобик подбежал к ней и подставил голову, она почесала ему за ушами, ничуть не пугаясь этого клыкастого чудовища.

— Увидимся! — крикнул я, вскидывая руку в красивом театральном жесте прощания.

Зайчик чуть подпортил, рванувшись так, что у меня чуть спина не треснула.

В ушах засвистел ветер, земля с дробным учащающимся стуком копыт понеслась навстречу, я пригнулся к конской гриве и всматривался в бегущие навстречу зеленые холмы, невысокие горы и густые девственные леса.

В спину сперва дул бодрящий ветерок, но когда Зайчик перешел в галоп, мы неслись в полном безветрии, но едва пошли яростным карьером, ветерок задул

навстречу, принося ароматы зелени, цветов, трижды пахнуло тиной, это на большой скорости под нами проскакивали болотца.

Время от времени по сторонам мелькают стада овец или коз, овцы все белые, а козы, напротив, в большинстве черные, словно вывалявшиеся в саже, собаки же удивительно похожи на волков, хотя, скорее всего, они и есть прирученные волки, как обычно бывает в местах, где все начинается сначала.

Однажды навстречу попался целый караван с переселенцами, я остановил коня возле головного провожатого, это хмурый мужик на крепком коне, в кожаных латах.

Я сказал приветливо:

— Привет странствующим, а также путешествующим!

Мужик сказал настороженно:

— Мы ни те, ни другие, но спасибо на добром слове.

— В какой стороне ингельмы? — спросил я. — Это племя такое... У них вождем Квентин Ханкбек... вроде бы.

Он подумал, повернулся, вытянул руку:

— Вон туда, а дальше прямо.

— Ого, — сказал я, — они что, уже не кочуют? В прошлый раз был там же. Что это с ним?

Он пожал плечами:

— Если надо, откочуют. Но сейчас все стараются зацепиться на месте и пустить корни.

— Хорошее дело, — сказал я. — А вы?

Он снова пожал плечами:

— И мы... если получится.

— Получится, — заверил я. — Новая заря над миром!

Он пробормотал:

— Дай Бог, дай Бог...

Судя по его словам, ингельмы уже не кочующее

племя, земля там ничуть не хуже, чем у других, они правы, что закрепляются на месте. Земледелие в состоянии прокормить в десять раз больше населения, чем кочевое скотоводство.

Еще в прошлый раз я видел во многих местах отстроенные села, кое-где быстро вырастают города, хотя в Скарляндах это — всего лишь большие села, у жителей которых хватает сил и ресурсов, чтобы обнести пространство со своими домами крепким частоколом. Сады и огороды, как и луга для выпаса скота, остаются внутри города, потом их превратят в площади, но до этого пока еще далеко.

Зайчик идет бодро, встряхивает гривой, старается на скаку лягнуть Бобика, если тот проныривает слишком близко, земля под нами проносится с такой скоростью, что я вообще стараюсь на нее не смотреть...

Когда пошли знакомые места, Зайчик без напоминания сбросил скорость, учится все-таки, запоминает, а когда впереди вырос и начал приближаться высокий частокол города, в котором мы уже побывали, вообще пошел обычным галопом.

У ворот дюжие стражники, вообще скарляндцы выглядят более крупными, чем вартгенцы и турнедцы. Возможно, потому что жители равнин обычно крупнее живущих в горах?

Я издали вскинул руку в приветствии, они смотрят настороженно, узнавая и не узнавая, вроде бы правитель Варт Генца, что уже бывал здесь, но все равно трудно себе поверить в такого вождя, что является без свиты, словно его там не уважают вовсе.

— Где Квертин Ханкбек, — крикнул я, — вождь великого племени, конечно же, великих ингельмов?

Они оба синхронно повернулись и указали пальцами.

— Тут недалеко, — сказал один.

— В арсенале, — уточнил второй.

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — Где еще может быть великой вождь, чтобы не подвергать сомнению свой высокий статус? Не на бойне же...

Проехав ворота, увидел в сотне ярдов высокое здание, сложенное из толстых бревен, но на каменном фундаменте. У ворот целый отряд вооруженных людей, то ли свита прибывшего Ханкбека, то ли в самом деле охраняют арсенал так, как надо.

Ко мне обернулись так же настороженно и взяли в кольцо, я бросил одному повод в лицо, соскочил и пошел ко входу.

— Квентин внутри? — спросил я тех, кто стоит у самых дверей.

— Т-там, — ответил один с запинкой.

— Отлично, — сказал я, пошел вперед, страж едва успел отскочить. — Его мне и надо...

Внутри несколько человек разбирают кучу новеньких пик и складывают их в ровный ряд вдоль стены, где уже висят мечи и топоры.

Ханкбек указывает, куда что нести, я крикнул издали:

— Вождь весь в трудах, как птичка небесная?

Он оглянулся, на лице отразилось приятное изумление.

— Ваша светлость!

— Привет, Квентин, — сказал я дружески. — Как думаешь, с этим неважным, но приятным делом без тебя справятся? Кстати, пустяк, конечно, но с недавних пор я не светлость, а высочество.

Он засмеялся:

— Как хорошо сказано! Действительно, нет ничего приятнее, чем возиться с оружием. Но справятся, конечно. Это я так, для собственного удовольствия. Ваше высочество?

— Тогда я к тебе, — велел я.

Он отряхнул ладони, повернулся к мужикам, что вытарашили глаза и смотрят, как деревенские дети на прибывший цирк.

— Чтобы все уложили красиво, — сказал он строго, — где красота, там и удобство! И пересчитать всегда легче. Ваше высочество?

Я кивнул и вышел наружу первым. Ханкбек появился следом, сказал громко и с чувством:

— Приветствуем ваше величество на дружественных королевству землях Скарляндии!

Стражники вяло прокричали «ура!», лица больше встревоженные, чем обрадованные, мы все обычно предполагаем худшее, а скарляндцы тоже вроде бы люди.

Крыша терема Квентина, его можно назвать даже дворцом, выглядит из-за других строений, мы отправились пешими. Бобик посмотрел на обоих внимательно и понесся вперед, каким-то образом угадав, куда прибудем.

Квентин посмотрел вслед встревоженно.

— Могучий пес... Людьми, надеюсь, не питается?

— Он еще шенок, — успокоил я. — Ласковый дурачина... Рад, что у вас тут все хорошо.

Он кивнул:

— Хорошо. Даже замечательно! Вчера отбили попытку вторгнуться на наши земли и увести скот. Сорок человек их положили...

— А ваших?

Он сказал с печальной горестью:

— Всего двенадцать погибло, да еще тридцать раненых. Вот что значит, когда всегда начеку!

— Поздравляю, — сказал я озадаченно. — Хотя двенадцать тоже как-то почему-то жалко... Хоть и не знаю почему. То ли гуманистичнее весь из себя, то ли съел что-то...

— Они отдали жизни за племя, — напомнил он строго.

Я вздохнул:

— Да, конечно, достойная жизнь и достойная смерть. Красивая! Но лучше бы жили... Я, кстати, как раз и прибыл с такой идеей.

— Какой?

— Чтоб скарляндцы жили, — пояснил я, — и не погибали.

Он нахмурился:

— Кроме ингельмов есть и другие племена. Те только и зарятся на наши земли!

— Все хотят жить красиво, — согласился я. — С набегами, пожарами, похищениями, изнасилованием... А что дает скучное мирное существование? Да еще сосуществование с соседями, что обязательно наглые и отвратительные враги?.. Хотя женщины у них ничего, да, их можно, а вот мужчин нужно под корень...

Он слушал, хмурился, иронию все же уловил. За нами следом идут двое, по виду его помощники, смотрят на меня радостно расширенными глазами и кивают при каждом слове, что ага, все правильно, всех соседей убить, а женщин забрать, а потом соседей соседей, они ж все равно откуда-то берутся...

— Ваша светлость, — спросил он вежливо, но с неудовольствием в голосе, — вам приятно сыпать соль на раны?

— Да еще и втереть, — сказал я со вкусом. — Зато быстрее заживает, не знал?.. У меня есть кое-какие предложения для скарляндцев. Я же суверенный правитель соседнего с вами королевства, которое спит и видит, как вас захватить! Мне кажется, вы все будете заинтересованы меня выслушать.

Он вздрогнул, в глазах мелькнул страх, спросил то-ропливо:

— Хотите поговорить с вождями?

— Да, — ответил я.

— Я могу послать гонцов, — сказал он так же быстро. — Ко всем крупным.

— Можно и к мелким, — ответил я.

Он кивнул:

— Мелким скажут по дороге. Если кого и пропустят, не беда.

— Не забудьте упомянуть, — подчеркнул я, — что разговор будет очень важным. Важнее, чем войнушки между племенами.

Он переспросил недоверчиво:

— Еще важнее? Какая-то большая война?

— Угадали, — ответил я. — Но не сейчас.

Он кивнул, велел одному из помощников:

— Собери гонцов, набери дополнительных. Карьером ко всем вождям восьми племен, но по дороге распространяйте весть, что прибыл король Варт Генца...

Я поправил:

— Я не король... хотя это сейчас роли не играет. Власть в моей цепкой длани вся целиком, как законодательная, так и политическая. Наверное, и религиозная тоже, но еще руки не дошли. В общем, кто не явится — интересы того племени учитывать не будут!

На его окаменевшем лице впервые проступило нечто похожее на тревожную улыбку.

— Это хорошее дополнение. Можно не сомневаться, явятся даже тяжелобольные.

Глава 12

Общий сбор вождей решено было провести в племени болотников, они расположились почти в середине земель Скарляндии, к тому же Квентин издавна был

дружен с их вождем Армином Шварцкопфом, хотя в последнее время, как он сообщил хмуро, их отношения становятся все натянутее.

Мы выехали с утра, несколько часов скачки по ровной, как столешница, степи, и впереди показались деревянные стены большого города. Вышки стоят часто, через каждые десять шагов, массивные и добротные, явно не только наблюдательные, но и оборонные. Я бы на широкой площадке размещал десятка два хороших лучников, а в случае опасности запираю бы двери и ставил внутри еще и охрану в доспехах и с острыми мечами.

Ворота открыли нам сразу, болотники предупредены высланными вперед гонцами. Взору представился плотно застроенный город. К моему удивлению, в нем множество двухэтажных просторных домов. Правда, все пока из дерева, но бревна толстые, массивные, все выглядит добротным и надежным, так что если не перейдут срочно на камень, лесов в Скарляндах вообще не останется..

Нас сопровождали в центр, где высится трехэтажный дворец, тоже из бревен, но построен так, что да, дворец. А что из дерева, ну причуда такая, хотя, конечно, дело в банальной спешке, дом из дерева строится за пару дней, а из камня за пару лет, а дворец так и вовсе за десяток.

На крыльце уже ждет нас группа мужчин в самых разных доспехах, одеждах. Один из них отделился и пошел нам навстречу, улыбаясь и раскидывая руки в гостеприимном жесте. Как я понимаю, это и есть Армин Шварцкопф, вождь племени.

Квентин слез и двинулся к нему, тоже с улыбкой, а вокруг радостно закричали. Шварцкопф, могучий такой гигант, весь из мышц, голова сидит прямо на плечах, как у гнома, но ростом с огра, широк в плечах, ру-

ки толстые, как стволы деревьев, в общем, таким и должен быть вождь, которому право рулить племенем приходится частенько доказывать силой.

Они с Квентином обнялись достаточно сердечно, мне поклонился со всем почтением. Третью границы Скарляндии приходится на Варт Генц, который давно с вожделением поглядывает на лакомые земли разоренного королевства, потому с его правителем насчет поклонов лучше пере, чем недо.

Я слегка наклонил голову, не покидая седла, так надо, оглядел всех и уже тогда покинул седло, величественный и милостивый, весь сама благожелательность к ме-е-е-лким таким соседикам.

— Весьма, — сказал я. — Весьма!..

Квентин сказал с поклоном:

— Ваше высочество, изволите в дом?

Я сказал Шварцкопфу дружелюбно:

— Когда ехали сюда, я был уверен, что придется разговаривать в шатре. Но дом... это уже что-то!

Шварцкопф метнул злой взгляд на Квентина.

— Он мог бы и рассказать по дороге, — прорычал он раздраженно, — что наш Древоград вдвое больше его, так сказать, столицы, ха-ха! И мы уже давно не кочем.

Квентин подтвердил:

— Давно. Очень давно! Еще с прошлого лета.

Шварцкопф метнул на него злой взгляд:

— Уже лет десять! А то были мелкие откочевки, подвижки. Столица же на месте уже второй год!

— В прошлый раз у тебя столицей был Корнефильд, — заметил Квентин, — но это неважно. Главное, мы встретились с тобой, обсудим заодно, почему твои разбойники начали все чаще вторгаться в мои земли? Разве мы уже враги?

Шварцкопф изумился:

— Мои разбойники? А не твои лезут в мои земли, где уже трижды за это лето угоняли скот?

Я сказал тепло:

— Пойдемте в дом, если там успели подмести. Может быть, нас даже накормят.

Квентин сказал ехидно:

— Вообще-то я еду взял. Болотники всегда были скупыми.

— Не скупыми, — огрызнулся Шварцкопф, — а экономными. Прошу вас, там уже накрыт стол. Со вчерашнего дня.

Квентин остановился.

— Тогда там все прокисло! И протухло.

— Стол накрыли! — повторил Шварцкопф. — Ска-тертями!.. А еду принесут, когда сядем.

— Прости, — сказал Квентин, — я просто не знал, что и вы теперь почти как люди. Идем, идем...

Перед нами распахнули ворота, все кланяются, но кто как, и все смотрят блестящими от любопытства глазами, в воздухе дух перемен, хотя никто не знает, чего ждать и чего бояться.

Шварцкопф ведет меня с достоинством, но поглядывает ревниво, я вдвое моложе, но уже правлю Варт Генцем, значит, не только ростом выше на палец, но и явно сильнее...

Внутри я с любопытством огляделся, здесь можно не блюсти королевское достоинство, я как бы на этнографической экскурсии по эпохе деревянного зодчества, нужно успеть осмотреть, пока окончательно не исчезло под напором каменных строений.

Дворец в самом деле дворец, хоть и весь деревянный: просторный, в три этажа, с высокими потолками и множеством комнат для гостей, но на первом этаже широко раскинулся, распахнув в стороны стены, гро-

мадный зал, прибывающие на съезд вожди точно поместятся легко, еще и останется свободное место.

Шварцкопф показывал все с гордостью, потом к нему подбежал один из старших слуг, торопливо пошептал на ухо, и Шварцкопф, кивнув, повернулся к нам.

— Там уже накрывают на стол, — сказал он и метнул злой взгляд на Квентина, что раскрыл было рот и тут же со стуком захлопнул. — Пойдемте, пока не остыло...

Еще с порога я уловил сильный аромат наваристой ухи, а Шварцкопф с удовлетворением посмотрел, как у меня задвигались крылья носа.

— Это красноперая белорыбица, — сообщил он гордо. — Только у нас и водится!

— Запах удивительный, — сказал я, — бодрящий даже...

— А что будет, — проговорил он загадочно, — когда отведаете...

— Уже предвкушаю, — сказал я и потер свои лапы. — Ох, и наемся же на три дня вперед.

— Можно на две недели, — сообщил он серьезно. — Правда-правда!.. За нею это свойство давно заметили. Жаль только, поймать непросто.

Двое дюжих парней внесли массивный котел с ручками, из-под толстой чугунной крышки вырываются струйки ароматного пара. Неуклюжие слуги, расторопности которых мешают богатырские плечи и толстые руки, со стуком поставили перед нами троими большие глубокие миски.

Один поднял крышку, оттуда повалил пар, словно там все еще кипит, а умопомрачительный запах растекся по всему залу и заставил мой желудок подпрыгнуть и приготовиться хватать, как Бобик, все, что будет падать сверху.

Повар зачерпывал и ловко наливал огромной пова-

решкой в миски, не проливая ни капли. Я уже держал деревянную ложку в руке и с нетерпением ждал, когда эта черепаха закончит, и едва он перенес внимание на миску Квентина, я тут же зачерпнул эту густую наваристую уху, где плавают мелкие куски белого мяса и некая зелень.

Шварцкопф посматривал горделиво, его миску заполняют последней как хозяину, успел с наслаждением полюбоваться, с каким аппетитом ем я, обжигаясь и кривясь, но работая ложкой все быстрее и быстрее.

Да и Квентин, хоть и соперник, но отдал дивному блюду должное: молча и не глядя по сторонам, ест с аппетитом, не отвлекаясь, целиком погруженный в смакование дивного блюда.

Я не отвлекался, пока ложка не начала скрести по доньшку, а Шварцкопф, что все наблюдал за мной счастливыми глазами, сказал с чувством:

— Как же люблю, когда у людей хороший аппетит!

— Смотря на что, — ответил я. — Когда такое блюдо, я даже не знаю, как можно не наброситься!

Пустую миску забрали и тут же поставили широкую с низкими краями, а на нее выложили крупную рыбину, хорошо проваренную, с отслоившейся кожей.

Я подумал было, что уха на первое, а эту же рыбу на второе — вроде бы чересчур, однако ноздри уже ухватили сильный призывный запах, я взял первый ломоть и, еще не забросив в пасть, ощутил, что нет, не чересчур.

Мясо удивительно нежное, тает во рту, но странное ощущение бодрости и ясности продолжает вливаться в тело и заполнять его от кончиков ушей и до пяток. Обычно от еды я малость, а чаще совсем не малость, соловею, мысли копошатся вялые, как угри в придонном иле, но сейчас голова все яснее, вот слушаю, как тихо переговариваются Квентин и Шварцкопф, а сам

как бы сам по себе выстраиваю линию, что скажу вождам Скарляндов, что предложу, на что милостиво соглашусь, что абсолютно неприемлемо, ибо их земли заслуживают лучшей участи...

Кстати, надо тщательно выдерживать, в каких случаях говорить «земли», а когда «Скарлянды», сам же термин «королевство» употреблять как можно реже до поры до времени...

Шварцкопф все поглядывал на меня, а когда решил, что темп поедания красноперой белорыбицы у меня снизился, поинтересовался с осторожностью:

— Ваше высочество, как там в Варт Генце?

— Пока тревожно, — сказал я. — Гражданскую войну предотвратить удалось, но мечи в ножны главы могучих родов не вкладывают и войска не распускают.

— И чего ожидаете?

— Что справлюсь, — ответил я скромно. — Когда братья не могут поделить имущество, они приглашают человека со стороны и клянутся, что примут его решение.

— А примут?

Я доел последний кусок, ясность и сила переполняют тело, вытер пальцы о скатерть и сказал деловито:

— Если буду решать в пользу большинства, то большинство меня и поддержит. Это вообще единственно разумная политика.

Квентин фыркнул:

— Большинство? Да большинство вообще желает жрать, пить, спать и ничего не делать!

— Верно, — согласился я. — Это надо обещать. Вам что, жалко пообещать такое? А делать должны то, что нужно Скарляндам. А вашим землям нужно такое, что не добудешь, если только жрать, пить и ничего не делать.

Квентин промолчал, а Шварцкопф проворчал:

— Что?

— Укрепить оборону, — сказал я прямо. — Когда сильный сосед зарится на ваши земли... что нужно сделать в первую очередь?

Они промолчали, ответ очевиден, оба настолько одинаковые в своей мрачности, что прямо близнецы и братья. Шварцкопф подал знак, чтобы несли сладкое, а когда на столе появились всевозможные пироги, оба одновременно потянулись к тем, где мясная начинка, а я предпочел медовые, еще пахнувшие цветами и пчелами.

Несколько раз на пороге возникал молчаливый управляющий, а когда Шварцкопф обращал на него вопрошающий взгляд, смиренно докладывал, что при- был еще такой-то вождь такого-то племени.

Квентин наконец проронил:

— Можно было бы назвать какой-то день, чтобы успели собраться все...

Оба посмотрели на меня, я кивнул и ответил мирно:

— Можно.

Они ждали продолжения, но я неспешно пожирал нежную мякоть пирога, и Шварцкопф спросил озадаченно:

— Это было сделано намеренно?

Я прожевал, покачал головой:

— Нет.

— А почему?

Я посмотрел ясными честными глазами.

— Дело в том... что это нужно вам, а не мне. Хотя мне тоже желательно, чтобы у вас все было тихо и мирно, мы же соседи, но все-таки если что у вас пойдет не так, то у меня аппетит не сильно испортится и спать я буду все так же спокойно.

Они снова помолчали, наконец Шварцкопф проворчал:

— Это понятно. Своя рубашка всякому ближе.

Потом Шварцкопф позвал нас на широкую веранду на третьем этаже, там мы сидели с чашами вина в руках, смотрели, как на разных направлениях вдали клубится пыль, со всех сторон света в город скачут гонцы, соскакивают вниз и, отдав коней, бегут наверх, где сообщают Шварцкопфу торопливо, что их вождь едет и прибудет вот-вот.

Вообще-то время съезда я намеренно не назвал, нужно увидеть, как отреагируют, а в это время Квентин и Шварцкопф уже ерзают и уговаривают начинать разговор с вождями, все основные уже приехали, даже если и не приехали, ибо чем будет меньше, тем больше у них двоих власти, но я подождал еще несколько часов, за это время прибыли сразу трое вождей достаточно крупных объединений племен.

За стеной города с юга, севера, востока и запада выросли шатры, окруженные отборной охраной. Вожди прибывают в центральный дворец Шварцкопфа в окружении телохранителей, но у входа у всех принимают оружие и пропускают в зал, оставив стражу снаружи, а внутри охрану за себя взял Шварцкопф.

Всех провожали в зал, а я вышел наверх на лестницу и внимательно всматривался в подъезжающих, прикидывая, как правильнее построить речь и какие слова покажутся наиболее убедительными.

Вожди все как на подбор: рослые и могучие, только от племени ердов явился седой и сгорбленный, да еще от ганичей прибыл совсем юноша, но при нем два очень немолодых наставника. Как мне сообщил шепотом Квентин, это Коготь, сын погибшего Арданта, вождя керенгариев. Арданта все очень уважали, потому там хотят, чтобы его сын продолжал его дело.

Зачатки престолонаследия, мелькнуло у меня. Или

просто избегают начала войны внутри племени за власть. Все-таки любое племя состоит из родов, самые могучие из них восхотят поставить вождем своего, а если вот так, то все смирятся... может быть.

Я возвращался на веранду, ходил так взад-вперед, после белорыбицы в самом деле мозг работает чисто и ясно, в теле звериная бодрость, сердце работает мощно, требуя нагрузки, хорошо бы на коня и — навстречу ветру, где буду всяких там сшибать с ног, топтать и выказывать превосходство.

Время от времени я возвращался и поглядывал в зал, снова и снова всматриваясь в лица собравшихся. Пока что это больше полевые вожди, военные лидеры, только от ердов старый Гарасдир и выглядит тем, кого избрали за мудрость, а не за умение повести воинов в атаку.

Наконец появился Шварцкопф, на возвышении стол на пять-шесть человек, сейчас пустой, справа и слева массивные подсвечники, все свечи горят ярко.

Шварцкопф приблизился к столу, но садиться не стал, прокричал зычно:

— Его высочество гранд Варт Генца Ричард Завоеватель!

Громко и торжественно потрубили трубы, Шварцкопф постарался найти умельцев, я вышел из боковой двери, улыбаясь и вскидывая руки, весь из себя абсолютная уверенность и благополучие, прошел к столу и кивком велел Шварцкопфу сесть.

Он подчинился, это играет на меня, понял, а я, стоя, сказал бодро:

— Вы все уже наверняка знаете про драматические события в соседнем Варт Генце. Королевская семья погибла, а дабы избежать борьбы за власть, мудрые вожди Варт Генца передали ее мне как старинному другу

короля Фальстронга и верному союзнику их королевства... Нет-нет, я не собираюсь вам предлагать поступить так же, успокойтесь! Вы можете все тут хоть перебить друг друга, мне важнее, чтобы не вторгались в Варт Генц!

Глава 13

В зале начались тихие разговоры, хотя с меня пока что не спускают глаз, а Шварцкопф на правах хозяина заметил громко:

— Ваше высочество, вы прекрасно понимаете, что у нас для этого сил явно недостаточно.

— Для войн, — напомнил я, — а для набега на села вблизи границы хватит у любого племени!.. Пока я соберу армию, у вас тут откочуют, а я ударю по его соседу, что поспешит занять освободившееся место?.. Ладно-ладно, насчет того, что мне все равно, перебьете вы друг друга или нет, я пошутил, конечно. Мне очень не все равно, я все-таки христианин, хотя уже и политик...

В зале поднялся рослый мужчина с ужасающими шрамами на лице, громыхнул тяжелым голосом:

— Вождь племени ятваргов, Гардард Быстрый. Ваше высочество, мы слышали, что вам настойчиво предлагали корону Варт Генца, но вы отказались?

Я кивнул:

— Вы слышали верно.

В зале начался заинтересованный ропот, а вождь сказал гулко:

— Почему?

Я улыбнулся, вскинул руки, приглушая шум:

— Скажу честно, я очень не люблю неприятности. Особенно, что грозят мне, ха-ха. Ну, скажите, зачем мне принимать корону, которую у меня все равно че-

рез пару лет отберут как у чужака?.. Я согласился принять лишь временно власть сроком на год, чтобы прекратились междоусобицы в стране, где король Фальстронг относился ко мне лучше, чем к собственным детям, и хотел бы, чтоб я был его сыном.

Вождь кивнул, удовлетворенный ответом, сел, но поднялся Шварцкопф, явно наслаждаясь ролью главного.

— У меня есть вопрос, — сказал он громко. — Зачем вы пригласили нас на эту встречу?

— Хороший вопрос, — ответил я с удовлетворением. — Я долго думал над ситуацией в Варт Генце, что вынашивает планы по вторжению в Скарлянды... да-да, это собирался сделать еще король Фальстронг, но я сманил его на войну против Турнедо, потом собирались его сыновья... да и не только потом, они всегда собирались.

Шварцкопф прогудел мощно:

— До нас доходили эти слухи.

— Любой из сыновей, — сказал я, — кто занял бы трон после отца, повел бы армию сразу же на ваши земли!..

В зале мрачнели, я их понимаю прекрасно, в Варт Генце армия, а здесь пока только отряды.

— Да, — сказал я, — вам повезло, что сыновья затеяли переворот, отец, по их мнению, слишком долго жил, но силы не рассчитали, и в кровавой резне погибли и сами, хотя отца убить успели, сволочи...

Шварцкопф спросил:

— Так опасность миновала или нет?

Я покачал головой:

— А вы как думаете?

Он прогудел:

— Не знаю... Наше королевство — лакомый кусок!

— Верно, — согласился я громко. — Дело даже не в

короле и его сыновьях. Сейчас их нет, но про вторжение в ваши земли поговаривают практически все военачальники...

Лица в зале разом помрачнели так, словно туча закрыла солнце, и здесь воцарилась плотная тень. Они даже не переглядывались и не переговаривались, прекрасно знают, а также обреченно понимают, что противопоставить могучей армии ничего не могут, кроме затяжной партизанской войны, что не спасет их королевство, а только разорит еще больше.

— Ситуация такова, — сказал я жестко, — вы вожди племен, вы люди тертые, опытные и все видите трезво. Я не сообщу вам новость, если скажу, что Варт Генц все равно сделает попытку захватить Скарлянды и присоединить земли к своему королевству. И для вас тоже не новость, что Варт Генцу такое удастся довольно легко...

Они смотрели злобно и хмуро, все-таки я гранд Варта Генца, и войска могут прийти именно под моими знаменами. С другой стороны, непонятно, почему выкладываю это им сейчас.

— Для вас не секрет и то, — сказал я, — что ваша междоусобная война — самое лучшее, что вы можете предложить противнику.

Вождь Гардард Быстрый прорычал с ненавистью:

— Да лучше уж Варт Генц, чем мои земли будут топтать проклятые кракофорсты!

Один из вождей, могучий мужик в кольчуге, вскочил, полыхая гневом, я понял, что он вожак этих проклятых кракофорстов, но за его руки и плечи ухватились сразу несколько человек, силой заставили сесть.

— Согласен! — крикнул он в бешенстве. — Лучше уж армия вартгенцев, чем это ничтожество будет под покровом ночи воровать наши стада!

Шварцкопф воздел себя во весь рост и прогромы-
хал на весь зал:

— Тихо!.. Тихо, я сказал!.. Мы собрались не спорить!

Сразу несколько голосов разъяренно завопили:

— А зачем?

— Знал бы я...

— Нас оскорбляют?

— Кто этот Шварцкопф?

— Это ловушка!

— Нас хотят перебить!

Шварцкопф проревел во всю мощь:

— Тихо! Дайте его высочеству сказать, а потом хоть головы о стены поразбивайте!

Шум стал стихать, я заговорил громко и уверенно:

— Я человек в Варт Генце новый, потому сперва начал рассматривать карту королевства, особенно приграничные районы, бегло проглядел историю... И вдруг заметил то, что ускользало от взгляда вартгенцев... или же они старались не замечать этого вопиющего факта!

Все превратились в слух, Шварцкопф не выдержал, спросил жадно:

— Какого факта?

— Очень важного, — сказал я. — Варт Генц, как некоторые из вас еще помнят, был некогда частью великих и неделимых Скарляндов!.. Как все вы знаете... ну, хотя бы кто-то, в не такие уж и давние времена Скарлянды и Варт Генц были одной страной, одним народом, и правил ими великий и мудрый король Улагорн Скачуший!.. Потом в какие-то периоды междоусобных войн одна, меньшая, часть отделилась, сумела покончить на своей территории с распрями, и стала именоваться Варт Генцем по названию одной из провинций, объявив себя отдельным государством.

Один из молодых вождей, что и названия такого, как Варт Генц, явно еще не слышал, крикнул с восторгом:

— Да, так и было!

Я кивнул ему и улыбнулся в ответ:

— Вот не по годам мудрый вождь прекрасно все понял, потому что и сейчас некоторые земли у вас самих стараются обособиться, не так ли?

Вождь закричал первым:

— Так!

И сразу несколько голосов поддержали:

— Истинно!

— Верно!

— Так и было!..

— Предатели!

Я вскинул руку и сказал громко:

— Потом, пока у вас спорили и дрались за власть, было страшное нашествие армии Карла. И снова Скарляндам не повезло из-за их равнинного положения. Варт Генц, частично отсидевшись в горных крепостях, а также в глубоких подземельях, оправился раньше, вывел из крепостей и пещер остатки войск, собрал их в армию...

Шварцкопф сказал громко, чтобы слышали все:

— Но сейчас правите вы? Значит, вторжения не будет?

Я покачал головой:

— Пока правлю я, вторжения не будет. Обещаю!

Кто-то из залы выкрикнул:

— Но вы сказали, что приняли власть только на год?

— За год можно успеть много, — ответил я. — По моей инициативе Варт Генц шлет сюда караваны с продовольствием и посевным зерном. Я чуть ли не

единственный в Варт Генце помню, что Скарлянды — мать, а Варт Генц — всего лишь ее ребенок, отделившийся в незапамятные времена, потому он не должен забывать о родстве и переставать делать попытки вернуться в материнское лоно!

Все в зале и до того слушали очень заинтересованно, но теперь вообще просто затаили дыхание.

Шварцкопф проговорил, запинаясь:

— Ваше высочество... вы смотрите со стороны, а со стороны, конечно, виднее...

— Я посмотрел старые хроники, — сказал я, — чего никто из местных не делает, им-то зачем?.. А там ясно написано, что Скарлянды и Варт Генц были единой страной. Я полагаю, что пора восстановить историческую справедливость и воссоединить эти земли...

В зале тревожно загудели, я торопливо вскинул руку:

— Тихо-тихо, я понимаю, о чем вы все подумали в первую очередь! Что за жизнь у нас, если о таком думаем всегда в первую очередь? Нет, ничего подобного. Никакого завоевания. Добровольное и неспешное объединение, в котором у Скарляндов будут преимущества перед Вартом Генцем!

Снова в зале поднялся шум, все громко говорили друг с другом, спорили, я видел, как багровеют лица, а в глазах начинают блистать грозные молнии гнева.

Наконец поднялся тот седой и сгорбленный, вскинул руку, я с изумлением увидел, что шум начал стихать.

Он повернулся ко мне, голос вождя прозвучал негромко, но его услышали все:

— Я вождь Гарасдир от племени едров. Мне, например, не совсем понятны преимущества Скарляндов, о которых вы упомянули, если в самом деле такое объединение произойдет...

Я ответил бодро:

— Это же очевидно! При общем равенстве у скарляндцев преимущество в том, что их вдвое больше, чем вартгенцев. Значит, и голосов. Второе преимущество в том, что в Скарляндию не вторгнутся войска Варт Генца...

Он помолчал, сказал снова:

— Будут два короля в одном государстве? И как уживутся?

Я покачал головой:

— Нет, так не получится. Не уживутся, да и не потребуется. Я же сказал, в Варт Генце погибла вся династия, а потом начались безобразные династические войны. И в конце концов под моим руководством Совет Мудрецов решил не искать тупиковые пути, а вернуться к старому доброму изначальному!.. То есть будет один король. Король Скарляндов. Хотя по ряду важных причин мы пока договорились о таком решении помалкивать.

Шварцкопф спросил громко:

— Почему?

Я пожал плечами:

— Я же сказал, никакого завоевания! А если так, то нужно ваше согласие на такое...

Все затихли, переваривали сказанное.

— А... король Варт Генца? — спросил наконец Гарасдир осторожно.

Я снова помотал головой:

— Зачем? Это опять рознь, взаимные подозрения, упреки, недоверие... Достаточно одного короля. Я считаю, что им должен быть король Скарляндов, так как Скарлянды, повторяю для тугоухих, вдвое больше по территории Варт Генца.

Вождь Гарасдир смотрел на меня пристально и с подозрением в умных глазах.

— А что сейчас в Варт Генце?

Я ответил твердо:

— Вы можете послать своих людей в Варт Генц и перепроверить мои слова. Корону короля предлагали мне! Очень настойчиво, кстати. Вам это подтвердят все, даже вон вождь Квентин. Дважды предлагали. Я дважды отказался. Но, видя, как Варт Генц погружается в пучину гражданской войны из-за королевского трона, я согласился принять верховную власть...

Гарасдир уточнил:

— Королевскую, но не титул короля?

— Но не короля, — подтвердил я. — Это я уже говорил.

— Да, говорили, но все-таки... Не совсем понятно почему?

Они все затихли и смотрели с великим ожиданием. Я выпрямился и сказал с твердостью в голосе:

— Не говоря уже о том, что у меня очень далеко отсюда есть свое королевство, кстати, больше Скарляндов и Варт Генца, вместе взятых, богатое и роскошное, на берегу теплого океана, главное в том, что король должен быть скарляндский. Твердо и решительно повторяю снова и еще раз — скарляндский!.. На оба королевства, которые... снова станут одним целым, как и раньше, в старину, раз уж мы ее так любим. Вот, собственно, все, что я хотел вам предложить. На этом удаляюсь, у меня масса дел, да и вы обдумайте, посоветуйтесь, прикиньте. Я предлагаю встретиться здесь же через месяц.

Гул голосов прервался, на меня снова уставились с подозрением, а Шварцкопф спросил громко:

— Почему через месяц?

— Скарлянды, — сказал я уважительно, — огромное пространство!.. Успеете до заморозков и снега посоветоваться и с самыми дальними племенами. Сами

тоже обдумаете еще и еще. Я хочу, чтобы решение, которое примете, было твердым и окончательным.

Шварцкопф сказал гордо:

— Мы — вожди! Наше решение — решение нашего племени. За пару дней, пусть за недельку, мы выработаем все...

Я покачал головой, сказал так же твердо и с достоинством:

— Не хочется напоминать лишний раз, но Скарлянды не являются для меня главными. И неделю я здесь сидеть не буду в ожидании вашего решения. Оно важно только для вас самих, а не для меня. Если откажетесь, что ж... у вас есть еще год, чтобы подготовиться к неизбежному вторжению со стороны Варт Генца. Повторяю в который раз: пока я у власти, не позволю вводить сюда войска, как бы меня ни уговаривали...

Шварцкопф переспросил, и я не понял, больше в его словах страха или надежды:

— Год?

Я кивнул:

— Год. Будучи человеком обязательным, я ровно через месяц заеду узнать, на каком решении вы сошлись. Думаю, даже самые медлительные сумеют прийти к некоему консенсусу.

В зале снова зашумели, явно слишком быстро такое великое собрание закрывается, но, с другой стороны, оно не закрывается, а это я деликатно даю возможность обсудить все без меня, обговорить все детали и выявить подводные камни.

Если что и ускользнет сегодня, то вспомнят завтра-послезавтра, но и для самых тугодумных впереди еще целый месяц, когда могут долго советоваться с мудрецами, прикидывать разные варианты.

Я скинул руки, поулыбался и ушел через заднюю дверь прямо во внутренние покои. Шварцкопф остался

руководить собранием, где началось бурное обсуждение сказанного грандом Варт Генца, а также вариантов, как обустроить Скарлянды, но Квентин пошел следом за мной, а я прошел все залы насквозь и вышел в холл.

Квентин спросил обеспокоенно:

— Вы хотите отбыть сегодня?

— Сегодня? — переспросил я. — Сейчас!.. А то моя собака лопнет здесь на кухне. Надеюсь, ее белорыбичей не кормили?

Он покачал головой:

— Нет. Но она сама ухитрилась сразу же спереть самый большой кусок.

— Ну вот, — сказал я с неудовольствием, — совсем мне собачку испортите...

Конюхи вывели арбогастра, Бобик вышел из терема сытый и довольный, как медведь осенью, я поднялся в седло, а Квентин тут же заторопился:

— Мы вас проводим немножко, ваше высочество!

— Куда?

— До границы с Вартом Генцем!

Кто-то из его людей сказал почтительно:

— Или дальше, как пожелаете!

Я сказал весело:

— Если не отстанете.

Все торопливо вскакивали в седла, большой группой выметнулись за пределы города. Я оглянулся, почти сотня знатных людей Скарляндов решили торжественно проводить нас до самой границы королевства.

Я вскинул руку в прощании, а Зайчику сказал негромко:

— Давай галоп! Но полную скорость не показывай, нечего им...

Он тряхнул головой, стук копыт стал чаще, и скачущие сзади всадники затерялись позади в клубах пыли.

Глава 14

Сейчас, стучало у меня в голове, все в Варт Генце, даже самый близкий друг, мудрый Меганвэйл, уверены, что мне, властелину огромного и богатого королевства на берегу южного океана, в самом деле совсем не нужны эти бедные северные земли.

Только я вижу, что в Сен-Мари моя власть слабеет с каждым днем. Укрепить можно, как ни парадоксально, именно с помощью далеких и бедных северян. Даже мои верные лорды, двинувшиеся за мной из Армландии, сражавшиеся отважно и преданно там и в Сен-Мари, отважно защищавшие меня своими телами, за что и получили титулы и немалые земельные угодья, уже того, готовы ворчать и выражать недовольство.

В том смысле, что в полученных угодьях собираются быть полными хозяевами, то есть свой суд, свои налоги, своя армия, а на зов короля будут откликаться лишь в случае, если им это покажется интересным. Демократия, в общем. Ну, как и везде.

Я бы не сказал, что попытаюсь ввести некую восточную деспотию. На Востоке, кстати, в начале становления было, как и здесь, но в конце концов кто-то один из лордов подчинял других и устанавливал единоличную власть. Просто мы узнали о Востоке, когда там уже были эти деспотии, и существовали они тысячелетия, потому и запомнились.

В Европе же короли долго и трудно боролись с феодалами сперва просто за выживание, потом постепенно отбирали у них вольности, но еще долгие столетия отдельные феодалы были сильнее и богаче королей, однако таких становилось все меньше и меньше.

Я же сейчас в том периоде, когда почти все либо богаче и помогущественнее короля, либо имеют равные с ним надель. И мне очень даже непросто будет

провести за год-два те реформы, которые в Европе происходили сотни лет.

У меня только один козырь: знаю, как это происходило, что мешало, какие подводные камни грозили, на кого можно опереться, а какие слои населения окажутся союзниками ненадежными и обязательно предадут...

Кольнуло запоздалое сожаление насчет месяца. Можно было ограничиться двумя неделями, но уж очень хотелось подчеркнуть, что мне пофиг, что они там решат, я ничего от этого не имею, а они могут либо приобрести всё, либо это все потерять.

— Ладно, — сказал я вслух, — постараемся как-то убить этот месяц... Я что-то в последнее время наловчился в этом пока еще благородном деле... что становится все благороднее и благороднее.

Бобик начал упорно сворачивать в сторону, а когда мы не следовали за ним и перли дальше, крупно обижался, догонял, протестующе гавкал.

Я сказал с досадой:

— Мы не в город! Понял?

Он снова гавкнул, мне отчетливо послышалось «а куды?».

— К эльфам, — ответил я. — В Эльфячий Лес. А ты вообще-то умница, знаешь? Совсем скоро начнешь меня понимать с головы до самых ног. Это люди друг друга не понимают, свиньи поганые, что и хорошо, а тебе можно, ты лучше, ты безгрешная душа, хоть и ворует на кухне...

Эльфийский Лес появился и начал разрастаться стремительно, я велел Зайчику сбросить скорость, потом еще и еще. Стена деревьев приближается плотная, массивная и величественная.

Я всегда удивлялся, почему именно на опушке леса

самые гиганты, а там дальше может расти всякая кри-
вая и хилая мелочь? Неужто лес, как и люди, созна-
тельно выставляет на охрану рубежей самых крепких,
сильных и стойких?

И в самом деле, мы проехали между тесно постав-
ленными колоннами, толстыми, высокими и несокру-
шимыми, стволы уходят, постепенно сужаясь, в не-
мыслимую высоту, а там чуть ли не на уровне небосво-
да растопыривают зелень ветвей, за ними тоже крепкие
деревья, тоже ветераны, но не самые-самые, а когда
мы проехали еще, там уже просто милый такой лес, де-
ревья обычные, кустарник тоже обычный.

Я перевел дух, в скачке озяб от пронизывающего
встречного ветра, в то же время солнце напекло голову
и плечи, в странном мире Господь поселил человека, и
сейчас наслаждаюсь теплым воздухом и желанной про-
хладой.

По земле, усыпанной то коричневыми иглами, то
желто-красными листьями, впереди нас бежит ажурная
тень, словно над моей головой колышется мелкочей-
стая рыболовецкая сеть, она же проскакивает и по спи-
не Бобика, делая его странно призрачным животным.

Дремотный полдень чувствуется даже в лесу, бабоч-
ки не порхают, а сонно сидят на цветах и деревьях, а
некоторые даже на земле. Стрекозы летают медленно,
сухие и жесткие даже по виду, таких даже в ладонь
взять не хочется, чтобы не оцарапаться, а шмели уце-
пились за головки цветков и висят под ними в сонной
дремоте, словно уже ночь.

Несколько раз я видел смазанные быстрые движе-
ния чего-то зеленого, меня увидели еще только подъез-
жающим к Лесу, а теперь передают от часового к часо-
вому, но никто не показывается, что значит — узнали,
но вступать в контакт все равно не хотят.

Я выехал на знакомую поляну и втайне порадовал-

ся, что хоть и с другой стороны приблизился, но направление взял точно, словно какой-нибудь вальдшнеп, что за тысячи миль точно скажет, где его скворечник. Или нора, кто их знает, где они живут.

Бобик ринулся в знакомую хижину, хотя у него теперь много знакомых, я не успел спрыгнуть на землю, как в дверном проеме появилась Гелионтэль, с мягкой улыбкой и добрыми глазами, совсем не похожая на ту отважную разведчицу, что с контом Астральмэлем наблюдала за ничего не подозревающими людьми.

Я покинул седло и сказал громко:

— Слава эльфам!.. Иди сюда, моя супруга!

Она согласно пришла в мои объятия, прижалась всем телом, я поднял ее за подбородок и поцеловал в огромные глазища, в которые невозможно смотреть без внутреннего трепета.

— Астральмэль, — проговорила она с неловкостью, — ну что ты... смотрят же все... Ты зайдешь?

— Что за вопрос? — изумился я. — Все государственные дела чрезвычайной важности бросил!.. Вот так и сказал: да гори они все пропадом, эти королевства, мне приспичило увидеть свою бесценную Гелионтэль!.. А там хоть Армагеддон устройте или Рагнарек, мне вот надо обнять свою жену, поняли?

Она сказала застенчиво:

— Ну, Астральмэль, что ты говоришь...

— Моя дорогая, — сказал я громко и еще громче расцеловал ее в обе щеки. — Ты права, пойдем к нашему брачному ложу.

— Ой, — сказала она и жутко покраснела. — Ты хотел сказать, пойдем к обеденному столу?.. Да, пойдем, я сейчас все приготовлю.

— Я помогу, — сказал я великодушно и, обняв ее за плечи, повел в ее жилище.

Мы обедали, когда мордвяка в люльке заорала ди-

ким голосом, Гелионтэль вскочила, едва не опрокинув стол, ринулась так поспешно, что я ожидал, вот схватит ее за ноги и, раскрутив над головой, шмякнет о стенку, однако моя эльфийка засюсюкала, дите ответило невнятным хрюканьем.

Гелионтэль сказала мне виновато:

— Она кушать хочет!.. Обедай пока сам, я ее покормлю.

— А подождать оно не хочет? — осведомился я раздраженно. — Все-таки младшие должны быть исполнены почтения к старшим и особенно — к родителям.

— Ох, Астральмэль, — сказала она, — нам же говорили, что тебе еще рано жениться, ты не готов принять благословение Матери Богини и Отца Дуба.

— Как не готов? — спросил я обиженно. — Дите же получилось? Значит, вообще-то готов. Главное — биология, а манеры могут и не быть. Дети и от дураков бывают, не только от манерных.

Она не ответила, взяла это чудовище на руки, оно тут же умолкло и начало дико оглядываться, а когда Гелионтэль распахнула верх платья и обнажила белоснежную грудь, это существо сразу же хапануло раскрытой, как у крокодила, пастью, втянуло крупный розовый сосок и принялось жевать так остервенело, словно не ело с неделю.

— Я не был готов жениться? — пробормотал я. — Гм... может быть, они были подспудно правы... У нас, эльфов, такое бывает.

В дверной проем кто-то заглянул, как мне показалось, но я увидел только смутную тень.

— Что-то у вас малоллюдно, — заметил я. — Пока ехал, никого не встретил.

Она посмотрела на меня огромными удивленными глазами.

— Астральмэль... Ты же знаешь, если эльф не хочет,

чтобы его видели, он станет незримым даже для близких.

— Ах да, — протянул я, — у гномов магия гномья, у эльфов эльфиная, а у людей бог знает какая, никто не разберет, эклектикой называется, а также именуется.

В двери снова мелькнуло, Гелионтэль уловила выражение моего лица, ласково усмехнулась:

— Это мои сестры... Приходят повозиться с малышкой. Все так хотят с ней поиграть, даже ссорятся.

— Нашли из-за чего, — буркнул я.

— У нас дети рождаются очень редко, — пояснила она серьезно, — ты же знаешь!.. Потому такая радость для всех!

— Тогда оставь этого хрюкальника им, — предложил я, — пусть повозятся, а мы хотя бы прогуляемся по Лесу. Или я покатаю тебя где-нить... далеко за Лесом! А то совсем заэльфилась, мы же с тобой разведчики, раньше ты не страшилась выходить за пределы Леса!.. Помнишь, как однажды встретили трех человек: Ричарда, Гугола и Сигизмунда?.. Правда, редкостные дураки? Да еще уроды?

Она лукаво покосилась на меня, легкая улыбка скользнула по ее губам.

— Дураки да, но что уроды... нет, Гугол был красавцем. Нам с тобой он сразу понравился, помнишь?

— Да, — согласился я несколько принужденно, — да, Гугол, конечно, совсем красавец... но и остальные два дурака тоже не уроды, как мне кажется...

— Ты слишком добр, — заметила она. — Они оба огромные, толстые, от них дурно пахло. А в Гуголе сразу почувствовалось что-то наше. Он и ростом был намного меньше, стройный такой...

В дверном проеме появился ярко одетый молоденький эльф. Я ожидал, что он тоже исчезнет, как только я перестану смотреть на него боковым зрением и взгляну

в упор, однако он остался, даже шагнул в комнату и от-
весил учтивый поклон.

— Конт Астральмэль...

— А как ты угадал? — изумился я громко. — Умные
тут эльфы, горжусь принадлежностью к великой древ-
ней такой расе, исполненной! А ты кто?

— Яндаэль, — ответил он. — Ее Величество короле-
ва Синтифаэль, рожденная из Света и Солнца..

— Повезло Свету и Солнцу, — заметил я.

— ...желает видеть вас, — закончил он и добавил со
смиренной ехидцей, — конт Астральмэль.

— А я как желаю! — воскликнул я. — Вот только
про это и думаю!.. И раньше думал. Куда бы ни шел, в
какое бы место... все равно думал!

Он с озадаченным видом отступил, на пороге обер-
нулся:

— Так вы идете?

— Беги вперед, — велел я. — Предупреди всех. Ну,
в смысле, кто не спрятался, я не виноват совсем, что
естественно в моем положении эльфа, давно не виде-
шего жены.

Он исчез, то ли в самом деле помчался предупреж-
дать, что это чудовище вышло на улицу, то ли съэль-
фил в полунезримость, я не стал всматриваться, к ко-
ролеве ж иду, поцеловал Гелионтэль и сказал ласково:

— Думаю, на этот раз меня еще не повесят.

Она вскрикнула в испуге:

— Астральмэль!

— К королеве же, — пояснил я. — А мы, сатрапы,
непредсказуемы. Да еще женщины...

Ее прекрасные глаза наполнились озерами чистей-
ших слез.

— Астральмэль, ты меня пугаешь!

— Я себя пугаю еще больше, — сказал я с болью. —
Но ведь это жизнь, Гелионтэль?

Она посмотрела с еще большим испугом.

— Ну, — проговорила она в неуверенности, — если ты так говоришь...

— Я говорю, — согласился я, — ибо что еще может благородный эльф? Мужество отчаяния, как говорил сэр Керкегор... но надо идти!

Она смотрела со страхом, как я красиво повернулся и мужественно вышел, стараясь держать спину прямой, а плечи развернутыми.

Глава 15

Дворец королевы все так же радостно сверкает золотом и нежными красками, как крылья только что вылупившейся бабочки. Мне показался исполинской игрушкой, выточенной лучшими на свете ювелирами, которым пришлось приложить все умение и весь талант, чтобы получилось такое дивное произведение искусства.

В прошлый раз здесь все выглядело иначе, даже не могу понять, в чем тут трюк, так подсветка в нужных местах может преобразить здание до неузнаваемости, а здесь вроде бы все, как и было...

Под ногами бодро похрустывает галька, а в прошлые разы, кстати, были то золотой песок, то шелковая трава. Золотые ворота, поблескивающие строго и благородно, приближаются медленно, давая возможность увидеть все и полюбоваться красотой и тщательно выверенным изыском, золота нельзя много, иначе будет пошло и безвкусно, но если нужно впечатлить, то да, вот эта масса, умело сформированная в произведение неземного искусства.

В прошлый раз эльфы то ли использовали свою магию, не показываясь мне, то ли в самом деле королева

их отправила арбайтэн, но сейчас встретили еще на входе, строгие и высокомерные, неподвижные, что для них совсем не трудно, вообще могут замирать хоть на сутки, хоть на год.

В холле меня встретил Кромантоэль, советник королевы, этот не изменил в себе ни одежды, ни прически, ни цвета волос, что по мне больше по-человечески, то есть по-мужски, чем по-эльфийски.

— Конт Астральмэль, — произнес он сухо.

— Благородный Кромантоэль, — ответил я.

— Ее Величество королева Синтифаэль, — произнес он бесстрастно, — рожденная из Солнца и Света, сейчас в оранжерее кормит бабочек.

— О, — сказал я и остановился. — Тогда я пойду обратно!

— Конт?

— Не могу же прерывать такое жизненно важное дело? — ответил я. — Если бы меня отвлекли в подобном случае, я бы тут же убил на месте.

— Конт!

— Да не хочу я быть убитым, — запротестовал я. — Ну что хорошего быть убитым вот так, по собственной глупости? Погибать нужно за что-нибудь важное, ну там на дуэли, когда кто-то задел тебя краем плаща, посмотрел в твою сторону косо или глупо ухмыльнулся. А вот так... не, я пойду!

Он сказал громче:

— Конт Астральмэль! В ряде случаев королева предпочитает принимать просителей в менее торжественной обстановке.

— Понимаю, — сказал я, — не все ее заслуживают, эту торжественность, да еще чтоб трубы дудели... Но тут такой пустячок, я не проситель!

Он пояснил с достоинством:

— Перед королевой все просители.

— Даже красавцы эльфы? — изумился я. — Ладно, тогда пойдем. Вообще-то хорошо быть эльфом! Королеву можно увидеть. Хоть на троне, хоть в оранжерее... а еще где ее можно увидеть?

Он не ответил, то ли счел вопрос неуместным, то ли бестактным. Вон у английских королей вообще нет ног, а эльфийская существует, может быть, только на троне и в оранжерее. И все.

Еще один проходной зал, где нужно смотреть прямо, а то справа и слева столько красот, что забуду, куда иду. Хотя я не слишком музейный и вернисажный, а если честно, то вообще мне как-то фиолетовы все раскопанные прекрасные якобы помпеи и геркуланумы, но здесь в самом деле везде щемящая и ошеломляющая красота, величие и торжественность. Если эльфы и дураки в строительстве дорог, то их художественный вкус, музыкальность и умение делать все красиво даже мою мохнатую душу под толстой шкурой весьма даже, весьма как бы впечатляет.

Двери при моем приближении распахнулись, а светильники по обе стороны вспыхнули ярче, огонь из оранжевого стал пурпурным.

Я перешагнул порог, дальше все залито светом, и если для кого-то нужен полумрак и копеечная свечка на столе, чтобы ощутить праздничность, то для меня — яркий веселый свет, когда все видно ясно и четко, а краски только светлые, легкие, блестящие.

Музыка зазвучала, едва я переступил порог, справа и слева от меня дивные растения, такие просто не могут существовать на свете, а бабочки порхают огромные, как птицы, словно здесь еще мезозой...

Из-за второго ряда растений вышла Синтифаэль, на троне она мне казалась высокой и величественной, но сейчас даже с короной на золотых волосах смотрится самой красивой на свете эльфийкой, надменной и

царственной, но все же ее голова мне до середины груди, ну прям гигантесса среди эльфов, однако мне придется смотреть сверху либо же встать на колени.

Впрочем, уже пора, я красиво преклонил колено, но голову откинул взад и не свожу с нее влюбленно-преданного взгляда.

Она приближалась медленно, неспешно и по-хозяйски, вот так, издали, да еще и чуть откидывая голову, можно оглядывать меня свысока, но посмотрим, когда приблизится...

Приближаться она не стала, остановилась, в руках золотое блюдо с горкой золотистых зерен, как догадываюсь, перга нектара, сама в том же оранжевом блеске, хотя платье другого покроя, менее строгое, но все же весьма прекрасная и надменная, золотая корона на этот раз увенчана оранжевыми шариками...

Я смотрел и не мог насмотреться, она же оглядела меня внимательно и строго, как учительница нашкодившего школьника, движением головы отогнала подлетевшую бабочку, но та все равно, тупая, села на края тарелки и принялась жрать, зачерпывая длинным хоботом и отправляя в довольно широкую паучью пасть.

Очень медленно, не шевельнув и пальцем, Синтифаэль произнесла тем четким голосом, в котором никто не смог бы уловить ни капли тепла, а только холодную блистающую красоту и безукоризненную музыкальность:

— Конт Астральмэль...

Я почтительно склонился:

— Ваше Величество!

— Конт Астральмэль, — повторила она задумчиво, — разведчица Изаэль, что весьма самовольно рискнула покинуть Лес и пообщаться с вами, говорит, что вы, конт Астральмэль, у людей пользуетесь огромной

властью. И даже влиянием, что еще важнее... Поднимитесь, конт Астральмэль.

Я воздел себя на ноги, пожал плечами.

— Ну, огромной или не огромной... это измерить трудно. Кто-то считает так, кто-то иначе...

Она продолжила тем же музыкальным голосом, но теперь в нем прозвучали холодные нотки, даже бабочка, на что уж дура, перестала жрать и поспешно упорхнула, пока крылышки не покрылись инеем:

— Я не сомневаюсь в словах наших разведчиков.

— Рад за Изаэль, — пробормотал я. — Я всего лишь ваш подданный, божественная Синтифаэль, Рожденная из Солнца и Света. Верноподданный, если точнее. Хотите, еще раз преклоню колено?

— Одного раза достаточно, — проговорила она.

— Но мне так хочется, — сказал я пылко. — Ваше Величество! Ну позвольте, я встану на колено?

Она спросила строго:

— Зачем это вам?

— А хочется, — ответил я пламенно. — Вот просто жаждется! Перед красивой женщиной мы просто обязаны преклонять колено и хвататься за сердце! А вы очень красивая, Ваше Величество, если вдруг не знали... А перед красивой королевой... так и вообще... можно, я даже лягу?

Она слегка нахмурилась.

— Станные у вас обычаи. И вообще... мне кажется, эльфы вашего типа слишком импульсивны. И нерасчетливы.

— Это точно, — заверил я. — Вот я никогда ничего не рассчитываю, как дурак просто, но мы же особые эльфы, просто обязаны быть чуточку сумасшедшими... не бойтесь, не покусая, хотя и страсть как хочется!

Она опасливо отодвинулась:

— Что это с вами?

— Страсть, — объяснил я пылко, — одна, но пламенная, как вообще-то у людей, но я вождь, потому у меня много этих пламенных... Человек без страсти — не человек, а так, существо. Без страсти ничего не происходит.

Она произнесла величественно:

— Люди, поддавшись голосу страсти на час, платят долгими днями скорби. Эльфы предпочитают владеть страстями, чтобы страсти не овладели ими.

— Да? — спросил я с интересом. — Значит, у вас есть латентные страсти? Вот уж не подумал бы... Может быть, стоит того?

— Чего?

— Подвыпустить страстишки? — спросил я. — Человек, который не позволяет страстям взять верх, так и не увидит жизнь! Думаю, это относится и к эльфам.

Она произнесла высокомерно:

— Мы видим жизнь во всех ее красках и проявлениях.

— А мы еще и под всеми углами, — похвастался я.

— Это как?

— Когда мы наклоняем жизнь, — пояснил я, — или когда она нас... Это обогащает опытом! А опыт, сын ошибок трудных... позволяет нам ширше и дальше. И вообще.

Она вздохнула.

— В этом и есть между нами разница. Вы стремитесь вширь, а мы совершенствуем себя.

— Вширь, — согласился я, — это заметнее, вы правы. Сразу видно, кто насколько и кого. А вот насчет усовершенствования... гм... говорит, что работает над собой, а если брешет?

— Эльфы не брешут, — возразила она с достоинством.

— Несчастные, — сказал я искренне, — вся культу-

ра отношений построена на брехне как прямо в глаза, так и за глаза. С другой стороны, людям будет очень приятно общаться с эльфами.

— Не дождутся, — отрезала она.

— Почему?

— Именно потому! У них будет огромное преимущество.

— Тогда и нам, эльфам, — сказал я, — жизненно важно научиться брехать много и часто.

— Зачем?

— Сделаем шагжок вверх по ступеньке цивилизации!

Она сказала гордо:

— Нам не нужна такая цивилизация.

— Увы, — сказал я с огорчением. — Другой нет. Была у неандертальцев, тоже не ввали, бедные... Ваше Величество, нам нужно продумать меры, как повысить объем товарооборота между нашими братскими народами.

Она посмотрела с удивлением:

— А что, он у нас есть?

— Пока нет, — слазал я гордо, — но это же здорово!.. Обменялись щепками — уже установили, можно раздавать премии и титулы, обменялись двумя — это же повышение товарооборота на целых двести процентов!.. Тоже награды за достижения, премии, титулы, земли, повышения по службе, льготы, привилегии... Нас с вами подданные прославляют, поют нам песни, гордятся нами, обтесывают и воздвигают памятники в натуральную величину...

Она прервала:

— Не поняла, зачем вообще товарооборот?

— Для предотвращения войны, — сказал я твердо, — между братскими народами и культурами. Народ, ставший на путь автаркии, обязательно будет вое-

вать, а вот если пшеницу собирать в одной стране, а горшки и тарелки изготавливать в другой, то воевать друг с другом невыгодно — оба королевства останутся голодными! А если ложки будут делать в третьей, то вообще!.. Давайте подумаем, кто без чего жить не может. Мы вот, скажу прямо и честно, как всегда говорю прямо в глаза и не краснею, мы не можем жить без эльфийской красоты!.. Вот смотрю на Ваше Величество, и душа моя воспаряет и поет сладко-сладко...

Она чуть отодвинулась.

— Но-но, от ваших песен у нас уши вянут. Что мы можем предложить? У нас в избытке лечебные смолы, соки и настои, что вылечивают любые болезни, кроме смерти. Как людей, так и животных, для нас нет разницы.

Я сказал бодро:

— Да? Вы уже настолько гуманисты?

— В смысле, — пояснила она, — действуют одинаково хорошо.

— А-а-а, — протянул я, — вы просто лекарства...

— Да, — отрезала она. — А вы просто что?

— Да вы же сказали... гм... что политкорректно не замечать разницы...

Она сказала холодно:

— Я не понимаю, что можно истолковать иначе.

— Лучше бы и мы не понимали, — заметил я. — А лекарства нам нужны. Особенно весной, когда бывает падеж скота. Хотя мне кажется, весной просто кормить тоже не помешало бы, но не все запасаются на зиму достаточным количеством корма. А среди эльфов есть ленивые?

— Нет, — отрезала она.

— Жаль, — сказал я искренне. — Мы бы подружились. Я тоже ленивый, мы бы поняли друг друга с полуслова. Общность малых конгломераций сближает

против тупого и черствого общества, не понимающего наших утонченных нужд... Вам поставки оружия не нужны? У нас самое высокотехнологичное, убивает легко и просто!.. А если среди эльфов вдруг есть интеллигенты, то могут убивать издали из дальнобойных луков, чтобы не видеть даже крови. Представьте себе, как это красиво и элегантно: спускаете тетиву — а там далеко эльф просто-напросто упал... Даже не эльф, а так, черточка. Статистическая единичка.

Она посмотрела с непониманием:

— А зачем?

— Как зачем? — удивился я. — Продажа оружия другим странам и народам — высокодоходная статья. А налог идет в госказну.

— Нет, — отрезала она, — это нам не подходит. Сами убивайте друг друга, а мы, эльфы, — одна семья, один народ!

— Это здорово, — сказал я, — надо вас познакомить с основами суннизма и шиизма... Как насчет предметов роскоши? Мы вам будем поставлять стеклянные бусы, хотя, как вы понимаете, это очень дорогой товар, еще можем предложить вообще уникальные ценности: камни из пирамиды Хеопса, землю, по которой ходил Адам, щепки от фигового дерева, под которым Змей повязал Еву, три черепа Каина, один совсем детский, второй подростковый, а третий со стрелой во лбу, это после его убийства Лемехом...

Она подумала, сказала с достоинством:

— Я подумаю, посоветуюсь с мудрецами. Хотя это и чужие для нас реликвии, но мы всегда чтим Традицию. А черепа невинно убиенного Авеля нет?

— Найдем, — заверил я с энтузиазмом. — Для вас найдем! Правда, это будет баснословно дорого, но вы же настоящие ценители искусства?.. Ну вот, так и думал. А нам взамен всего лишь такую приземленную

ерунду, как мазь от всех болезней и для женщин от-
дельно средство от морщин. Если его поставки пре-
вратятся, женщины любую войну отменят!

Она проговорила с некоторым сомнением:

— Но ведь люди и эльфы вроде бы не воюют?

Я охнул:

— Ну и что? Дело мудрых правителей — предотвра-
щать войны! Создать такие условия, чтобы войны и не
возникали!.. Вы ведь мудрая королева? Ну вот, а я про-
сто красивый. Мы в состоянии предотвратить глобаль-
ный конфликт, столкновение цивилизаций, добиться
гребаной мультикультурности, которая всем не нра-
вится, но тем не менее позволяет жить без войны, хоть
и как-то хреново... Мы добьемся великого будущего
для объединенного содружества эльфо-людей!..

Она слушала-слушала, в глазах появилось странное
выражение, а я наконец-то сумел оторвать взгляд от ее
колдовских глаз, волшебного прекрасных, обрамленных
длинными загнутыми ресницами, и мазнул им по тому
месту на платье, где две половинки скреплены крупны-
ми золотыми брошками с пурпурными камнями такого
чистого цвета, словно состоял из родниковой воды.

Если расцепятся, то платье моментально рухнет на
пол, на нем столько тяжелых брошек и золотого шитья...

Глава 16

Она перехватила мой взгляд, нахмурилась, а я подумал с раскаянием, что и здесь нужно держать на лице маску правителя, а то сейчас по мне видно все, что подумал и что представил.

— Что же, — проговорила она озабоченно, — я хотела вам сказать...

— Вспоминайте, Ваше Величество, — сказал я с со-

чувствием. — Вы так молоды, вам старче... возрастное ослабление вашей немыслимой интеллектуальной мощи пока еще не совсем грозит!.. Пройдитесь снова той же дорожкой, я опять преклоню колено... ах, как мне это понравилось! Вы, правда, не хотите, чтоб я лег перед вами?.. и все вспомнится, уверяю вас!.. Пусть даже не то, как обычно и бывает, но разве это важно?

Она подумала, слегка качнула головой, лицо осталось таким же озабоченным.

— Это вы меня сбили своим напором и дикими предложениями насчет торговли оружием!..

— Можно не оружием, — сказал я с готовностью. — А как насчет бус?..

Она покачала головой:

— Нет, что-то другое... Зачем-то же я вызвала вас?

— Может, — предположил я, — просто полюбоваться?.. Я же красивый, интересный, умный, замечательный, галантный и учтивый... в самом деле не хотите, чтобы лег?.. ну ладно-ладно, это от чрезмерной учтивости и благоговения, Ваше Величество, перед вашим великолепием, мудростью, проницательностью и вкусом, тактом и умением, а также зрелостью суждений и памятью...

Она вздохнула.

— Нет, в вашем присутствии точно не вспомню. Вокруг вас даже воздух странно взвинчен и хаотичен. Идите! Как только вспомню... и если это все еще будет казаться важным и тогда, призову.

Я с великом огорчением отступил на шаг, поклонился, сделав вид, что всерьез раздумываю, не лечь ли.

— Тогда я, Ваше Величество, с чувством глубокого и неподдельного прискорбия удаляюсь, как бы это было не...

Она произнесла величественно-отстраненно:

— Посетите вашу жену, конт Астральмэль, и позаботьтесь о ней.

— Да-да, Ваше Величество, — сказал я смиренно, хотя ощутил досаду, неприятно чисто по-эльфийски, когда женщина, на которую смотришь вот так, вдруг напоминает, что у тебя есть жена, лучше бы мордой о стену, и то гуманнее. — Конечно, Ваше Величество! А как же... Вот прям щас и побегу.

Она милостиво наклонила голову:

— Можете идти, конт Астральмэль.

Я поклонился, попятился и, наступая на что-то взмывающее мягкое, сделал еще три шага, повернулся и вышел из оранжереи в пространный холл, заполненный прохладой и красиво одетыми величественными эльфами и эльфийками.

На меня смотрели с настороженным интересом, я же от королевы, пришлось улыбнуться широко и чистосердечно, как царедворец царедворцам, что многих перепугало, но что делать, не умею улыбаться так, чтобы не показывать зубы, а мы те еще эльфы, плотоядные.

— Жизнь хороша, — сказал с глубоким убеждением я им на тот случай, если вдруг не знают о такой интересной гипотезе. — И весьма как бы!

Свежий чистый воздух леса пахнул в лицо, когда вышел из дворца и остановился на ступеньках, еще не решив, куда идти. Хорошо бы к Гелионтэль, да и королева послала меня к родному очагу, но какой же эльф моего типа вот так сразу и подчинится, если только посылают не в бордель или таверну?

Это вообще, вертелась в голове уязвленное, когда женщина напоминает тебе, что ты женат, и говорит, дескать, топай к ней, понял? Обидно как-то, уж и не стану докапываться почему. Просто обидно. И, конечно, назло не пойду...

Ноги медленно и торжественно спустили меня со ступенек на мягкую траву у входа. Вроде бы тут была галька... Не такие уж и консерваторы эльфы, если так часто меняют интерьер, хотя, с другой стороны, если меняют в рамках, то все равно ретрограды...

Раздумывая о проблемах мироздания, я побрел к окружающей поляну стене деревьев. От них веет несокрушимым спокойствием и надежностью, словно давно превратились в камень и так простоят даже не века, что века для эльфов, а тысячи и тысячи лет, даже зоны...

От деревьев пахнуло прохладой, я побрел между этими красиво расставленными стволами, помимо воли оценивая изысканный дизайн, в этом лесу вообще ничто не растет само по себе, даже здесь, вдали от дворца, под подошвами то трава, то золотой песок, то сухие хвойные иглы толстым слоем, хотя деревья совсем без всяких иголок.

В Скарляндах вожди племен сейчас усиленно совещаются, сперва как люди осторожные, вспоминают все мои слова и прощупывают на предмет ловушек и западней, ищут скрытые угрозы, заранее придумывают некоторые ответы и условия, однако, думаю, когда приеду снова, а это всего через месяц... Господи, целый месяц! Я дурак, что ли?.. Они уже будут изнывать от нетерпения... Хотя я уже сейчас изнываю и держусь.

Можно бы все это и за неделю, семь дней на обдумывание и выработку решения более чем достаточно, однако я должен сделать вид, что это нужно им, а с моей стороны лишь благотворительный жест...

Издали донесся негромкий оклик:

— Ричард!..

Безмерно удивленный, я туповато огляделся, деревья высятся мощные и величественные, корни красиво

вспучивают мох, ни кустов, ни травы, вообще пусто, только рыжая белка пронеслась, как живой огонек, сердито сверкнула на меня дикими глазами ужасного хищника.

— Ричард...

Я снова посмотрел по сторонам, наконец догадался взглянуть наверх. На самой вершине высокого дерева, где ветки только начинают показываться из ствола, среди листьев показалось смеющееся личико.

Я охнул:

— Изаэль, морда рыжая...

— Какой ты ласковый, — сообщила она. — Заходи в гости!

Я помахал рукой:

— Хорошо, спускайся. А где твоя норка, лисенок?

Она тихонько засмеялась:

— Это и есть мой дом. Поднимайся.

Я с сомнением посмотрел на дерево, больше похожее на корабельную мачту, где даже кора ободрана, не всякий жук по такой вскарабкается, разве что муравей, да и то не кампонотус, а так, формика, а то и вовсе тетрамориум какой...

— Ну, ты чего?.. А-а, поняла...

Сверху упала, коснувшись плеча, толстая лиана. Я ухватился, попробовал подтягиваться, однако оказалось, что достаточно держаться, меня вздернуло наверх так умело, что не успел даже охнуть, как зеленая плеть исчезла в огромном дупле.

Я не успел разжать ладони и влетел туда кубарем. Перед женщиной нельзя позориться, я перекувыркнулся, хоть и с трудом, но не показал вида, вскочил и встал в красивую стойку, якобы готовый к яростному бою с сотней противников.

Пещера очень даже просторная, хорошо освещена то ли древесными опилками, что и пахнут так вкусно,

что захотелось стать жуком-дровосеком, то ли магия на марше.

Я повел носом, еще чувствуются сильные ароматы цветов, клейкого сока и еще почему-то пахнет муравьями.

Изаэль было отскочила, когда я в поневоле красивом кувырке влетел в ее дупло, прижалась спиной к стене, испуганная и вся золотоволосая, с торчащими цветами на макушке, надо лбом и ушами, глаза удивленно-тревожные, наконец звонко расхохоталась, словно по всей пещере рассыпались крохотные серебряные колокольчики, а то и вовсе бубенчики..

— Какой ты... бурный!

Я ответил жарко:

— Так к тебе же спешил!..

Она подбоченилась, но, когда я поднялся с четверенек и отряхивал ладони, на всякий случай опасливо отступила. Ее босые лапки утопают в мягких, как пух, древесных опилках, на меня смотрит снизу вверх трусливо-нахально.

— Совсем не стыдно падать на колени перед женщиной, — сообщил я с достоинством. — И даже перед такой. Мы при виде вас всегда падаем до разных животных.

— Каких? — пискнула она храбро.

— Кто до свиней, — сообщил я, — кто до козлов и баранов, а я вот до дикого кабана, что сейчас тебя растерзает...

— Ой, не ешь меня, — попросила она, — еще пригожусь... может быть. Хотя насчет превращения... бре-шешь. Ну зачем ты бре-шешь?

— Из чувства прекрасного, — сообщил я. — Брехня приукрашивает жизнь и все отношения. Без брехни не было бы ни искусства, ни прогресса, ни самой цивилизации. И даже эльфов бы не было, так как вы — все из

брехни, такой же прекрасной, как крылья ваших бабочек, никогда не видел таких огромных, просто вороны, а не бабочки, летают и летают, дуры...

Я подошел к ней вплотную, она отступила на шаг и, споткнувшись о край ложа, села на него с размаху и уставилась на меня громадными испуганно-любопытными глазами. Длинные ресницы пару раз мощно хлопнули, придавая хитрющей мордочке беспомощно-глупое выражение.

— Эй-эй, — сказала она торопливо, — ты чего?

— Да вот думаю, — ответил я зловеще.

— Зачем? — спросила она испуганно.

Я в самом деле подумал и махнул рукой:

— Ты права, что тут думать? Ишь, раздумался, умный, значит. Прямо Буридан какой-то.

Она пугливо отодвинулась, когда я сел рядом, но моя загребушая ухватила ее за узенькие птичьи плечики и подтянула к себе. Подумав основательно, я пересадил ее себе на колени, так общаться удобнее.

Она на мгновение напряглась вся, я понял, что у эльфов такого жеста вообще не существует, и это вот ушастое сперва прислушивалось к себе и мне, потом слегка поерзало, устраиваясь поудобнее, легонько вздохнуло и совсем уже ослабило напряженные мускулишки.

Я придерживал ее за плечи, одновременно обеспечивая ей комфорт, чтобы могла свободно облокотиться, старался смотреть в лицо, но она пугливо отворачивалась, подставляя мне вытянутое кверху ухо с нежно-розовой раковиной.

Наконец я сильно дул в него, даже сделал вид, что плюнул, она завизжала в ужасе и попыталась удрать, но я держал крепко, на этот раз плотно прижал к себе, она некоторое время дергалась и вздрагивала от сладкого ужаса, еще не понимая, что я с нею делаю, но чув-

ствуя непривычный комфорт, словно вот так вся влезла в меня, где так тепло, защищенно и уютно.

Я косился на ее лицо, что-то бледнее, чем обычно, или это от освещения, что прямо из стен, все-таки там светлячки, а не магия. Обыкновенные такие магические светлячки.

— Ты что-то похудела, — заметил я. — Морда вытянулась, как у ундерлендской козы.

Она приподняла мордочку и спросила немножко одурело:

— Козы? А козы красивые?

— Еще какие, — заверил я. — Главное, хитрые. Тоже разведчицы, наверное, в прошлой жизни. А что ты не на земле?

— Мне тут больше нравится, — пояснила она сиплым голосом. — Я говорила тебе как-то, что мы с сестрой из другого народа эльфов. Но я была совсем маленькой, когда родители принесли нас в это королевство, ничего не помню.

Она пригорюнилась, тяжело вздохнула, голова втянулась в плечи, как у жалобного вороненка под дождем, а прекрасные глаза наполнились морем слез.

Я торопливо прижал ее к груди. Она тут же начала всхлипывать громче, как ребенок, которого пожалели.

— Не реви, — попросил я, — когда ты реवेशь, у меня просто сердце разрывается.

Она приподняла голову и посмотрела с великим удивлением:

— Почему?

— Не знаю, — ответил я. — Очень уж по-детски ты реवेशь. Патетически. Такое безудержное отчаяние... словно вселенная рушится.

Она в самом деле взревнула, я обнял крепче, и это существо все-таки перестало реветь, только тихо сопело, согревая мне грудь теплым дыханием.

— Ну как? — спросил я шепотом.

— Лучше, — ответила она тоже голосом робкой мышки. — Когда вот так, то кажется, что ничто в мире не может обидеть... Не понимаю. Я и так никогда никого не боялась.

Я осторожно уложил ее на ложе и сам лег рядом, не выпуская это теплое и хрупкое из рук. Она чуть подвинула задом, устраиваясь поудобнее, счастливо затихла, а я чувствовал, как в моей груди все нарастает и нарастает нежность к этому попискивающему существу с тонкими, как у птички, косточками.

Усталость дала себя знать, я вынырнул из сна, чувствуя, что блаженно продрых полдня, но мой рекорд побит: Изаэль все посапывает в моих объятиях, щечки покраснелись, губки припухли, вся разогретая, мордочка довольная, что-то снится лакомое, даже губами плямкает, словно лакает из миски молоко.

Я не двигался, отдаваясь покою, наконец она вздрогнула, в испуге приподнялась и посмотрела на меня дикими глазами.

— Ой, так это не снилось?

— Кошмар? — спросил я с сочувствием.

— Совсем нет, — возразила она. — Мы летали над лесами и горами... Нет, это ты летал, а меня держал в руках. И я совсем не боялась, представляешь?

— Нет.

— Эх ты, а мы так летали!.. Неужели ничего не помнишь?

— Ну так, смутно...

— Эх ты, — повторила она и сказала сердито, — а ты вообще летать можешь?

Я хотел отшутиться, но неожиданно для самого себя сказал:

— А как же! Не летать вообще-то стыдно. Не по-мужски.

Она посмотрела на меня с восторгом и ужасом.

— Как же это здорово!

— Да? — спросил я. — Ну не знаю, не знаю... Это вы, эльфы, все гуляете да цветочки нюхаете, а мы все по работе, по работе... Работящие как бы в общем. Как шмели, что мед собирают, только непонятно, куда он девается.

Она чуть напряглась, когда я подтянул ее ближе, но тут же расслабилась и сама прильнула ко мне, но прошептала, пряча глаза:

— И тебе совсем-совсем не совестно?

Я пробормотал:

— Вообще-то чуточку есть, если я правильно понял, о чем ты...

— Да все ты понял правильно!

— Но я же только с тобой, — заверил я.

— А с Гелионтэль?

— Там не я, — объяснил я, — а ее муж конт Астральмэль. А с тобой я, моя хитрая лисичка ушастенькая. Ричард тот самый.

Она улыбнулась:

— Да ладно, не оправдывайся! Так оно и есть, я просто дразнюсь. У меня настроение что-то в последние дни скачет. Ни с того ни с сего вдруг как-то становится грустно...

Я насторожился:

— Только не говори, что еще и подташнивает.

Она посмотрела на меня в удивлении.

— А ты откуда знаешь?..

Я охнул:

— В самом деле?

— Вчера первый раз, — сказала она, — у меня никогда раньше такого не было.

— Точно?

Она обиделась:

— Я-то себя знаю! Наверное, среди людей какую-то болезнь подцепила? Вы ж все постоянно деретесь...

— Мдя... — пробормотал я растерянно. — Вот уж как-то не весьма вовремя...

Она спросила встревоженно:

— У меня болезнь серьезная? Надо к лекарям?

— У тебя будет ребенок, — сказал я в лоб. — Вот тебе и благословение Вашей Великой Матери.

Она ахнула, откинулась на ложе, упершись в стену, словно намеревалась вжаться в нее и раствориться в дереве.

— Ты... серьезно?

— У людей беременных подташнивает, — сообщил я. — Хотя и не всех. Наверное, эльфизм у некоторых в латентной форме. Но это недолго, как я слышал откуда-то.

Она застыла, как кролик возле норки, которую вдруг завалило огромным валуном. В глазах не страх даже, а паника.

— Но это невозможно! Без великого Ритуала под священным Дубом...

— Увы, — сказал я, — это случилось. Давай думать, что делать дальше. У вас, наверное, есть безболезненные способы избавляться...

Она не сразу поняла, о чем я намекаю вот так деликатно, словно поленом в лоб, затем взвизгнула:

— Ты что? У эльфов так редко рождаются дети!.. Нас совсем мало!.. Королева будет безумно счастлива!

— Да? — спросил я с сомнением. — Что-то и как-то мне это не весьма в доверие, будто я и не совсем эльф словно... Мне кажется, Ее Величество не совсем так уж именно... Все-таки по долгу службы и занимаемой должности она просто обязана быть на страже Тради-

ций и Посконной Исконности. Хотя если ты права, то тебя не повесят и даже не побьют?

Она смотрела радостными глазами, мне показалось, меня совсем не слышит, а прислушивается к тому, что в ней происходит, хотя что там может так рано, не понимаю, да и вообще не наше это мужское дело докапываться до женских мелочей, а они все мелочи, если женские.

Мелькнула тревожнейшая мысль, не придется ли, как занюханному интеллигенту, разрываться между двумя женщинами, но потом поразмыслил и понял с облегчением, что нет, не придется. Это ботаники разрываются, а я воинственный ботаник, что и не ботаник вовсе, по крайней мере с виду и по замашкам.

К тому же это не совсем женщины, так что оправдание моим бесчинствам — вот оно, на ладони.

Она завозилась рядом, спросила с подозрением:

— Что-то ты повеселел, прям осветился изнутри!

— Мы такие, — ответил я, — совестливые. Мухи не уьем, если убедительно не докажем себе, что она вообще-то существо для всех вредное.

— Да? — переспросила она с интересом. — А когда убедите себя?

— Тогда все в порядке, — ответил я уверенно, — хоть города и села можем жечь весело и с чувством, хоть людей в топку живыми... Главное, чтобы совесть была чиста! Христос не примет людей в рай с нечистой душой. Потому мы всегда сперва решаем: хорошо так делать или нет?

— И что?

— Не делаем, — твердо сказал я, — пока не придумаем, почему это хорошо. Люди все делают лучше, если убеждены в своей правоте! Потому так важна роль здоровой и направленной на созидание пропаганды здорового разрушения, искоренения и выправления.

Все во имя свободы, гуманизма и теократии! Высокая духовность — наше знамя и наша уверенность в светлом будущем для всех, кто с нами. Полная демократия и абсолютная диктатура приведут нас к великому счастью!.. Все поняла?

Она так хлопала ресницами, что на меня дуло, но на мой вопрос вздрогнула и судорожно закивала, хотя мордочка обалдевая, но женщин это еще как не портит.

Я поцеловал ее, ссадил с колен и шлепнул по булочкам.

— Все, иди играй, а я пойду добывать счастья всем народам.

Она прошептала:

— Как скажешь... Ты вон какой...

— Сам удивляюсь, — ответил я скромно. — А еще я теперь человек с весом... Лиана выдержит?

Она изумилась:

— Но ты же можешь летать!

— Паладины не летают просто так, — отрезал я твердо. — Мы только по делу, а кто порхает по всяким тут, ему не только крылья отрываем, чтоб неповадно! И чтоб нас не позорил. Да и завидно..

Она придержала лиану, обвив ее вокруг сучка, но когда я перекинул ноги через край дупла, начала отпускать, и меня понесло к земле весьма быстро, не учитывают красавцы, что мы существа солидные...

Там, поднявшись и отряхнувшись, я помахал этой высовывающейся наверху мордочке, сказал себе, что вот сейчас я уже не Ричард, а конт Астральмэль, и пошел почти на цыпочках и оттопыривая мизинцы, вроде так на эльфа похож больше.

Гелионтэль опять кормит малышку. Оно оторвалось от пожирания, посмотрело на меня, скривилось и зевнуло во весь огромный рот, даже и не знаю, что это

за чудище, я бы никогда не сумел так распахнуть, это же бегемот какой-то, а не ребенок.

— Накушалась, — сказала Гелионтэль нежно, — моя красавица... сейчас спатанки будет... Не обижайся, Астральмэль, но я с нею лягу. Она лучше спит, когда маму чувствует...

— Разбалуешь, — сказал я с неодобрением. — Кем оно вырастет, если мама будет выполнять все ее желания?..

— Красавицей, — сказала она убежденно.

— Это ты у меня красавица, — сказал я, взяв ее за уши, притянул к себе и поцеловал в лоб. — Ладно, справишься как-нибудь, хотя я мог бы поруководить и здесь. Впрочем, ладно, надо ехать трудиться, а то я все как трудолюбивый шмель тут жужжу и жужжу, все мед эльфам таскаю.

Она посмотрела на меня с некоторым беспокойством.

— Уже уходишь?

— Мир воюет, — ответил я с достоинством, — если я буду прятаться в постели, то что я за эльф?

— Ты разве прятался?

— Почти, — ответил я. — А может, и прятался. Несоознанно. Мы же загадочный народ, хоть и не такой древний, как есть тут некоторые... в нас еще амебы живут, мы связаны с этим миром как никто вообще.

— Это как?

— Ну как бы тебе объяснить, — сказал я снисходительно. — Возьмем, к примеру, таких примитивных существ, как люди. Это для наглядности, опыты лучше проводить на дрозофилах, мышах и людях, они все примерно на одном социальном уровне развития и самосознания. Так вот в человеке две сути...

— Почему две? — спросила она. — У нас же одна.

— Мы чистый народ, — сказал я гордо, — а вот лю-

ди — помесь! Вторая ипостась принадлежит Змею, он то и дело вмешивается во все дела людей, гад ползучий... хотя тогда он еще им не был, гадом в смысле. Ходил на двух ногах и был красавцем, но пал, соблазнив чужую жену. Потому людей, его потомков, бросает из стороны в сторону, они кажутся нелогичными, хотя на самом деле все логично, только у них две логики, понимаешь?

Она сказала испуганно:

— Нет...

— Я тоже, — утешил я, — но это неважно, у них повод для гордости всегда есть, дескать, такие непонятые, даже если не сложнее амебы. Дай я тебя поцелую, моя ушастенькая...

— Каких ты странных привычек у людей набрался, конт, — сказала она с настороженностью.

— Ну ладно, ладно, — сказал я и по-эльфячьи потерся щекой о ее щеку. Она взвизгнула от жгучей боли, ее щека жутко покраснела, ободранная моей щетиной, вот-вот выступит кровь. — Вот видишь, мой ушастенок...

Когда я вышел на улицу, Зайчик уже недовольно всхрапывал и поворачивался к хижине то одним боком, то другим, а Бобик ревниво вклинивался между мной и вышедшей проводить меня Гелионтэль, распиная нас в стороны.

Я поднялся в седло, Зайчик красиво воздел себя на дыбы, помолотил воздух передними копытами. Я собирался пустить арбогастра вскачь, когда из-за дальних деревьев выбежал красивый нарядный эльфенок, замаяхал передними лапками и запищал громким голосом:

— Конт Астральмэль!.. Конт Астральмэль!.. Остановитесь...

Я придержал Зайчика, а Бобик побежал к эльфу и обнюхал его со всех сторон. Тот закрыл глаза, уже про-

щаясь с жизнью, и только поднимался на цыпочки, словно старался улететь и сесть на дерево повыше.

— Ну че? — спросил я.

— Ее Величество, — пропищал он, не раскрывая глаза. — Ой, он меня уже ест!.. Ее Величество королева Синтифаэль, рожденная из Солнца и Света... Он, он уже откусил от меня...

— Да это он просто целуется, — сказал я нетерпеливо, — за кого он тебя принимает, непонятно. Правда, я бы тоже не понял... Так что там с королевой?

Он пропищал отчаянно:

— Изволит принять вас!

— Ого, — сказал я с удовольствием. — Изволит принять меня... Весьма как бы звучит! Хорошо так, многозначительно... Еду, спасибо, что успел.

Часть вторая

Глава 1

Я не стал бросать повод Зайчика эльфам, не все формальности стоит соблюдать в дороге, спрыгнул, велел Бобику далеко не убегать, а сам быстрой деловой походкой направился во дворец.

Кромантоэль выбежал навстречу, непривычно торопливый, поклонился издали.

— Конт Астральмэль, — сказал он скороговоркой, — Ее Величество королева Синтифаэль...

— ...рожденная из Солнца и Света, — сказал я еще быстрее, — где она изволит меня?

— Принять?

— Ну да, — подтвердил я, — именно это и сделать, а вы что подумали?

Он поклонился:

— Прошу в эту дверь. Нет, нет, я же сказал, в эту...

— Как-то странно говорите, — обвинил я. — Вас бы в группу новобранцев да в лагерь на перевоспитание... Сюда?

— Да, Ее Величество королева...

— ...Синтифаэль, — сказал я, — рожденная из Солнца и Света... что делает? Кормит золотых рыбок?

Он остановился в диком изумлении и даже испуге.

— А как узнали?

— Я все знаю, — сказал я зловеще, — вас вот, к примеру, насквозь вижу...

Он исчез так быстро, что я не успел поугасть как следует насчет всевидящей инквизиции и рассказами про дыбу, ну и ладно, толкнул дверь, открылся милый задний двор с небольшим садом и прудом, королева сидит на крохотной скамеечке у самой воды и сыплет золотой ложечкой корм. Наверное, сушеных дафний.

Я с удовольствием преклонил колено. Она некоторое время смотрела пытливо, что-то у нее глаза слишком уж недоверчивые, наконец проговорила негромко:

— Конт Астральмэль.

— Ваше Величество, — откликнулся я.

— Конт, — сказала она, — я не сразу вспомнила, из-за чего вас в прошлый раз вызвала, так вы ошеломили меня своим напором...

— Ваше Величество, — сказал почтительно, — эльфы — народ благородный и весьма постоянный, как в любви, так и в местожительстве. А вот люди, увы, бродяги по натуре... Как-то в прежних скитаниях я наткнулся в дальних странах на самые разные обычаи. Как-то раз видел даже эльфов...

Она насмешливо поморщилась:

— Эльфов?

— Верно, Ваше Величество, — ответил я смиренно. — Вам угодно верить, что вы — единственный народ на свете, но я видел всякое! Один раз даже эльфа и гнома вместе...

Она отшатнулась в отвращении:

— Что?.. Эльфы никогда не унизятся до того, чтобы общаться с гномами!

— Это в вашем племени, — ответил я и уточнил, что, конечно же, народ, а не племя, это ясно. Великий и могучий, мудрый и благородный, а как же, знаем. Но в других местах все немножко совсем иначе...

— Такое невозможно, — ответила она резко. — Никогда эльфы и гномы не будут вместе...

— Ваше Величество, — вставил я, воспользовавшись паузой, — я не утверждаю, что народ эльфов и народ гномов подружатся.

— Не утверждаете?

— Точно-точно, — заверил я. — В целом эти народы не любят друг друга, знаю. Но отдельные личности...

Она сказала еще резче:

— Если говоришь об изгоях, то... нет, даже для них это неприемлемо!

Я поклонился:

— Хорошо-хорошо, Ваше Величество, только не бейте. Я встану с колен, хорошо? Или сразу лягу... Не хотите? Жаль, это такое зрелище... Согласен с вами, слишком уж долго пришлось скитаться эльфам-изгоям, позабыв законы племени, чтобы не подражаться гномами, когда пришлось им наткнуться друг на друга. Более того, вы не поверите, даже сотрудничать!

Она выпрямилась, глаза метнули молнию, а весь корм высыпался ошалевшим от счастья рыбам, покрыв поверхность пруда пленкой толщиной в палец.

— Этого быть просто не может, потому...

— ...что не может быть никогда, — подсказал я, — что, как ни странно, верно в общепринятом смысле. Но меня точно захватили в плен как-то эльф, гном и человек-самка! Я сам такое не мог бы представить, но это было на самом деле!.. К чему это я говорю, Ваше Величество? Я сейчас отбываю в некое дальнее странствие по крайне важному и срочному делу. Но в свободное от безделья время я мог бы выполнять функции некого чрезвычайного и уполномоченного, если вы меня укантрокупите... в смысле, оберуполномочите работать на благо вашего великого королевства под вашей

мудрой опекой такой прекрасной во всех отношениях, как я предполагаю, женщины!

Она вряд ли все поняла, но смысл ухватила, взглянула остро, словно высветила все внутренности, стараясь понять, насколько мне можно доверять вообще, тот еще эльф, наконец произнесла с почти откровенной враждебностью:

— Каким образом эльф и гном оказались рядом?

— Даже вместе, — уточнил я чуточку мстительно. — Ваше Величество, мне довелось однажды побывать в королевстве Мордант. Не буду давать ему характеристику, это дело более компетентных и соответствующих органов, скажу только, что там в села и даже города заходят как гномы, так и эльфы.

— Зачем?

— Сами покупают все, — пояснил я, — что им нужно, на базарах, а не в факториях.

Ее прекрасные глаза вспыхнули негодованием.

— Такого просто не может быть!..

— Ваше Величество! — сказал я обиженно. — Если я своими гляделками зрел воочию и был не так уж чтобы сильно пьян?.. Если честно, вообще не был пьян, но это я так, чтобы вам сказать приятное. Мол, все люди пьяницы и свиноеды.

Она поджала губы:

— А мне какая разница?

Я сказал с мягким укором:

— Почему-то решил, глядя на вашу одухотворенность, что вам не все равно, Ваше Величество, в каком состоянии ваши восторженные подданные! А я ведь весь ваш, хоть прям шас меня берите и пользуйте, такой я вами восторженный, слова не скажу, такой я весь вам преданный.

— Про эльфов, — напомнила она холодно.

— Наверное, — сказал я с горестным вздохом, —

какое-то племя, доведенное до грани истребления, пошло на ломку древних освященных взглядов, привычек, стереотипов и установок... Вы не поверите, но на моих глазах эльф по имени Арентиец и гном весьма даже общались. Пусть не как друзья, но как бы сотрудники...

Она насторожилась, переспросила:

— Как имя эльфа?

— Арентиец, — сказал я. — А гнома — Зак.

Она проговорила медленно, взгляд стал отстраненным:

— Такого имени нет... но было племя арентийцев в старину... Значит, кто-то из них уцелел...

— Да, наверное, — согласился я. — Хотя он вылитый эльф, но жизнь заставила расширить взгляды.

Она поморщилась:

— Но не до такой же степени, чтобы очеловечиваться?.. Чтобы пасть настолько, я даже не знаю... Однако вы правы, неплохо бы составить представление о всех землях, где еще сохранились эльфы. Как вы себе представляете представительство нашего королевства?

Я сказал преданно:

— Во-первых, о нас узнают, что уже весьма важно! У бедных забитых и несчастных эльфов на окраинах мира появится надежда, что вот где-то есть великое королевство эльфов, есть королева Синтифаэль, мудрая, прекрасная, вдумчивая, благородная, красивая, замечательная, заботливая, просвещенная, исключительная, чуткая, добрая, разумная...

Она вскинула руку, я послушно умолк.

— Это понятно, хорошо...

— Но и это еще не все! — воскликнул я патетически. — У этих забитых несчастных эльфов...

Она прервала с неудовольствием:

— Почему несчастных?

— Они ж не ваши подданные, — удивился я, — разве это не великое несчастье?.. Но у этих забытых несчастных эльфов может быть нечто, что зело пригодилось бы и нашему великому народу высоких и благородных эльфов. Те тоже, понятно, благородные, но мы — самые благородные!.. Кроме того, у тех эльфов есть иной опыт общения с людьми, несколько иные ценности...

Она чуть откинулась на спинку трона, взгляд стал холоднее.

— У эльфов не может быть иных ценностей!

— Я сказал «несколько иные», — торопливо уточнил я. — В пределах допустимого. В любой ригидной структуре заложен определенный процент люфта и допустимого еретизма. В отрыве от материнской структуры... я имею в виду ваше возвышенное и прекрасное королевство, эльфы развивались, как Великий Дуб пошлет, а он может послать далеко, на то и... Великий, так что мы могли бы взять эти отсталые, но прекрасные где-то глубоко внутри народы под свое материнское крыло, а то и под оба...

Я думал, она поморщится, но королева не может позволить себе столь вульгарного жеста, тем более эльфийская, она лишь чуть повела бровью, и я все понял, но она, помня, что я эльф несколько особый, пояснила:

— Об этом потом. Сперва, если получится, просто узнайте, что за эльфы и где находятся. Можете сказать о нашем величии и могуществе.

— Это само собой, — сказал я преданно, — даже если бы его не было, я все равно бы сказал, я это все понимаю!

Ее взгляд стал еще холоднее.

— Вряд ли вы это понимаете... Однако, учитывая нежелание эльфов выходить из леса... я согласна с вашим предложением представлять наше королевство в

других землях, где могут оказаться эльфы... и куда вы со своим несносным характером обязательно пролезете.

Я поклонился:

— Благодарю вас, Ваше Величество!.. Позвольте с болью сердца и муками души оторваться от созерцания и пожирания жадным скифским взглядом вашего Божественного Величества?

Я отступил на два шага и собирался повернуться к двери, но она произнесла повелительно:

— Стойте.

Я замер.

— Да, Ваше Величество?

— Вы должны обрести отличительный знак, — произнесла она, — иначе вас примут за обманщика. Подойдите ближе...

Я торопливо подошел, сердце застучало чаще, она в самом деле обворожительная при всей королевской строгости, волнующе таинственная и вызывающая страстный зов.

— Ваше Величество?

— Расстегните рубашку, — велела она.

Я пробежал пальцами по застежкам, распахнул до пояса. Она медленно протянула ко мне руку, я замер от восторга, когда ладонь коснулась моей груди, такая нежная, теплая и чувственная.

— Все, — прозвучал ее ровный голос, — готово. Никто, кроме эльфов, не увидит отпечаток моей ладони. Это знак, что вам позволено говорить от моего имени.

Я прошептал:

— Как здорово... Ваше Величество, а вы не смогли бы потрогать и мой живот?

Она вскинула брови:

— Зачем?..

— Ну, — сказал я, — вдруг некоторые эльфы в дальних землях полагают, что отпечаток ладони должен находиться ниже, намного ниже...

Она произнесла ледяным голосом:

— Есть вещи неизменные. Все, можете идти, конт Астральмэль.

— Ваше Величество...

— Конт...

Она вдруг произнесла озадаченно:

— Постойте... что же я хотела вам сказать... что-то поручить? Или послать?.. Снова вы сбили меня с мысли своим напором... Ладно, идите...

Я попятился с поклонами и вышел, на ходу заправляя рубашку. Кожу приятно греет, хотя как я ни приглядывался, никакого отпечатка не обнаружил.

Стражи на меня посмотрели с презрительным недоумением, а я, чтобы досадить, сделал вид, что на ходу завязываю еще и штаны.

Глава 2

Мы мчались сквозь рев встречного урагана, не разбирая дороги. Я плюнул на условности и позволил арбогастру развить настоящую скорость, а сам прижался к его шее и укрылся роскошной гривой.

Бобик несется рядом, не отставая, но уже и не пытается на ходу что-то ухватить или сделать прыжок в сторону, тут же отстанет на мили.

Арбогастр прет напрямик, какое-то время мы долго мчались по плоскогорью, что поднимается медленно, но безостановочно, а потом резко пошло вниз, и я успел увидеть с большой высоты замок Плессе, в свое время я передал его со всеми прилегающими землями,

с принадлежащими ему городами, копиями, рудниками и лесами Альдеру, оставшись его сюзереном.

Сейчас замок показался совсем крохотным, а когда-то казался мне большим и солидным. А вторая мысль стукнула, как молотом по башке: все же я беспечен, оставил сыночка Карла здесь, это же так близко к его владениям!

Нет, это не беспечность, тогда этот мирок для меня казался и был огромным.

Зайчик сбросил скорость, ветер сразу стих, мне показалось, что мы мчимся, как огромная сова, у нее на концах крыльев есть особые перья, что глушат удары по воздуху, а летучие мыши так и вовсе носятся как призраки, ну, это Бобик у нас сойдет за летучую мышь, у него вместо копыт мягкие подушечки с острыми когтями.

Я появился перед воротами так внезапно, что часовой сверху вздрогнул и едва не выронил копье. Пока он крестился и готовился спросить, кто я и чего тут, я сказал властно:

— Открывай. Важное дело. Не видишь, я один?

Он послушался раньше, чем понял, что им командуют с той стороны ворот, а когда сообразил, уже поздно: ворота отворились, я въехал гордо и красиво, велел тем же голосом полевого командира:

— Ворота закрыть, никого не впускать. Альдер дома?

Он ответил с торопливой настороженностью:

— Да, лорд почти не покидает замок.

— Это хорошо, — сказал я. — Вижу, народу у вас маловато.

Он сразу насупился и сказал с враждебностью:

— Сам лорд — великий воин, и вся дружина из крепких солдат.

— Прекрасно, — сказал я, — ладно, пойду-ка посмотрю...

Он крикнул резко:

— Ханген! Проводи гостя к лорду Альдеру. Но не дальше холла.

Я улыбнулся, соскочил на землю и похлопал арбогастра по боку.

— Иди поищи конюшню. Что найдешь сожрать — твое, тут тебя еще помнят.

Бобик прыгал вокруг меня, смотрел умоляюще, я сказал так же тепло:

— Ты тоже можешь...

Он не дослушал, унесся, а Ханген, крепкий белобрысый парень в доспехах, вздохнул с великим облегчением и подошел ко мне уже без особой опаски.

— Господин, — сказал он почтительно, — мне поручено проводить вас до холла.

— В холл, — уточнил я. — Так пойдем, а то Альдер выскочит сюда и всех вас взгреет.

Он сказал уныло:

— Он и так нас взгреет... Как вы сумели заставить Франка открыть ворота?

— Особое слово знаю, — ответил я загадочно. — Хочешь, тебя в жабу превращу?

Он отшатнулся:

— Зачем?

— А красиво, — пояснил я. — И служить никому не надо. Сидишь себе под солнышком на листке кувшинки и квакаешь, квакаешь... Разве не прекрасно?

Он покачал головой:

— Нет.

— Ну как хочешь, — ответил я с сожалением. — Я тебе такое предложил, другие бы любые деньги заплатили, а я сегодня по доброте своей мог бы и бесплатно по своей беспримерной щедрости.

Мы подошли к дверям донжона, Ханген отворил, но в сенях сразу посмотрел враждебно.

Я сказал примирительно:

— Успокойся, я не побегу по этой лестнице наверх. Лучше подожду, когда Альдер сам спустится.

На мой взгляд, здесь стало намного уютнее, светлее, замок выглядит не как временная казарма для солдат, а уже как постоянное жилье для людей степенных и оседлых.

Сверху свешиваются непременно красные полотнища, достаточно стандартное, но заметное украшение, среди серых каменных стен сразу вызывает ощущение праздничности. В стены вделаны массивные подсвечники, а сами свечи там толстые, добротные, с крупными фитилями.

Интересно, мелькнула мысль, каким увижу Альдера: при первой встрече на постоялом дворе это был угрюмый плечистый солдат, жилистый и с коротко обрванными волосами, грубым лицом, битым всеми ветрами и морозами, широкогрудый, с длинными руками. Светлые холодноватые глаза смотрели тогда с постоянным подозрением, а пальцы правой руки никогда не удалялись далеко от рукояти меча.

Лицо мне понравилось с первого взгляда: суровое, добротное и открытое, с квадратной челюстью, мощными надбровными дугами и выступающими скулами, но второй раз, когда я привез сюда Телекса, ко мне вышел краснорожий слонопотам, все на нем, начиная от щек, живота и до толстых ляжек, колыхалось, как свежий студень. Крепкие плечи и широкая грудь не только скрылись под слоем жира, но и выглядели хилыми на фоне необъятного живота, что свисал через закрытый им ремень не только спереди, но и с боков, и, наверное даже сзади, хотя там вроде бы уже не совсем живот, хотя кто знает, как оно у толстых.

Колыхались все необъятные подбородки, щеки красиво и величественно опускались на плечи...

...и теперь я прикидывал, что же за туша ко мне поползет или же ее придется выносить на носилках.

На лестнице раздался тяжелый, но быстрый топот, я вскинул голову и не поверил глазам. Альдер, поджарый, как и при первой встрече, не сползает по лестнице, а сбегает, как сытый молодой конь. Лицо потеряло багровость и снова жесткое и скуластое, нижняя челюсть очерчена четко, словно выскоблена стамеской.

Главное же, вижу пояс, широкий, кожаный, что утягивает брюхо, прошлый раз свисавшее чуть ли не знаю куда!

Он ловко преклонил колено:

— Ваша милость...

Я охнул:

— Альдер... ты же прошлый раз был таким бегемотом! Как вернул все эти мышцы?

Он не стал спрашивать, что такое бегемот, догадался, губы растянулись в улыбке еще шире.

— Ваша милость, — сказал он, — вы ж парнишку оставили присматривать! Вот мы и...

Я охнул снова:

— Что, столько хлопот?

Он покачал головой:

— Нет, другое. Он же теперь наш, нам его и воспитывать. В том числе и примером. Я учу рыцарству, Франк скакать на коне, Нанген — владению мечом. Если я буду толстым, то как бы говорю одно, а сам делаю другое? Пришлось взяться за себя... вот уж не думал, что получится!

Я огляделся:

— Где остальные?

— Ревель сейчас примчится, — заверил он, — а остальные... разве они не ушли все к вам?

— Верно, — признался я, — только на глаза мне почти не попадают...

Он спросил встревоженно:

— Стряслось что?

Я развел руками:

— Стряслось...

— Что?

— Мое хозяйство, — объяснил я, — разрослось... весьма даже.

Он сказал уважительно:

— Это же сколько у вас теперь замков?

Я вздохнул:

— Если бы замков, можно бы терпеть такое непотребство. А то прибавляются сразу королевствами...

Он присвистнул и посмотрел с великим уважением, но в лице была готовность засмеяться, если окажется, что я пошутил.

Я спросил осторожно:

— А как... остальные? Ничего не изменилось? Как... Женестьева?

Он пробормотал:

— Да вон она сама спешит...

Женестьева вышла медленно и величественно, что и понятно, она заметно пополнила и раздалась, а живот заметно увеличился.

Я, как и прошлый раз, поспешил ей навстречу, подал руку и отвел к столу, подчеркивая, что здесь я не гранд, о чем они вряд ли слышали, а их друг и гость, а прошлые наши неприятности давно забыты.

— Как же здорово снова оказаться с вами, — сказал я. — Но как вы... похорошели, Женестьева!

Она невесело усмехнулась.

— Растолстела, хотите сказать? Не знаю, что со мной происходит.

Альдер сказал быстро:

— Это не она так жрет!

— А кто?

— Ребенок, — сказал Альдер сердито. — Такой прожорливый удался!.. Она всего на четвертом месяце, а лопает за троих ратников в походе...

Я охнул:

— Ждете второго? Поздравляю, поздравляю!

— Спасибо, ваша милость... Или уже ваша светлость?

Я заметил с присущей мне возвышенной скромностью:

— Вообще-то мое высочество, но стоит ли обращать внимание на такие мелочи, когда мы среди друзей?.. А мы, надеюсь, все еще друзья, у которых дела идут прекрасно, если вы все еще ни словом не обмолвились о Телексе... Как он?

Женевьева взглянула на мужа, Альдер проговорил со сдержанной гордостью:

— Он вообще-то хороший парнишка. Только рыцарь из него получится вряд ли...

— Почему?

Он скривился, махнул рукой:

— Больно рисовать любит! Все время рисует. У отца, как я понял, ему не позволяли, готовили в преемники, а тут ему никто не препятствует. Когда бумага кончилась, он все стены изрисовал! Слуги ворчат, ну а мне нравится, как-то веселее даже стало в комнатах.

Он посмотрел с осторожностью и слегка виновато, вдруг да я против, однако я сказал с полным одобрением:

— Творческая, значит, натура? Это хорошо, такие люди украшают народ, среди которого живут. Пусть рисует. Те, которые рисуют, меньше склонны к насилию.

Они вздохнули с облегчением, но не видели, с ка-

ким облегчением перевел дыхание я сам. За все это время как-то не удосуживался за бешеной текучкой узнать, как тут дела, послать некого, а самому некогда, и не раз страшноватенькая мысль приходила в голову, что либо Карл сумел в результате долгих поисков напасть на след, то ли ему самому принесли на блюдечке важные сведения о местопребывании сына в надежде на щедрую награду...

— Где он сейчас?

Он неопределенным жестом указал наверх:

— На верхнем этаже. Там больше света, да и красивые виды...

— Удрать не сможет? — спросил я. — Он с каждым годом становится крепче и способным на большее.

Альдер сказал серьезно:

— Я все время об этом помню. Из окна не вылезти, я сам проверяю раз в неделю железные прутья. Все амулеты у него отобрали, так что теперь это обычный мальчишка. Довольно хилый, между нами говоря...

Я спросил встревоженно:

— Не болеет?

Он перекрестился и поплевал в сторону, а Женевьева только перекрестилась, а на его языческие замашки лишь высокомерно вскинула бровь.

Альдер бросил в ее сторону смущенный взгляд.

— Здоров, — пробормотал он быстро, — это сложение у него не бойцовское. Такого бы в монахи, менестрели, книжники...

— Не жалея, — сказал я серьезно, — монахи и книжники точно поценнее рубак, которых как травы в поле.

Альдер сказал умоляюще:

— Ваша светлость, пойдемте наверх! У меня там такая уютная комнатка. Можно посидеть с вином, вспомнить старые добрые времена.

— Пойдем, — согласился я. — Старые добрые... Неужели мы с тобой такие старые, что уже на воспоминания потянуло?

Он хохотнул, мы поднялись наверх, за нашей спиной Женестьева молча раздавала жестами указания слугам, те заматались, как муравьи на пожаре.

Комната, куда привел Альдер, в самом деле уютная, скромно, однако со вкусом украшенная, чувствуется рука Женестьева, только женщина может создать настоящий уют.

Я остановил жестом слуг:

— Нет-нет, идите обратно. Мы только поговорим.

Слуги обескураженно попятнулись, а когда за ними захлопнулась дверь, я сказал со вздохом:

— Что-то я совсем стал забывать, что, кроме государства, я еще и паладин! А мне даровано не только лечить соратников в бою, но и творить некоторые приятные мелочи...

Они оба ахнули, когда на столе начали появляться дивно тонко и точно нарезанные ломтики буженины, ветчины, карбоната, шейки, окорока, затем я сотворил десяток сортов изысканно приготовленного сыра, создал блюдо с белорыбицей, тарелки с красной и черной икрой...

— Начнем, — сказал я бодро и, громко прочитав молитву, ухватил кусок смачной ветчины. — Это весьма!

Альдер с не свойственной ему нерешительностью взял в руки широкий, но очень тонкий ломтик сыра, посмотрел сквозь него на пламя свечи.

— Сэр Ричард, — проговорил он обеспокоенно, — а вы уверены, что это дар паладина, а не... чего-то с той стороны?

Женестьева сказала негодуя:

— Но он же молитву прочел!

— Да, — ответил Альдер, — да, конечно. Но я пони-

маю, что паладин, как истинный сын церкви, должен жить в строгости...

Я кивнул и сказал покровительственно:

— Ты прав, Альдер. Паладин так и должен. Но, скажу тебе по секрету, за неустанные труды и великие заслуги во славу Господа и церкви я постепенно поднимаюсь по лестнице и в паладинстве. А ты сам понимаешь, что приор способен делать больше, чем деревенский священник, а епископ больше, чем приор... То же самое и в паладинстве. Так что ешь и пей смело, это только начало пира.

— Господи, — воскликнул он устранным, — что же будет еще?

— Лучше всего, — ответил я, — мне удастся десерт.

Женевьева едва не захлопала в ладоши, как обрадованная девочка, глазки сразу заблестели.

— Ой, а я сладкое так люблю!

Глава 3

Телекс вышел в садик, заботливо взращиваемый Женевьевой, я наблюдал с балкона, как он деловито выдернул пару сорняков, поправил склонившиеся до земли тяжелые головки цветов, а под одну сразу же поставил рогульку из подобранной вблизи сухой веточки.

И еще долго рассматривал бабочек, потом поймал кузнечика и бережно унес с собой в дом.

Мы наблюдали за ним сверху, Альдер спросил тихо:

— Так и не покажется?

Я покачал головой:

— Пока нет.

Он пробормотал:

— Да, вам пока не стоит... Ненавидит сильно. Нас нет, мы же простые исполнители...

— Сопrotивлялся?

— Вначале, — признался Альдер, — мы вообще не знали, что с ним делать. Даже есть и пить отказывался. Потом постепенно отошел, все-таки молодость... Все мы в детстве легче забывали невзгоды всякие. Сейчас даже счастлив, что может заниматься любимым делом. Но стражу, конечно, мы не снимаем.

Мы вышли во двор, Бобик уже вертится вокруг, не очень солидно, когда такой кабанище скачет, как бурдучок, вон арбогастр вышел из конюшни величавый и аристократичный, посмотрел свысока, легонько фыркнул.

— Продолжайте в том же духе, — сказал я. — Обещаю, скоро все закончится.

— Как? — спросил Альдер.

— Не знаю, — признался я. — Но все идет к концу. Чувствую всеми фибрами.

Он посмотрел на меня с беспокойством:

— Что чувствуете?

— Скорый конец, — ответил я.

Беспокойство в его глазах стало сильнее.

— Вы нас пугаете, мой лорд, — проговорил он наконец. — Наконец-то мы обрели счастье... И вообще, нам все так нравится!

Я сказал с неловкостью:

— Разве обязательно будет хуже?.. Уверен, мы сумеем создать мир еще лучше. Постараемся, во всяком случае. Просто... гм... все стало таким рыхлым. Я просто теряюсь... И, мне кажется, если в ближайшее время не возьму полный контроль в свои загребушие, меня понесет по течению, как щепку какую. А меня сие, как любого мужчину, весьма заденет.

— Никто из нас не любит, — согласился он тяжело-весно, — когда несет. Лучше уж самому нести, как ни тяжело... Что ж, могу только пожелать успеха. Я про-

стой солдат, политики не понимаю. Я верю в вас, мой лорд!

Я сказал с натугой:

— Спасибо, Альдер. Жаль только, что сам я эту веру в себя теряю. Но, думаю, все-таки выкарабкаюсь! И еще спою.

Он сказал с надеждой:

— Мы надеемся на вас, мой лорд!

Я поднялся в седло. Бобик, не дожидаясь, когда разберу повод, ринулся к воротам. Я вскинул руку в прощанье, арбогастр пошел бодрой рысью навстречу новым приключениям.

А потом, за воротами, начал наращивать скорость, и так мы мчались, пока не показались вдали высокие мрачные стены Зорра, даже отсюда по ним видно, что город-крепость долго выдерживал и все-таки выдержал тяжелейшую осаду: камни кое-где разбиты, раскрошились, во многих местах черным-черно от копоти, ведь только кровь смывается легко и просто, чтобы можно было поскорее забыть и начать эти веселые забавы сначала.

У ворот мы остановились, я прокричал, что свой, по делу, неужели здесь одного бояться впустить?

В воротах приоткрылась дверца, грубый голос прокричал раздраженно:

— Давай сюда!

— А пролезу? — усомнился я.

— Все пролезали!

— Я не все, — ответил я, но подъехал, пригнулся, почти лег на шею Зайчику, но все равно проем маловат, пришлось слезть. — Что-то здесь стали совсем боязливыми...

Голос сказал еще злее:

— Поговори мне!

— Поговорю, — согласился я. — Вот зайду и поговорим...

По ту сторону ворот раздался дикий крик, я торопливо шагнул в калитку, пригибая голову, потянул за собой арбогастра за повод. Он фыркал и бурчал, ему тоже пришлось на полусогнутых.

Когда оказались по ту сторону ворот, Бобик уже сидит на заднице и дружелюбно смотрит на двух часовых, что взбежали на стену и закрылись щитами.

— Ну, — сказал я, — кто там хотел поговорить со мной?

Один крикнул нервно:

— Убери собаку!

— Бобик, — сказал я, — ищи Азаминду... Или Бельдра... Ну, кого сумеешь, ты же у меня разведчик.

Бобик унесся, я сказал стражам:

— Ну, собачка убралась. Кто из вас готов получить в морду, трусы несчастные? Когда мы отражали здесь штурмующие войска Карла, народ здесь был покрепче!

Один из стражей медленно спустился вниз, на меня поглядывает опасно, пробормотал:

— Если вы были здесь еще тогда, то извиняемся, ваша милость... Мы из нового пополнения, из старых многие погибли.

— Печально, — ответил я и, поднявшись в седло, повторил: — Печально.

Даже земля между домами то в копоти, то в обгорелых обломках, а стены домов молча свидетельствуют, что и они выдерживали удары швыряемых требушетами каменных глыб и что здесь тоже звенели мечи о щиты и доспехи, лилась своя и чужая кровь.

Из королевского дворца выскакивали люди в добротной-строгой одежде, так выглядят в Зорре придворные, а другие, с оружием в руках, торопливо взбегали по ступенькам к распахнутым воротам.

— Ого, — сказал я, — Зайчик, жди здесь!

Я ринулся сломя голову, обогнал многих, прокричал мощно:

— Бобик!.. Ты где, морда?

В ответ донесся мощный гавк, я определил направление и помчался еще быстрее. Туда же бегут еще люди с оружием, но все останавливаются возле распахнутых дверей в одну из комнат, а я вбежал и замер.

Принцесса Азаминда, нежная и прекрасная, строгая и возвышенная, сидит на скамье, весело смеется и чешет за ушами мое черное чудовище, что положило огромную башку ей на колени.

Я приблизился, она вскинула голову, в больших чистых глазах вспыхнула радость.

— Дик?.. Ну почему я ощутила, что эта милая зверюшка прибежала от тебя?

Сердце мое дрогнуло, как в тот первый день, когда я увидел ее — еще запыхавшуюся после быстрой скачки, с бледным решительным лицом, огромнейшими голубыми глазами, только сейчас пышные золотые волосы, что тогда красивыми волнами струились по груди и плечам, убраны под золотую сеточку, подол голубого платья лежит на полу, здесь действительно принцесса, во всей красоте и величии принцесса...

...но смотрел и видел ту, что решительно взяла меня под защиту, испуганного и растерянного.

Я шагнул вперед и с сильно стучащим сердцем преклонил перед нею колени, но не голову, продолжая жадно и неотрывно смотреть в ее лицо, полное доброты и участия.

Она сказала счастливо:

— Дик... Ричард!.. Господи правый... Встань, я посмотрю на тебя.

Я поднялся, к своему удивлению, с некоторой неохотой, вот так бы всю жизнь стоял и смотрел на нее

снизу вверх, словно на ангела, явившегося в темной келье усердному монаху.

— Дик, — повторила она в великом изумлении. — Господи, как ты... изменился!

— Мое почтение к вам только выросло, — сказал я преданно, — это единственное, что во мне изменилось!.. Как Его Величество?

Она сказала тихо:

— Очень быстро устает, но это и понятно, уже очень стар... Но ум ясен, а суждения всегда здравы и полны мудрости. После того как Карл привез его к Зорру и передал Беольдру, никто нас больше не тревожил, а крепость отстроили.

Я проговорил тихо:

— Ваше высочество... А что известно о Карле?

Она покачала головой:

— Мне почти ничего. Беольдр должен знать больше. Пойдем, я отведу тебя к нему.

— Ваше высочество, — проговорил я с чувством. — Ничего больше в жизни я не желал бы, только вот так идти с вами рядом!

Она бросила взгляд удивленно-дикий, Бобик тяжело вздохнул, когда она перестала его чесать и поднялась. Воины с оружием в руках и щитами расступились, на меня поглядывают злобно, подверг опасности их любимую принцессу, что-то ворчат за спиной, но я не обращал внимания. Не на меня ворчат, это их любовь и преданность принцессе ворчит. Здесь стараются не позволять даже листочку с дерева на нее рухнуть всей массой, мало кто представляет, что ей, такой нежной, пришлось вынести в дороге, когда мы везли в Зорр кости Тертуллиана.

Мы прошли через тронный зал, там пусто, кресло с высокой спинкой и золотой эмблемой короны выглядит брошенным, даже красный потертый бархат на по-

мосте и ступеньках совсем поблек и смотрится сиротливо.

Я покосился на Азаминду, но ее лицо такое же спокойное. Я подумал с раскаянием, что Зорр несколько лет выстаивал против войск Карла, откуда тут быть роскоши, это я насмотрелся богатств в южных королевствах.

— Беольдр возится в арсенале, — пояснила она. — От оружейников поступила новая партия боевых топоров.

Я сказал с болью:

— Когда же это прекратится!

— Что?

— Война, — ответил я. Она взглянула с удивлением, я сказал торопливо: — Да-да, подвиги и все такое, но я очень уж мирный человек, ваше высочество!..

Мы перешли по узкому мостику в другую часть двора, арсенал располагается в самом защищенном месте, охрана еще издали начала смотреть на меня с подозрением, только присутствие Азаминды заставило их не заорать «Стой, кто идет?».

В арсенале трое воинов раскладывают топоры, спиной ко мне гигант, широкий и в полных доспехах, раздает указания громохочущим, словно вдруг заговорила каменная гора, голосом.

Он обернулся, слышав наши шаги, скользнул взглядом по счастливому лицу Азаминды и всмотрелся в меня.

— Господи, Дик?

Я не успел ответить, он шагнул вперед и обнял меня. Я задержал дыхание, пока брат короля душил в объятиях, наконец он отстранился и всмотрелся в меня глубоко посаженными глазами.

— А ты изменился, Дик!

— Вряд ли, — ответил я. — Я все так же люблю Зорр и полон почтения к принцессе... И обожания.

Он гулко хохотнул.

— Да, сейчас она ожила. Но видел бы ты ее исхудавшую и заплаканную мордочку, когда Шарлегайла похитили, а на стены Зорра лезли враги!.. Ладно, пойдемте ко мне, расскажешь, где ты странствовал.

— Пойдемте, — ответил я. — А вы расскажете о Карле.

Свежий прохладный воздух пахнул в лицо на выходе из арсенала, Беольдр сказал со вздохом:

— Да мало что можем рассказать... А зачем тебе он?

— Да уже пора знать, — ответил я.

Он посмотрел внимательнее, только Азаминда не поняла, но я старался не смотреть в ее сторону, чтобы сердце не выскочило из груди, а жар не обжигал щеки.

Глава 4

В его комнате накрыли стол, мы скупно подкреплялись тем, что у них есть, я постеснялся творить что-то лакомое, здесь живут на хлебе и воде, мясо далеко не каждую неделю, вокруг все сожжено, а за один день поголовье скота еще никто не восстанавливал.

Они возжелали сперва узнать обо мне, где скитался и что видел, уверенные, что мне особенно и рассказывать нечего, я и постарался уложиться в несколько фраз. В самом деле ничего особенного, на мой взгляд, похвастаться нечем, по большей части не я выступал хозяином своей судьбы, как заявляю высокопарно, а меня несет, бьет о скалистые берега, что-то ко мне прилипает по дороге, и везде я делаю только то, что вынужден делать, а не то, что изволилось бы, а то и возжелалось.

Беольдр слушал внимательно, я видел, как в его прищуренных глазах разгорелся огонек изумления,

Азаминда так и вовсе открыла хорошенький ротик, но спохватилась и торопливо захлопнула.

— Так вот, — прогремел Беольдр, когда я закончил, — для чего тебе нужно знать о Карле...

— Да просто нужно, — пояснил я несколько нервно, — я не собираюсь с ним воевать!.. У меня самого там все рушится и без Карла. А если еще заденет хоть боком, то все вообще развалится со страшным треском!..

Беольдр сказал набычившись:

— Но в твоих руках мощь трех королевств!

— Мы не готовы, — сказал я раздельно. — Сперва необходимы реформы. Армии как таковой нет!.. А те, что сражались друг с другом, это такой примитив...

Он умолк и смотрел озадаченно, а я ощутил беспомощность, потому что в самом Зорре армия такая же, здесь даже не представляют, что можно иначе...

Беольдр покачал головой:

— Нет, если у тебя в самом деле такая сила...

Азаминда вскрикнула шокированно:

— Дик всегда говорит правду!

Беольдр кивнул:

— Тем более! Он должен немедленно двинуть всех на Карла!

— Кого это «всех»? — спросил я. — Как будто все вот так возьмут и послушаются!.. У всех свои дела и заботы. Я у них король... или что-то вроде, только потому, что решаю их дела и проблемы, но они не пойдут решать мои!.. Или, простите за откровенность, ваши.

Он потемнел, сказал тяжелым голосом:

— Разве это не общее дело?

— Общим становится, — возразил я, — когда горит дом! А сейчас войска Карла прошли и где-то растворились за горизонтом. Все ринулись отстраиваться, поднимать города из руин! И никто не готов садиться на коня... его еще найти надо!.. и отправляться вдогонку

за войсками Карла. Да еще когда нет уверенности в победе!

— Со злом надо сражаться в любом случае, — возразил Беольдр. — Даже если знаешь, что погибнешь.

— Ага, — заметил я саркастически, — а после твоей гибели зло придет и убьет твою жену и детей, поглумившись сперва?.. Нет уж, врага нужно победить, а самим остаться пусть ранеными, но живыми!.. Потому я и хочу узнать все о Карле. Сколько у него войск, где они, что он задумал... Вообще все!

Беольдр раздраженно сопел, Азаминда произнесла кротким голосом:

— Дик, о Карле почти ничего не известно. Он почему-то вернул похищенного Шарлегайла, отвел войска... и как-то странно затих. Говорят даже, что распустил свою дикую армию.

Беольдр громыхнул:

— Как распустил, так и соберет. А что ей делать зимой?.. А весной посмотрим. Как только земля подсохнет.

— Хорошо бы до весны знать, — сказал я и торопливо поправил себя: — Сейчас знать, чтобы к весне чего-то ждать определенного.

Беольдр смолчал, Азаминда сказала кротко:

— Дик, все эти годы мы только защищались!.. Едва-едва. Потому мы о Карле ничего, а он о нас, наверное, все.

— Мне это неловко говорить, — сказал я, — но мне повезло за вашей спиной. Пока вы тут сражались, я торопливо обстраивался. Но сейчас могу сказать... Или еще не могу?.. Во всяком случае, еще год-два, и мы сможем не только дать отпор войскам Карла, но и...

Я прервал себя, не слишком ли занесся, Беольдр буркнул с неприязнью:

— Но и что?

— Самим пойти на Карла, — закончил я несколько вынужденно.

Он хмыкнул, оглядел меня с головы до ног:

— Уверен?

— Если мне дадут эти год-два спокойной жизни, — заверил я, — то да, почти уверен. Карл сделал пару крупных ошибок, которые я не совершу.

Азаминда насторожилась, Беольдр спросил хмуро:

— Ну-ну, каких?

— В моей армии в первых рядах пойдут священники, — пояснил я. — Перед крестовым походом на Юг, который еще впереди, мы очистим наши земли здесь от нечисти!.. И продумаем меры... комплекс мер!.. чтобы она не возродилась и не была занесена извне.

Он снова хмыкнул, но неприязненность во взоре сменилась недоверием.

— У тебя планы... не чересчур?

— Смотря для кого, — ответил я ровным голосом. — Если для меня, то как раз. Могу и больше. Увы, инфраструктура не позволяет.

Он не стал спрашивать, что такое инфраструктура, понял по смыслу, Азаминда тоже смотрит на меня молча, но в ее взгляде полное доверие и поддержка.

Беольдр пробурчал:

— Но я так и не понял...

— Слушаю.

— Какие две крупные ошибки сделал Карл?

Я развел руками:

— Армии, созданные для грабежа, держатся вместе недолго. Даже если грабить удастся не соседа, а целые королевства. Малейшая неудача может заставить их все бросить и вернуться в свои земли. Хотя согласен, свои земли и свои дома могут защищать отчаянно и до последней капли крови. Но вот завоевывать и захватывать хотят легко.

Он пробормотал:

— Пока что им это удавалось.

— Но на Зорре обломили зубы, — напомнил я. — Возможно, это внесло определенное смятение? И некоторые вожди увели свои отряды обратно?.. Потому мне так хотелось бы знать, как дела у Карла, его планы, состояние его войск... вообще все, что можно узнать.

Беольдр кивнул, взгляд чуть потеплел.

— Хотя ты говоришь, — сказал он гулко, — не как рыцарь, а как торговец, но ты с нами, потому постараемся узнать для тебя все, что сможем.

— Спасибо, — сказал я. — Когда я смогу преклонить колено перед Шарлегайлом?..

— Лучше спросить у Шартрезы, — ответила Азаминда чистым голосом. — Она не отходит от супруга.

Беольдр буркнул:

— А что значит «преклонить колено»? Мне показалось, ты ни перед кем даже головы не склоняешь.

Азаминда посмотрела на него с укором.

— Когда меня пытались принудить к повиновению, — ответил я, — было такое, тогда скитался в дальних странах, и всегда отвечал, что я — подданный короля Шарлегайла, а личную верность отдал принцессе Азаминде. Сейчас я гранд... но кем бы я ни стал потом, всегда буду склонять колено перед принцессой и всегда буду ей верен.

Она смутилась и опустила взгляд, а Беольдр хмыкнул, все это слюни и сопли, недостойные мужчин.

Шартреза, самая яркая из женщин, когда я ее увидел впервые, я сразу решил, что это сама воплощенная эротичность и сексуальность при полном отсутствии души. Даже в той строгой одежде, в какой я ее увидел, она выглядела, на мой взгляд, как голая, с ее сочным

телом зрелой самки, ее высокой грудью, пытающейся выбраться из низкого выреза. А еще у нее крутые сытые бедра, безукоризненное лицо с чувственным ртом, громадными глазами без намека на мысль и нежной чистой кожей. Ее распущенные волосы свободно расплещались по спине и плечам, я тогда еще представил их в беспорядке на подушке... и ее порозовевшее лицо с пухлыми, темными от поцелуев губами.

Потом был шок, когда оказалось, что она верно и преданно любит своего престарелого мужа, гордится им, считает его лучшим из мужчин и королей, и когда лорды попытались совершить переворот, свергнув Шарлегайла, а ее посадить королевой, она рискнула всем, чтобы спасти мужа и уничтожить заговорщиков.

Она в задумчивости склонилась за столом над бумагами. Я видел на ее чувственно прекрасном лице колебание, самой ли попробовать решить проблему, слишком сложную для красивой женщины, или же оставить для Шарлегайла... однако он устает быстро, так что лучше бы самой, только понять бы, как правильно...

Я прошел в комнату, Шартреза подняла голову, взгляд еще затуманенный, но не успела ничего сказать, я опустился на колено и, схватив ее руку, припал к ней в поцелуе.

— Моя королева!

Она сказала мягко:

— Поднимись, Дик. Ты возмужал еще больше.

— А вы стали еще прекраснее, — вырвалось у меня, — хотя я мог бы поклясться, что это невозможно!

Она улыбнулась, губы в самом деле стали еще ярче и более пухлыми, как у юной девочки, лицо без единой морщинки, не зря еще с первого раза и до сих пор напоминает тщательно выполненную куклу с идеальным лицом и идеальным телом.

— Мой супруг здоров, — ответила она музыкальным голосом, исполненным чувственности, — он вернулся... и, Дик, я никому это не говорю, но я чувствую, что ты к этому приложил руку!

Я сказал тихонько:

— И не говорите.

— Значит...

Я покачал головой:

— Просто никому ничего не говорите. Ни слова. Мне совсем не нужно, чтобы ко мне потянулись какие-то нити. Иначе под ударом окажусь не только я, а и очень многое, чем я... дорожу.

Она ответила так же тихо:

— Никто не узнает, клянусь.

— Я не боюсь Карла, — ответил я и ощутил, что в самом деле не боюсь, — но лучше, если столкнемся не в этом году. И даже не в следующем.

Она кивнула, не спуская с меня взгляда.

— Дик, ты не просто возмужал.

— Спасибо, Ваше Величество, — ответил я. — О Карле какие последние слухи?

Она ответила с бледной улыбкой:

— Дик, я сама тревожусь, ты даже не представляешь как! Он что-то наверняка задумал. Это злой гений, весь его талант направлен на разрушение. И то, что о нем ничего не слышно, кого-то успокаивает, а меня пугает.

— Меня тоже, — признался я.

— К сожалению, — сказала она, — даже Беольдр, который руководил всей обороной Зорра, ничего не знает. Карл всегда был великим полководцем, а удары умел наносить внезапно, когда его не ожидали, и в тех местах, где никак не думали, что он там появится.

Я помолчал, поднялся, поклонился с учтивостью и нежностью.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я, — за все... и вообще за то, что вы есть.

Она тоже поднялась, посмотрела снизу вверх в мое лицо.

— Дик, только не вздумай сам!

— Нет, конечно, — заверил я.

— Врешь, — сказала она печально.

— Вру, — согласился я. — Но если не я, то кто?

— И что ты будешь...

— Ваше Величество, — сказал я, — на какое-то время я оставлю здесь коня и собачку. Потом вернусь.

Она произнесла с напряженным лицом:

— Видела, что у тебя за конь и что за собачка. Не опасно с ними расставаться?

— Опасно, — признался я. — Однако по ним меня узнают издали.

Выйдя от нее, я спустился в нижние залы, где увидел Азаминду и поторопился ее догнать. Она услышала стук моих шагов и оглянулась, я успел увидеть, как божественный испуг сменился чистой радостью.

— А, это ты, Дик...

— Ваше высочество, — сказал я, — я намерен отлучиться на некоторое время. Но мне нужно оставить здесь собачку...

Она округлила глаза.

— И что? Конечно же, ее лучше оставить со мной!. Мы уже подружились. Где она?

— Наверное, на кухне, — ответил я. — Но стоит мне опуститься за стол, окажется тут же, не сомневайтесь!

Она засмеялась:

— Ну, все собаки — дети. Да, Дик... Ты ведь теперь гранд, к тебе обращаются так же, как и ко мне, так что мы равны.

— Ваше высочество?

— Зови меня Азаминдой, — произнесла она и улыбнулась дружески. — Мы же столько прошли вместе!.. Я так и осталась принцессой, а ты уже гранд...

— Скоро буду принцем, — сообщил я. — Да-да, мой отец герцог Готфрид Валленштейн Брабантский скоро станет королем прекрасного Сен-Мари. Я очень хочу вам показать этот дивный край на берегу теплого южного моря... однако, ваше высочество, я никогда не решусь... не позволю себе обращаться к вам по имени!

Она изумилась:

— Почему?... Ты принц, я принцесса... почему? Если я разрешаю?

— Но не разрешаю себе я, — ответил я со сладкой мукой в голосе, — мы, мужчины, остро нуждаемся в идеале... чтобы поклоняться верно и страстно!.. Мне нужно на кого-нибудь молиться! Подумайте, простому муравью вдруг захотелось в ноженьки валиться, поверить в очарованность свою! Вы для меня — все лучшее и светлое на свете. Я хочу смотреть на вас снизу вверх и восторгаться вами, принцесса. Это жизненно необходимо мне, как вообще-то необходимо и всем мужчинам, но большинство просто не решается в этом признаться. Но я... не только признаюсь, но и хочу сохранить свой идеал в неприкосновенности от моих лап, моих слов, моих взглядов, потому что временами я еще та свинья, все, что угодно, могу ополщить и захрюкать!

Она долго смотрела на меня, взгляд погрузтел, потом стал совсем печальным, наконец произнесла совсем тихо, словно легкий ветерок пронесся в комнате:

— Приводи собачку. Я о ней позабочусь... И о коне?

— И о нем, — ответил я с неловкостью. — Вообще-то они у меня неприхотливые. Им вообще-то достаточно велеть ждать, но я хочу, чтобы они знали, что их здесь любят и о них позаботятся.

Глава 5

От Зорра до Морданта три дня на добром коне, как однажды сказал мне Беольдр, это примерно час лету. Я летел не слишком быстро, приходится всматриваться в проплывающую внизу землю, почти везде заросшую диким лесом.

Здесь мы ехали с Беольдром, приходилось то и дело отбиваться от громадных волков и даже оборотней, нападали какие-то демоны, в ночи я тогда почти ничего не рассмотрел, а Беольдр скуп на объяснения. Помню ощущение страха, даже ужаса и постоянного напряжения, но с тех пор я прошел долгий, очень долгий путь.

Впереди внизу в зеленом море появилась пропешина, серо-зеленая, я пошел вниз. Да, то самое поле, вон дальше кольцо широкого рва, а в центре возвышается замок, темный и мрачный.

Я спустился ниже, ноздри уловили запах смрада и разложения, а что будет, когда спущусь, как этот Терентон только и живет здесь... Хотя если учесть, что он не совсем человек, хотя и клянется, что просто общается и торгует с обитателями Морданта...

Я пошел вниз круче, замок разрастается, страшный, нежилой, отвратительно заброшенный и в то же время зловещий, потому что нежилой он для человека, но в таких прекрасно уживается нечисть...

Спускаться я решил с той стороны замка, куда не выходят ни окна, ни балконы. Запах гнили становился все мощнее, а когда я плюхнулся на рыхлую влажную землю, ноздри забило смрадом и вонью. Я быстро перетек в тело человека, огляделся, никто не наблюдает, и пошел, чувствуя за плечами тяжесть меча и лука Арианта.

Ров с черной затхлой водой так близко к стенам, что в некоторых местах пришлось идти боком, чтобы

не оступиться и не брякнуться в эту жуткую муть, где вода уже не вода, а темная слизь.

Когда наполовину обогнул замок, вот-вот увижу ворота, сверху раздался хриплый голос:

— Так-так... и кто это у нас?

Я торопливо вскинул голову. Терентон стоит на балконе на высоте третьего этажа. Вернее, на остатке балкона, я бы страшился вот так выйти на непрочный камень, что вот-вот рухнет. В той же простой одежде наемного работника, только заметно постарел, хотя прошло всего ничего, в самом деле щеки еще на плечах, хотя не так уж и растолстел...

— Привет, Терентон, — сказал я. — Да ты меня помнишь, мы с Беольдром приезжали.

Он сказал негромко:

— Я скорее Беольдра забуду, чем вас, сэр Ричард. Поднимайтесь ко мне, тут есть место, что не совсем... местное, простите за тавтологию.

Я кивнул и, обойдя угол, увидел вход. Дверь давно выбита, камни выщерблены, а в холле сквозь пол проросла высокая жесткая трава. Я обходил ее осторожно, что-то она вроде бы потянулась ко мне, из щелей между камней тоже начали выдвигаться странные узкие листья с металлическим отливом.

Я уже миновал холл, когда у самого входа мне перекрыли дорогу вылезшие из-под ног лианы. Я вытащил меч из ножен, взмахнул крест-накрест, и срубленные побеги упали на пол.

Переступив через них, я начал подниматься, на втором этаже дорогу преградил провал, я измерил взглядом ширину, решил и прыгнул почти без разбега.

Получилось, хотя сзади что-то обрушилось. Чтобы не быть превратно понятым, я сунул меч в ножны, поднялся на третий этаж и свернул, как понимаю, в сторо-

ну балкона. Смердный воздух исчез, ноздрей коснулся чистый, буквально горный, свежий и прохладный.

Я вошел в комнату, где яркий свет, на стенах гобелены, деревянный пол блестит, как паркет, мебель вся чистая, новенькая, какая-то радостная.

С балкона вошел Терентон, взгляд настороженный.

— Как я понял, — проговорил он, — вы как были непростым человеком, так им и остались, да еще кое-что и добавилось... Да, забыл вас поблагодарить, что тогда не выдали меня Беольдру. Он бы точно меня убил.

Я отмахнулся:

— Не стоит благодарности. Благодаря тому приключению я познакомился с гномом и эльфом, во что бы никогда не поверил.

— Не верите в эльфов?

— Нет, что они с гномами могут общаться без драки.

Он вежливо указал на кресла у стола:

— Присядете, сэр Ричард?

Я усмехнулся:

— С удовольствием. Раньше вы меня сэром не звали.

Мы уселись друг напротив друга, он рассматривал меня изучающе, во взгляде настороженность и тревога.

— Раньше вы были другим.

— Правда? Я, мне кажется, не изменился.

Он покачал головой:

— Раньше вы бы не смогли проникнуть в этот замок. Он закрыт такими заклятиями и ловушками.

— Правда?

— Никто б не смог, — подчеркнул он.

— Я слишком прост, — сообщил я. — Знаете, бывают люди, нечувствительные к шуткам, к хорошей музыке, умным речам... А я вот нечувствителен к магии.

Он настороженно улыбнулся:

— Хороший пример, только неверный.

— Почему?

— Кроме магии, — ответил он, — замок окружен глубоким и широким рвом, что не просто ров с водой. В прошлый раз я для вас с Беольдром опустил подъемный мост, по которому вы и перебрались в замок. А на этот раз мост был поднят!

— Правда? — изумился я. — Какой я невнимательный!.. Ну ладно, это все частности. Терентон, мне нужно узнать побольше о Морданте. Есть намеки, что Зло и Тьма там разрастаются, щупальца ползут в соседние королевства. Нам надо знать, что ожидать.

Он смотрел на меня все так же настороженно, лицо на какое-то мгновение заострилось, словно похудел и тут же поправился. Я посмотрел на него внимательнее и увидел другим зрением, что иногда его облик становится на короткое время расплывчатым, словно передо мной два Терентона двигаются синхронно и слаженно, и только вот так могу заметить.

Он сказал спокойно:

— А зачем?.. Мы боимся только того, что происходит внезапно. А медленные изменения... кто их замечает?

— Только историки, — согласился я. — С другой стороны, хоть нам и ничего не грозит, но как насчет наших детей?

Он полюбопытствовал:

— У вас их много?

— Пока нет, — сказал я, — но будут же! Хотя вообще-то на самом деле уже есть...

Он усмехнулся:

— Свои только те, к кому ночью вставал, чтобы успокоить, кого на коленях держал. Так что за остальных переживать не будете, знаю. К тому же... как бы это сказать... ничего на самом деле не происходит. Так, слухи. Любое королевство старается укрепить свои связи в соседних землях.

— Но Мордант особое, — напомнил я. — Даже Карл туда не рискнул сунуться. Хотя Мордант ему кое-чем помог, исходя из своих интересов, из-за чего пошел слух, что, дескать, признали себя вассалами Карла.

В его глазах на кратчайший миг промелькнула самодовольная ухмылка, но в следующий момент проговорил уже совсем мирно:

— Да так ли важно, что говорят? Важнее то, что есть. Мордант никому ничего не платит и ни от кого не откупается, никого не страшится.

— У тебя связь с Мордантом по-прежнему?

Он кивнул:

— Да, но заказов отсюда больше нет. Почти нет.

— Однако ты здесь, — заметил я. — Значит, что-то тебя держит. Или кто-то.

— И что? — спросил он безмятежно, однако голос подтвердел. — Может быть, мне нравится жить отшельником?

— На отшельника ты не больно похож, — сказал я. — Впрочем, это неважно. Меня Мордант интересовал еще тогда, помнишь? Необычностью и свободами... Хотелось бы заглянуть туда еще разок. Кто знает, вдруг там мне понравится еще больше...

Он смотрел с откровенной насмешкой.

— Силенок прибавилось?

— Да просто люблю приключения, — сказал я беспечно, — очень уж здесь все скованы правилами. Даже среди разбойников правила, правила...

Он смотрел на меня испытующе.

— Правила есть везде. Правда, в Морданте их меньше всего. Что ж, если силенок прибавилось... вы знаете, о чем я, то да, я могу помочь. Но не прямо в Мордант, а снова на ту же станцию.

— К Заку и Арентийцу?

Он кивнул.

— У вас прекрасная память, — сказал он. — Только там уже другие.

— А что с ними?

Он пожал плечами:

— Может быть, ушли. Может, с ними что-то случилось. Работа у них весьма сложная. И опасная.

— Надеюсь, — пробормотал я, — дракон их не съел.

Он подумал, лицо сосредоточенное, словно прислушивается к некоему внутреннему голосу, кивнул, сказал несколько отстраненным голосом:

— За вами придут. Ждите.

— Вот так? — изумился я. — А не много ли чести? Не проще сказать: вон тебе направление, топай ножками?.. Мордант в той стороне, туда три дня конем, неделю — пешком...

Он еще раз пожал плечами.

— Мое дело маленькое. Мне сказали, я выполняю. Кто слишком много умничает не на своем месте, тот долго на нем не задерживается.

— А куда девается? — любопытствовал я. — Сразу увольняют?

Он поморщился:

— Не знаю. Просто тех людей больше никто не видел.

Повеяло холодом, а он снял с полки небольшой кувшин, взломал глиняную пробку, ноздри мои уловили тонкий аромат хорошего вина. В прошлый раз Белюдр изумлялся, что в таком лесу и такое дивное вино, однако мое, как мне кажется, получше, но выказывать свои умения не стану. Одно дело, когда он чувствует смутно, что я что-то умею еще, другое — сдуру подтвержу.

— За ваше здоровье, сэра Ричард, — сказал он.

Я кивнул:

— Спасибо.

За его здоровье пить не стал, не по чину, что удобно, а вообще-то нельзя без необходимости переходить грань. Одно дело, когда под пытками выкладываешь врагу, а другое — добровольно, понимая, что предаешь.

Он сказал медленно:

— Сэр Ричард, вы держитесь спокойно и выдержанно, стараетесь ничего не показывать из того, что умеете. Возможно, вы даже не увидели те призраки, что прошли перед вами только что. Возможно, вы не слышите тот могучий страшный голос, что велит вам повиноваться...

Я ответил с неловкостью:

— Простите, что заставляю вас зря трудиться, но я в самом деле малость глуховат. К тому же если велит мужчина, то я ошетиливаюсь. Мы охотнее подчиняются женщинам, если вам такое все еще знакомо. И вообще, я же сказал, по природной тупости и толстокожести плохо понимаю классическую музыку, изящную поэзию, увлечение татуировками, вообще мне дико такое явление, как мода или косметика... Я груб, я прост, со мной надо общаться прямо, тогда пойму и услышу.

Он продолжал всматриваться в меня с прежней интенсивностью.

— Мне кажется, — пробормотал он, — в этот раз вы не ограничитесь поверхностным взглядом, как в прошлый. Но когда захотите увидеть то, что глубже... это может шокировать. Однако Мордант на этом держится. И держится надежно.

— Меня ничто не испугает, — ответил я безмятежно и ощутил, что отвечаю искренне, а что может испугать в крайне коррумпированном обществе, каким, по моим предположениям, является Мордант? — Я сам, увы, та еще свинья. Иногда думаю, что свиней не бывает... Может быть, в Морданте?

Он усмехнулся и налил мне еще вина.

Глава 6

Мы неспешно опустошали второй кувшин, я пытался выведать что-то еще, однако Терентон отвечает скупой, осторожно. В свою очередь, попробовал поспрашивать меня, но я отвечал широкой простодушной и весьма пьяной улыбкой и уверял, что только пил и по бабам, пил и по бабам, чему он, конечно же, так и поверил.

В какой-то момент насторожился, прислушался, взгляд стал отстраненным.

Я спросил мирно:

— Передача?

Он взглянул непонимающе:

— Что?

— Голоса в голове? — спросил я. — Нет-нет, я не намекаю на сумасшествие. Бывают люди, что в самом деле слышат голоса.

Он посмотрел внимательно, в самом ли деле говорю серьезно, церковь таких сразу на костер, ибо нашептывать может только дьявол.

— Ну, — проговорил он медленно, — скажем так... у меня чуткий слух... А хлопки крыльями уже слышно. Нам придется выйти за пределы замка.

Я вскочил.

— Тогда пошли!

— Не стоит бежать, — сообщил он, — ваш проводник еще далеко.

— Но в пределах слышимости?

Он кивнул:

— Я же сказал, у меня хороший слух.

— Мне бы такому обучиться, — сказал я с завистью.

— И такому? — спросил он с подтекстом.

Мост уже опущен, под ногами доски ни разу не скрипнули, словно не доски, а каменные плиты, даже

одна сплошная плита. Мы перешли на ту сторону рва, темная поверхность воды иногда приподнимается, словно медленно и мерно дышит.

Я чувствовал на себе тяжелый взгляд, наполненный лютой нечеловеческой злобой, словно нечто ужасное наблюдает за мной, могучее, но более далекое от человеческой природы, чем богомол или паук.

Едва отошли от рва на десяток ярдов, я уловил приближающиеся хлопки от ударов крыльев по воздуху. Дракона еще не увидел, но все настолько громко, поразился, в прошлый раз не обратил внимания, а понял, что везут на драконе, совсем по другим признакам. Терентон посматривал на меня краем глаза, я сделал вид, что да, восхищен, хотя и в самом деле это впечатляет, когда вот такая махина прет по воздуху, а еще на ней прижалась, почти распластавшись, человеческая фигурка.

В старинных рукописях седок всегда сидит в красивой позе, гордо выпрямившись, но при быстром полете такого, понятно, просто сдует, выпрямиться можно разве что перед приземлением, когда дракон или любое крупное летающее, сбросив скорость, начинает медленное и плавное снижение на посадку.

Хотя чего это я придираюсь, художники только этот момент и видели, вот и распространили на весь полет.

Терентон, не выдержав моего молчания, спросил в нетерпении:

— Ну как?

Я кивнул, сказал с восторгом:

— О да, впечатляет!.. Весьма!.. Как бы да, однако!.. О-го-го!

Он посмотрел странно и снова повернулся к дракону. Тот вывернул крылья, тормозя о плотную подушку встречного воздуха, но не подобрал, что говорит о его

невысокой массе, явно кости в теле пустотелые, а то и вовсе не кости, а так, видимость. Впрочем, для такого главное — подъемная сила. Орел утаскивает барана, что в сорок раз тяжелее его, крохотный сокол бьет на лету огромную толстую утку и, схватив ее когтями, уносит в свое далекое гнездо. А дракону два-три человека на спине — крохотная часть его веса, хотя чем больше его размеры, тем ниже коэффициент...

Терентон вывел меня сюда не зря, площадка ровная, нет ни камней, ни даже кустов, дракон опустил и побежал, быстро-быстро перебирая лапами и тормозя крыльями. Вернее, не сам побежал, а его побегало, в смысле, понесло.

В конце площадки, куда свезены и свалены крупные глыбы, дракон наконец сумел остановиться, сразу же лег на пузо. Бока раздуваются часто, я услышал, как доносятся усталые хрипы в легких.

Седок поднялся с некоторым трудом, я видел, как освобождается от веревок, дракон не шелохнулся, когда тот сполз по его передней лапе, хотя мог бы легко ухватить чудовищной пастью.

Терентон отступил на полшага, то ли чтобы мне было страшнее, то ли еще чего, но я сейчас беспечный дурак, что ищет приключений, потому смотрю просто с любопытством, это же ой как интересно.

Проводник идет к нам медленно, огромный настолько, что я сразу вспомнил те чудовищные лапы, едва не сломавшие мне в прошлый раз спину.

Он вскинул руки в приветствии, в самом деле больше лапа, даже лапища, чем рука, прорычал мощно:

— Ящерице нужно перевести дух, а мне подкрепиться.

Терентон ответил ровным голосом:

— У нас все на столе. Пойдем.

Гигант смерил меня недружелюбным взглядом.

— Это его везти?

— Его, — ответил Терентон. — Не понимаю, почему ему такая честь.

— Я тоже, — прорычал гигант. — Может, его лучше сбросить на высоте.

Я ответил мирно:

— Попытайся. Когда будешь лететь, кувыркаясь, успеешь увидеть, что я и один долечу на этой старой ящерице, куда надо.

Он продолжал всматриваться в меня недружелюбно из-под могучих утесов надбровных дуг.

— Ого!

— Я уже не тот новичок, — сказал я, — что ты вез в прошлый раз, Торд.

Он поморщился:

— Терентон, это ты ему мое имя сказал?

Терентон пожал плечами:

— А я откуда узнал бы? Ты же так бережешь тайну!

— Правильно делаю, — заметил Торд обеспокоенно. — Знание имени дает некоторую власть...

Терентон повернулся и молча пошел обратно в сторону замка. Мы двинулись за ним следом, я заметил, что огр ревниво посматривает, не выше ли я ростом, но нет, он все-таки пальца на два-три превосходит, но такой малый разрыв его явно не устраивает, маловато, чтобы смотреть сверху вниз.

В замке стол в самом деле накрыт на троих, я молча подивился, кто же это сделал, но не подал вида, что вообще заметил. Терентон на правах радушного хозяина угостил вином и его, оба рассматривали меня пристально и обменивались многозначительными взглядами. Уже то, что совершенно не волнуюсь перед полетом на драконе, настораживает: то ли я настолько туп и бесчувственен, как заявил, то ли что-то подобное уже видел...

Я лениво поинтересовался у огра:

— А где остальная команда?

Он проворчал тяжело, словно ворочал глыбы в каменоломне:

— На этот раз ты же по своей воле?

Я кивнул:

— Да.

— Ну вот и все.

— Тогда, — заметил я, — вместо тебя можно бы кого-то полегче. Курьеров выбирают по весу, а не умению. Животное едва дышит!.. Старое, наверное.

Он проворчал снова:

— Не пытайся узнать то, что тебе не положено. Я простой перевозчик. Сейчас дракон чуть отдохнет, полетим обратно. Ты тоже... не пушинка.

Терентон, как мне показалось, здорово нервничает, хотя и непонятно, Торд все-таки для него ближе, чем я, но дергаться начал именно с прибытием огра.

Тот как будто чуял, выхлестал полный кувшин вина, поднялся и сказал насмешливо:

— Моя идти.

— Зверь уже отдохнул? — спросил я заботливо. — Я то мне показалось, он совсем плох.

Торд нахмурился, это смотрится устрашающе, когда и так страшноватая харя искривилась в чудовищной гримасе.

— Долетит.

— А потом издохнет? Животных надо жалеть. А бы даже тебя пожалел... при хорошем настроении.

Терентон вышел проводить, но остановился на мосту, смотрел оттуда, как поднимаемся на дракона. Торд сразу полез на загривок, я хотел сказать, что нужно переместиться на целый ярд ближе к середине спи-

ны, распределяя тяжесть равномернее, но решил, что одно дело — моя тупость и нечувствительность к чудесам, другое — показать какие-то знания.

Торд буркнул:

— Вон те петли набрось на пояс.

— Хорошо, — ответил я покорно, — да не сдует...

И прикусил язык, лучше вообще помалкивать, а то каждым словом выдаю знакомство с полетами. Или вообще с большими скоростями.

Дракон тяжело поднялся, внутри у него хрипит и стонет, довольно старая ящерица, даже костяные шипы потертые и с обломанными краями, да и вообще старое животное видишь сразу, неважно, насколько оно редкое или экзотичное.

Торд поглядывал на меня, я сделал вид, что возбужден, взвинчен и вообще боюсь и радуюсь, это же надо — на драконе! Полетим!.. По воздуху!.. Ого!..

Земля побежала навстречу с тяжелыми ударами крыльев по воздуху, те все ускорялись, наконец толчок, нас вжало в костяную спину, и дракон, оторвавшись от земли, с трудом пошел по настолько длинной и медленно повышающейся кривой, что я всерьез забеспокоился, как бы не врезались в вырастающий далеко впереди лес.

Торд тоже посматривал обеспокоенно, в какой-то момент постучал требовательно длинной палкой по башке дракона. Тот захрипел и застонал сильнее, я чувствовал, как натужно скрипят подо мной старые кости, а суставы едва-едва не выпадают из разболтавшихся суставных сумок.

Лес все приближался и приближался, наконец дракон собрался с силами и сделал натужный рывок вверх.

Вершинки деревьев пронеслись вниз. Я слышал, как шелестят, задевая поджатые, как у гуся, к пузу лапы, а дальше дракон уже пошел свободнее, даже высо-

ту набирал, хотя и очень медленно, с трудом, иногда распахивал крылья и парил, поймав идущие от земли теплые токи.

Торд перестал бросать в мою сторону взгляды, согнулся, стоически перетерпевая встречный холодный ветер, я подумал насчет глупости человеческой, я бы уже для второго полета приспособил бы какое-то укрытие, что не создавало бы помехи полету, но укрывало бы надежно. А этот сколько лет терпит, даже не понимает, что все можно усовершенствовать. Видимо, усовершенствователи — редкая вещь. Иначе бы мы уже давно жили в Царстве Небесном.

Ветер все так же продувает до костей, хотя то ли я стал крепче, то ли еще что, но продувает и пусть продувает. Да и не продувает вовсе, это так, ощущение только, наконец, далеко на горизонте вырос гигантский город.

Я ощутил что-то нехорошее, уже привык, что чем дальше от Большого Хребта в сторону севера, тем проще и примитивнее жизнь, но здесь иное...

Дракон начал снижаться почти так же полого, но я чувствовал, как стонут его жилы в ожидании кормежки и отдыха. Торд смотрит неотрывно вниз, все чаще постукивает по толстому черепу дракона, корректируя курс, а то старая ящерица не знает дорогу, но надо же мне показать, что он главнее, без него дракон бы точно заблудился, да и вообще он командует!

Земля побежала под нами все быстрее и быстрее, по бокам появлялись постройки и быстро убегали за спину. Дракон пробежался, складывая крылья и одновременно тормозя ими по возможности. Я начал развязывать веревку, хотя Торд бросил сердитый взгляд, привык командовать на этом судне.

— Прибыли? — спросил я только для того, чтобы спросить.

Он сердито огрызнулся:

— Нет, еще летим!

— Я это чувствую, — ответил я миролюбиво.

Из каменного здания вышли мужчина в дорогом цветном халате до пола, на голове что-то вроде тиары красного цвета, и женщина в непривычно коротком платье, хотя и декольте на месте, что странно, обычно показывают либо то, либо другое.

Я широко и дружелюбно улыбнулся:

— Я счастлив видеть вас, Беата!.. Это вообще счастье — видеть красивую женщину, но если еще и такую деятельную, что не вяжет у окошка, — удача будет целый день!

Беата смотрела на меня хмуро, почти злобно. Средний рост, широкие плечи, грудь выпуклая, но как бы по-мужски, то есть широкие такие пластины, словно постоянно носит доспехи, и те приплюснули ей эти вторичные признаки, а когда подошла ближе, в глаза бросились густые брови, что почти срослись на переносице, обычно женщины такие выщипывают, вытягивая в тонкие шнурочки.

Глаза, правда, удивительно светлые, с жемчужным оттенком, что особенно выразительно на смуглом загорелом лице уверенной в себе женщины. По ней видно, что за себя постоять умеет.

После напряженной паузы поинтересовалась холодно:

— Мы что, знакомы?

— В какой-то мере, — заверил я. — Вы, конечно, меня не запомнили, мало ли всяких, кто на вас смотрел вот так, как я, а потом им всю ночь снилось, как они с вами веселятся... но я вот с того момента тоже днями не спал и ночами не ел, все вас вспоминал, ваши руки, ваш запах...

Мужчина в роскошном халате посмотрел на нее в

великом удивлении, нахмурился, а она сморщилась и быстро сказала ему:

— Не обращай на него внимания.

— Но он такое говорит...

Она сказала зло:

— Наверное, я ему влепила затрещину... вот и запомнил мою руку. А запах... на что он намекает? Что я редко моюсь?

— У вас запах здорового чистого тела, — сказал я и глубоко вздохнул. — Кто его не чувствует, тот вообще не чувствует ничего, гоните такого!.. Я готов занять его место. Это такая редкость, чтобы сама женщина пахла лучше любых духов!

Она открыла рот, лицо еще злое, но медленно закрыла с озадаченным выражением, задумалась.

Мужчина в халате сказал отрывисто:

— Я — Энгилфид, занимаюсь наблюдением за периметром. Это Беата, она руководит... Многим руководит. Кто вы, сэр?

— Я лазутчик из дальних стран, — сказал я, обезоруживающе улыбнулся. — Вообще-то половина приезжающих купцов — лазутчики, вы это знаете, но я весьма особый лазутчик... Я не люблю правила, строгие законы, церковь, мораль и все ограничения, что сковывают свободу человека!.. Я уже был в Морданте, мне здесь очень понравилось, вот Беата подтвердит. И сейчас я приехал сюда, чтобы в первую очередь отдохнуть и развлечься среди себе подобных, а в своих королевствах я распространяю информацию ту, которую вы для меня подберете, пока я... ну, вы понимаете, командировочное настроение, вдали от семьи, сам по себе...

Торд посмотрел на меня люто и сказал рычащим голосом:

— Может, все-таки его сразу головой о дерево?

— Торд, — сказал я с сожалением, — твоя тупая

верность хозяевам и Морданту впечатляет. Ты хорош! Мы все дураков любим. Но они знают в отличие от тебя, что вместо меня пришлют еще десяток!.. Всех выловить трудновато. Скажем прямо, невозможно. Зато можно снабдить правдоподобной дезой.

— Дезой? — переспросила Беата.

— Дезинформацией, — пояснил я. — Вон ваш Энгилфид уже все понял.

Энгилфид медленно кивнул, вид у него оставался задумчивым, я с холодком понял, что решается моя судьба. Остальные поглядывают то на него, то на меня. В руках у Беаты появились два длинных кинжала, и сделала она это не демонстративно, дескать, вот щас напугаю, а деловито, словно собирается зарезать курицу, хозяйственная такая женщина.

— И что, — проговорил он с сомнением, — вы в самом деле... гм... почему мы должны верить, что вы предадите именно то, что хотим мы?

Я кивком указал на Беату:

— Она может подтвердить, что мне здесь понравилось больше, чем в своем королевстве. А это значит, я хотел бы такие же порядки и в тех землях, где живу я. Это могли бы подтвердить Зак Ганн и Арентиец, если бы они были здесь. Так что я предлагаю вам выгодную сделку. Вы меня здесь принимаете, как знатного гостя, поите и кормите, все удовольствия, так, чтобы у меня из ушей лезло, а я по истечении времени повезу обратно тщательно собранные якобы мною факты о расшатавшейся жизни Морданта. Главное, не забудьте преувеличить вооруженные силы и решимость защищать Отечество, а то обычно в благополучных странах все начинают заботиться о здоровье. Чтобы, значит, жить дольше и жрать больше...

Мне показалось, что даже Беата заколебалась, когда я так нагло заявил, что продаю свои услуги не про-

сто так, а чтобы меня чесали и ублажали, а я буду только похрюкивать от удовольствия.

Некоторое время все трое молчали озадаченно, наконец Энгилфид проговорил с сомнением:

— Вас передадим дальше.

— Куда?

— Дальше, — повторил он. — А там решат, что с вами делать. Я не думаю, что для вас все обойдется так уж замечательно, однако...

— ...однако вы не хотите брать на себя ответственность, — закончил за него я. — Очень мудрый шаг. Вы поступаете абсолютно верно, ибо как бы вы ни решили правильно, наверняка взгреют за превышение, ибо часть несложной и необременительной работы нужно передавать наверх, чтобы и там могли сказать, что поработали, поработали...

Он кивнул, повернулся к женщине.

— Беата, — произнес он властно и тем голосом, которым заранее отметают всякие возражения, — ты отведешь нашего говорливого гостя и сдашь в магистратуру.

Она дернулась:

— Почему я? Пусть вон Торд!

Энгилфид покачал головой:

— Нет, этот Ричард слишком... в общем, лучше ты.

— Почему лучше?

Он вздохнул:

— Моя задача, чтобы все шло гладко. Мужчина и женщина уживаются лучше, чем двое мужчин. Между мужчинами трения чаще, каждый не хочет уступать другому.

Я подумал, что наблюдатель за периметром... странная, кстати, должность... весьма мудр. Раз уж тут нет негров, то в напарники нужно давать женщину. Вооб-

ше-то женщина и есть домашний негр, так что все верно, пропорции соблюдены.

— Да, — сказал я, — здесь работа важная, ответственная, государственного значения и понятия. Потому лучше пусть Торд остается и хоть раз в жизни поработает, а Беата проводит меня в город, заодно и по магазинам побегает.

Она смерила меня ненавидящим взглядом.

— И кому его передать?

Энгилфид подумал, предложил:

— Сама решишь. Главное, доставь в магистрат к господину Валдиарду. Думаю, тот уполномочен решать такие вопросы.

Беата бросила на меня злой взгляд:

— Пойдем, красавчик.

— С тобой хоть на край света, красотка, — ответил я галантно, — а не только до ближайшей постели, куда ты меня ускоренно тащишь.

Она от возмущения едва не ударилась о дверь, так вытаращила на ходу глаза в мою сторону.

— Что-о-о?

— А разве нет? — спросил я. — Понимаю, это такая игра. Молодец, а то когда простая вязка, уже и не совсем интересно. Нужно что-нибудь такое эдакое... рыбное, к примеру.

Она плотно стиснула челюсти, но промолчала. Я окинул ее фигуру оценивающим взглядом и продолжил как можно более развязно:

— Знаешь, дорогуша, как осточертели те постные рожи, что без конца толкуют о Добре!.. Так хочется оторваться, окунуться, расслабиться, побалдеть, свалить дурака или завалить дуру... Понимаешь, у нас даже азартные игры запрещены! Дурно влияют, видите ли!

Она поморщилась:

— Может быть, кому-то в самом деле нельзя?..

— Дык всем нельзя, — сказал я гневно. — Если бы только дуракам было нельзя, я бы двумя руками, так у нас же равноправие, что насаждает церковь!.. Какое может быть равноправие, когда я — дворянин, а оно — земляной червяк?..

На улице народу прибавилось, явно перед приземлением дракона разбежались на всякий случай. Зверюга если и не сожрет, то затопчет, но может и сожрать, если добыча сама перед мордой скачет.

— Не отставай, — поторопила она раздраженно. — У тебя, что, ноги кривые?

— Грубая ты, — сказал я с укором. — Я к тебе со всей ласковостью, а ты грубишь прямо в глаза совсем не по-женски. Я же, можно сказать, в отпуске, у меня командировочное настроение, а ты знаешь, что это такое, га-га-га!.. Оттянуться мечтаю по полной. У вас тут, говорят, совокупляются и с животными?.. Это же здорово, это свобода!.. Хочу посмотреть...

Она буркнула:

— Посмотри в зеркало.

— Я хочу посмотреть, — пояснил я, — как это наяву. А то во сне это не совсем то. Во сне я могу и с тобой...

— Только попробуй! — прошипела она яростно.

— Дык тебе же понравится, — сказал я в великом удивлении. — Вы тут все раскрепощенные, у вас свобода и гуманизм, а у нас там непросвещенный абсолютизм с тенденцией сползания в просвещенную деспотию.

Она посмотрела с еще большим отвращением.

— Еще и грамотный? Это вообще извращенцы... Нам вон в тот дом, но сейчас улицу переходить нельзя.

— Почему?

— Стой здесь и молчи, — процедила она люто.

Я сказал обиженно:

— Я думал, у вас свобода...

— Замолчи, дурак, — прорычала она, уже переставая сдерживаться, — помолчи немного!

Улица между двумя рядами домов в самом деле совершенно пустая, что удивительно, чистая и с выложенной булыжником проезжей частью, по такой и телеги постоянно громяхают колесами, и всадники проносят на горячих конях, звеня стальными подковами.

— А чего ждем? — спросил я. — Если нам в тот дом... Ладно, ты оставайся, если такая ленивая, а я пойду.

Она с неожиданной силой ухватила меня за руку:

— Стой!.. Когда я тебя сдам в магистрат, там хоть убейся о стену. А пока жди.

— Чего?

Я сделал вид, что вот сейчас перейду, качнулся в ту сторону, она ухватила меня за руку с неожиданной силой.

— Стой, дурак!..

— Чего? Зачем?.. Где свобода передвижения, я спрашиваю?

Она прошипела сквозь зубы:

— Сейчас... по этой дороге... сам увидишь... и не захочешь больше переходить им дорогу... никогда...

Я повернулся в ту сторону, и кровь застыла в жилах. На дальнем конце улицы появилась стая огромных волков, так показалось вначале.

Глава 7

Набирая скорость, они понеслись по улице длинными прыжками. Это волки и не волки, не бывает волков в двести фунтов, а в этих и побольше, я не сводил устрешенного взгляда со страшных распахнутых пас-

тей, где клыки, как ножи, плечи широки и бугристы, как у людей, но шея шире головы, с затылка и до середины спины топорщится густая длинная шерсть, похожая на конскую гриву, только короче, однако мечом не просечь, мелькнула мысль автоматически, все тело в чудовищных буграх мышц...

На меня пахнуло звериным духом, их целая стая, мчатся и мчатся, стальные когти высекают искры о камни булыжника, один зверь повернул в прыжке голову, наши взгляды встретились, глаза у него не желтые, как у волков, а кроваво-красные, жуткие, безумные, не звериные, а гораздо хуже.

Пронеслись мимо, я смотрел вслед и в ужасе старался понять, что же меня потрясло в его взгляде. Наконец сообразил, что там разум, холодный и беспощадный интеллект, абсолютно аморальный и бесчеловечный, однако... мимо пронеслись не разумные звери. Мимо промчалось по городу, демонстрируя свою власть, нечто намного более страшное, намного.

Я ощутил, что все еще смотрю с распахнутым ртом и вытаращенными глазами, рядом раздался голос, полный яда:

— Ну как, хочешь им попасться на дороге?

Она смотрела насмешливо, но в ее взгляде я увидел и нечто вроде усталости.

Я замотал головой:

— Нет-нет, ты права, хоть и женщина.

Она фыркнула:

— Здесь женщины с тебя спесь пособьют!

— Ну да, — сказал я, — мечтайте, мечтайте.

— Пойдем, — сказала она, — теперь можно.

Мы перешли на другую сторону, на булыжниках еще остались мелкие царапины от когтей, страх холодит мои внутренности и не спешит испаряться.

Из домов начали выходить люди, лица обычные, я

слышал деловые разговоры, совсем рядом прозвучал смех. Я вертел головой, что-то странное, эти же люди попрятались в дома, зная, что произойдет, однако сейчас веселы и беспечны, ничего не понимаю...

Я оглянулся на дорогу, Беата посмотрела через плечо.

— Что?

— Мы стояли на обочине, — пробормотал я. — Знал бы, тоже спрятался бы... Почему нас не тронули?

— Они днем не трогают, — ответила она с чувством полного превосходства. — А на обочине, чтобы ты лучше рассмотрел.

— Ну спасибо, — пробормотал я. — Ты такая заботливая.

Мы уже подошли к зданию магистратуры, она поднялась по ступенькам и распахнула передо мной дверь. Я посмотрел зло, большего унижения придумать для мужчины трудно, но пробурчал в ответ:

— Могу привлечь за сексуальное домогательство.

Она не поняла, а когда вошли в холл, спросила нас стороженно:

— Ты о чем?

— Ты распахнула передо мной дверь, — пояснил я. — Значит, ухаживаешь за мной. Значит, хочешь меня. И домогаешься всячески. А это наказуемо, так как ты используешь недозволенные приемы, пользуясь властью гида над новичком.

Она ничего понять не успела, двери во внутреннем зале нам загородили копиями двое часовых в парадных одеждах.

— Куда? — спросил один.

— К кому? — поинтересовался другой.

— По какому делу? — уточнил первый.

Она ответила сердито:

— Перестаньте, вы меня знаете.

— Тебя да, — подтвердил первый со смешком в голосе, — а вот его...

— Его веду я, — отрезала она. — Этого достаточно. И вообще... брысь с дороги!

Оба хохотнули, но копья убрали и от двери отступили. Беата толкнула дверь, издевательским жестом предложила мне войти первому.

— Ничего, — сказал я с угрозой, — я с тобой еще поквитаюсь.

Здание показалось знакомым, хотя тогда я был здесь ночью, а ночью все выглядит иначе. Прошли широким коридором, пол паркетный, стены отделаны дорогим деревом, несколько картин в дорогих рамах, а это уже что-то в сравнении с красными полотнищами или гобеленами.

На втором этаже еще богаче, но более функционально, Беата подошла к двери, возле которой согнулся за столом мужчина в деловой одежде секретаря.

— Господин Валдиард на месте?

— Да, — ответил он, не поднимая головы, — но занят...

Беата сказала раздраженно:

— Сейчас будет занят еще больше!

Секретарь вскинул голову и сказал быстро:

— Эй-эй, ты что?

Но Беата уже распахнула дверь и впихнула меня, хотя я не очень-то и упирался. Дверь за нами захлопнулась, мы оказались в просторном кабинете с дорогой отделкой, где в роскошном кресле развалился толстый человек в красном халате, укрывающем ноги, я только и рассмотрел мягкие стоптанные туфли, а еще там большой стол с массивной чернильницей и пучком гусиных перьев в высоком стакане, мебель и прочее, но я

смотрел только на этого человека, он здесь главный и выглядит достаточно необычно.

Беата сказала быстро:

— Господин Валдиард, я знаю, что вы дико заняты, но это срочно. Терентон переправил нам этого человека. Он сознался, что он шпион!

Толстяк рассматривал меня с интересом, как и я его. Что-то в нем странное, начиная от домашнего халата, что никак не вписывается в строгую обстановку кабинета, шлепанцев и даже вальяжной позы отдыхающего человека.

— Сознался, — спросил он тонким голосом, — или сообщил?

Она сказала нехотя:

— Сообщил.

— Так-так, — проговорил он, — кажется, догадываюсь... Причины?

Она коротко пересказала ему то, что сообщил я, он слушал внимательно, кивнул.

— Вполне разумно. Мордант — это место, где человек чувствует себя свободным. Хорошо, все понятно. И логично. Беата, он свободен и пусть развлекается, а я сам составлю для него отчет. Ты же возьми на себя заботу о нашем госте, чтобы ни в чем не нуждался и мог развлекаться без помех.

Она отшатнулась:

— Я?

— Конечно, — ответил он ласково, — ты справишься.

— У меня дела на периметре!

— Нет там особых дел, — заверил он. — Уж я-то знаю. Все, я решил. Идите!

Голос неожиданно стал властным, Беата повернулась и бездумно пошла к двери. Я повторил ее движения, пусть и с секундной задержкой, сообразив нут-

ром, что он использовал нечто не совсем правильное, но мне нужно сделать вид, что подействовало и на меня.

Так мы дошли до выхода на улицу, и только там она сообразила, что ей поручено, вспыхнула, глаза стали дикими, посмотрела на меня так, словно собиралась ударить.

— И что ты, животное, — прошипела она, — собираешься делать, сразу в бордель?

Я удивился:

— Зачем? Ты же рядом.

Она сказала люто:

— Я тебя убью раньше, чем ты ко мне прикоснешься своими грязными лапами.

— Сама ко мне под одеяло полезешь, — заверил я. — А я еще подумаю, пустить тебя к моей особе или погнать, как кошку какую.

Улица перед нами широкая, но заставленная с обеих сторон торговыми рядами, обычные длинные столы, куда выложены товары, а сверху широкий навес из плотного полотна, спасающий как от дождя, так и от солнца.

Я спустился по ступенькам и медленно побрел вдоль улицы, оглядываясь с любопытством провинциала. Беата догнала и пошла рядом, я видел, как накаляется все больше и больше, вот-вот рванет так, что полетят клочья.

— Если на земле ты будешь последним мужчиной, — прошипела она, — то и тогда...

Я фыркнул:

— А я и спрашивать не буду. Просто возьму силой.

Она на ходу вытащила из ножен кинжалы, рожа перекосилась в сладострастно-злой ухмылке.

— Думаешь, твой рост и твои длинные руки дают тебе преимущество?

— Думаю, что дают, — согласился я.

— Тогда схватку? — предложила она. — До двух порезов?

Я посмотрел на кинжалы, длинные и острые, лезвия узкие, выглядят страшновато.

— Рыцари сражаются в доспехах, — заявил я, — твои кинжалы против стальной брони бесполезны.

Она сказала победно:

— Значит, боишься?

— У тебя преимущество, — признал я.

— Какое?

— Рост и вес, — пояснил я. — Конечно же, я должен двигаться медленнее из-за общей массы тела.

— Зато твои удары сильнее, — отпарировала она.

— Что толку, — сказал я, — если увальню ударить даже не дадут?.. Но хорошо, я принимаю вызов.

Она замерла, в глазах нарастает удивление.

— Ты же сказал, у меня преимущество.

— Только чтобы подчеркнуть свою победу, — сказал я с наибольшей скромностью, даже глазки смиренно опустил. — Вырванную в условиях, навязанных недобросовестным соперником.

Она вспыхнула, сказала разъяренно:

— Чем будешь драться?.. Дать один свой?

Я покачал головой:

— Нет, оставайся, как привыкла. А я подберу себе что-нить более мужское...

— Ну-ну, — сказала она насмешливо. — Подбери двуручный меч. Или попробуешь из лука?

— Я бы попробовал, — согласился я, — но ты ж не дашь и натянуть тетиву... А вот это мне подойдет...

Она издевательски хохотнула, когда я, проходя мимо лавки под навесом, взялся двумя руками за шест, вкопанный в землю. Сильный удар окованного желе-

зом сапога с треском перебил внизу у самой земли, навес начал рушиться.

Я отпрыгнул, выдернув шест. По весу в самый раз, а главное — длинный. Торговец завопил и выскочил, брызгая слюной. Я выудил из кармана золотую монету.

— Держи! Это на починку.

Он ухитрился поймать у самой земли, быстро попробовал на зуб, поклонился:

— Да, господин. Спасибо, господин! Все будет сделано, господин...

Беата смотрела с некоторым удивлением.

— А ты здоровый, — заметила она. — Но тем хуже.

— Да, — согласился я, — синяки будут крупнее.

Она фыркнула и встала с кинжалами в боевую стойку.

— Скажешь, когда будешь готов.

— Я? — изумился я. — Всегда готов! У тебя ж такие сиськи.

Рассерженная, она бросилась вперед, размахивая кинжалами. Я заметил, что непрерывно держит взглядом мое лицо, словно уже наметила места, где пару раз чиркнет, чтобы обезобразить нахального красавца.

Народ начал заинтересованно останавливаться, а я отступил на пару шагов, как она и рассчитывает, шест в моих руках начинает вертеться, я разогрелся, ускорил метаболизм и чувствовал, что соображаю и двигаюсь втрое быстрее, но эта зверюшка с кинжалами и горящими глазами в самом деле опасна, по скорости почти не уступит, а это значит, других превосходит.

Она охнула, когда конец шеста ударил по плечу, на миг даже руку опустила, но я не воспользовался моментом, а только нахально улыбнулся... Она зашипела и бросилась снова, я дважды ударил по рукам, она едва не выронила кинжалы, отпрыгнула и смотрела неверящими глазами.

— Что? — удивился я. — Неужели больно?... Да ты шутишь!

— Сволочь, — прошипела она.

Народ начал веселиться, симпатии разделились, часть за женщину, часть за меня.

На этот раз она действовала расчетливее, но тем самым передала преимущество полностью в мои нежно-загребущие: я успевал увидеть по ее замедленным движениям, какой именно удар готовит, и в последний момент встречал сильным тычком, стараясь бить либо в бедро, либо в плечи.

Однажды я увернулся достаточно ловко, она проскочила мимо, и я с наслаждением хлестнул наотмашь по оттопыренной заднице. Беата выгнулась назад, чуть не переломившись, обернулась, полыхая звериной яростью.

— Ах ты...

На этот раз промахнулась сильнее, я снова ударил по заднице. Народ хохотал, визжал, улюлюкал. Симпатии теперь полностью на моей стороне, к тому же я дерусь простым мужицким оружием, простолюдинам и доступны только колья.

Она пробежала несколько шагов, чтобы не упасть, я изготвился встретить стойко грудь в грудь, таков у меня решительный вид, но снова шаг в сторону, она пролетает мимо, и опять хлесткий смачный удар по заднице, что вызвал бурю восторгов, радостных воплей и злорадного смеха.

Она вернулась, лицо осунулось, мрачное, в глазах горечь поражения, но кинжалы все еще держит на изготовку.

— Сволочь, — прошептала она, — ну, что смотришь... Добивай.

— С чего вдруг? — изумился я.

— Не убьешь, — сказала она тихо, — я тебя зарежу. В спину.

Я задумался, из толпы мне закричали обеспокоенно:

— Добей!

— Она такая!

— Это же зверь!

— Все женщины — звери...

Я подумал, опустил шест.

— Я рискну. Предлагаю ничью. Бой закончен на равных. Ни ты мне порезов не сумела, ни я тебе. Все поровну. Согласна?

В толпе озадаченно умолкли. Она сверлила меня ненавидящим взглядом.

— С чего вдруг?

— Я же сказал!

Она покачала головой:

— С чего вдруг такое... милосердие?

— Мы же дрались не до смерти, — напомнил я. — Так, побаловались.

— Дурак, — сказала она со змеиным шипением в голосе. — Я дралась, чтобы тебя убить. Ты мне отвратителен.

— А я в тебя влюблен, — ответил я. — Такой красивый яростный оскал!.. Такое перекошенное личико!.. Эх, нет зеркала, ты бы сама влюбилась в свое кривое отражение.

Она молча сунула кинжалы в ножны, смерила меня еще раз убийственным взглядом и, круто развернувшись, пошла на толпу. Кольцо мгновенно разомкнулось, с ее дороги спешили убраться так торопливо, что один упал и отбежал поспешно на четвереньках.

Я бросил шест одному из зевак, повернулся и пошел за ней под приветственные кличи.

Глава 8

В гостинице она стянула через голову рубашку и отбросила ее на спинку стула. Обнаженная до пояса, она не стала выглядеть менее женственной, ее тугие мышцы скрыты тонким слоем девичьего жира, и хотя почти незаметен, но с ним она просто сильно развитая милая молодая женщина, а вовсе не удалой боец.

Я присвистнул. Плечи и руки покрыты широкими кровоподтеками, одни совсем черные, другие багровые, это значит, что завтра заиграют всеми цветами радуги, постепенно переходя в нездоровую желтизну, она уходит последней.

— Теперь меня всю жизнь будет мучить совесть, — признался я. — Ты победила.

Она посмотрела с недоумением:

— В чем?

— Выдержала, — ответил я. — И показала, какая я в самом деле сволочь. Так бить женщину все-таки не по-мужски.

Она посмотрела внимательно:

— Да? А то, что ни одного кровоподтека на груди, на животе, на лице?

— Ты что? — ужаснулся я. — По сиськам? Да я лучше сам себя по голове вдарю!.. По животу тоже нельзя, а то вдруг родишь потом уроды?.. А я хочу, чтоб дети мои были здоровыми и красивыми. По лицу так и во все... Хотя на женское в кровоподтеках любоваться можно тоже. Особенно если сам поставил. Гордость, знаешь ли... Уважение к самому себе. Да и другие уважать начнут, они ж все у жен под каблуками.

Она поморщилась:

— Ладно-ладно, не ерничай. Я, когда мы были в магистратуре, настаивала, чтобы вернуться обратно, но

мне велели сопровождать тебя, пока ты не закончишь здесь.

Она выглядит разозленной, я помолчал, давая время самому собраться с мыслями, а ей чуть остыть, сказал примирительно:

— Да, тебе подложили свинью по имени Ричард, но мне гораздо легче с тобой, чем с кем-то еще...

— Почему? — спросила она свирепо.

— Потому что ты, — сказал я, — красивая женщина, а красивым мы готовы подчиняться без всякого протеста в душе и ее отдаленных фибрах. Кроме того, ты отважная, смелая, храбрая, сильная, умелая, обученная, злая, решительная, коварная...

Она прервала:

— Стой, что-то тебя не туда поперло.

— Да, — согласился я, — это сердце начало воспевать тебе хвалу. Но я подумал и пошел тебе навстречу. Иди, отпускаю. Возвращайся на пост, я в магистратуре скажу, что в няньках не нуждаюсь.

Она буркнула:

— Я не нянька, а проводник.

— Обойдусь, — сказал я твердо. — Дорогу переходить не буду, если никто не переходит, по сторонам поглядывать стану. Так что все в порядке, возвращайся. Привет Энгилфиду.

Она помолчала, начала развязывать штаны. Я целомудренно отвернулся, за спиной слышалось тихое шипение, наконец раздался ее враждебный голос:

— Что с тобой?

— Любуюсь природой, — пояснил я. — Такая огромная луна... У нас почему-то поменьше.

— Да? — спросила она. — А может, ты такой стыдливый?

— Стыдливый? — перепросил я. — Нет, такого изысканного извращения за собой не замечал.

— Тогда чего отвернулся?

Я продолжал смотреть в окно, ответил после долгой паузы:

— Понимаешь... не хочу, чтобы меня мучили муки совести. Я так лупил по твоим булочкам, что сейчас сердце болит от сочувствия. Там черным-черно?

— А ты посмотри!

Я замотал головой:

— Нет уж. Так я просто предполагаю, что там не все... идеально, а так увижу.

Она фыркнула:

— Дело твое.

Слышно было, как прошлепали в сторону кровати босые ступни, чуть скрипнуло, я уловил болезненный стон, который тут же оборвался, а то вдруг услышу и злорадно возрадуюсь.

Я сказал себе, что с нею не ложусь только потому, что не хочу выдавать в себе паладина, тот обязательно залечил бы ее кровоподтеки. Хотя могу сдерживать свою мощь при любом прикосновении или объятиях, но тут не смогу, слишком сочувствую, само из меня изойдет и тем самым провалит мою миссию.

Утром, когда я зевал и потягивался на довольно узкой лавке у двери, еще не проснувшись как следует, она поднялась на кровати, сдвинув одеяло до пояса, и смотрела на меня с неподвижным лицом и загадочными глазами.

— Ты почему, — поговорила она медленно, — не перебрался ко мне в постель?

Вопрос трудный, не могу же брякнуть, что не заинтересовала, это оскорбление, все женщины уверены, что только и мечтаем о доступе к их телу.

Я сделал вид, что признаюсь с неохотой:

— Понимаешь, тебя поставили в подчиненное мне положение. А это исключает, ясно?

Она смотрела прямо.

— Нет. Не ясно.

Я сказал, морщась:

— Принуждать — унинительно. Для меня. Такой умница и красавец, ты поняла, о ком я с таким восторгом, должен отбиваться от бабс, а не силой тащить их в постель. А когда женщина у тебя в подчинении, то не поймешь, то ли очарована, то ли подчиняется, скрипя клыками...

Она фыркнула:

— Я уж точно тобой не очарована!

— Я тоже, — ответил я, сказал поспешно, — нет, собой я очарован, еще как очарован, где еще найти такое совершенство, а вот к тебе дышу вполне ровно.

— Вот и хорошо, — сказала она раздраженно. — Одевайся быстрее, пора идти.

Я натягивал штаны, рубаху и сапоги, все это время она сидела на краю кровати и рассматривала меня темными загадочно мерцающими глазами.

— Нежный ты, — сказала она презрительно. — Ни одного шрама! Книжник?

— Книжник, — подтвердил я.

— Драк избегаешь?

— Еще как, — согласился я.

Натянув сапоги, поднялся, перебросил перевязи с луком и мечом через плечи. Она поднялась, кивнула, между нами осталась недосказанное, что нежнотелый я потому, что раны предпочитаю наносить другим, уже проверила.

Когда спустились в харчевный зал, она буркнула:

— Но вообще-то ты сложен... неплохо.

— Все из-за книг, — сказал я, — они ж такие тяжелые!

— А владеть оружием где научился?

— Все в книгах, — сказал я. — Книги — источник мудрости. Как-то один мой друг прочитал книгу о вреде пьянства и тут же твердо решил бросить читать! И вообще книга — лучший друг: жрать не просит, денег не занимает, в постель не тащит.

Она сказала зло:

— Можно подумать, тебя кто-то тащил!

— Думаю, — сказал я скромно и опустил глазки, — и следующей ночью тоже не поддамся.

Она прошипела, как масло на раскаленной сковороде:

— До ночи я тебя еще прибью десять раз!

Харчевный зал, как и всюду — столы с лавками, чистая половина — со стульями и креслами. Она пошла было в общий зал, но я с самым высокомерным видом свернул на половину для благородных.

Когда сел и посмотрел требовательно на хозяина, Беата пришла разозленная уже, как кобра, а я еще и вскочил, отодвинул ей кресло, из-за чего она уставилась на меня с подозрением, словно вот попытается сесть, а я выдерну, чтобы позорно рухнула под общий гогот.

— Ты чего?

— Ты же вроде дама, — пояснил я. — Вон у тебя эти... аж две. Хоть и мелкие, но все-таки заметно, если присматриваться! А я человек такой внимательный, что сам себе поражаюсь...

Она стиснула челюсти, заиграли желваки, а я сказал подошедшему хозяину:

— Все лучшее из того, что готово, нам ждать некогда. Дама уже лапками перебирает, но ей что помягче, у нее зубы слабые. А вина ей побольше, пьет много.

Он кивнул и отошел, она прошипела:

— Что? Я много пью?

— Я пью, — пояснил я. — Но не могу же признаться в такой слабости? А ты, как напарник, меня прикроешь.

— С какой стати?

— Но ты же напарник?

Она сказала зло:

— Напарник должен прикрывать спину в схватке!

— Схватку я и так выиграю, — ответил я елеинно, — а ты меня одеялком прикрывай. А то я во сне брыкаюсь, если не там чешешь.

Еда как еда, хоть и мордантская, ничего особенного, я жевал, посматривал по сторонам, народ тоже ничем не отличается от такого же в Скарляндах или Варт Генце, разве что манеры более размашистые, держатся свободнее, а на пол не плюют только потому, что кроме громадного хозяина у дверей стоит, сложив могучие руки на груди, еще громаднее существо, очень уж похожее на огра.

— Рассказывай, — потребовал я. — Что за волки, бегущие по дороге?.. Почему король не примет меры? Что вообще здесь не так, почему другие королевства... относятся к Морданту враждебно?

Она ела несколько равнодушно, механически, взгляд то и дело устремлялся в пространство.

Не дождавшись ответа, я пригнулся к столу и посмотрел ей в глаза:

— Эй! Очнись!

Она слегка вздрогнула, посмотрела на меня затуманенным взглядом:

— Что? Ах да. Волки... это такой местный обычай. Совершенно безопасный, как ты успел увидеть.

— Но на дороге лучше не стоять, — пробормотал я.

— А если стадо коров? — спросила она. — Тоже затопчут. В остальное время дороги свободны. Почему к Морданту плохо? Из зависти, чего еще? У нас все хоро-

шо, никаких войн, налоги платим вовремя, преступников нет вовсе... Веселятся здесь больше, чем у соседей. Народ почти не болеет, живут долго и счастливо. Что еще?

Я подумал, ответил неспешно:

— Не знаю. Но что-то мне нужно будет рассказать.

— Тебе же составят отчет Энгилфид и его люди!

— Верно, — сказал я. — Но мне нужно его прочесть... это же я написал, так?... а еще нужно добавить какие-то детали. Иначе поймут, что я, прибыв, завалялся в какой-то бордель и пребывал там в стельку пьяный до самого момента отбытия.

Она прищурилась, некоторое время разглядывала меня со странным интересом.

— А как ты терпишь, что все еще не там?

Я ответил с горестным вздохом:

— Мыслями я уже весь там... и творю всякие непопребности, но сперва нужно хоть что-то сделать, иначе потом я уже не смогу...

— Ого, — сказала она насмешливо. — Волевой! И сколько сможешь выдержать?

— Хотя бы сутки, — признался я. — Здесь сам воздух пропитан вольностями, свободой, чувственностью, похотью, отсутствием запретов... Пойдем, ты мне побыстрому покажешь хоть что-нить, что отличало бы Мордант от остальных королевств! А то скажут, что точно я сразу в бордель и пьянку.

Она подумала, сказала задумчиво:

— Что же тебе показать... У вас бывают пивные праздники?

— Кто больше выпьет пива? — спросил я. — Конечно. Но только среди простолюдинов в самых дальних и глухих деревнях.

— Та-а-ак... Я слышала, что у вас всем правит церковь. А можете себе представить, что здесь никто про

церковь, Творца, Деву Марию даже не упоминает? И вообще никогда не крестится, молитв не знает?

— Конечно, — ответил я. — Но только среди простолюдинов в самых дальних и глухих деревнях. Когда человек живет, как скот, ему не требуется ничего высокого.

Она запнулась на миг, бросила на меня быстрый взгляд и проговорила после паузы:

— У вас много развлечений? У нас люди все время веселятся. А у вас?

— И у нас, — ответил я. — Но только среди простолюдинов и в самых дальних и глухих деревнях. Там живут, как скоты: поест и поиграть. Ничего больше.

Она закусила губу.

— Ладно, пойдем. По дороге придумаем.

Когда вышли на улицу, я сразу зацепился взглядом за довольно высокое здание, слишком мрачное, вместо окон узенькие бойницы, пролезет только рука, а первые два этажа вообще без окон.

— Это что-то серьезное, — сказал я.

Она проследила взглядом:

— Да, очень.

— Административное?

— Тюрьма, — ответила она коротко.

Я снова смерил его взглядом, очень даже солидное и строгое по форме, а если учесть, что тюрьма в глубину обычно еще больше, чем в высоту, то да, даже очень серьезное.

— Ты же сказала, — напомнил я, — что преступность искоренена!

— Они все здесь, — ответила она сдержанно. — Даже мелкие карманники.

— Карманники? — переспросил я. — А не проще выпороть и отпустить?

— Чтобы в следующий раз ограбили кого-то всерь-

ез? — спросила она. — А то и убили?... Нет, лучше сразу.

Я насторожился:

— Что «сразу»?

Она помедлила с ответом, словно не решалась сболтнуть такое, что выставит ее Мордант не в лучшем свете, наконец сказала с вызовом:

— Горожане довольны, а это главное!..

— Погоди-погоди, — сказал я, — ты хочешь сказать, что их сажают сюда навечно?

Она ответила уклончиво:

— Из этой тюрьмы уже не выходят.

Я спросил тупо:

— А почему же... ах да, новых тогда сажают куда? Они друг на друге? Или тут высокая смертность?

Она произнесла сквозь зубы:

— Очень высокая. Но тебе это надо? Давай лучше покажу тебе бордели, где можно предаваться утехам с троллихами, огрихами и даже животными...

— Не хочу, — ответил я. — Люди бывают еще те животные, какая разница?... А вот пенитенциарная система меня интересует. Она отличается, потому если так уж хорошо, мы могли б позаимствовать и себе такую же! Думаете, зачем я прибыл?

— За разгулом.

— Верно, — признался я. — Неверно сформулировал вопрос. Думаете, зачем меня прислали? Вынюхать такое, что можно применить и у нас. Это называется культурно-промышленный шпионаж для повышения конкурентоспособности общества и статуса короля.

Она поморщилась:

— Ты так говоришь, что хоть сам себя понимаешь?

Я удивился:

— Нет, конечно! А зачем? Я же не себе говорю, а тебе!

Рассказывать она начала очень нехотя, но я слушал внимательно, кивал, похрюкивал с одобрением, что да, именно так и надо, нечего либеральничать, тюрьма не исправляет, а только повышает квалификацию. Сажают мелкого карманника, а выходит матерый грабитель. Сажают обычного грабителя — после отбытия срока на свободу с чистой совестью выходит убийца-извращенец, так уж лучше их сразу...

— Рождаемость здесь на высоком уровне, — подбодрил я ее. — От воплей детворы оглохнуть можно, вот уж кого бы перебил всех до единого... но нельзя, без них нет будущего. Но раз каждая пара приносит около десятка, пусть не за выводок, а за жизнь, то все равно их сколько ни убивай, население будет расти!

Она кивнула, взгляд оставался темным, отстраненным.

— Говорю же, — повторила она, — люди в целом довольны. Всю ночь можно гулять по темным закоулкам, и никто тебя не ограбит. Ну, разве что совсем редко! Правда, потом грабителей все равно находят.

Я спросил заинтересованно:

— Как?

Она сказала сдержанно:

— Не знаю. Да и не должен никто знать.

— Разумно, — согласился я. — Если все будут знать уловки сыщиков, находить преступников будет труднее.

— А то и невозможно, — добавила она.

— Так как же, — поинтересовался я, — происходит очищение общества от преступных элементов? Это очень интересная информация! В интересах гуманизма и человеколюбия ею нужно делиться со всеми, а не скрывать!

Она сказала недовольно:

— Никто и не скрывает, просто об этом не говорят.

— Почему?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Остатки старой дряхлой морали, которую нужно давно стряхнуть? Наверное. Может быть. Не знаю.

У местной пекарни вкусно пахнет свежее испеченным хлебом, булочками и сдобными пирогами. Хозяин выставил на улицу и во двор пару столов и стулья, я повел в ту сторону щедрой дланью.

— Присядем, поговорим.

— А в бордель? — спросила она.

— Ты рядом, — повторил я, — какой еще бордель?.. Угощу вином, съедим по пирожному, а ты расскажешь, чего мне остерегаться, чтобы не сложить голову.

Она поморщилась, но кивнула, хоть и с неохотой.

— А с виду ты не такой осторожный, — заметила она.

— Я не осторожный, — сказал я, — просто трусливый.

Я снова отодвинул для нее стул, но на этот раз она приняла как должное, быстро они нам на голову садятся.

Прибежал слуга, я велел подать вина и пирожных, он быстро принес две медные чаши и унесся за вином, а когда прибежал с кувшином в руках, его брови удивленно взметнулись: в одной из чаш уже налито до половины.

Я взглядом велел дополнить, он повиновался, хотя на меня поглядывал несколько странно. Беата ничего не заметила, а я выпил первым, чтобы она потом не проверила, скривился, задержал дыхание и сказал:

— Хорошее вино!

Она выпила точно так же лихо и лишь на последних глотках ощутила, что это не совсем то вино, к которому привыкла, лицо побагровело, глаза полезли на лоб, но мужественно допила и поставила чашу на стол так же крепко, как сделал это я.

Глава 9

Для человека, который никогда ничего не пил крепче слабого натурального вина, держится сравнительно хорошо, коньяка там достаточно, чтобы свалить с ног и крепкого мужика.

Она рассказывала путано, но коньяк язык все-таки развязал, вряд ли выболтала бы все вот так трезвая, а я старательно складывал все цветные и серые стеклышки в одну картину, стараясь понять, почему же Мордант не таков, как все остальные.

Во-первых, на довольно обширной территории королевства обитают тролли, эльфы и гномы, а высоко в горах живут великаны, именуемые ограм. Между собой они не соприкасаются, так как эльфы предпочитают леса, гномы — подземные пещеры, а тролли почти не покидают свои необъятные болота.

Короли Морданта еще в древности как-то наладили отношения с гномами и менялись с ними товарами, после чего гномы начали появляться в окраинных городах и селах, покупали там сами нужное и быстро уходили.

То же самое получилось с эльфами, они живут на другом конце королевства, и когда начали появляться в селах людей, то с гномами не встречались, иначе бы завязалась война.

С троллями получилось еще лучше, их сумели привлечь на посильные работы, за это платили едой, одеждой и небольшими деньгами.

То же самое и с ограм.

А потом откуда-то появились оборотни. Это люди, что ночью превращаются в чудовищных волков, огромных и почти неуязвимых. Этих приспособили охранять дворец, а потом и всю столицу, за что платили едой и защитой от местного населения. Правда, по но-

чам они безумели и убегали в лес, где носились до утра и старались разорвать в клочья все живое, что попало.

Через пару лет королевские маги сумели создать состав, выпив который люди-оборотни уже не обязаны были превращаться ночью в зверей, что позволило им сторожить королевский дворец также и ночью.

А тот пробег по улице — это старинный ритуал, который напоминает им и всем горожанам, что они — люди-звери, страшные и неуязвимые, их раны заживают мгновенно, сила в десятки раз превосходит силу обычного человека, потому пусть трепещут враги внутренние и внешние...

— И что, — спросил я с недоверием, — они больше в волков не превращаются? Только вот этот пробег раз в году?

— Раз в день, — поправила она. — Но все знают этот час, и никто в это время на улицу не выходит. Правда, раньше было раз в неделю...

На улице солнечно, хотя не слишком жарко, но щеки ее покраснелись, она неверными пальцами растегнула рубашку на груди и до самого пояса, с облегчением вздохнула.

Я старался не смотреть на обнажившееся тело, где справа и слева показались краешки округлой груди.

— Кстати, — поинтересовался я осторожно, — если они исполняют функции стражей... то, наверное, исполнение приговоров тоже в их руках?

Она нехотя кивнула:

— Да.

— Как они это делают?

Я всматривался в ее лицо очень пристально, что-то с нею не так, коньяк должен не только развязать язык, но и добавить веселости, однако Беата, напротив, мрачнеет все больше.

Она буркнула:

— А тебе это зачем?

— Для отчета, — напомнил я. — Перенимаем ценный опыт более развитой системы.

Она поморщилась:

— Ну-у... в общем, они преступников истребляют. Раньше это делали прямо в здании тюрьмы, а сейчас, по слухам, выпускают в лесу. Это сразу за городом, если выйти из восточных ворот. Там оборотни догоняют их и... наказывают.

Холодок прошел по моему телу, я сказал как можно равнодушнее:

— Ну, обществу все равно, как исчезают преступники. Главное, чтобы прекратилась антиобщественная деятельность. Люди хотят жить в мире и безопасности.

Она пробурчала слабо и уже едва ворочая языком:

— Да... именно так я ему и говорила...

— Кому? — спросил я.

Она ответила как в бреду:

— Мастик, это мой младший братишка...

— А что с ним?

Она прошептала:

— Что-то украл на рынке... Думаю, просто из озорства... хвастал перед друзьями... В его возрасте все хотят казаться сильными и опасными...

— И что с ним?

Ее глаза неожиданно начали заполняться слезами. Лицо скривилось, она произнесла совсем пьяным голосом:

— В прошлый раз он один сумел избежать охотящихся оборотней... Настало утро, и его снова вернули в тюрьму. Но этой ночью снова День Чистки...

Я сказал осторожно:

— Думаешь, избежит?

Она покачала головой:

— В тот раз просто повезло. Никто не может избежать их лап. На этот раз погибнет...

Я сказал с сочувствием:

— Лес рубят — щепки летят. Зато все добропорядочные граждане могут спать спокойно. Преступность пресекается в самом начале. Хотя, конечно, часть этих мелких воришек могла бы исправиться, но... кто может сказать заранее, кто из них станет законопослушным гражданином, а кто — жутким серийным маньяком? Потому общество понимает и принимает такие крутые меры.

Ее постепенно развозило, хотя она предпринимает титанические усилия, чтобы удержаться, не свалиться под стол, голос медленный, глаза то сводит к переносице, то уходят, как у зайца, в стороны.

— Очень интересно, — сказал я задумчиво. — Давай-ка я тебя отведу в гостиницу, а сам — в бордель... Или пойдем вместе?

Она сказала пьяным голосом:

— Нет, я брезгливая...

— И живешь в Морданте? — удивился я. — Ладно, пойдем...

— В бордель не пойду, — возразила она вялым голосом, — хотя ладно, раз так настаиваешь...

В гостинице я ее раздел и уложил, голенькую, как рыбку, такую жалобную, что совсем не та зверюка, угрожавшая мне кинжалами, подложил под голову подушку и укрыл одеялом, сделав сбоку валик, чтобы не свалилась на пол.

На улице по-прежнему, как в Варт Генце или Турнедо, но в то же время и не так, на мой взгляд, народ ведет себя восхитительно безобразно, что вообще-то нравится, никаких сдерживающих моментов, это ж так здорово, к тому же на каждом углу продаются волшебные вещицы. Правда, очень дорого, а магии в них с во-

робынный нос, однако такое вообще невозможно увидеть в королевствах, где церковь сумела укрепиться.

Я бродил полдня, прислушиваясь к разговорам, сам иногда затевал легкие, ни к чему не обязывающие, посмотрел танцоров на одном перекрестке, жонглеров на другом, клоунов на третьем...

Церкви, естественно, в городе нет. Священнослужители, как я понимаю, погибли первыми. По велению сердца и души, а также долга, с первого же дня пытались бороться с оборотнями. Если и были какие-то волнения в народе в защиту церкви, то в разговорах никто об этом не упомянул, хотя я несколько раз подводил к этой теме.

Чем больше я общался, тем более странная картина получалась. Оборотни прибыли как спасители королевства. Они ничего не хотели для себя, а только служили людям, защищали порядок.

Благосостояние народа начало расти, потому что прекратились междоусобные войны, были убиты все лорды-разбойники, и даже пара феодалов, не воевавших, а просто постоянно конфликтовавших с королем и требовавших больших уступок, погибли ночью в собственных спальнях. Их обнаружили с перегрызенными горлами, а с ними погибли их семьи и даже стража.

С другой стороны, я еще по рассказам Беольдра помню, что в Морданте ширятся Пятна Тьмы, появляются лужицы гнили, в которой гибнет все живое, и медленно разрастаются, превращаясь в озера, а еще в какие-то дни люди в ночи превращаются в подчиняющиеся чьей-то воле трупы и начинают вредить живым...

Проголодавшись, перекусил в одной простенькой забегаловке, где, однако, кормят сытно, а дочь хозяина зажигательно пляшет на помосте совершенно голая, фигура отличная, хотя морда страшноватенькая, однако сама веселится и улыбается во весь рот, ей хлопают

и бросают мелкие деньги, добавочный доход заведению.

В нашей комнате Беата только что проснулась, глаза испуганные, попыталась подняться при моем появлении, но голова закружилась, и она со стоном рухнула обратно.

— Ну как спалось? — спросил я намекающим голосом. — Господи, что ты со мной творила! Как только не насиловала!.. Никогда бы не подумал, что такое возможно... Да-а-а, Мордант — это круто. Он мне теперь нравится еще больше.

Она пробормотала:

— Ты чего?

Я изумился:

— А ты что, не помнишь?

Она смотрела исподлбья.

— Помню только, что мы с тобой пили, а потом о чем-то говорили...

— И даже не помнишь, — спросил я с диким изумлением, — кто-то тебя в гостиницу привел? Или принес. Ну, это как обычно...

Она помотала головой, скривилась от этого движения, ухватилась за стену, лицо побледнело еще больше.

— Господи, что там было за вино?

— Просто тебе хотелось расслабиться, — сообщил я. — Все работа, обязанности, нагрузки, а оторваться хотелось... Вот ты и оторвалась! На мне в первую очередь. Тоже синяки еще те поставила. Хочешь посмотреть?

Она проследила взглядом, что я стал расстегивать, сказала поспешно:

— Не надо!

— Тебе ж легче будет, — заверил я, — когда увидишь, как ты мне отомстила...

— Не надо, — отрезала она и на всякий случай от-

вернулась к стенке. — Не хочу и видеть... Мне так гадко!

Я изумился:

— Неужто первое похмелье?

— Не первое, — буркнула она, — но так я еще никогда... Стыдно вспомнить...

— Ага, — сказал я торжествующе, — вспомнила, как меня терзала и чего требовала еще!.. Даже и не знал, что и так можно... Во дают в Морданте!.. А че, мне понравилось...

Она потрясла головой, снова сморщилась от головной боли.

— Нет, этого не помню. То была не я.

— А кто?

— Какая-то пьяная женщина, — произнесла она вяло, — а когда я пьяная, разве то я?

— Хорошая логика, — одобрил я. — Вроде бы женская, но маковое зернышко смысла в ней все-таки есть, так что не совсем женская. Ты молодец!

Она посмотрела с подозрением:

— Ты о чем?

— Да я не про постель, — заявил я. — Хотя там ты, оказывается, просто фурия какая-то ненасытная!.. Ты всегда такая или только когда высвобождаешь в себе свое темное «я» с помощью алкоголя?.. Хотя для меня это неважно, главное — результат, а с ним ты приятно удивила, даже изумила, просто ошарашила...

Она все больше кривилась, словно я бил ее толстой палкой по голове, простонала с отвращением:

— Я же говорю, ничего не помню!..

— Ну дык это и понятно почему, — сказал я понимающе, — я на что уж толстокожий, и то чуть со стыда не сгорел от того, что ты со мной выделявала... Но я запомнил, это ж не я делал, а со мной вытворяли, а я хоть и жутко стеснялся, но не могу же отказывать жен-

ским требованиям, а то вдруг не то обо мне подумаешь, а для нас это очень важно...

Она простонала сквозь стиснутые зубы, вид у нее такой, что вот бы сквозь землю провалиться, но до той еще кровать и два этажа, не получится.

— И откуда ты взялся...

— Гм... — пробормотал я, — в самом деле, откуда... Я слышал, что все началось с кистеперой рыбы, что сдуру вылезла на берег. Но некоторые уверяют, что еще раньше были какие-то амебы... Ладно, ты пока спи...

Она простонала:

— Не могу. Блевать тянет, как только на тебя посмотрю...

Я взглянул на веранду, там плотный навес из толстого полотна вместо крыши, высокий барьер и два глубоких кресла.

— Давай оттащу тебя на свежий воздух, — предложил я. — Там на балконе и вздремнуть сможешь. Зато быстрее в себя придешь.

Она с трудом вылезла из постели, я помог ей одеться, стараясь не задевать разогретые под одеялом вторичные половые признаки, очень уж просятся в мои ладони, но я устоял, вывел ее, покачивающуюся, на балкон, усадил и даже заботливо укутал одеялом ноги, подтащив его ей почти до подбородка.

— Отдыхай, — сказал я, — проветривайся, освежайся. Завтра будешь как огурчик.

— Такая же зеленая и в пупырышках?

— Сейчас ты вообще фиолетовая, — утешил я. — Отдыхай.

— А ты куда? — спросила она несчастным голосом. — Ты куда не ходи, я за тебя отвечаю...

— Да куда же я от тебя такой уйду, — ответил я и добавил, не удержавшись, ехидство из меня почему-то

так и прет, наверное, съел что-нибудь: — Такой жаркой, страстной и требовательной!

Она застонала и закрыла глаза.

Глава 10

Я постоял на балконе, глядя на ночной город. По городам Армландии, Турнедо и Варт Генца, не по всем, правда, поздно вечером проходит стража и требовательно стучит в окна, требуя, чтобы гасили свет и ложились спать. Дескать, утром Господь призовет на работу. На самом деле, конечно, слишком много пожаров от копеечной свечи, выпавшей ночью из подсвечника и подпалившей ковер на полу. Не жаль этих дураков, забывших погасить свет, но от их паршивой хатки сгорит весь квартал, а то и город, как бывало часто...

Здесь огни не гасят. У большинства либо светящийся мох, либо ярко горящие днем и ночью камни. Свет так ярок, что когда ложатся спать, их накрывают кастрюлями, ибо даже через плотный платок свет почти такой же.

А в домах, где простые свечи, просто плюют на призыв гасить их перед сном, здесь это лишь пожелание властей, а не закон. Хотя, как я понял, скоро оборотни и этих беспечных занесут в преступники. Что встретит понимание и поддержку остального населения, опасющегося пожаров из-за глупых соседей.

Я зябко повел плечами, никакой вроде бы прямой угрозы, но такое гадостное чувство, словно в меня прицелились из арбалетов, а я даже не вижу стрелков. Надо бы побывать и в других городах, но этот, по словам Беаты, один их трех самых богатых в Морданте, наиболее крупных и влиятельных. Странно еще, что почти ничего не слышу о правящем сейчас в Морданте коро-

ле Руперте. В прошлый раз он даже велел привести меня, чтобы за игрой в шахматы мельком взглянуть на такую диковинку, какой меня представили. Что-то совсем уж плебейский город... Плебейский в прежнем значении, когда вся власть в руках ремесленных и торговых гильдий, а родовая знать отстранена от управления...

Беата уже спит, откинувшись на спинку кресла и свесив в сторону голову. Рот приоткрылся, слышно немзыкальное похрапывание, лицо бледное и жалобное. Круто я ее, самому неловко, но уж очень хотелось выведать побольше о местных реалиях, а кто знает о Морданте больше, чем его охранники?

— Спи, — сказал я шепотом, поправил одеяло и направился к двери.

Рука моя замерла в дюйме от рукояти, по косяку двери безостановочно бежит едва заметная искорка, но я могу видеть теперь намного больше, и этот вот скрытый от большинства побочный эффект заклęcia мне теперь в глаза бросается сразу.

Здесь, как и везде, чародеи, да и не только они, могут накладывать заклęcia на двери, это довольно просто, почти каждый сможет делать, если чуть раскошелится на нужные ингредиенты.

Непонятно только, сделала это Беата, хозяин гостиницы или кто-то еще. Ясно одно, мне либо не выйти, либо пройти смогу, но понесу на себе ярко различимое для тех, кому нужно, пятно или знак, показывающий, что вот он, нарушил, вышел, идет куда-то...

— Щас, — прошептал я, — а как же...

Постояв в нерешительности, я сунул палец в чешуйчатое кольцо и ткнулся в стену. Она отфутболила меня, твердая, как и положено быть каменной стене, я ошарашенно потрогал ее, попробовал еще, на этот раз пошло лучше, мелькнула мысль, что кольцо еще не

подчинило себе все от пальца и дальше, да, именно так, дальше продавился достаточно быстро, хотя дыхание пришлось задержать.

В коридоре пусто, слабо светится полужасохшая плеть мха, внизу тоже тихо.

Стараясь ступать неслышно, я укрылся незримо-стью и пошел на цыпочках во двор, там осмотрелся, свернул в тесный проем между зданием и сараем.

Во дворе по-прежнему тихо, а музыка и веселые голоса доносятся с ближайшего перекрестка.

Вряд ли кто заметил, что из темного двора в ночное небо метнулась большая черная птица. Даже высоту я старался набирать не слишком шумно, чтобы не привлечь внимание хлопаньем крыльев.

И дальше летел медленно, степенно, надеясь, что в Морданте с его удивительной терпимостью к иным тварям не подстрелят вот так сразу, а хотя бы постараются понять, свой или чужой.

Восточные ворота города остались за спиной, а вот и лес, где оборотни устроили себе тренировочно-развлекательное уголье. В самом деле хорош для охоты: огромные могучие деревья перемежаются открытыми пространствами, кустарником, есть мелкие овражки, а есть глубокие, попадаются высокие холмы, но не выше деревьев, пару раз внизу проплыли настоящие скалы, хотя уже полуразрушенные, с вцепившейся в щели травой, а кое-где и с кустарниками.

Далеко впереди в ночи донесся хриплый вой. Дрожь прокатилась по моему телу. Нечто слишком нечеловечески жуткое, такой оборотень не может превращаться в человека с наступлением утра, это уже вечный зверь...

Вой повторился, уже ближе, я понял, что движемся навстречу друг другу и, растопырив крылья, завис на месте, поддерживаемый теплыми потоками от земли.

Через некоторое время внизу мелькнула фигурка, я

торопливо, сдерживая волнение, осторожно пошел вниз и напряг зрение.

Пятеро человек бегут изо всех сил, перепрыгивают через упавшие деревья, проламываются напрямик через кусты. Один из них, самый маленький, взял вправо, хотя там дорога хуже, но бежит быстро.

За ними выбежали еще двое, явно устали, один упал, пытаясь перепрыгнуть с ходу валежину, с трудом поднялся и понесся изо всех оставшихся сил.

Я рассмотрел искаженное ужасом бородатое лицо, когда он оглянулся. Вой донесся снова, жуткий и торжествующий, рев могучего хищного зверя, что быстро мчится по следу и уже догоняет добычу.

Второй, что все-таки валежину перепрыгнул, через пару шагов упал, зацепившись за корягу, поднялся с трудом и побежал, сильно прихрамывая.

Из чащи выметнулись три черных тела, я узнал оборотней, сейчас в ночи выглядят еще страшнее, полными силы и неуязвимости. Уже молча они помчались огромными прыжками, двое ринулись на плечи хромо-му, а затем и второму, я сцепил челюсти, наблюдая, как эти чудовища начали рвать куски мяса из еще живых людей, что страшно кричали и пытались отползти.

Третий оборотень мчался за теми быстроногими, что убежали далеко вперед. Я чуть скользнул по небу в ту сторону, видно, как черное тело настигло заднего, ринулось молнией на плечи, но, свалив, оборотень не перегрыз глотку, а начал рвать куски мяса с боков, из рук, плеч, а человек захлебывался в диком хриплом вое боли, ужаса и отчаяния.

Двое за это время оторвались достаточно далеко, а тот, кто отдалился вправо, отыскал ручей и побежал по воде. Я видел, как серебряные брызги разлетаются в лунном свете, вообще-то это совсем мальчишка, а Беата говорила, что ее братишка украл что-то на базаре по

молодости, чтобы побахвалиться крутостью перед друзьями, а это черта именно подростков...

Через какое-то время показались те два черных тела, что настигли самых задних. Они замедлили бег у своего сотоварища, один даже остановился и обнюхал жертву, но тут же ринулся догонять друга.

Я наблюдал, как догнали тех двух и завалили их, а потом медленно и с наслаждением рвали из них теплое, брызгающее кровью мясо. Я твердил себе, что оборотни убили и жрут, возможно, подлейших грабителей, что насиловали и убивали, но все равно чувствовал, как закипает гнев. Жаль, не могу стрелять на лету, а то бы посмотрел, насколько они хороши против стрел Арианта, что готовил свой лук и доспехи именно в расчете на борьбу с оборотнями и прочей нечистью.

Осталась только одна жертва, я повернулся в теплых струях и скользнул в ту сторону. Некоторое время шарил безуспешно взглядом, пока не увидел, что мальчишка прямо из ручья, подпрыгнув, ухватился за ветку дерева, взобрался по ней, а потом с дерева скакнул на довольно высокий каменный утес.

Оборотни появились достаточно скоро, но долгое время потратили на то, что, потеряв след в воде, носились по лесу, оглашая его разочарованным воем, затем один из них все же догадался посмотреть на скалу.

Не знаю, то ли заметил мальчишку, хотя тот прижимался к камням, то ли просто высчитал, как туда можно попасть, но взвыл громко, все сбегались к нему. Я смотрел, как оборотень объясняет им воем и телодвижениями, наконец все трое разом повернулись к скале и понеслись к ней, обходя с трех сторон.

Я снизился еще, мальчишка задвигался, стараясь спрятаться между камнями, скала пологая, оборотни взбегут без труда, на этот раз ему не повезло, и он это понял.

Оборотни с торжествующим воем окружили скалу, некоторое время переговаривались, я слышал злорадство и удовлетворение, охота удалась, последняя жертва поймана.

Мальчишка вскочил на ноги.

— Твари! — прокричал он звонким голосом. — Все равно живым вам не дамся!

Он разбежался, впереди обрывистый спуск, а далеко внизу острые камни. Прыгнул он далеко и сильно, руки красиво раскинул, чтобы удариться лицом и грудью.

Мои когтистые лапы подхватили его в начале падения. Он вскрикнул от боли, но дергаться не стал, а оборотни завyli и помчались за нами.

Я нарочито сделал крюк, уводя в сторону, там широкая и длинная трещина в земле, оборотни не перепрыгнут, снизился к самым деревьям и полетел, едва не задевая добычей верхушки, а то и лавируя между ними, зато не увидят, куда лечу.

Небо снова темное, огромная туча закрыла луну, но скоро та выскользнет и снова осветит мир, я наддал, мальчишка в моих лапах не шевелится, обвис, но я чувствую, что жив, только не считает правильным драться сейчас.

Возможно, рассчитывает, что принесу в свое гнездо, а оттуда шансов удрать больше, молодец.

Показались крыши города, гостиница, к счастью, на окраине, я снизился так, чтобы пролететь над нашим балконом, а когда показался знакомый полосатый навес и я пошел над ним, замедляя полет, мальчишка вдруг начал отчаянно извиваться.

Вовремя, подумал я и разжал пальцы. Его тело рухнуло на полотняный навес с высоты в ярд. Затрещали шесты подпорок, а я торопливо нырнул в тень, спустился на землю и поспешно принял свой облик.

Из пристройки выбежал заспанный слуга и посмотрел наверх. Я вышел из тени, изображая пьяного.

— Ну и спутница у меня... — похвалился я гордо, — га-га-га!.. Горячая штучка... У тебя вина нет? Хорошо заплачу!.. Душа горит...

Он посмотрел на меня недружелюбно, потер кулаками глаза и сказал с сожалением:

— Все вино у хозяина под замком.

— Не повезло нам с тобой, — сказал я и пьяненько подмигнул. — Ну ладно, потерплю, утро уже скоро... А как терпишь ты?

— Приходится, — сказал он с тоской.

— Ну ладно, иди, — сказал я, во всяком случае он меня запомнил и подтвердит, в случае чего, что я всю ночь веселился в номере. — Я тоже вернусь... ик!

Он покачивался, еще не выйдя из сна, но уйти не смеет, я гыгыкнул еще разок и потащился в дом раскачивающейся походкой и цепляясь за стены.

Дверь, как я и предполагал, тревожно пискнула, защитное заклятие сработало. С той стороны раздался сдавленный голос Беаты:

— Кто там?

— Это я, — ответил я весело.

— Ты один?

— Конечно, — ответил я удивленно. — Зачем мне кто-то? У меня есть ты, га-га-га!

За дверью некоторое время было тихо, там никак не решат, что делать, наконец дверь приоткрылась, я тут же вставил ногу в щель на случай, если хочет посоветовать мне пойти в бордель, вдвинулся по праву мужчины.

Беата в одной рубашке, что достигает ей до середины бедра, лицо бледное и очень протрезвевшее, глаза перепуганные до невозможности.

Я сделал вид, что ничего не заметил, и весьма игриво попытался ее обнять.

Она рассерженно отстранилась, я в великом удивлении вытаращил глаза на рухнувшую половину полотняного навеса.

— А чегой-то крыша наша тютюкнулась?

Она раздраженно повела плечом:

— Шест обломился, вот и рухнуло. Ладно, ничего не сломало больше.

Она говорила сердито-успокаивающим голосом, а то вдруг вот прям шас побегу закатывать скандал хозяину, что нам поставили изгрызенный жуками шест, даже без ветра все рухнуло, а если б еще и ветер, то и по голове бы вдарило?

— Ну, — согласился я, — если само, то ладно... Я уж подумал, это ты снова буянила. И опять рвалась голый выйти на улицу и танцевать, как в прошлый раз...

Она не улыбнулась, не возмутилась, просто пропустила мимо ушей, слишком встревоженная, что понятно.

— Нет, — повторила она. — Просто рухнуло. Ветер, наверное, был ночью.

— Ну тогда все хорошо, — сказал я с беспечностью пьяного, — ну ладно, давай снова в постельку?

Она настороженно отодвинулась.

— Что это с тобой?.. Ты же спишь на лавке!

— Да ты так уговаривала лечь с тобой и согреть, — сказал я, — что я подумал и решил над тобой сжалиться. Так что ладно, пользуйся снова! Делай со мной опять что хочешь, терзай, насилуй... и прочие непотребности, чтобы насытить свое хищное женское лоно и вообще все естество, что в тебе еще осталось после сторожевой службы на благо Отечества...

Она сказала громко:

— У тебя от пьянства совсем разум помутился. Это тебе кто-то другой говорил!

— Ну ладно, — сказал я покорно, — тогда лягу на пол. Вот тут поближе к кровати, хорошо?

Она вскрикнула тревожно:

— Почему здесь? Ты же спал на лавке у двери!

— Мной овладело беспокойство, — сказал я, — охота к перемене мест, весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест... Ишь какой я умный, почти стихи! Может, в менестрели пойти, как думаешь? Тебе понравилось?

Она буркнула:

— Точно не ты придумал.

— Правда? — спросил я с сомнением. — Ладно, я тебе верю, а вот ты мне почему-то не весьма. Но все-таки, кто это раньше меня придумал? Как посмел?

Она бросила взгляд в окно и сказала с великим облегчением:

— Какое спать, уже рассветает!.. Пойдем вниз, позавтракаем, выпьем вина...

— И ты выпьешь? — спросил я.

— И я выпью, — ответила она.

— Тогда пойдем, — сказал я твердо, но посмотрел в сторону окна и покачал головой. — Нет, рановато. Еще поспим малость. Или хотя бы поваляюсь в сладкой неге...

Я начал раздеваться, она с бледным напряженным лицом смотрела, как я бросаю одежду на спинку стула, вдруг сказала решительно:

— Ладно, ложись на кровать! Ее нам на двоих давали.

— Это дело, — сказал и посмотрел на нее плотно.

— Только ничего лишнего, — сказала она громко. — Ты хотел только поспать.

— Или понежиться, — уточнил я. — Когда просыпаешься, так хорошо полежать под одеялом, попотягиваться, позевать, поворочаться с боку на бок, повспоминать в подробностях, что снилось... Но с условием, что будешь меня чесать долго и старательно! Я страсть как люблю, когда чешут. Чтоб нежно и сладостно.

Она прошипела почти с ненавистью:

— Ложись!

— Будешь чесать?

— Буду, я же сказала!

— Не ори, — промолвил я нежно, — а то не лягу. Грубая ты какая-то, а я весь такой чуткий...

Она быстро скинула рубашку, я хищно осмотрел ее крепко сбитое тело, прошелся взглядом по широкой груди и прямым плечам, она поспешно влезла под одеяло и смотрела тревожными глазами. Лицо оставалось бледным и напряженным, а я подошел неспешно, зевнул, откинул край одеяла и лег.

— Ну ладно, — сказал я великодушно, — приступай... Чеси, в смысле, а то подумаешь всякое... Когда меня чешут, я такой добрый...

Глава 11

Мне показалось, что у нее даже зубы скрипнули, но пересилила себя, ее пальцы не совсем уж и грубые, как мне казалось раньше, совсем наоборот, как раз то, что надо, чувствует даже, где и в каком месте мужчин чесать и как чесать, можно не подсказывать даже, как хорошо, умею я устраиваться, какое важное свойство выживания и приспособления вложил в человека Господь, спасибо тебе, Творец, это хоть и небольшие радости, совсем не то, что выстроить Царство Небесное, но какие приятные...

Она поневоле придвинулась, чтобы дотягиваться в полной мере, я слышу, как сильно и тревожно стучит ее сердце, напряжена, как струна, а от бешеной работы в черепе даже лицо покраснелось, а на лбу выступили крохотные капельки пота.

Я посмотрел с сочувствием, зевнул и сказал громко:

— Понимаешь, ваша пенитенциарная система великолепна! Я сам за жесткое наказание преступников. Даже за мелкие правонарушения. А то у тех, кто не нарушает, нет никаких преимуществ, а это разрушает мораль и уважение к строю. Нарушители, если попадутся снова, отделяются пустяковыми наказаниями, а потом выходят героями, снова грабят и воруют... У вас, конечно, лучше. Но в одном бы я поправочку сделал...

Она молчала, к чему-то прислушиваясь, затем буркнула:

— Какую?

— Старых грабителей и ворье, — сказал я, — всех на корм свиньям! Или просто прибить и закопать. Их уже не переделать. А вот молодых, гм...

Она посмотрела настороженно, я блаженно похрюкивал, чуть сдвигался, подставляя новые места под ее чешущие пальцы..

— И что, — спросила она хмуро, — они же станут более опытными грабителями?

— А если не станут? — возразил я. — Понимаешь, у меня в детстве был такой стыдный момент... Как-то мы, подростки, стащили у родителей одного из наших кувшин с вином, выпили, охмелели и решили совершить что-нибудь героическое... Решили ограбить лавку одного купца, которого не любили... Подбадривая друг друга, пришли среди ночи, забрались на крышу, там проделали дыру в соломенной крыше, пролезли вовнутрь. Трусилы страшно, похватили всякую мелочь и поскорее назад. На обратном пути так боялись, что

друг на друга даже не смотрели, а весь хмель из дурных голов враз выдуло.

Она уже слушала внимательно, продолжая почесывать, я увидел ее поблескивающие в полутьме глаза.

— А дальше?

Я вздохнул:

— К счастью, никто не узнал. Правда, у нас бы за такое просто выпороли бы, но обошлось и без этого. Я не знал, что делать с украденным, родителям же не скажешь, и в доме прятать негде. В общем, я перекладывал так и эдак, наконец просто выбросил на дальней улице...

Она буркнула:

— Самое разумное.

— Так вот, — сказал я, — больше я никогда ничего не воровал. И вообще старался жить честно, насколько это возможно. Как и другие люди, я же в обществе?.. И теперь меня мороз по коже, когда подумаю, что если бы я жил в Морданте и украл что-то по мальчишечьему бахвальству и жажде показаться отважным и лихим таким же молодым дуракам.

Она молчала в нерешительности, а я принялся и сказал обеспокоенно:

— Что-то от тебя пахнет как-то не весьма зело поженски... Или это и есть натуральный женский запах, который отбиваете разными притираниями?

Она спросила враждебно:

— Что ты плетешь?

— Да нет, — возразил я. — Когда ложились спать, все было нормально! Я сейчас чую, конским потом прет, будто я на тебе скакал миль двадцать... или всю ночь. А было ж все наоборот!

— Что?

— Ты на мне скакала, — напомнил я. — Хоть и не ночью, а днем...

— Что ты мелешь?

— Как будто в каменоломне работала, — продолжал я задумчиво. — Дай-ка я тебе обнюхаю получше...

Она торопливо отстранилась и сказала быстро:

— И что ты вынюхаешь? Сам что-то принес со двора на подошве!..

— Правда? — сказал я обеспокоенно. — Во дурак!.. Да еще и разулся так близко возле кровати...

— Вот именно! — сказала она с облегчением.

— Шас отставлю подальше, — сказал я брезгливо и сделал попытку вылезти из-под одеяла.

Она ухватила цепко обеими руками.

— Лежи-лежи! Все равно уже вставать скоро. Да и не пахнет так уж. Подумаешь, аристократ! Тут же воздух свежий... вон утренний ветерок уже...

Я покряхтел в нерешительности, а она принялась чесать обеими руками. Я блаженно затих, расслабился, но время от времени озабоченно потягивал носом, и тогда она принималась чесать усерднее.

— Что собираешься делать днем? — спросила она.

— Выйду поброжу, — сообщил я. — Город посмотрю, людей... Пойдешь со мной?

Она поспешно замотала головой:

— Нет-нет, у меня дела!

— По лавкам пробежишься? — сказал я понимающе. — Понятно...

— Да-да, — подтвердила она взволнованно. — По лавкам. Давно не была в торговых лавках, а там всякие... ну эти, как их... ага, одежды! Надо посмотреть, вдруг что куплю?

Я сказал покровительственно:

— Поскреби любую амазонику, обнаружишь женщину с вот такими... запросами. Ладно, пойдем поедим, а потом шастанем по городу. Ты направо, а я, как и все мужчины, налево...

Она сказал быстро:

— Нет-нет, ты иди, а я потом.

Я изумился:

— Что, и позавтракать со мной не хочешь? А чесала вроде бы с удовольствием... азартно, я бы сказал даже... Вон даже глазки забежали как-то по-особому! Да знаю-знаю, что понравилось, я же вижу... В восторге даже, верно? Я так и думал. Но позавтракаем все же вместе, только двери запри, а то не люблю, когда шастают... Приходят вроде бы убирать, а сами только и смотрят, как бы убрать что из вещей...

Она подумала, кивнула:

— Да, ты прав, я запру. Убирать у нас нечего, все в порядке. А шест потом починят.

Я неспешно пошел вниз, давая ей время быстро сообщить брату, что сейчас вернется, принесет поесть и ему, а когда я в харчевне выбрал стол подальше от двери и поближе к окну, сделал заказ, она вбежала быстрая и уже повеселевшая, хотя в глазах еще тревога.

— Я не слишком долго?

— Нет, — ответил я великодушно. — Обычно вы, абезьяны, краситесь дольше. А так ты молодец. Почти мужчина.

Она даже не повела бровью на такой двусмысленный комплимент, слуга молча поставил перед нею тарелку с горячей похлебкой из баранины, она забыла спросить, почему я заказал ей именно это, принялась торопливо работать ложкой, брови сдвинуты на переносице, по женщине всегда видно, когда размышляет или пытается это делать, это по нам незаметно, мы все время мыслим над великими проблемами, а у них сразу лица меняются и становятся такими смешными, как у хомяков, увидевших мешки с зерном...

— Расскажи подробнее, — попросил я. — Эти оборотни, что правят городом...

Она перебила:

— Они не правят! Они служат городу.

Я покачал головой:

— Сама в это веришь?.. Сперва, как говоришь, они пробегали по городу раз в году, потом раз в полгода, затем раз в месяц, в неделю, а теперь каждый день?.. Ты же понимаешь, что завтра... а то и сегодня вечером, они перестанут соблюдать те древние правила, если уже начали самовольно вносить изменения в свою пользу?..

Она пробормотала:

— Почему самовольно? Это и король разрешил, и магистрат...

— Добровольно? — переспросил я. — Без нажима? Ты точно знаешь, как это происходило?

Она огрызнулась:

— А ты?

— Тоже не знаю, — признался я, — но опыт и моя обширная жизненная мудрость... не криви харю!.. говорит, что такие решения в пользу только одной стороны не принимаются по согласию. Вон ты меня чесала вроде бы добровольно разве только потому, что мне так восхотелось?.. Нет, чем-то была прижата к стене. Пока не буду допытываться чем. Но это было видно даже тебе. Так вот, ну не могут все так уж добровольно передать всю власть оборотням!.. Другое дело, у тех хватило ума не пытаться захватить власть сразу. Видимо, где-то обожглись... А уже уцелевшие, что добежали сюда, решили действовать осторожнее и остановиться, когда отпор будет в самом деле уже серьезным. Но, судя по здешним баранам, им все равно, кто ими правит и что с ними делают.

Она насторожилась, когда я вроде бы мимоходом упомянул про ее недобровольное чесание, но я это так, небрежненько, и заговорил о другом, она дослушала в

напряжении, но я к старой теме не возвращался, и она сказала наконец не так загато:

— Сам видишь, Мордант процветает!..

— Во всем?

Она не поняла, сказала резко:

— И люди живут счастливо.

— Да, конечно, — согласился я. — Вон домашние свиньи куда счастливее диких, верно?.. Их кормят, защищают, лечат, укрывают в теплых свинарниках, а дикие живут вечно голодные в лесу, прячутся в норах, зимой мерзнут, болеют, погибают, их терзают волки... Правда, домашних тоже человек режет, но все равно домашние живут дольше и счастливее лесных! Верно?

Она пробормотала:

— Не понимаю, к чему ты. Люди — не свиньи.

— Не свиньи, — согласился я. — Только как-то подзабыли, что не свиньи. Ты ешь-ешь!.. Человек в самом деле не свинья, он все ест.

Глава 12

Оборотнями, как я понял из ее уклончивых рассказов, не становятся после их укуса, как и вампирами от укусов вампиров, иначе весь мир был бы уже давно заполнен этими гнусными тварями.

Это, конечно, плюс, а минус в том, что эта мерзость не только невероятно сильная сама по себе, но и жутко живучая. Любые раны заживают почти моментально, а погибают эти создания, если одним ударом полностью отделить голову от туловища. Да еще боятся серебра, что облегчает задачу, но не решает.

Еще немалый минус, что живут они, как эльфы, невероятно долго. Утешаться можно только тем, что рождаемость хоть и не на нуле, но по одному детенышу в сто лет, это не по выводу каждый год...

— Развлечения? — спросил я.

Она ответила устало:

— Никто не знает. У них свой мир.

— Ладно, — сказал я, — о кое-каких развлечениях догадываюсь. Другие, думаю, не лучше или ненамного лучше. Оргии, похоть, дикие совокупления... Казалось бы, за их долгую жизнь могли бы понять, что это бесконечное повторение пройденного... но у Римской империи времени было еще больше, однако же там не врубались?

Я не понял, почему она смотрит на меня с раскрытым ртом и остановившимся взглядом.

— Что?

Она вздрогнула, сказала поспешно:

— Да так... Разве не за этим ты ехал? Поразвлекаться так, как нельзя у вас в королевстве?

— Все верно, — признался я, — но я хотел бы и развлекаться, и чтоб работа шла. И мы становились лучше...

— А так можно?

Я развел руками:

— Наверное. Ну, чтоб работали другие, а я один развлекался!.. А когда все королевство отдыхает и развлекается, то мы говорим, что оно прогнило и скоро падет под натиском суровых и мало развлекающихся соседей.

Она вздрогнула, ее глаза сузились, а взгляд стал острее.

— Так вот ты прибыл зачем?

— Беата, — сказал я с предостережением, — не спеши вызвать оборотней. Не спеши. Во-первых, как я уже сказал, мне такое разложение нравится. Обратные не нравятся, а сам образ жизни мордантцев... весьма! Даже весьма зело. Я не хочу только чувствовать себя домашней свиньей, которой жить хорошо и счастливо,

а кормушка всегда полна... А так Мордант мне по ндраву, я представляю отчет самый благоприятный.

Она пожала плечами:

— А если одно без другого существовать не может?

Я покачал головой:

— Ты всерьез? Все держится на правлении оборотней?

— Просто все переплетено, — ответила она. — Твое сравнение с домашними свиньями оскорбительно, однако...

— Ну-ну?

Она покачала головой, я думал, что да, согласится, интонация туда ведет, однако она сказала:

— А как в твоём королевстве? Разве не то же самое, только не так явно?

— Нет, — отрезал я.

— Почему? — спросила она. — Король заботится о населении лишь потому, что с сытого и здорового можно больше драть налогов. В армию тоже лучше сытого и здорового, чем слабого и больного. Любую работу лучше делает сильный и здоровый, потому король велит везде построить лечебницы... Разве не так?

Я говорил недобро, уже чувствую, что начинаю заводиться, а что может быть глупее, чем спорить с женщиной:

— А ты разницу не видишь?

Он покачала головой, голос прозвучал зло и с вызовом:

— Наверное, слишком долго пробыла на заставе.

— Наверное, — сказал я. — Даже наверняка.

— Ну-ну, в чем разница?

— Разница на виду, — сказал я резко. — Городскую стражу мы сами нанимаем! И как только кто-то из них не соответствует... ну там спит на посту, пьет или в рабочее время в борделе сидит — того увольняем, а на его

место берем другого. Проверая тщательно! Поняла? Мы нанимаем, мы — хозяева!.. А здесь хозяева — стражники? Да еще такие!

Она молчала, явно не согласная, потом по лицу пробежала тень, наверняка вспомнила младшего брата, спрятавшегося под кроватью.

— Знаешь, — сказала она с явной неохотой, — даже если ты прав, ну и что? Горожан это устраивает! Понимаешь, если их это устраивает, то что ты можешь предложить? Принять помощь другого королевства — это позор... да и зачем? Я же говорю, это всех устраивает! У нас жизнь лучше, чем в любом другом королевстве!

Я запил пирог настойкой из трав, со стуком поставил чашу обратно и поднялся.

— Хорошо, — сказал я. — Пусть так. Это не мое дело.

Она почти выкрикнула:

— Ну вот и катись!

Я сделал шаг от стола, обернулся и сказал зло:

— А ты пойди и повтори свои правильные доводы своему брату!

Она застыла, а я отвернулся и быстрыми шагами пошел к выходу.

Поиски эльфов оставались безрезультатными, хотя да, мне говорили, что заходят в села и даже города, но все с такой гордостью, что я начал подозревать, что появляются хоть и эльфы, но всегда одни и те же, специально выбранные или назначенные, что покупают необходимые вещи для племени.

Я уже совсем собирался прекратить это дело, двое суток коту под хвост, и хотя мне сейчас время девать некуда до референдума вождей в Скарляндах, но все равно я больше привык заниматься хоть каким-то, но делом, а не хлебалошелканьем.

На третьи сутки, обходя торгующих, я увидел невысокого худого человека в плаще с накинутым на голову капюшоном, что вышел из лавки, с трудом держа не такой уж и тяжелый мешок. Он закинул его с большой натугой позади седла небольшой лошадки, больше похожей на пони.

Первое побуждение мое было спросить у торговца, не эльф ли у него покупал, но тогда точно упущу этого, я быстро подбежал к закапюшоненному, держа на лице радостную улыбку и рот до ушей.

— Приветствую! — сказал я счастливо. — И имею радостные новости от нашей королевы Синтифазль, рожденной из Света и Солнца!..

Он посмотрел на меня с недоумением, поставил было ногу в стремя, но я ухватил его за руку, продолжая улыбаться, как дурак на ярмарке.

— Погодите, сэр, — сказал я. — Эльфы всех королевств, объединяйтесь! Это самый злободневный лозунг нашего переходного времени, не слышали?

Он помедлил, ошарашенный натиском, пробормотал:

— Нет...

Голос его прозвучал, несмотря на односложное слово, нежно и музыкально.

Сердце мое подпрыгнуло, я сказал бодро:

— Моя имя Ричард, я чрезвычайный полномочный посол Его Величества королевы эльфов Синтифазль, рожденной из Солнца и Света. По высочайшему повелению Ее Величества я устанавливаю контакты с разбросанными по свету эльфами, дабы они могли сплотиться в великую сверхдержаву и вернуть себе заслуженную мощь, славу, доблесть, честь и деньги!

Он остановился и вообще не двигался, а я рассматривал его нежное аристократическое лицо, пусть ушей

не видно, но я теперь такой знаток, что даже обрежь всем эльфам уши, все равно их как-то узнаю.

— Я не понял, — поговорил он наконец, — чем вы...

— Тогда просто погоди немного, — попросил я. — Вот там моя коняшка привязана, мы съездим к твоим вождям племени... ведь у вас нет королевы точно? Я сужу по вашему интеллектуальному развитию, которому почему-то не свойственно имперское мышление и даже королевское.

Он терпеливо ждал, но мне кажется, что не столько терпеливо, сколько ошалело, это я умею, иногда и сам себя так ошарашу, что полдня думаю, то ли я гений, недопонятый всеми тупыми массами, даже собой, то ли совсем даже как бы не совсем гений.

Поехал он впереди, но я послал своего конька вдогонку и, поравнявшись с ним, завел разговор о величии эльфийской расы, что из-за чрезвычайной интеллигентности, одухотворенности и щепетильности уступила главенствующую роль в мире людям, троллям и всяким ограм.

Он слушал настороженно, наконец пугливо повернул голову в мою сторону, глаза, и без того огромные, расширены вовсе, а вид обалделый.

— Зачем, — проговорил он с трудом, — такое рассказываете?

— Эх, — произнес я с досадой, — это ж что, я об стену горохом? Неужели у вас не осталось никаких имперских амбиций?

Он спросил пугливо:

— Имперских?

— Эх, — сказал я с горечью, — всегда мы, эльфы, из-за своей интеллигентности пропускаем хамов вперед... Вот люди и рулят миром! Как мы этот переворот, гордо называемый революцией, не только в масштабе

королевства допустили, но и вообще во всем мире? И вот пожинаем...

Эльф, не отвечая, нахлестывал своего пони, стараясь поскорее добраться до леса, но моя неказистая коняшка не отстает, я и покупал ее, ориентируясь на беговые качества, а не красоту.

Он молчал до самого леса, но как только первые деревья приняли нас, и мы помчались между ними в тени и в той особой атмосфере, что создает обилие листвы, запаха древесного клея, муравьиной кислоты, гниющей древесины и покрытой толстым слоем мха почвы, он вздохнул свободнее и повернулся ко мне.

— Старшие, — сказал он с чувством, — все выслушают... и все скажут.

Он явно собрался хлестнуть пони и скрыться, я крикнул торопливо:

— Эй-эй, казак!.. Ты ж обещал провести к старейшинам!

— Ничего я не обещал, — буркнул он, — но тебя проведут.

— Кто?

— Те, кто за нами сейчас смотрит.

Он сделал в воздухе некий знак, который можно было понять и так, что вот этого с ним рядом нужно за шею и на дерево, я не успел возразить, все же исчез, словно испарился, но это его лес, эльфы вообще в нем родные...

Я продолжил путь по едва заметной тропке, пока не бьют, значит, эльф подал знак невидимым мне часовым насчет неприменения грубой силы, они ж интеллигенты леса.

Впереди открылась огромная, залитая солнцем поляна, строения не успел рассмотреть, но не синтифальное точно, справа и слева из-за деревьев моментально появились двое в зеленых плащах, капюшоны

надвинуты на лица, словно все еще вынуждены скрываться.

— К кому?

— К руководящим товарищам, — сказал я с достоинством. — Конт Астральмэль, к вашим услугам. Вообще-то, конечно, не к вашим, но так почему-то хрюкается, а к вашим руководителям, как вы тут их называете, но явно не императорами всего мира... Чрезвычайный и Оберуполномоченный посол Ее Величества королевы эльфов божественной Синтифаэль, рожденной... и так далее. Ну, поняли, орлы?

Они ошарашенно переглянулись, отступили обратно, один пробормотал:

— Ну да... вроде...

— В общем, — буркнул второй.

Они исчезли, двигаются быстро, этого у эльфов не отнимешь, а я поехал дальше. Конь фыркает и прядает ушами, чего-то побаивается.

На поляне с десятков хижин, я всей кожей чувствовал множество взглядов, не столько враждебные, сколько полные недоумения, словно уже все услышали мою гордую и полную достоинства речь, как и должен говорить Чрезвычайный и Уполномоченный, вручая верительные, ну пока обойдемся без формальностей, эльфы должны эльфу верить на слово, мы ж не люди, что норовят друг друга обжулить!

За моей спиной раздался звонкий голос:

— Кто пришел нас видеть?

Я вздохнул с облегчением и повернулся с широчайшей улыбкой на лице, но вместо ожидаемой красивой и молодой девушки увидел седого старца с белой бородой до колен, такими же волосами до плеч, но прямо-спинного и с аристократизмом в лице, манерах и взгляде.

— Приветствую, — сказал я учтиво. — С кем имеем честь?

— Барноэль, — ответил он. — Вождь племени.

— Конт Астральмэль, — представился я. — Подданный Ее Величества королевы эльфов Синтифаэль, рожденной из Света и Солнца. Вот моя верительная грамота...

С некоторым трепетом я распахнул рубашку, все-таки если я ничего не вижу, кроме своей груди, достаточно широкой и вообще, то и другие бы не должны, однако седобородый Барноэль всмотрелся, за ним и другие ушастые появились из ниоткуда, и начали тарашиться, как лемуры какие-то, что-то шептали тихонько.

Барноэль сказал почтительно:

— Давненько я этого священного знака не видел...

— Возрождаем древние традиции, — сказал я значительно. — Пора, пора! Угнетенный народ должен разогнуть свою сгорбленную и расправить свои узкие, чтобы прямо и смело, а также решительно и неуклонно, чтобы отныне и навсегда твердой поступью, не сходя с места, прямо в глаза, отстаивая свои интересы, не взирая и не глядя, потому что мы — эльфы, древний народ, который должен и все еще может, несмотря на!

Он не отрывал от моего лица сосредоточенного взгляда, речи послов всегда немножко вычурны и обтекаемы, простолюдину не понять, но эльфы — аристократы, пусть и в лохмотьях.

Барноэль медленно кивнул.

— Да, — ответил он тем же музыкальным голосом, из-за которого любого самца можно принять за самочку. — Несомненно. Прошу в наш дом для собраний.

— Благодарю, — сказал я. — Вообще-то лучше переименовать его в королевский...

Он ответил на ходу:

— Но у нас давно нет короля.

— Это неважно, — ответил я уверенно. — Зато будет задел и заявка на будущее. Это важно — иметь впереди неясную и туманную цель. Ясная и четкая не интересна, да и видно сразу, что не выполнить, а когда в тумане, то всем нам грезится, что счастье так близко, так возможно, мы же романтики, нас сколько ни обманывай и ни вози мордой по битому стеклу, мы продолжаем верить женщинам... гм, да, верить в добро и щасте!

На меня смотрели с бледными вытянувшимися лицами. Барноэль произнес несколько замедленно:

— Об этом нужно будет подумать... основательнее. Не на ходу.

Я откликнулся бодро:

— Абсолютно мудро! Приятно видеть мудрейшего человека во главе племени таких красивых и одухотворенных личностей. Вообще-то я с дороги проголодался, так что давайте сперва перекусим, чем Великий Дуб послал... ха-ха, а он не только желуды дает! Хотя все мы похрюкиваем под сенью его великих божественных ветвей...

Барноэль мановением бровей послал одного из эльфов помоложе из хижины, явно на кухню варить и жарить. С тем отправились еще двое из зевак.

— Прошу вас, — сказал Барноэль вежливо, — вон мой дом, для вас это покажется простой хижинкой, но мы за века уже привыкли к жизни, когда нужно бросать все без жалости и уходить спешно в другие леса...

— Скоро с этим покончим, — заявил я твердо и трибунно. — Мы, эльфы, после стольких лет, веков и тысячелетий постоянных отступлений проявим истинный дух и, как распрямившаяся пружина, которую так долго стискивали, ринемся убивать и грабить... тьфу,

красиво и мирно возвращать себе исконно наши территории, так долго занимаемые всякими там!

За нами валит целая толпа, но как только я делал движение обернуться, все моментально исчезали. Хорошее свойство, выработавшееся в ходе эволюции, мне бы так.

В доме, сделанном из сплетенных веток, чисто и уютно, несмотря на скромные размеры и отсутствие gobelенов. Стол посредине достаточно большой, чтобы за ним поместилось с полдюжины рыцарей, но кресел здесь двенадцать, что понятно — эльфы по габаритам скромнее.

За нами неслышно входят те, что стыдливо избегали моего взгляда, они и сейчас стараются не встречаться со мной взглядом, рассаживаются скромно, глазки опущены.

Глава 13

Я не стал ждать, когда на столе появится что-то, сосредоточился и уставился бараньим взглядом мудреца на столешницу.

Огромные яблоки, краснобокие и налитые сладким соком, появились на широком блюде, затем виноградные гроздья, крупные абрикосы, апельсины, мандарины, бананы, груши, сливы, клубника и земляника в роскошных вазочках.

Эльфы смотрели остановившимися глазами, а я сказал Барноэлю одобрительно:

— Вы правы, что заставляете их готовить, а то с нашими эльфячьими способностями творить любую еду молодежь вообще забудет священный обряд жарки, варки, парки и хрялки... или не хрялки? В общем, традиции нужно беречь, это сейчас вот мы спешим, пото-

му вот так по-походному, на скорую руку... Вы здесь в изгнании и забвении не стали еще плотоядными?

Барноэль сказал с тяжелым вздохом:

— Увы... Когда речь о выживании...

— Ничего страшного, — успокоил я. — Великий Дуб настаивает на исполнении всех обрядов, когда мы дома, на родине, и там все хорошо. А когда хата горит... какие тут обряды и думы о великом?.. Сейчас мы заодно и поплотоядим...

Он, не удержавшись, тихохонько ахнул, прямо перед ним возникла широкая тарелка с шипящей от жара яичницей-глазуньей с толстыми ломтями ветчины, рядом на тарелочках начали появляться вкусно пахнущие карбонады, шейка, окорок и прочие мясные деликатесы, а для особо стойких, что еще не перешел к мясу, но почти готовы, я насоздавал две дюжины всевозможных изысканных сыров, от коровьих и козьих до самых экзотических, что и на сыры не похожи, даже на мой взгляд и вкус.

Они переглядывались, восхищенные, потрясенные и угнетенные.

Барноэль спросил с надеждой:

— Говорите, у вас сохранилось это древнее умение?

Я изумился:

— А как же! А у вас что, нет?.. Да как же вы живете? Да это же невозможно! Да как так вообще существовать?

— Ой, дорогой конт...

— Ничего, — утешил я, — все можно вернуть взад. Жизнь делает новый виток.

Они разводили руками, жадно принимались, осторожно брали незнакомые фрукты, я наблюдал, как их лица светлеют, а огромные глаза, и без того блестящие, начинают светиться изнутри жемчужным светом.

В заключение я наделал столько фирменного моро-

женого, что самого начал пробирать озноб, перерасходовал силы, но начал быстро и жадно есть мясо, сказал в оправдание:

— Мы в походе, который длится... сколько он длится?

— Вот уже тринадцать столетий, — сказал Барноэль.

— Тринадцать столетий! — воскликнул я уstraшенно. — Что ж, во время похода можно есть не только мясо, но и отступать от других, не менее важных норм, что вы и делаете, ибо выживание — важнее соблюдения обрядов!.. Но скоро этому придет конец...

Один из эльфов вытаращенными глазами смотрел, как под моим тупым взглядом на столе появился кувшин с вином, вздрогнул, спросил пугливо:

— Кому?

— Не кому, — поправил я наставительно, как эльф более высокого общественного строя, — а чему!.. Вашему изнурительному походу, когда единственная цель — выжить и уцелеть! А пора уже думать о завоевании мира и прочих земель. Потому всем налить чаши! Бездельник, кто с нами не пьет!.. Благородный Барноэль, на вашей половине у всех налито?

Барноэль сказал поспешно:

— Да-да, Чрезвычайный и Уполномоченный конт Астральмэль!

Я поднялся, гордо поднял чашу и окинул всех орлиным эльфийским взором.

— Пришла великая пора, — сказал я торжественно, — приступить к воссоединению эльфов под знаменем Великого Эльфизма и всепобеждающего и всеограшающего учения о нашем Великом Предназначении, ибо мы — это не они, а именно мы, и потому — да, именно так, мы прямо и уверенно должны и будем, несмотря на препятствия, которые себе создаем, но зато как успешно преодолеваем! Любой другой народ уже

б и копыта откинул, а мы все еще не, потому что мы кто?.. Эльфы!

Они откликнулись вразнобой:

— Эльфы...

— Эльфы...

Я сказал бодро:

— Не слышу задора! С таким настроением мир не захватить. Еще раз, мы кто?

Они прокричали уже энергичнее:

— Эльфы!

— Эльфы!

— Эльфы!!!

— Ладно, — сказал я благодушно, — в следующий раз, раз уж выказываем такую интеллектуальную мощь, поучимся строем ходить. Это необходимо для победы демократии и тоталитаризма в интересах гуманизма и всеобщей как бы, да. За победу! За процветание и величие нашей империи от моря и до моря!

Уже чуть раскованно они закричали, хоть и вразнобой: «Ура!», «Виват!» — осушили чаши наконец-то до дна, я кивком посоветовал весьма настырно Барноэлю наполнить там еще, а я тут, и мы добьемся согласования интересов отдельных частей всемирного эльфизма.

Я с удовольствием сделал глоток вина, у всех в чашах лишь то, чем наполнил я, а это самое нежное из всех, что я пил, себе же вообще до краев налил виноградный сок. У эльфов он такой же точно, только уже сброженный.

— Второстепенный, но главный вопрос, — заговорил я с чашей в руке, — какие у вас вооруженные силы?.. Я понимаю, все лучники, но численность, огневая мощь, поражающая дальность, время на перезарядку колчанов... или у вас все еще тулы?..

Барноэль выглядит растерянно, проямлил слабо:

— У нас не столько войско, сколько... ну, вообще не войско, а только часовые по периметру нашего леса.

Я кивнул со знанием дела:

— Понятно, оборонительные войны. Но обороняющиеся всегда в конце концов проигрывают.

Он сказал невесело:

— Видимо, так записано в Книге Судеб.

— Книга Судеб отменена, — сообщил я. — Потому мы в порядке дружеской помощи изменим вашу стратегию, что уже и не стратегия вовсе, а я даже не знаю, как деликатно обозвать... Я, как Старший Брат по разуму, Чрезвычайный посол Ее Величества, апологет эльфизма, стратег и демагог, берусь быть ненавязчивым консультантом и военным советником, чью деятельность, понятно, афишировать не стоит... Ее как бы и нет вовсе, ну вы понимаете, зато вся слава за победы будет принадлежать вам, а нам только громадное моральное удовлетворение и какие-то мелочи насчет природных ресурсов и расширения сфер влияния.

Они морщили лбы, стараясь проникнуть в дебри мудрости высшей эльфийской дипломатии имперской стадии, я видел, как им неловко за свою отсталость и недоразвитость своего племени, за века и тысячелетия отступления перед наглой человеческой расой растерявших все навыки великого и мудрого народа.

— Вам виднее, — проговорил Барноэль нерешительно, — нам, честно говоря, сложно даже успевать за бурным темпом мысли наших имперских сородичей...

— Ничего, — сказал я утешающе, — зато вы красивые. И одухотворенные. Я понимаю, это все природа, ее зов, чистые продукты, неоскверненность бытия... а у нас, увы, цивилизация наложила свою печать и взяла свою ужасную плату: теперь вы все здоровые, умные, развитые, не болеющие... как жить, спрашиваю, в таких неблагоприятных условиях? Где дикая природа, в

которой мы были такими вольными, свободными, беспечными, глупыми, милыми, тупыми, хилыми, злобными, в общем — частью нашей горячо любимой природы?

— Ну да... как бы вот...

— Хочу, — сказал я с гордостью, — сказать о нашей очередной победе, пусть не очень значительной в сравнении с остальными, но все-таки... Даже доблестное и овеванное эльфийское войско при незначительной помощи армии людей, случайно оказавшихся там поблизости, разгромило и уничтожило непобедимую и несокрушимую победоносную армаду одичавших войск свирепого деспота короля Гиллеберда, который намеревался захватить весь мир!..

Они замерли в экстазе, а я велел снова налить всем чаши, мы же братья, хоть судьба нас и разбросала в стороны, как котят, которых даже топить поленились.

— Сейчас идет процесс глобализации, — объяснил я, — и мультикультуризма. Все народы и расы сливаются в одно че... эльфийство, но мы должны бдительно следить, чтобы все сливались в наше, а не в чье-то еще, ибо тогда уже не мультикультурность, а деспотизм и тирания!.. А мы чужую тиранию не потерпим, мы свободолюбивый народ, у нас своя есть, еще круче, так как мы самобытный народ, у нас собственный путь и другие нам не указ!..

С вином я угадал, понравилось всем, пьют, как бабочки нектар, глазки разблестелись, а бледные щеки окрасил нежный румянец даже у старцев.

Оставив их за накрытым столом, мы с Барнозлем вышли на свежий воздух, хотя и в его домике ветви и листва создают неповторимый аромат чистоты и благоухания.

— Мы счастливы, что вы прибыли, — сказал он.

Я не успел ответить, к нам тихонечко подошел

один из эльфов, настолько старый, что из него уже песок сыплется, но все еще с прямой спиной и ясным, как у декабриста, взором.

— Простите, конт Астральмэль, — проговорил он тихонько, — у меня к вам очень деликатный вопрос.

Барноэль посмотрел на него косо, вздохнул, но почему-то отошел и вернулся в дом к гостям.

— Давайте, — сказал я сравнительно бодро, хотя сердце дрогнуло в ожидании неприятностей. — Я очень неделикатный, потому мне можно и деликатные, и неделикатные, и даже человеческие, да чтоб они так жили...

— Этот вопрос мучает всех, — предупредил он, — просто я единственный, кто решается задать...

— Прекрасно, — сказал я, сердце вообще затрепыхалось в испуге. — Вы наверняка один из Совета Племени?

— Да, — ответил он с достоинством, — я Ирладель-разэль, член Совета Мудрых. Дело в том, что вы очень уж... странноваты для эльфа. Уж простите, для нормального эльфа.

Я засмеялся широко и честно.

— Да ничего-ничего, говорите!.. Я там уже озверел от политкорректности. Представляете, никто слова не скажет, что я не совсем эльф, даже слово такое придумали, «эльф афро... тьфу, эльф человеческого происхождения»!

Он спросил с некоторым облегчением в голосе:

— Это... как?

Я отмахнулся:

— Да все политкорректность на марше. Чистоту расы эльфы могут блюсти только у себя в лесу, но это обрекает себя на вымирание. Так?

Он кивнул и поник головой:

— Да, конечно. Нас осталась горстка...

— Ну вот, — сказал я. — А расширяясь, империя эльфов захватывает и земли, где живут другие народы. По своему гуманизму мы не истребляем их, а пытаемся как-то окультурить и приобщить к высоким эльфийским ценностям Запада. Даем работу, обучаем. К примеру, в городской страже у нас ходят по двое, там один обязательно человек или тролль, неважно, для нас это одно и то же. И вообще стараемся их вовлекать в общественную жизнь, потому не употребляем такие слова, как «человек», «тролль», «огр», так как они несут в себе негативный оттенок.

Он сказал с облегчением:

— А-а, тогда понятно... Вы эльф человеческого происхождения?

— Точно! — сказал я. — Только у нас стараются даже так не говорить, чтобы нас якобы не обидеть. Только «эльф». Ну, иногда могут употребить синоним типа «черноволосый», чтобы сразу стало ясно, о ком речь, но ни в коем случае не «чурка» или «черножопый»!

Он охнул, отшатнулся:

— Я никогда так даже не подумаю!

Я сказал примирительно:

— Да ничего страшного. Эти эльфы на почве своей политкорректности совсем одурели. Подумаешь, «черножопый»! А они все беложопые, ну и что?.. Га-га-га!.. Мы народ простой, не обижаемся на такие пустяки. Общее дело делаем. Так что все мы эльфы. Только разные. Ну и что?

Он смутился, опускал глазки, но, главное, разделяет мое грубовато-солдатское, то есть человеческое отношение к гуманитарным ценностям, а также понимает, что всецело разделяю я.

— Хотите, — предложил он, — взглянуть на то, как мы здесь живем?

— Это входит в круг поручений, — сообщил я, —

которыми наделила меня Его Величество королева Синтифаэль, рожденная из Света и Солнца.

— Тогда прошу вас...

Он сделал жест, пропуская меня вперед, как будто понимаю, куда идти, но я же эльф, так что сориентировался, глядя на него, и вскоре вышли на поляну, где кольцом стоят, касаясь одна другой краями, хижины из живого кустарника, что очень живописно сплел стены и крышу.

— Здесь все наше племя, — объяснил он с грустью. — А когда-то, судя по древним сказаниям, нас были тысячи! Некоторые говорят, что и вовсе миллионы, но я думаю, что столько вообще на земле не поместится.

— Поэтическое преувеличение, — согласился я. — Прекрасное не может быть массовым.

Мы прошлись вдоль хижин, я чувствовал за тонкими стенами существ внутри, но наружу показываться не решаются.

Он что-то рассказывал красивым журчащим голосом, а я думал, что эльфы лучшие в мире лучники, однако в ближнем бою гибнут как мухи, потому поневоле стали лесным народом, там можно укрываться за деревьями, прятаться, убегать.

Единственный способ, чтобы можно было использовать их уникальное умение стрельбы, это держать между ними и противником тяжеловооруженную панцирную пехоту Макса, чью оборону еще никому пробить не удавалось.

Если же в ряды эльфов прорвется хоть один рыцарь, они его даже не поцарапают, а он перебьет всех, сколько бы их там ни было. Они это понимают, потому из леса выманить невозможно, а довериться людям, которые вдруг их станут защищать, вместо того чтобы самим перебить... даже не представляю, какие должны быть пряники. Или кнуты.

Глава 14

Мы заканчивали экскурсию, когда к нам приблизился очень осторожно Барноэль, взглянул на Ирладельраэля, тот вроде бы не подавал ему никакого знака, но как-то они умели обмениваться информацией, хотя эльфы вполне могут и мысленно, мы же вот так в воображении чего только со знакомыми женщинами не проделываем, и они это как-то чувствуют, смотрят потом весьма заинтересованно...

— Благородный конт, — произнес он церемонно, — мы просим вас почтить собрание нашего Совета.

Я изумился:

— Что, уже собрались? Хотя, да, долго ли вам, таким быстроногим...

Ирладельраэль невесело улыбнулся, мудрым старейшинам нужно только пройти с одной поляны на соседнюю, но промолчал и пошел со мной рядом.

Когда я вошел в хижину вождя, там за столом скромно и с достоинством разместились шестеро белоголовых эльфов. У всех мудрые лица и длинные блестящие волосы, но если у тех, кто помоложе, ярко-золотого цвета, то у этих белы, как снег с самых высоких гор.

Барноэль торжественно ввел меня, как принцессу на горошине, вдвоем с Ирладельраэлем усадили и вернулись на свои места.

Я в некотором напряжении ждал, чем же эта церемонность обернется. Хотя мне и сказали с укором, что мне просто везет, намекая тем самым не очень деликатно, что вообще-то я дурак, но постоянно ожидаю и неприятностей, из-за чего не просто готов дать сдачи, но иногда и... гм даю заранее...

Барноэль поднялся красиво и, как в торжественном танце, окинул взглядом членов Совета, затем медленно повернулся ко мне, ибо для быстрых эльфов в

замедленности движений особо подчеркивается некое важное действие.

— Конт Астральмэль, — проговорил он торжественно, — вы показали себя подлинным сыном древнего эльфийского народа, рассеянного по миру, угнетенного, но все еще не сломленного!.. Наши старейшины впечатлены вашей энергичной деятельностью по восстановлению и собиранию.

Господи, мелькнуло у меня в мозгу паническое, только бы не предложили какой-то вычурный эльфийский титул! Мои же завистники на говно изойдут от зависти, на заборы будут кидаться дурными головами, охрипнут от лая. А я ж христианин, и если не могу всех перебить, как вообще-то следовало бы, то надо жалеть или политкорректно делать вид, что жалею этих убогих подзаборных эстетов...

— ...мы предлагаем, — продолжал он громко и внушительно, — отметить его деятельность, чтобы Его Величество королева Синтифаэль видела его плодотворную работу и могла по достоинству оценить его героические усилия...

Точно, сказал я себе обреченно, будет у меня еще и эльфийский титул, а потом посыплются... Хорошо хоть титулы не приходится, как знаки отличия, цеплять на грудь и плечи.

— Конт Астральмэль, — продолжал он внушительно, — принадлежит к благородному роду, ибо титул конта переходит только от отца к старшему сыну, неважно, сколько у него их вообще, потому этот древний титул в наших землях уже почти исчез...

Старейшины заметно пригорюнились, но скупую мужскую не уронили, эльфы аристократично выдержанны, эмоции держат при себе, а я ощутил, что иголки подо мной становятся все длиннее и острее.

Я поднялся, Барноэль прервал речь и посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Дорогие друзья, — сказал я прочувствованно, голос мой дрогнул от сдерживаемого волнения, эльфы — народ чуткий, заметят и оценят, — дорогие мои сограждане, соотечественники, и не побоюсь этого громкого слова, потому что отныне наступает наше время, и мы не должны бояться, страшиться, опасаться и даже предохраняться!.. Я хочу со всей присущей мне скромностью сказать, что бесконечно тронут и польщен вашей высочайшей оценкой моих великих трудов и непомерных заслуг, но все-таки давайте не вторгаться в священное право Ее Величества королевы Синтифаэль собственноручно награждать своих подданных титулами, чинами и званиями.

Барнаэль спросил обеспокоенно:

— Она будет против?

— Возможно, — ответил я уклончиво, — нет. Однако...

— Что?

— Мы только-только вступаем в известные договорные отношения, — напомнил я. — До полного слияния наших народов, может быть, и рукой подать, но мы не представляем, как это сделать. Потому не стоит углублять и нагнетать, а также будировать.

Он покачал головой, на лице проступило недоумение.

— Она не должна быть против! Мы так выражаем почтение и к Ее Величеству, награждая ее подданного!

— Не должна, — согласился я.

— Так в чем же...

— Но будет, — сказал я несчастным голосом. — Возможно. А нам нужно избегать даже возможности подпортить наши отношения.

— Но почему может быть против?

— Женщина, — ответил я. — Женщины бывают нелогичны. А наша королева еще и красивая женщина!

Старейшины переглянулись, Ирладельразль вздохнул, а Барноэль спросил с беспокойством:

— Что, очень красива?

— Бесподобна, — ответил я несчастным голосом. — А в довершение ко всему у нее еще и прекрасные светлые волосы...

— Очень светлые? — спросил Ирладельразль упавшим голосом.

— Золотые, — сказал я упавшим голосом. — Прекрасные золотые волосы, я не видел их распущенными, но, полагаю, тащились бы следом, как подол ее королевского платья.

Их лица помрачнели, мудрецы начали переглядываться, на лице Барноэля проступило сильнейшее беспокойство.

Я понял вовремя и сказал громко:

— Кстати, хочу заверить, что все важные вопросы королевства находятся в руках мудрецов, как и здесь у вас, а королева заведует только вот такими заметными для публики, но на самом деле не важными вопросами. То есть королева царствует, но не управляет. Однако, для нас к несчастью, титулами удостаивает именно она, так как это всегда пышно, ярко, об этом долго говорит и сплетничает вся страна.

Ирладельразль пробормотал со вздохом:

— Жаль... Нам так хотелось отметить чем-то этот радостный день, когда вы принесли удивительную и невероятную весть о существовании могучего королевства.

Я развел руками:

— Увы... Но, только чтобы не обижать вас и не бросать весьма малую тень... даже намек на тень между нашими бесспорно великими народами, а как же, я вот

подумал. И надумал, подумав, что мог бы просто на память о моем первом визите... будут и другие, уверен!.. я бы принял какую-нибудь памятную безделушку поменьше, я человек скромный, не хочу, чтобы было заметно, но такое, чтобы всегда видел — это от великих, благородных и совсем не меркантильных эльфов! Какую-нибудь мелкую ерундишку, ну там колечко для быстрого, а лучшего мгновенного перемещения из королевства в королевство... а то для меня, как Чрезвычайного и Оберуполномоченного, весьма немаловажны не только телодвижения при дворце, но и движения в пространстве...

Молчание наступило разом, тяжелое и плотное, как камень на глубине в сотню миль..

Ирладельразль произнес почтительно:

— Да, я вот только сейчас понял, что вы представитель могущественной эльфийской империи, а мы перед вами просто дикари... одичавшие сородичи, растерявшие как знания, умения, навыки, так и материальные ценности...

Я вздохнул:

— Сочувствую. Знания и умения — небольшая потеря, их легко восстановить за какие-нибудь пару тысяч лет, что для вас совсем семечки, а вот материальные ценности... Увы, их не воссоздашь так просто. Взамен их делаем всегда другие, пусть даже и намного лучше, но теряется сладостный аромат старины, дедовщины... А что это, как не нарушение традиции, наших исконно-посконных обычаев и обрядов?

Он поддакнул:

— Да и вообще в старину делали лучше. Ведь любая вещь ценна не тем, для чего предназначена, а той душой и чувством страсти и вдохновения художника, которую тот вложил в свое произведение!

— Вот именно, — поддержал я. — Когда создается

даже такая простая вещь, как кухонный нож, то важно, как он сделан, с каким изяществом и мастерством, какой изысканный дизайн и какие решения художник воплотил в нем, а не то, хорошо он режет или нет! Да пусть он вообще не будет резать, главное во всем — красота, изящество и вдохновение, ибо настоящий творец прекрасного может любую вещь... сделать прекрасным произведением искусства!

Он сказал растроганно:

— Вы эльф из эльфов! Настолько ярко и точно выразили нашу жизненную философию в кратких и емких формулах, что просто я не знаю, как и сказать лучше. Теперь я понимаю великую мудрость несколько шокирующей политики на вовлечение и низших рас в дела и заботы великой эльфийской империи... Их потенциал, я говорю о вашем потенциале, заполняет брешь там, где эльфы чересчур деликатны, интеллигентны и чувствительны, а вы и тролли вполне можете действовать прямо, честно и беспринципно, что уравнивает систему ценностей.

На пороге бесшумно появился молодой, но уже с некоторыми знаками достоинства эльф, деликатный до невозможности, посмотрел значительно на вождя.

Барноэль отмахнулся:

— Да ладно, говори. Догадываюсь...

Эльф спросил с расстановкой:

— А как мудрецы...

— Они поступят мудро, — ответил Барноэль.

Я замер в ожидании, хотя вид у меня расслабленный и отдыхательный, я свое отпустил и даже отрезвычайнил, теперь малость понежусь и — в обратный путь.

Трое эльфов в расшитых одеждах старинного покроя вошли, ступая медленно и важно, что никак не вяжется с быстрыми и даже стремительными эльфами.

У среднего в руках тускло поблескивает шкатулка из темного металла, а двое по бокам как почетный караул, лица торжественные, вид строгий и внушающий.

Я проникся значимостью момента, торопливо встал и вытянулся. Барноэль проговорил с чувством:

— Прячась и выживая в этом жестоком мире, мы свято хранили наши святыни. Часть из них пришла из тех времен, которые не помнят даже самые старые из нас, часть была получена в скитаниях... Среди них особое место занимает браслет Иедумэля.

Он посмотрел на меня со значением во взоре. Я кивнул со знающим видом:

— О да, Иедумэль... Как же, да!

— По преданию, — продолжил Барноэль, — его получили первые эльфы, которые служили у Древних Богов быстроногими гонцами. Легенда гласит, что однажды один из гонцов недостаточно быстро вернулся с ответом, и разгневанный бог вручил ему этот браслет, чтобы тот лучше исполнял свои обязанности...

Он умолк, второй эльф сказал нараспев:

— С той поры браслет переходит из поколения в поколение уже как одна из святынь.

Третий эльф взглянул на меня в упор и пояснил:

— Последний раз им пользовались семьсот лет назад. Теперь это только реликвия.

Я пробормотал:

— Если вы принесли мне, то спасибо, но для меня это слишком великая честь.

Барноэль проговорил с достоинством:

— Конт Астральмэль...

— Нет-нет, — сказал я твердо, — реликвии эльфов должны быть у эльфов! Иначе это квалифицируется как грабеж и расхищение национального достояния, а затем с ростом самосознания начнется закономерный процесс вытребывания взад незаконно провезенных

через границу сокровищ. Я умею смотреть вперед, у меня это врожденное, даже в книгах сперва заглядывал на последнюю страницу, за что получал по рукам...

Барноэль повторил:

— Конт Астральмэль... Во-первых, вы — эльф, так что реликвия остается у эльфов. Во-вторых, у вас она перестает быть только реликвией!.. За последние годы и столетия отчаяния и находясь на грани исчезновения, никто уже не пользовался этим браслетом, ибо мы считали себя последними эльфами на свете... Но у вас он будет, как я уже сказал, не только реликвией...

— А как он работает? — просил я.

— Браслет Гонца?.. Очень просто. Это не одно кольцо, а два. Их можно сдвигать по отношению одно к другому. И хозяин этого браслета переносится из одного племени эльфов в другое... Но когда два соседних с нами племени были истреблены, а от нашего уцелела горстка, мы решили, что отныне браслет бесполезен. Но вы принесли нам надежду! Так что примите как знак нашей благодарности...

Ирладельраэль добавил с легкой улыбкой:

— Чрезвычайному послу Ее Величества нужно передвигаться по ее заданиям быстро.

Я покачал головой:

— Нет-нет, ни за что, это слишком ценный дар!.. Впрочем, ладно, только из уважения к вам. Но отныне я ваш должник и буду стараться для вашего племени как для своего. Можете внести меня в списки членов вашего клана, ибо теперь его интересы — мои интересы!

Ирладельраэль удовлетворенно улыбнулся. Мне показалось, что хитрый эльф и рассчитывал на что-то подобное. За ценный, хотя и бесполезный для них дар я проникнусь и могу стать, а в их положении стану

спасительной ниточкой, что выведет к спасению племени и, возможно, к его благополучию.

— Мы внесем вас в списки, — пообещал он. — И пожалуем вас...

— Только не титулом! — вскрикнул я.

— ...членством в нашем Совете Мудрых.

Я ощутил, как огромная гора, прижимавшая сердце к каменному полу, свалилась.

— Благодарю за честь! — сказал я с чувством. — Благодарю за возможность быть принятым в ряды вашего племени, ибо нет чести быть принятым в благополучное и процветающее, но войти в него в трудный и тяжелый момент — это достойно и благородно, что для меня так характерно.

— Тогда, — сказал Барноэль, — мы проведем инаугурацию сегодня же вечером...

— Благодарю, — сказал я с запинкой, потому что сперва послышалось насчет консумации, я даже успел посмотреть на него зверем, но сообразил только через минуту, медлительный из меня эльф, ну да ладно, такая порода, зато надежная в некоторых местах.

Они некоторое время переговаривались друг с другом по поводу процедурных вопросов, а я напряженно думал, что браслет, конечно, ценный, жаль только, что все средства ускоренного передвижения, какие только пробовал: подземный вихрь, арбогастр, сам крылышками, странные порталы аббата Дитера, наконец, зеркала из запасов леди Элинора — весьма ограничены в возможностях.

Этот браслет едва ли не самый бесполезный, ну что толку, что смогу прыгать из племени Гелионтэль к этим и обратно? С другой стороны, если хорошо продумать, то можно попытаться обойти это правило. Надо узнать только, сколько эльфов нужно, чтобы кольцо их учуяло и сработало. Может быть, достаточно десят-

ка, тогда я правдами-неправдами сманю их, к примеру, в охрану королевского дворца, и смогу скакать, аки козел, туды-сюды, туды-сюды...

Если, напомнил себе трезво, этот браслет хоть как-то сработает. Из меня еще тот эльф! Надежда лишь на то, что гаджету начхать на расу и вероисповедание.

Глава 15

У эльфов все-таки демократия: вечером состоялось общее собрание племени, абсолютным большинством голосов было принято решение зачислить меня в ряды племени и ввести в Совет Мудрых.

К тому же демократия настоящая, женщины и дети не голосуют, а у дураков голосов в несколько раз меньше, чем у нормальных. У членов Совета Мудрых еще и голоса всех умерших, погибших или пропавших без вести предков и родственников.

Я получил еще один отличительный знак, который сам рассмотреть не сумел, как ни пытался, но Барноэль заверил, что любой эльф увидит и сразу преисполнится ко мне почтением, а также в некотором роде поступит ко мне в распоряжение.

В каком роде, я выяснить не успел, пришли эльфы — распорядители праздников, пригласили на всеобщее ликование в честь воссоединения с Большой Родиной. Барноэль сообщил доверительно, что идет обсуждение установления памятной плиты в честь даты события, которое предположительно будет именоваться Явлением Чрезвычайного и Оберуполномоченного конта Астральмэля, посла Ее Величества королевы Синтифаэль.

— Польщен, — пробормотал я, — однако весьма неловко... Хотя в воспитательных целях, конечно,

можно и даже необходимо. Только изобразите меня вот в такой позе... Левая рука в бок, а правая вот так... в этом месте... нет, лучше в этом! А нога одна на земле, а вторая попирает... Да, крепко попирает. Или даже вообще опирается. Молодые эльфы должны учиться преданности делу, не забывать мыть руки перед едой и уши перед выходом в гости, а также быть патриотами и гуманистами!

Некоторое время они деловито обсуждали, как это лучше сделать, я хотел было посоветовать обратиться к специалистам, но вовремя вспомнил, что по части искусства изящного выше эльфов нет никого.

Вообще-то часто влипаю во всякое, бешено импровизирую, пытаюсь спасти шкуру. Так было и с этим аменгерством, когда соврал насчет тайного союза с Астральмэлем, но вылилось это в достаточно полезное сотрудничество с королевой Синтифаэль, а теперь вот неожиданно сработало и с этим потерявшимся племенем.

Когда я напропалую врал о тесном сотрудничестве людей и эльфов, это вообще-то белая ложь, в конце концов под моей загребушей действительно могут сосуществовать все расы, точнее виды. А может быть, все-таки расы, если уж получается скрещивание. Хотя оно бывает, как я слышал, и межвидовым...

Возможно, в будущем люди и эльфы сольются в одно человечество, не знаю, но политика у меня именно такая.

Одно только огорчает, и здесь ничего не узнал о связях Морданта с Карлом и его замыслами на будущее. Хотя, возможно, никаких связей нет, но я заяц уже битый, трусливый, настороженный, на все дую и любую неизвестность подозреваю в том, что вот сейчас меня по голове палкой...

— Да, — сказал я растроганно, — здесь мой мир,

мое племя, мое родство с миром! Я покидаю вас, но мое сердце отныне и навсегда с вами.

Они вышли проводить меня всем Советом, что тоже честь, как я понял, я же не просто понятливый эльф, а теперь еще и член Совета, что понятливый из понятливых.

По-моему, эльфы тоже провернули довольно выгодную сделку, заполучив в свои ряды такого деятельного лося, уже начинаю приносить им пользу, я же тоже что-то выиграл... еще не понял что, но так, стратегически, как бы получаю некий доступ к древним тайнам, к эльфийскости, к их возможностям. Ну в какой-то мере, насколько человеческая грубость и неотесанность позволит...

Коня я отпустил, едва выехал на проезжую дорогу, где следы от копыт и тележных колес, а сам прошел вроде бы по нужному делу за придорожные кусты, выждал, чтобы никого в поле зрения, а оттуда уже взметнулся тощим и непривлекательным на вид и на вкус птеродактилем.

Снова подо мной поплыл красно-желтый ковер осеннего леса, самая красивая пора, когда деревья меняют цвет с юношески зеленого на яркий наряд лордов, но я напряженно всматривался вниз, словно вот так можно понять, что же случилось с мощной империей Карла, почему вдруг о ней перестали говорить как с ужасом, так и... вообще!

Возможно, все дело в том, что Карл — завоеватель, всего лишь завоеватель? Он сумел сплотить племена и народы, повел их в великий поход, пообещав небывалые сокровища, тысячи рабов и рабынь, земли и богатства... теперь я понимаю, как это работает и как это действует!.. однако захваченные земли просто грабил и

шел дальше, как лесной пожар, а после его ухода люди вылезали из всех нор, спешно отстраивались...

Меня тоже все чаще называют Завоевателем, но я, в отличие от Карла, несу и высокую миссию, ну, надеюсь, что несу, даже уверен!.. У нас это крестовый поход за высокие моральные ценности, за святость, за милосердие. А кто против гуманизма — того на костер или просто голову с плеч, мы восстанавливаем церкви и строим монастыри — рассадники учености.

Потому, даже если бы мы ушли, осталось бы наше наследие, против которого долго бы пришлось бороться. Но после ухода Карла ничего не осталось, кроме руин и пепелища...

Но где он сам? Где ядро его неисчислимой армии?

Карл, если честно, великий полководец и политик, сумел из наследника трона крохотного королевства вырастить до императора, умело подчиняя соседей, занятых грызней друг с другом, всех умело заставил включиться в общую работу по захвату других земель, после чего повел войско настолько победно, что уже при одном его имени армии многих королевств предпочитали просто сдаться, зная, что в таких случаях Карл никого не карает, а просто включает в свое войско.

Армия Карла нигде не потерпела поражения, как, скажем, Аттила на Каталаундских полях. Единственные досадные неудачи были с отдельными мелкими королевствами, такими, как Кернель, который оказался защищен природой лучше, чем искусными строителями, или Зорр, куда собрались лучшие герои и паладины, что защищали так долго и умело, что рассерженный Карл просто велел исполинской армии двигаться дальше, оставив Зорр в тылу.

Нет, конечно, он не Аттила, что был просто зверем, а этот жег и разорял только те земли, где оказывали сопротивление, однако признавших его власть не жег, не

уводил в плен, а как бы улучшал качество жизни: так как все королевства отныне входят в его империю, то упраздняются все границы и таможенные сборы, а разбойников вешали моментально, что отличает тоталитарную власть от демократов с их бесконечными судебными процессами и выяснением степени вины.

Карл явно превосходит всех противников, он это уже доказал, когда прошел как железный смерч, одерживая одни победы, но сейчас то ли так долго готовится к новым завоеваниям, то ли усиленно ищет единственного сына...

Как помню, у него несколько резиденций, как у любого правителя, но самые любимые, где появляется чаще всего, это Бурте, Бресс и Магюо.

Потому мне стоит начать поиски именно отсюда...

Слишком близко подходить к резиденции нельзя, могут узнать того, кто убил старшего сына императора и похитил младшего, единственного наследника. Жаль, не умею менять обличье, это пригодилось бы... хотя вряд ли, резиденция Карла окружена стражами, а они легко увидят истинное лицо.

По этой причине не стоит соваться также исчезником. И хотя амулеты по их распознаванию дорогие, но имперские стражи наверняка ими обвешаны...

Я опустил на рассвете в роще возле небольшого города, притопал пешком и купил коня, довольно простого, чуть ли не крестьянского, там же мне в ответ на расспросы указали расположение ближайшего лагеря имперского войска.

Еще издали мне показалось нечто знакомое в очертаниях частокола, поставленного строго по квадрату, а когда подъехал ближе, рассмотрел и глубокий ров, окружающий лагерь со всех сторон. Карл то ли сам доду-

мался, то ли разыскал старые трактаты об устройстве римской армии, но не удивлюсь, что перенял не только, как разбивать лагерь...

Меня заметили с лагерных ворот издали, но одинокий воин не представляет угрозы для десятка тысяч вооруженных мужчин, хорошо знающих свое дело, меня даже не спросили, кто и зачем.

Я проехал в середину, но там дорогу заступил рослый воин, суроволицый и хмурый.

— Кто таков? — спросил он строго, но без нажима, просто здесь все суровое и подчеркнуто мужское. — По какому делу?

Я спешился, разговаривать с седла может только командир или гонец, коротко поклонился.

— Сэр Растер, безщитовой рыцарь. Наслышан про императора Карла и его победоносные войска, где можно заслужить титул и захватить богатую добычу.

Он оглядел меня оценивающе, лицо чуть смягчилось.

— Чувствую, — сказал он, — вы умеете обращаться с оружием и уже побывали в серьезных схватках...

— Не слишком много, — ответил я скромно, — но побывал, у вас глаз наметанный, сэр.

— Сэр Ганелин, — сказал он. — Тысячник. Вам сразу дал бы сотню воинов, приходилось командовать, верно? Что-то есть в вас эдакое...

Я поклонился:

— Вы дивно проницательны, сэр Ганелин. Да, пару раз водил отряды, что подчинялись только мне.

— Это заметно.

— Спасибо. Но сейчас хотел бы на службу к императору, потому что без него могу захватывать добычу, но не брать города. Тем более сам себе титул не дашь...

Он коротко усмехнулся:

— Да, это проблема. Иначе все разбойники бы ста-

ли баронами, а то и герцогами. Идите, сэр Растер, вон в тот шатер, это мой. Я обойду лагерь и вернусь.

Он сделал знак молчаливым стражам, а сам отправился дальше по лагерю. Я с некоторой опаской приблизился к шатру, ребята крепкие, для охраны всегда отбирают лучших, но они равнодушно смотрели, как я откинул полог и вошел вовнутрь.

Вообще-то беспокоиться им нечего, в шатре только стол, две длинные лавки и сбитое из досок походное ложе. Ганелин готов сниматься в поход в любую минуту.

Ждать пришлось недолго, он вернулся хмурый, проворчал недовольным сиплым голосом:

— Всем уже надоело...

— Но лагерь выглядит хорошо, — осторожно заметил я.

Он отмахнулся:

— Лагерь! А люди от безделья уже бросаются друг на друга. Вчера троих повесили за дебоши и убийства. Сегодня могут и больше... Не нравится мне все это...

Он поднял с пола кувшин с вином, поставил на стол две чаши и наполнил:

— Пей. Ничего не остается, кроме как пить.

Я чуточку удивился такому гостеприимству, все-таки я чужак, потом сообразил, что ему безумно скучно торчать здесь среди обрыдлых рыл, а я все-таки новый, от меня веет загадкой, да и слушаю жадно и с вниманием, что всегда льстит.

— Вот уже полгода, — объяснял он, — находимся здесь и... ничего не происходит.

— Вы и не должны знать планы императора, — заметил я осторожно.

— Мы их никогда не знали, — ответил он. — Но... такое впечатление, что все здесь брошены на произвол судьбы!

— Но жалование приходит? — спросил я.

— Пока да, — согласился он, — но и его что-то два последние раза привезли с запозданием.

— А раньше такого не было?

— Ни разу, — подчеркнул он.

Я сказал с огорчением, но так, чтобы в голосе звучала и надежда:

— Наверное, император задумывает что-то особенное... Я слышал, что под Большим Хребтом отыскиали Тоннель! Может быть, он хочет провести войска на ту сторону?.. Вдруг там неслыханные богатства?

Он поморщился:

— Слухи дошли и до нас, но там что-то связано с древней чертовщиной. Вроде бы стоит в Тоннель войти тем, кого не хочет видеть его хозяин, там сразу рухнет и всех задавит!.. Хотя, конечно, было бы здорово... Но тогда нужно бы подобраться ближе.

— К Тоннелю?

— Да хотя бы захватить те королевства, что там рядом.

— Хорошо бы, — сказал я с надеждой. — Может быть, кто-то подскажет императору такую идею?

Он посмотрел на меня с дружеской насмешкой:

— Думаете, император об этом еще не узнал, если такое возможно? Ему ничего подсказывать не нужно. Говорят, когда к нему приходят с планами, он сам им рассказывает куда четче и правильнее.

— Великий человек, — сказал я почтительно. — Надеюсь, он что-то да придумает особенное.

— Я тоже, — ответил он со вздохом.

В шатер вошел без спроса один из военачальников, бросил на меня пронизывающий взгляд, полный подозрения, но сразу же смягчился, узнав такого же искателя приключений.

— Задержаны Курт и Ганс, — доложил он.

— За что? — спросил Ганелин.

— Курт в драке ранил двоих, а Ганс обжулил в карты весь круг и пытался удрать с деньгами.

Ганелин сказал зло:

— Повесить.

— Кого из них? — спросил военачальник.

— Обоих, — прорычал Ганелин.

— Может, — усомнился военачальник, — сперва к столбу позора? Все-таки хорошие солдаты...

— Повесить, — повторил Ганелин. — Пусть все видят, что караем жестко.

— Разбегутся, — возразил военачальник.

Ганелин объяснил усталым голосом:

— Разбежавшихся потом можно собрать... когда придет час. А вот если от безделья перебьют друг друга... Пойдем, я сам прикажу повесить и прослежу, чтобы все это видели. Сэр Растер, вы можете посмотреть, как приходится поддерживать дисциплину.

Когда выходили из шатра, военачальник посмотрел на меня в глубокой задумчивости.

— Растер, Растер... что-то имя знакомое...

Я покачал головой:

— Откуда? Я тут никогда не был и близко.

Он кивнул:

— Да, это понятно. Даже не помню... что-то с гарпиями связано...

Я охнул:

— И тут знают? Клевета! Гнусная клевета!.. Приходилось по праву войны всякое, даже захваченных овец, но чтоб гарпию?..

Ганелин, слушая краем уха, мрачно усмехнулся.

— Сэр Растер, — сказал он благожелательно, — скажу по опыту, как старший по возрасту и повидавший кое-что в жизни. Это о ваших хороших делах и поступках никто не вспомнит даже рядом с вами, а вот

что-то эдакое... думаю, что на материк, что за океаном, каким-то образом перелетит, там узнают и будут с огромным удовольствием рассказывать, придумывая подробности.

Военачальник добавил:

— Я тоже слышал не просто про гарпию, а что вы вообще по гарпиям особенно...

— Клевета, — взмолился я. — Это была только шутка!.. Ну почему ее приняли так всерьез и пошли пересказывать?

— Натура у нас такая, — пояснил Ганелин. — Через год на вас будут уже стада... или стаи гарпий.

На просторном пятачке у позорного столба сидят на земле двое связанных. Я, едва увидел их, сразу понял, что это настоящие солдаты: крепкие, яростные, буйные, им бы только брать штурмом крепости, захватывать города, врываться отважно и напористо, убивать врага, с наслаждением глядя, как льется кровь, тут же на трупах противников насиловать их жен и дочерей, жечь и ломать...

Если долго удерживать от этого законного и вполне оправданного в нашем гуманном мире занятия, они начинают драться друг с другом, дурная сила ищет выхода, а если учесть, что почти вся армия Карла из таких, во всяком случае — ядро, то понятно, как тяжело приходится Ганелину.

Он оглядел обоих, уже побитых, но не усмирённых, злых и все еще пытающихся освободиться от пут.

— Обоих, — сказал он коротко. — Повыше.

Я сказал с сочувствием:

— Ох, скорее бы нас в поход!.. Ох, скорее бы!

Ганелин бросил на меня хмурый взгляд.

— Понимаете, — заметил он невесело.

— Лучше бы не понимал, — ответил я. — Не так было бы грустно.

Глава 16

Обряд повешения в воинском лагере прост и будничен, уже через минуту, словно ничего и не случилось, к Ганелину начали подходить военачальники и докладывать о разных случаях дебоша и непотребств, что, увы, учащаются.

Я слушал внимательно, стараясь не выказывать своей заинтересованности. Империя Карла, как всерьез говорят его лорды, включает в себя множество королевств, в том числе даже Варт Генц и Скарлянды, где уверены, что по их землям прокатилось, как лесные пожары, ужасное нашествие, оставив трупы и пепелища, но ушло, ушло...

Но ведь и в самом деле ушло, Карл все-таки чего-то не додумал. Гениальный полководец и даже умелый политик, он каким-то невероятным образом сумел объединить в один кулак армии ряда королевств и даже привлек в качестве вспомогательной силы огров, кентавров и троллей.

Однако же...

Однако же, мелькнула мысль, он шел просто завоевать. А ради чего? Ради славы? Создать империю?.. Но как только потерял наследников, которым бы передал все, то и потерял смысл в завоеваниях? Или знает о судьбе величайшего из полководцев Александра Великого, который из крохотной Македонии сумел создать сверхдержаву и покорить почти весь мир, но не оставил наследника, и все тут же развалилось на куски...

Нет, у меня все иначе. Есть сверхцель, а объединяют мои завоевания не мои амбиции, а церковь. Амбиции могут меняться, а церковь гнет свою линию тысячелетиями.

Постой-постой, мелькнула следом мысль совсем уж

неожиданная. Ты что, дурак, начинаешь сравнивать себя с Карлом?

Я сделал вид, что решил познакомиться поближе с воинами, пошел по лагерю, а на том конце вышел за его пределы, к довольно длинному старому оврагу, заросшему кустарником, спустился и прошел десятка два ярдов, чтобы никто из случайно увидевших, как на том месте, куда зашел человек, взлетела большая безобразная птица, не связал эти два случая вместе...

Но, даже быстро набирая высоту, я напряженно раздумывал о Карле и вообще о завоеваниях. Кто-то и мои может посчитать вторжением сил зла, как вон в Сен-Мари далеко не все довольны, что явились крестоносные фанатики и сразу стерли все краски, разрушили бордели и прочие увеселительные заведения, законы стали жесткими и без льгот для лиц высокого звания, что совсем уж ни в какие ворота...

Настроение не ахти, подобраться к Карлу поближе не решился, наверняка помнит сэра Диплодока и узнает его в любой личине, а от его командиров много не узнаешь, но, с другой стороны, лично убедился, что экспансия и завоевания Карла прекратились...

То ли Зорр и Кернель тому причиной, то ли потеря наследника, то ли что-то третье, неведомое мне, но более мощное, ибо Карл, на мой взгляд, не тот человек, которого смутило бы упорное сопротивление города или крепости. Даже не тот, кого ввергнет в полное отчаяние потеря сыновей и приведет к отказу от идеи стать властелином мира...

Ну да ладно, что-то да выяснил, причем — более важное для меня. Карл остановился. То ли копит силы для нового прыжка, то ли смутно начинает понимать, что завоевать сумел много, но эти земли как-то так и остались вне его зоны влияния...

Встречный ветер свистит, ревет и пытается остановить, хотя вообще-то никакого ветра, это я на такой скорости, что ломлюсь через неподвижный воздух, как сквозь плотную стену.

В дракона превращаться перестал, это в прошлом, слишком привлекает внимание, да и не настолько быстр, как хотелось бы, птицу, даже несъедобную, могут и подстрелить хотя бы ради перьев...

А птеродактиля мясо абсолютно несъедобно, и даже если кто-то из умирающих с голоду убьет такого и съест хоть кусок, его все равно вывернет наизнанку от мерзкого привкуса протухшей рыбы.

Потому могу вот так без всякой боязни, или почти без всякой, нестись и над самой землей. Мало найдется идиотов, чтобы решили расстаться со стрелой только для того, чтобы проверить, попал или нет.

Пока вот так крылышками-крылышками, голова пухнет от проблем, что все острее: как связать все эти земли воедино? Да, торговлей, перевозкой руды, миграцией населения, однако часто требуется и самому явиться, чтобы разрулить что-то совсем уж сложное для местных лордов...

Птеродактили на планирующем выдают двадцать миль в час, в полете — сорок, но птицы превосходят в скорости, та же ласточка дает триста миль, однако я старался взять и от тех, и от других, так что иду со скоростью не меньше чем двести—двести пятьдесят миль в час...

Ночь застала в небе, нарочито не стал спешить, а то в Зорре бдят весьма, выждал, когда луна перешла на другую сторону, быстро пошел по направлению смутно выступающих во тьме высоких стен Зорра.

Когда луна уже начала продавливать изнутри бок тучи, я высмотрел место потемнее между зданиями,

упал туда камнем, а когда перетек в людскую личину, перебежал в тени подальше.

Громкие голоса услышал почти сразу, затем звон оружия, его ни с чем не спутаешь, и топот солдатских сапог.

Из переулка выметнулись четверо, двое с копьями, двое с обнаженными мечами. Все в доспехах, лица злые и решительные, в глазах боевая ярость.

Я напустил на себя беспечный вид, вышел из тени тихонько насвистывая, пошел беспечным шагом.

Все четверо моментально, демонстрируя отменную выучку, повернулись ко мне, сразу закрываясь щитами и выставив оголенное оружие.

— Кто, кто идет?

Я сказал беспечно:

— Молодцы, хорошо бдите... А что случилось? Вы какие-то встрепанные...

Они не опустили оружие, один сказал сдержанно:

— Что-то упало с неба.

— Да? — спросил я. — Это опасно?

Он сказал твердо:

— Это может быть зверь, а может и человек. Вы, ваша милость, прилично одеты, но колдуны тоже так умеют.

— Да не может быть.

— Стойте смирно!

Двое подошли и уперли мне в бока острия копий, а четвертый вытащил из-за пазухи амулет и, приблизившись осторожно, начал водить им сперва перед моим лицом, затем у груди, снова поднял к лицу и потребовал:

— Смотри сюда!

— Куда? — поинтересовался я. — На тебя или на амулет?

Двое мне одновременно кольнули в бока, чтобы не умничал, а страж с амулетом буркнул:

— На него. А то что-то у вас глазки бегают...

— Забегают, — ответил я мирно, — когда вот так в бока.

Первый буркнул что-то и пошел в тень, слышно было, как гремел там, чертыхался, едва не упал, вышел вконец рассерженный.

Страж с амулетом наконец сказал мрачно:

— Вроде бы человек, но что-то с ним непонятное...

— Колдун, — сказал один с копьем.

— Колдун, — сказал и второй убежденно.

— Ребята, — ответил я, — я могу вам сказать, что во мне как бы не весьма так.

Тот, что проверял, что там в тени, сказал резко:

— Ну, говори!

— Я был здесь, — сказал я, — когда войска Карла лезли на стены. Я тот, кто вез сюда мощи Тертуллиана... А еще я тот, кто может отнять у вас ваши палочки, переломать их и выбросить раньше, чем вы успеете хрюкнуть «мама!».

Они слегка оторопели, а старший сказал насмешливо:

— Ого! Тогда мы должны знать ваше имя.

— Должны, — согласился я. — Мне почему-то кажется, что все скоро его узнают и здесь. Мое имя Ричард Длинные Руки.

Они переглянулись, один хлопнул себя по лбу:

— Нам же сэр Гендерсон как-то рассказывал, как они добирались в Кернель! И с ним был какой-то Ричард, ему еще дали паладинство!

Четвертый страж вздохнул и убрал амулет за пазуху, уже ясно, что именно примешивается еще помимо того, что есть в простом человеке.

Старший проворчал примирительно:

— А чего по ночам бродите, ваша милость?

— Утром мне покидать Зорр, — пояснил я. — А с ним у меня так много связано. Вот и гуляю напоследок. Вы же только в таверне гуляете, а я вот так, по ночным улицам.

Беольдра трудно представить где-то, кроме как в конюшне, в арсенале или на сторожевой башне, однако мне указали дорогу к церкви. Я вошел тихо-тихо, стараясь ступать неслышно. Беольдр на коленях стоит перед распятием, голова скорбно опущена.

Я прислушался, но великан Беольдр молится беззвучно, Господь все равно услышит. Спустя несколько минут он поднялся, лицо просветленное, но увидел меня, и в глазах мелькнул гнев.

— Я не подслушивал, — заверил я. — Спешил доложить как брату сюзерена и главнокомандующему...

Он буркнул:

— Что можно узнать в Зорре?

— Я выходил за ворота, — сказал я. — И там встретил паломников. Они рассказали, что Карл вообще распустил половину войска в ожидании зимы.

— Что, ночью встретил?.. — переспросил он хмуро. — Ночью они зовутся уже не паломниками.

— А как? — спросил я. — Ох, что это я, совсем туплю. Забегался. Не за свое дело взялся, вы правы, ваше высочество...

Он сказал с тем же хмурым сочувствием:

— Именно. Я так понял, ты прибыл в Зорр именно для этого? Чтобы узнать о Карле?

— Извините, ваше высочество, — с раскаянием сказал я. — Нужно бы сказать, что бросил все и при-

мчался, чтобы повидаться с вами, с теми, кого люблю... Но вы же знаете правду?

Он смотрел с мрачной насмешкой.

— Тяжко отвечать за других?

— Тяжко, — сознался я. — Сам-то я что, на коня и в любую сторону, только ветер в ушах! А всех, что пошли за мной, с собой не захватишь. Если вдруг Карл снова вздумает огненной волной прошарахнуться, что делать? Не представляю.

— Поживи, — буркнул он, — поживи в нашей шкуре. А то скачешь, как кузнечик беспечный, песенки поешь.

— Песенки не пою, — возразил я, — но теперь, оглядываясь на то прошлое, когда на стенку лез и жить не хотелось, вижу, что скакал по зеленой травке и пел, как дурак, хоть и не пел. Но пел.

Он сказал со значением:

— Значит, поздно вечером, говоришь. И сказали, что Карл распустил часть войска?..

— Да, уверяют!

— Ну, если вечером, — пробормотал он глухо, словно разговаривал сам с собой. — Вообще-то Карл к нам близко. Успеет, если захочет, подойти и до начала зимы.

— Если захочет, — согласился я, — но что-то ему совсем не хочется. Мне тоже непонятно. Я понимаю, как огромная армия может раствориться, как морская вода на песчаном берегу, но для меня пока загадка, что происходит в человеке, когда он что-то задумывает, а потом передумывает.

Он хмыкнул:

— Это для всех загадка.

— То все, — сказал я, — а то я. Мне положено знать больше, чем другим. Я отвечаю за тех, кто мне доверился.

Он помрачнел, взглянул с сочувствием:

— Начинаешь взрослеть?

— Начинаю, — буркнул я. — Все начинаю и начинаю. А то и вовсе начинаю начинать. Нич-ч-его не понимаю в этой жизни. Мне бы начать понимать до того, как стал лордом! Но не получилось... В общем, ваше высочество, нам нужно поддерживать связь. Я не хочу узнавать о проснувшемся Карле, когда он уже осадит Зорр или — тьфу-тьфу! — захватит его. Вы пока смотрите на меня как на того неумелого рыцаря, который с вами ездил к посреднику с Мордантом, но у меня в самом деле сейчас больше вооруженных людей, чем в Зорре!.. Разница лишь в том, что здесь это железный кулак, а у меня все в разных местах и уже готовы драться друг с другом!

— И что собираешься делать?

— Собираюсь, — ответил я сердито. — Делать. Даже делаю! Только что, еще сам не понял. Планы у меня о-го-го, вроде бы и реальные, но когда смотрю, что творится здесь, вроде бы я там слишком уж крылышками трепещу, а они пока не совсем как у орла... Потому давайте обмениваться гонцами. Вы мне здорово можете, ваше высочество.

Он посматривал изучающе, помалкивал, для него непривычно и вызывающе, что обращаюсь как к равному. Перед Азаминдой и Шартрезой преклоняю колени, но к нему вот так... вызов?

Я выдерживал его испытующий взгляд с подчеркнутым спокойствием. Да, он — его высочество Белольдр, но и я — его высочество Ричард. Если нам предстоит общаться, нельзя допускать, чтобы он унизил меня перед другими моими рыцарями. Мне без разницы, а вот они заметят и ощутят себя униженными, потому что я — это и они.

— Может быть, — произнес он сухо. — Может быть...

Я поднялся, поправил перевязь с мечом.

— Спасибо за прием. Я поспешу обратно. На мне три королевства, работы много.

Он не пошел меня провожать, только тяжелый взгляд я чувствовал между лопаток все время, даже когда вышел во двор и свистом позвал Зайчика.

Раздался грохот, из массивной стены вылетели камни, и в проем освобожденно выметнулся мой арбогастр, веселый и что-то дожевывающий на ходу.

Следом выскочили перепуганные конюхи, я развел руками:

— Увы, моя лошадка очень спешила к хозяину... Мои извинения Беольдру.

Зайчик подставил мне бок, я вспрыгнул, не коснувшись стремени. Я позволяю выводить его конюхам лишь потому, что он может вот так, если далеко, на свист явиться хоть с другого конца света, но сейчас пусть Беольдр видит, я давно не тот оруженосец, что помогал везти мощи Тертуллиана.

На балконе мелькнуло белое, как у голубки, платье, сердце дрогнуло и омылось морем нежности, Азаминда вытащила из-за манжеты платок и помахала мне.

Я вскинул руку в прощании, арбогастр пошел длинными неторопливыми скачками, а Бобик весело унесся вперед, оглядываясь с вызовом.

Ворота наконец остались позади, я припал к конской шее и шепнул, что да, можно по-настоящему...

Ветер злобно ревет надо мной, хотя я укрыт гривой, как надежным колпаком, Зайчик мчится быстрее, чем падающий с горы камень, Бобик несется рядом, но все равно что-то мне эти суматошные метания по своим землям кажутся уже не совсем, не дело гранда носиться вот так, словно я все еще непонятно кто.

Гранд вообще-то должен войти в одно зеркало и выйти из другого... Кстати, у леди Элинор именно такие, в смысле как раз можно проходить в раму, не пригибаясь, но было бы слишком просто, если бы у нее оказались именно эти. Да и она не настолько тупая, чтобы не попробовала с ними и этот вариант гораздо раньше, чем я, такой вот умный, додумался...

Я домчался до Савуази, а там, чтобы ничего не объяснять Вайтхолду и моим лордам, оставил арбогастра и Бобика сэру Ортенбергу, а сам пошел помыслить наедине, так объяснил сурово и загадочно, а сам втихую превратился в птеродактиля и поспешно шуганул в небо.

Зайчик и Бобик хороши для представительства, но все-таки птеродактилем быстрее, и всегда по прямой, и скорость, хотя, конечно, буду искать варианты лучше. Там к Альдеру мог бы и с помощью подземного вихря, но как вспомню, что тот ходит только в глубине, а наверх нужно долго и мучительно подниматься по разным щелям в земной коре...

За Турнедо начались земли моей Армландии, я шел на большой высоте и сам удивился, какая она крохотная и как быстро впереди вырос чудовищный Большой Хребет.

Чтобы не возиться с перевоплощениями, решил преодолеть его поверху, но сердце екнуло, когда небо стало лиловеть и выступили звезды. Холод начал понижывать лишнее перьев тело, а я все еще поднимался у каменной стены, уже десять раз назвал себя дураком, никакой экономии ни времени, ни сил, но наконец показалась верхушка горного хребта, я торопливо несясь между пиками, все покрыто вечным льдом, наконец впереди обрыв, я домчался до него на обледенелых крыльях и пошел вниз почти в пике, разогреваясь на ходу.

Мир далеко-далеко внизу кажется весь покрытым снегом, пришлось долго идти вот так, ныряющей меч-рыбой, пока это снежное поле не превратилось в облачный покров. Я пробил перистые, слоистые и наконец кучевые, что ниже всех, и только тогда увидел ровную зеленую поверхность, что на самом деле не выкрашенный зеленой краской ровно выструганный пол, а вековой и могучий лес, лешище...

Часть третья

Глава 1

Крепость Валленштейнов по-прежнему впечатляет, хотя я уже повидал всяких. Огромная, просторная, с невероятно высокими и толстыми стенами, над воротами широкий крытый помост, сотня лучников или арбалетчиков перебивает половину атакующих раньше, чем те подбегут вплотную.

Надвратные башни даже с высоты впечатляют, как и машикули, я спускался неслышно, войдя в личину незримника и делая вид, что мимо по делам, это на случай, если кто с амулетом вдруг посмотрит вверх, затем выждал момент и нырнул вниз, стараясь укрыться высокой стеной второго корпуса, там между крепостной и этим зданием раньше было пусто.

Когда я вышел оттуда, отряхиваясь и делая вид, что живу вот тут, прямо между стенами, на меня сперва не обратили внимания, идет некто, ну и пусть идет, потом кто-то испуганно ойкнул, другие оглянулись, одна из баб завизжала.

Со стены послышался строгий окрик:

— Что там такое?

Я поднял голову:

— Мартин?.. Ты хоть когда-то в доме бываешь?

Он сбегал по ступенькам бодро, все такой же крепкий и широкий, лицо обветренное, подбородок широкий, а рот твердый, ничуть не растолстел и не изменился.

На меня в упор взглянули пронзительно-голубые глаза.

— Ваша светлость?

Я отмахнулся:

— Вообще-то «ваше высочество», но это все преходящее...

Он посмотрел непонимающе:

— Преходящее... это как? Скоро пройдет, а вы будете вашим преосвященством?

— И ты туда же, — укорил я.

— Я имел в виду, — сказал он, — принцем?

Я кивнул.

— И до вас докатились слухи, что герцог Готфрид будет скорее всего королем Сен-Мари?

Он охнул:

— Королем? Наш герцог?

— Ага, — сказал я с удовлетворением, — значит, я первым принес такую неоднозначную, да, я такой. Принесу так принесу! Потом все выносить приходится. И святых в том числе. Здесь все в порядке?

Он скупно улыбнулся:

— С того дня, как в этих краях появился сэръ Ричард, все пошло на поправку.

— Леди Дженифер?

— Помогает леди Элино́р, — сообщил он.

— Значит, — сказал я, — и с леди Элино́р все в порядке?

— Вроде бы, — ответил он несколько сухо. — Да вон она и сама спешит...

По ступенькам, часто перебирая ногами и придерживая рукой волочащийся подол красного платья, сбе-

жала Элино́р, прекрасная с красными волосами, пурпурными губами и тремя рядами толстых коралловых бус на шее.

Я учтиво поклонился:

— Леди Элино́р...

Прекрасная и эротичная, волосы такие же пламенно-красные, как и в тот день, когда я увидел ее впервые, только грудь вроде бы крупнее и чуть выше. Похоже, нет в истории эпохи, когда в моде была бы крохотная грудь, а леди Элино́р с ее возможностями в изменении внешности явно ориентируется на примитивные мужские запросы, а они вообще-то у нас у всех в отношении женщин примитивнее не бывают.

Она заулыбалась, показывая ровные жемчужные зубки с острой несточенной кромкой, какая бывает только у подростков и очень молодых девушек.

— Сэр Ричард!.. Как мы рады!

— А как рад я, — откликнулся я дежурно.

— Нет, правда...

— Я тоже, — ответил я.

Она подошла вплотную, никаких поцелуев руки, я же теперь ее как бы сын, мы уже оба из всех сил стараемся забыть, как пытала меня, распятого, на стене своего подвала, я не злопамятен, когда выхожу абсолютным победителем, но что-то в ее лице и сейчас прячется под улыбкой.

Приподнявшись на цыпочках, она звонко чмокнула меня в край нижней челюсти, не дотянувшись до щеки.

Я тоже поцеловал ее в обе щеки и спросил дружески, но с отмеренной степенью настойчивости:

— Леди Элино́р, что-то стряслось?.. Я давно не враг, забыли?

Она тряхнула головой, отводя взгляд, затем принужденно засмеялась и сказала нервно:

— Да, от вас скрываться бесполезно, уже знаю.

— Так что же?

— Меня беспокоит, — ответила она со злой решимостью, — как вы попадаете в замок. Где-то моя защита оказывается бессильной! Это, знаете ли, раздражает.

— У вас хорошая защита, — похвалил я, — только я, знаете ли... даже не знаю, не обидит ли это вас...

— Говорите, — велела она. — Вы меня достаточно наобижали в недавнее время, так что теперь это так, пустячки.

Я взял ее под руку, она вынужденно пошла со мной обратно в донжон, а я наклонился к ее уху и сказал доверительно:

— Просто я и как чародей сильнее. Только и всего.

Она взглянула на меня почти с ненавистью, прикусила губу.

— Но почему? — Голос ее показался мне похожим на змеиное шипение. — Почему вам дается так легко, а я продираюсь с таким трудом? Даже Дженифер меня обгоняет!

— У меня способности, — пояснил я скромно. — У кого-то к музыке, у кого-то к математике, у Мартина вон к рукопашному бою, а у меня... вообще-то ко всему, я ж талантливый и ваще... Но не огорчайтесь, леди Элинор! К цели всегда быстрее приходит черепаха, что ползет хоть и медленно, но упорно, а не быстроногий заяц, что то и дело останавливается, чтобы морковку выдрать из грядки или полежать на солнышке...

Она сказала сердито:

— Не хочу быть черепахой! Я женщина.

— Значит, — сказал понимающе, — зайчик, что предпочитает спринт. Зато, леди Элинор, у вас такие сказочные богатства волшебных вещей, что вы обязательно вот-вот на что-то наткнетесь особое... только не обожгитесь, а то бывает...

Она насторожилась, бросила на меня быстрый взгляд.

— Что бывает?

— Может убить, — сказал я, — а может и вообще сделать совсем ужасное...

— Что еще ужаснее?

— Превратит в старуху, — сказал я с глубочайшим сочувствием. — Необратимо!

Она сердито вырвала у меня руку.

— Могли бы и не говорить такие ужасы!

— Как наш Уэстефорд? — спросил я. — Даже боюсь о нем интересоваться...

Она отмахнулась:

— Старое дерево дольше скрипит. Что ему сделается, только и того, что на башню уже не поднимается, ноги не те. Зато в подвале у него полный порядок.

На пороге я оглянулся.

— Что-то охраны совсем мало. Не боитесь, что захватят?

Она посмотрела на меня в удивлении:

— Кто? Я охраняю чарами лучше, чем все часовые. А люди — кто ушел с герцогом, кто вернулся к мирному труду, а последние сейчас уехали в глубину Бранта.

— Что-то случилось?

— Задержка налогов, — объяснила она. — Так объяснили, я не волезала в эти мелочи. То ли недоплачивают, то ли вообще перестали платить, ссылаясь на какие-то трудности.

Я с неудовольствием оглядел пустой двор.

— Все-таки я не стал бы надеяться только на ваши чары. Сейчас вас может захватить любая шайка разбойников, у кого есть нужные амулеты.

Она передернула плечами:

— Вы прошлись такой железной метлой, что от вас

тогда бежали даже Его Величество вместе со свитой. Какие еще разбойники?

Я поежился.

— Да, я был крут... И безрассуден.

Она усмехнулась:

— Меня тогда здесь еще не было, но мне с великим удовольствием пересказывали несколько раз. Впервые Его Величество столкнулся с таким неожиданным отпором.

— А где Дженифер? — спросил я.

— Они с Уэстефордом, — ответила Элинон. — Я же говорю, она так усердствует, что скоро меня обгонит! Позвать?

Мне почудилась ревнивая нотка в ее голосе.

— Не стоит, — ответил я. — Пусть заканчивают, что они там затеяли. Лишь бы планету не взорвали.

Мы прошли холл и поднялись на второй этаж, леди Элинон поинтересовалась:

— Вы, наверное, проголодались? Я велю принести что-нибудь?

Я покачал головой:

— Незачем. Раз мы пообедаем только вдвоем, нам хватит и своих чародейских сил.

Я отодвинул для нее кресло, усадил учтиво и сел не с противоположной стороны, а сбоку, подчеркивая, что никакой официальнойности, мы же теперь семья.

Она с вымученной улыбкой смотрела, как на столе возникают блюда с самыми изысканными кушаньями, а половина из них вообще что-то невероятное, выдержанные из некоего волшебного мира.

— Ну вот, — проговорила она слабым голосом, — добивайте меня, добивайте...

— Ну почему же, — возразил я. — Так стараюсь услужить Вашему Величеству!

Она откинулась на спинку кресла, на лице неодобрение странной шуточки.

— Вы о чем?

— О предстоящих выборах короля, — сообщил я. — Вы не знали?

Она отрезала почти с враждебностью:

— Я не понимаю ваших шуточек!

— Какие шуточки, — сказал я. — Как вы знаете, прогресс требует смены кровавого режима, запятнавшего себя жестокостью, распутством, коррупцией, сомнительными сделками, неисполнением обещаний, срывом сделок, прижиманием вольностей дворянства... и еще много чего, не буду вдаваться в подробности за столом, они ужасающи и омерзительны, просто тошнотворны, даже блевать хочется, до чего все мерзко, гадко и все прогнило... Да вы кушайте, леди Элинор! Это мясо просто тает во рту. А какой чудесный сыр...

Она взяла тончайший ломтик сыра двумя пальцами, но произнесла с усилием:

— Сэр Ричард, вас куда-то занесло.

— Это все мои крылья, — сказал я виновато, — в свободный полет просятся, а я их так жестоко. Поэтическая натура я, а меня зовут департаментом управлять!.. Десять тысяч курьеров, но я упираюсь, не иду. В общем, за власть в королевстве сейчас отчаянно и бескомпромиссно сражаются три влиятельные силы. В ход идут все нечестные приемы, подкупы, шантаж, опорочивание противников, тайные убийства, пытки, угрозы, похищения... в общем, привычная предвыборная борьба. И вот это попробуйте... я же для вас старался, из шкуры лез!

Она брала ломтики мяса, сыра, рыбы, все по одному, в ней больше исследователя, чем лакомки, спросила хмуро:

— Что за силы? Ничего не понимаю.

— Одна сила, — объяснил я, — Кейдан, он все еще надеется сохранить трон. Вторая сила сидит перед вами и ухаживает за вами в надежде получить ваш голос. Леди Элинор, к пирожным пока рано, отведайте той дивной рыбы!.. Третья — герцог Валленштейн Бранбантийский...

Она охнула, глаза стали как блюдца, а хорошенький ротик открылся в изумлении, показывая ряд белых и блестящих, как жемчуг, молодых зубов. Ломтик рыбы в ее пальцах коснулся губ и пошел опускаться обратно.

— Готфрид?.. Никогда не поверю!

— Почему?

— Он никогда об этом не говорил!

Я спросил коварно:

— А что, мы все говорим женщинам?

Она гордо выпрямилась:

— Я не женщина, сэр Ричард, в том смысле, как вы все понимаете. И потому герцог от меня ничего не скрывает. Я уже не просто жена, а настоящий друг!

— Что ж, — сказал я, — тем более могу предположить, что вы будете сносной королевой. Хотя, правда, рыжая... Не знаю, королевы рыжими бывают?

— Не ерничайте, — сказала она строго. — Хорошо знаете, что я меняю не только цвет волос, но и цвет глаз. Но сесть на трон... Или это опять ваши шуточки?

Я поморщился:

— Леди Элинор, мы с вами уже успели пошутить друг с другом. Теперь оба настороже, хотя уже пора бы зарыть топор войны.

— Он зарыт! — сказала она поспешно.

— Но рукоятка выглядывает, — напомнил я. — Вот вы на мороженое даже не смотрите, а это такое чудо! Могу дать рецепт.

— Нет-нет, — заверила она, — зарыт, зарыт! Сэр

Ричард, если с герцогом что-то случится, я вас просто растерзаю. Вы в себе уверены, но не представляете, на что способна женщина в отчаянии.

Она не на шутку разволновалась, глаза мечут молнии, дыхание идет со свистом, я уже чувствую жаркие струи при каждом выдохе, а в комнате начала сгущаться тьма, пламя свечей испуганно заметалось, некоторые погасли, другие едва тлеют.

Я выставил перед собой ладони.

— Леди Элинор, вы красивая женщина, потому слушаете только себя и свой чарующий голос! Но послушайте и меня...

Она бросила резко:

— А вам есть что сказать в свое оправдание?

— Я не соперник герцогу, — сказал я громко и раздельно. — Не соперник! Это понятно?.. Я буду настаивать своих лордов, а то и прямо велю, чтобы подержали герцога.

Она спросила все еще резко:

— Почему? В чем хитрость?

— Да нет хитрости, — сказал я торопливо. — Мне хочется побыть принцем, ясно?.. У принца никаких забот, только красоток таскай в постель. Принц вечно молод, даже если ему и за семьдесят, но само слово «принц» говорит о том, что его отец еще несет на себе тяжесть управления, потому можно пока наслаждаться жизнью и ее возможностями...

Она не сводила с меня пронизывающего взгляда, но голос прозвучал уже без прежней ярости:

— Что-то не верю, что начнете таскать в постель женщин.

— Я тоже не верю, — сознался я. — Но трон от меня не уйдет, ибо я старший в роду, а Родриго идет следующим... И, главное, леди Элинор, я все-таки еще не готов править!.. Я столько необходимого узнаю только

сейчас, а это ужасно, я должен был столько всякого предусмотреть как бы изначально, если бы воспитывался с прицелом на королевский трон.

Она смотрела пытливо, стараясь уловить грань между правдой и брехней, я же смотрю искренне и чувствую, что говорю искреннюю правду, что да, я не готов править, не готов...

Это не значит, конечно, что не буду, мало ли что не готов, я насмотрелся на таких, кто не готовы и не умеют, но правят же, так что я еще не самый криворукий в этом мире.

— Не знаю, — произнесла она озадаченно, но глазки заблестели, — насколько это серьезно...

— Очень, — заверил я. — По всем прогнозам, королем быть именно герцогу.

— А Кейдан?

— Отказывается в пользу герцога.

— Почему?

— Чтобы на трон не сел узурпатор с Севера, — пояснил я. — И у герцога теперь голоса лордов Бранбанта, многих лордов в самом Сен-Мари, что помнят, как герцог привел из Бранбанта войско и разбил варваров, освободив от них королевство! А еще они знают, что герцог сейчас в Гандерсгейме добивает кровожадных дикарей и вот-вот вернет эту богатейшую провинцию в границы Сен-Мари!

Она пробормотала:

— Значит, у него на пути стоит только один человек?

— Леди, — сказал я нервно, — только не надо меня кинжалом в спину!.. И яда не подсыпайте в ведро, из которого пью, или в тазик, из которого ем. Мы же союзники, когда вы в это поверите?.. Я вот уже почти как бы верю. Я же сказал, королем будет герцог Готфрид, но расклад сил пока пусть остается нашей тайной. А то

вдруг кто-то, заподозрив сговор, проголосует не так, как запланировано! Конечно, это ничего не даст, мы все равно подсчитаем правильно, однако осадок чуть-чуть подпортит мою безупречность, незапятнанность и репутационность.

Она покачала головой, не отрывая от меня все еще испытующего взгляда.

— Знаете, милый Ричард... Видите, как я вас называю?

— Спасибо, леди Элинор, — сказал я. — Правда-правда! У меня сразу мороз по коже.

— Знаете, милый Ричард, — повторила она, — я смогу поверить, что вы отказываетесь от короны... лишь в том случае, если увижу, что вы нацелились на нечто еще более... Вам понятно, о чем я?

— Еще бы, — нервно сказал я, — вы всегда меня в чем-то подозреваете, а я чист, как овечка, что вернулась с пастбища. Во-первых, как я уже сказал сравнительно честно, в самом деле не готов править королевством, а во-вторых... к вам сюда наверняка доходят слухи о строительстве грандиозного океанского флота, который я начал, как не знаю кто?.. Нет, знаю, конечно, но это я так, из врожденной и усиленной моим воспитанием невероятной скромности.

Она по-прежнему не сводила с меня пронизывающего взгляда, даже не мигает, вот женщина...

— Кое-что слышала, — произнесла она сдержанно, — вроде бы с моря высадилось несметное число варваров, но вы сумели не только всех перебить, но даже корабли...

— Пожег, — сказал я с удовольствием. — Жаль, не все, кое-кому удалось кое-куда... Но все равно, отсель грозить мы будем шведу. А главное — флоту быть!.. Так вот, леди Элинор, это и намного интереснее, чем быть

королем в Сен-Мари, и... как бы вам это сказать по-доступнее... обещает больше. Намного больше.

Она поморщилась:

— Это обещает только неизведанное.

Я воскликнул:

— Вот именно! Но разве не это для мужчины главное?

Она внимательно всмотрелась в меня, я постарался выглядеть глупым и отважным. Она чуть-чуть пожала плечами и произнесла с некоторой брезгливостью:

— Никогда этого не понимала, но... ладно, готова поверить. Хотя вообще-то не понимаю, как можно верить сэру Ричарду, вероломному и хитрому...

Я сказал с подъемом:

— Вы представляете, к вам будут обращаться «Ваше Величество»? Ха-ха, здорово?

Она произнесла с неудовольствием:

— И что в этом смешного?

— Да так, — сказал я, улыбаясь до ушей, — я снова о том же. Разве королевы рыжими бывают?

Она фыркнула:

— Как только женщина становится королевой, ее волосы становятся не рыжими, а каштановыми. И вообще, сэр Ричард, вы какой-то несерьезный сегодня.

— Устал, — признался я. — Я думал, с каждым днем все радостнее жить, а оказалось, что я думал, что думал, а жизнь сама по себе, на меня не оглядывается. Ладно, дело в другом. У вас, леди Элинор, в руках окажется реальная власть!.. Вы же умная женщина, вам недостаточно будет сидеть у окошка и вязать чулки, да еще красиво улыбаться на приемах, вы же... королева! Вот смотрю на вас и прям шас вижу королеву! А что рыжая...

Она сдержанно улыбнулась:

— Править будет король.

— А вы?

— Если королем станет Готфрид, — сказала она твердо, — а он был бы прекрасным королем, я стану всего лишь помощницей во всем, что он задумает и пожелает.

— Эх, леди Элинор, — сказал я с тяжелым вздохом, — я бы и три королевства отдал за такую верную и любящую жену.

— Опять врете.

— Правда-правда. До чего же повезло герцогу! Я так рад за него.

Она улыбнулась уже намного мягче.

— Это мне повезло. Я наконец-то с человеком, которого люблю верно и преданно с детства. И, конечно, если в сказанном вами есть хоть песчинка правды, буду сражаться за герцога как не знаю кто... И если с вашей помощью он станет королем, вы даже не можете себе представить границы моей благодарности!

Глава 2

Мороженое она оценила, лопала с азартом, я даже начал опасаться, не простудится ли, хотя сама же себя и вылечит, потому сделал еще несколько порций: кремовых, ванильных, сливочных, шоколадных, с орешками и всякой разной начинкой.

Дженифер так и не появилась, Элинор сказала с некоторым смущением, что они с Уэстефордом проводят некий эксперимент, прервать который нельзя ни на миг, иначе труд целого года уйдет впустую.

— Здорово, — сказал я, очень впечатленный, — вот уж не думал, что Дженифер так влезет в это нечестивое занятие...

— Сэр Ричард!

— Для мужчин нечестивое, — поправил я себя, — для женщин как-то естественнее. Вы гораздо ближе нас, мужчин, к природе, а природа понятно какая, не знает разницы между добром и злом, абсолютно аморальна, говоря древним языком вымерших эстетов. Так что к женщинам мудрецы советуют относиться как к природе...

— Сэр Ричард!

— Есть природа красивая, — сказал я возвышенно, — есть очень красивая! Вот вы, леди Элинор, — весьма и даже зело красивая природа. Можно сказать, природное явление, удивительное, как гейзер! Или полярные льды... А когда вам вожжа под хвост — это же Этна, Везувий, Кракатау!.. Леди Элинор, если вы не против, я пойду где-нить брошу свои кости. Устал ужасно, пока к вам добрался.

— Трудно было? — спросила она с профессиональным интересом.

Я понял, что она спрашивает, и ответил почти честно:

— Жуть!.. Несколько часов добирался из Зорра до Брабанта. Немыслимо. Нет, с этим делать что-то надо, не с моим громким титулом ползать так медленно и печально. Это как бы умаление моего непомерно разрастающегося достоинства.

Она смотрела застывшим взором, пытается вспомнить, где же находится этот таинственный Зорр, наконец проговорила чуть дрогнувшим голосом:

— Ваши покои свободны еще с тех времен.

Я спросил встревоженно:

— С чего бы? Завелись привидения?

Она покачала головой:

— Герцог запретил кого-либо туда заселять. Сказал, принадлежат только вам. Что планируете делать завтра?

— С утра посету герцога, — сказал я честно, — а к

обеду, видимо, вернусь. Если там не придется задержаться на пару дней. Да, скорее всего придется. Они же там разбросаны по всему Гандерсгейму, а мне надо переговорить и с Ришаром...

Судя по ее виду, прибалдела уже совсем не чуточку, но ответила с достаточным самообладанием:

— Хорошо, я только хотела узнать, понадобится ли я. Дело в том...

— ...что не терпится узнать, — закончил я, — что там получается у Уэстефорда с Дженифер?

Она чуть-чуть кивнула.

— Вы удивительно проницательны, сэр Ричард. Почти как женщина.

— Да, — сказал я, — это комплимент... Спокойной ночи, леди Элиноор!

Она тревожно усмехнулась:

— Да уж, будет она спокойная, если появился сам сэр Ричард!

Я поднялся, отвесил учтивый поклон, но Элиноор нервно покусывает нижнюю губу, она от этого краснеет и становится толще, я невольно поглядывал и уже представил, как накрываю ее своим горячим ртом, однако Элиноор явно ни о чем подобном не мыслила, потому что спросила вдруг:

— Ричард, но мы ведь точно не враги, правда?

Я изумился:

— Нет, конечно!..

— А то мне показалось...

— Были недоразумения, — сказал я великодушно, — но что мы только не прощаем женщинам? Да еще таким красивым?

Она хмуро улыбнулась:

— Спасибо...

— А что вас беспокоит?

Она прямо посмотрела мне в лицо:

— Мне можно тебя... проводить?

Я сказал беспечно:

— Я намерен отбыть рано утром. На рассвете. Не стоит ради этого вылезать из-под теплого одеяла.

Она покачала головой:

— Я знала, что вы так ответите. Но, Ричард, вы же сказали, что между нами много общего... Если это так, то... могли бы показать?

— Не стоит, — сказал я тепло. — Все равно позаимствовать ничего не получится. Это только... для мужчин, в общем. Но обещаю другое.

— Что?

— Я возьму вас, леди Элинор...

Она сказала тихо:

— Просто Элинор. Если мы теперь не только родственники, но и... родственные души. Ты чуточку приоткрылся мне, спасибо. Я ценю. Правда!

Я поклонился:

— Элинор. Я возьму тебя в Савуази. Ты побываешь в моем дворце в Геннегау, а еще, может быть, и в Варт Генце. И все это за один день.

Она охнула, глаза ее расширились.

— Правда? Ты можешь?

— Смогу, — ответил я.

— Когда?

— Скоро, — пообещал я и добавил с достоинством: — Когда я говорю, что скоро, это в самом деле скоро, а не через год-два, как принято считать здесь.

— А ты...

— Я не здесь, — ответил я загадочно.

Однако в покои, которые считаются моими, я вошел все-таки с некоторым напряжением. Донжон все ощутимее пропитывается магией, я чувствую всеми

фибрами, у леди Элинор крышу рвет от возможностей, что прямо под носом, вернее — в подвале, а как подступиться, не знает. И, похоже, они с Дженифер и Уэстефордом в чем-то решились пойти ва-банк...

За спиной тихонько звякнуло, я бы не услышал вовсе, если бы не был так взвинчен. Резко оглянулся, по косяку двери пробежала лиловая змейка и ушла в землю.

Если я верно понял, на дверь только что наложили с той стороны заклятие. Вряд ли леди Элинор задумала меня убить... хотя кто знает, люди меняются, но скорее всего женская предосторожность. Женщины всего боятся, это нам в них нравится, потому они боятся еще и для того, чтобы нам понравиться больше.

То ли не смогу выйти среди ночи, то ли подаст неслышимый для меня сигнал, и леди Элинор на всякий случай прервет некое нечестивое деяние...

Я прошелся вдоль всех четырех стен, сердце колотится сильно и часто, в горле стало сухо. Пальцы в кармане нащупали чешуйчатое кольцо, я сперва отдернул в испуге и отвращении, затем решил и постарался влезть в него безымянным пальцем.

Выглядит это со стороны забавно, я вспомнил одного своего давнего друга, он, когда женился, вынужден был носить обручальное кольцо, но когда видел красивую девушку, торопливо совал руку в карман и там пытался средним пальцем и мизинцем содрать с безымянного это уличающее его кольцо. Выглядело весьма двусмысленно, когда парень смотрит на девушку и что-то там теребит в штанах, засунув руку глубоко в карман, но за мной никто не наблюдает, а кольцо достаточно легко надевается и сбрасывается без помощи второй руки...

Некоторое время оно оставалось мертвым, затем каким-то образом подзарядилось от меня, то ли теп-

лом, то ли электричеством, я ощутил легкое покалывание.

Пробуем, сказал я себе зло. Иначе здесь меня куры загребут и мыши затопчут. В двери нельзя, но вряд ли волшебнице пришла дикая идея покрыть защитными заклятиями и стены.

Пальцы вошли в камень с трудом, я усиливал нажим и проваливался в плотную структуру, как в сильно загустевшую сметану, но руку вернул, чтобы из стены первой выдвинулась моя морда, затем сделал трудный шаг и вышел в темный коридор, свет горит только в самом дальнем конце, где лестница.

В верхних покоях леди Элинор, как я помню, три зеркала, при воспоминании о которых возникают весьма определенные ассоциации.

Я остановился перед дверью, поколебался, но леди Элинор наверняка и ее прикрыла заклятиями. Но если заколдовать дверь моей комнаты как бы не имела права, нехорошо, то это уже покои, здесь это я не совсем вправе...

Сдвинувшись на пару шагов, я тупо ломанулся в стену. Это дверь заколдована, а стены волшебница не догадалась прикрыть, и в голову такое не придет, так что я выдвинулся на той стороне, переждал беготню огненных мурашек по телу, и огляделся.

Тщательно охраняемая сокровищница леди Элинор на первый взгляд выглядит просто сборищем хлама, на второй — тоже. В реальности же это и есть хлам, а в разряд волшебных или магических вещей попали из-за древности, наивное представление, что в старину все было волшебным и магическим.

Синеватые змейки бегают только по дверному проему, Элинор наложила тройной ряд заклятий на двери, наивная при всей своей женской хитрости, но в том все и дело, что женская хитрость ничто рядом с муж-

ской, только мы в силу самонадеянности ею пользуемся редко, но если уж пользуемся...

Стен почти не видно, там все до потолка, и середина в виде спирали, это чтобы среди волшебного хлама оставался хоть какой-то проход...

Я двигался осторожно, даже с первого взгляда видно, что практически все повреждено, или вообще некие части целого, что уж точно не станут работать.

Взгляд упал на зеркало в напыщенно-золотой массивной раме, стоит прямо на полу, упираясь четырьмя низкими ножками. Я хотел было мимо, это не то, что ищу, но в раме отразился уверенный в себе молодой мужчина, только там я почему-то старше, лицо жестче, резче выражены носогубные складки, взгляд нехороший, я бы сказал, оценивающе-циничный, дескать, не прикидывайся, я-то знаю, что свинья ты редкостная...

— Ну и что, — пробормотал я, — все мы свиньи, но если свинья не показывает, что она свинья, то она и не свинья по факту...

Он ответил холодно и насмешливо:

— Позолота вся сотрется, свиная кожа остается.

Я вздрогнул, а мой двойник в раме язвительно ухмыльнулся. Я нахмурился, вообще-то зря трушу, всего лишь отражение, а что разговаривает и общается, то подумаешь, ну и что?

— Что-то рожа у тебя помятая, — сказал я. — Уже наслаждаешься властью? Вино, бабы, титулы, награды? Половину себе, остальное тем, кто ниже поклонится?

Он посмотрел насмешливо:

— А что, можно иначе?

— Вроде бы можно, — сказал я.

— Не встречал, — ответил он нагло. — Да и зачем, когда это самый прямой путь? А вино и бабы... надо же получать что-то за труды праведные?

— А чувство удовлетворения?

Он фыркнул:

— Засунь его в задницу. Себе, конечно. Мне нужны осязаемые блага. Реальные!

— Не нравишься ты мне, — сказал я.

— А ты мне, — ответил он холодно.

— Почему?

— Потому что дурак.

— А ты?

— Я уже нет, — отрезал он.

Я открыл рот для ответа похлеще, но задумался, раньше и я считал, что чем человек старше, тем он умнее, ибо с ним опыт и предыдущих лет, но этот тип мне явно не нравится, хотя старше и наверняка знает больше меня.

— Да, — сказал я, — ты знаешь больше...

— Ну-ну, понял?

— Но знаешь ли ты то, — закончил я, — что надо? Не сошел ли где-то на боковую дорожку?

— Я пер, — ответил он насмешливо, — как лось! Да ты и сам знаешь... Никаких сомнений, я знаю лучше всех...

— А если, — проговорил я, — то была как раз боковая?

Он выпятил нижнюю губу, я видел, как ему безразлично общаться с таким дураком, и злость во мне начала нарастать быстрее.

— Потом поймешь, — бросил он насмешливо. — Не сейчас...

Я поднял с пола покрывало и набросил на зеркало, пусть живет в своем параллельном или перпендикулярном и не заглядывает в наш, скотина.

Пробираясь между понятными и непонятными вещами, я уже усомнился, что отыщу, как вдруг увидел их все три, одно подле другого, аккуратно выстроенные вдоль стены. В прошлый раз, помню, они рас-

полагались в беспорядке, а сейчас то ли старый Уэстефорд с его стремлением к порядку постарался, то ли кипящая энергией Дженифер...

Но еще по дороге увидел знакомую раму и матовую поверхность, на которую мы с леди Элинор так долго пялились, это особое зеркало, с которым она ни за что не расстанется...

Я приблизился осторожно, по спине сыпнуло морозом, но трус никогда не выиграет, я протянул руку и осторожно потрогал поверхность зеркала пальцем, на котором чешуйчатое кольцо. Там заметно прогнулось, словно коснулся тонкой пленки, я усилил нажим, и палец вошел, как в холодную воду, что стоит вертикально.

Перепугавшись, я выдернул обратно, оглядел руку, все на месте, перевел дух и снова сунул палец, а потом всю кисть. Она погрузилась в зеркало, я подошел ближе, рука уже по локоть там... что должно быть по ту сторону зеркала. Я изогнулся и, держа руку в прежнем положении, ухитрился заглянуть за зеркало.

Задняя поверхность в пыли и даже паутине, а само зеркало толщиной не больше дюйма. Я с сильно стучащим сердцем вернул руку обратно, снова внимательно осмотрел, пощупал, помял, но ничего, если не считать покалывания в той части, что побывала на той стороне, однако и оно вскоре прошло.

Я сел в кресло и приготовился ждать. Долгое время в зеркале отражалась лишь каменная стена, затем разом исчезла, сменившись, как и в прошлый раз, роскошным залом.

Появились широкие ступени, вспыхнул красный огонь, похожий на смерч из галактик. Буквально в ту же секунду из огня вышел чародей, все в том же плаще и поношенной шляпе.

Я торопливо встал, чародей всегда слишком быстро

исчезает из виду, сделал шаг к зеркалу и сказал отчетливо:

— Вот и наступил тот следующий раз.

Он на ходу повернул голову, взгляд оставался равнодушным, но замедлил шаг и спросил коротко:

— И что?

Голос его прозвучал отчетливо, словно он в самом деле в этой комнате, только по ту сторону стекла. Я протянул в его сторону руку с чешуйчатым кольцом на пальце.

— Это не из твоего мира?

Он бросил короткий взгляд, запнулся на ходу:

— Ого!.. Где отыскал?

Мне показалось, что в его сухом и почти нечеловеческом голосе прозвучал некий намек на взволнованность.

— Там, — ответил я, — где их носят все.

Он подошел ближе, я лучше рассмотрел его лицо сильного человека, прямой взгляд и внимательные до сумасшествия, мудрые глаза.

— Этого не может быть, — проговорил он. — Это не из нашего... но я знаю откуда. Они все... исчезли.

— Нет, — возразил я. — Они в другом пространстве-времени. Как целые города вырвало из их мира, не знаю, это могла быть и катастрофа, и неудачный эксперимент... хотя почему неудачный?.. но уцелели.

— Как кольцо оказалось у тебя? — спросил он.

— Его мне дала Хиксана Дэйт, — ответил я. — И вот этот пояс.

Я приподнял край жилета, показывая, что на мне надето, чародей всмотрелся, кивнул. Во взгляде проступила горечь.

— Понятно, — проговорил он, — она даже не успела сказать, как им пользоваться?.. Ты его даже надел не той стороной. Бедная девочка... Хиксана Дэйт, гово-

ришь? Да, это имя из клана Повелителей Времени. Теперь верю, что они еще существуют в каких-то мирах.

— Или измерениях, — добавил я. — В измерениях пробовали? Говорят, в четвертом скучно, а вот в пятом и шестом... Но забавнее всего в drobных!

Он покачал головой:

— Говоришь, как попугай, что не понимает того, что чирикает. Это дикарей можешь водить за нос, мальчик. Но все равно спасибо за новость.

Я ответил бодро:

— Всегда рад! Даже счастлив! Ура прогрессу!

— Теперь, — проговорил он отстраненно, словно самому себе, — у меня есть и добавочная цель...

Взгляд его потух, явно чародей потерял ко мне интерес, сделал шаг мимо, я взмолился вдогонку:

— Но мне за такую новость... хоть что-то, а? Как пользоваться этим поясом?

— Это сместитель, — бросил он коротко.

Я не успел открыть рот снова, он сделал еще два шага и пропал, словно растворился, как всегда было, когда мы наблюдали за ним с леди Элинор.

Сместитель, подумал я зло. Этот чародей явно более высокого мнения о моем интеллекте, чем я заслуживаю. Сместитель чего? Отдельных атомов или галактик?.. Пыли здесь на полу или мебели в моем кабинете где-нибудь в Геннегау?

Человек так и вовсе универсальное устройство по смещениям, только крайне маломощное...

Это наверняка помощнее, но... как? Не хотелось бы, чтобы и это ушло к тем волшебным вещам, которыми за неимением времени пользоваться не научился, и теперь лежат у меня в запасниках, ибо я запасистый, хотя и не знаю зачем. Всегда остается надежда, что какая-то вещь пригодится потом, но это потом обычно так и не наступает.

А когда наступает, мелькнула горькая мысль, то сам уже не тот. Как многое из того, что я нахапал, остается неиспользованным, потому что сам слишком быстро вырос из коротких штанишек.

Я перевел дыхание, ладно, не всю же ночь здесь торчать, заставил себя повернуться и пойти к тем трем, вот они, крупные, в массивных рамах, громоздкие, одинаковые, сотворенные не только в одной мастерской, но и руками одного и того же мастера. Если, конечно, не предположить совсем иной процесс изготовления.

Деревянными шагами, убеждая себя, что догадка верна, я приблизился к зеркалу, протянул руку. Пальцы вошли, как в холодную воду, а когда я заглянул с тыльной стороны, там, как и ожидал, ничего.

Зато высунулись из соседнего зеркала, а когда я усилил нажим, оттуда показалась уже вся кисть.

Решившись, я закрыл глаза и шагнул через зеркало. На миг охватил сильный холод, подошва уперлась в ровный пол, я открыл глаза и повернулся, я стою рядом с тем, в которое вошел.

Сердце стучит, в голове грохот от моих туповато каменных мыслей, молодец я, угадал, это такие вот порталы, оформленные под зеркала, потому и массивные рамы, что на самом деле не массивные, а невероятно компактные, учитывая, что на самом деле это за рамы...

Глава 3

Утром я спустился к завтраку свежий и как бы выспавшийся, слуги торопливо расставляли вдоль стола узкие кувшины с цветами, на мой взгляд, это всегда лишнее, но не спорить же с женщинами, пусть меня и обозвали ночью дураком, но не настолько же я совсем,

потому улыбнулся навстречу леди Элинор, поспешил к ней и почтительнейше поцеловал ей руку.

— Леди Элинор...

— Рич, — сказала она с легким упреком. — Рич?

— Прости, Элинор, — сказал я с раскаянием. — Но при герцоге, Дженни и... всех прочих...

Она наклонила голову:

— Да, тогда я леди Элинор, ты прав.

Я провел ее к столу, усадил заботливо. Слуги придвинули третье кресло.

Я поинтересовался:

— А Дженифер?

— Сейчас прибежит, — сообщила она с улыбкой. — Они всю ночь составляли некий чудесный раствор...

— И как?

— Уэстефорд вне себя от счастья.

— Представляю...

— Как спалось?

— Лучше не бывает, — заверил я. — Все-таки родные стены. Детские воспоминания, как играл, как прыгал и кувыркался... На косяке ежегодные зарубки, где отмечали мой рост...

Она проследила строгим взглядом за слугами, что внесли котлы и поставили на столик для раздачи, с той же безмятежной улыбкой посоветовала:

— Рич, не забывайте, я в курсе, что вы родились... ну, не здесь. И детство ваше проходило в таких местах, что я содрогаюсь, когда пытаюсь только представить.

— У меня было хорошее детство, — сказал я с обидой. — И что вы ломаете мои хрупкие мечты? Вымышленный мир ничуть не хуже реального! А то и лучше. Да и в реальном столько вымышленного, что даже и не знаешь, в каком мы сами отираем стены!

Слуги, двигаясь, как чугунные статуи, мерными движениями наполняли наши тарелки, так же молча и

бесшумно переставили на середину стола зажаренную тушку исполинского молодого гуся.

Я с наслаждением втянул ноздрями сладостный аромат сочного нежного мяса.

— А жизнь, оказывается, хороша!

Она весело засмеялась:

— А вы сомневались?

— Иногда случается, — согласился я. — Но вот такой гусь переубедит кого угодно!

Она снова засмеялась, глазки блестят, на щеках румянец, вся оживленная и щебечущая, у нее жизнь еще лучше, вот какой-то чудесный раствор получили...

— Милый Ричард, — прошептала она весело и подчеркнуто беспечно, — вы должны чаще бывать у нас!.. Мы скучаем!

— Теперь обещаю, — ответил я. — Серьезно.

Она вскинула брови:

— Да? У вас что-то изменилось?

— Весьма, — ответил я. — Кстати, леди Элинор, мне вот подумалось, что я обижу вас, снова отказываясь от ваших подарков.

Она засмеялась:

— Ну наконец-то!..

— Я приму, — сказал я тоже с беспечной улыбкой, — те три зеркала, что в ваших хранилищах. Они недостаточно изящны для вас, потому вы и не берете их в свои покои, а для меня, простого и грубого, в самый раз.

Она посерьезнела, всмотрелась в мое лицо, настояжилась, даже голос у нее изменился, когда проговорила, стараясь все еще придерживаться шутливого тона:

— Милый Ричард, для вас — что угодно! Но почему такие громоздкие неудобные зеркала?.. У меня есть ве-

ликолепный меч, есть дивный щит, даже шлем, который вообще невозможно поцарапать...

— Прекрасно, — одобрил я. — А почему бы не снабдить всем этим герцога Готфрида?

Она посмотрела на меня с удивлением:

— А вы как думаете?

Я сказал туповато:

— Что-то не думается. За столом, знаете ли, когда жуется, мозги почему-то спят. А когда вот такой гусь на моей тарелке, я вообще особенно задумчивый.

Она посмотрела с сожалением:

— Да, вижу... Я не снабжаю этим герцога потому, что с первого же дня облачила в самое лучшее! Доспехи на нем ничем не пробить, даже сильнейшей магией, а по весу они не тяжелее вот этого кубка!

— Леди Элинор, — сказал я растроганно, — мне такое даже в голову не пришло!

— Хорошего вы обо мне мнения, — сказала она суховато. — Впрочем, вы же красавец, как сами сказали?.. Так как, соглашаетесь на меч?

Я сказал с укором:

— Леди Элинор... Разве я не сказал, что я уже важный и толстый гранд? Гранды не дерутся...

Она живо возразила:

— Что вы, дерутся даже короли!

— Я нетипичный король, — заверил я. — Где можно не драться, там я не дерусь. Я вообще ленивый король, как Капетинги.

— Король?

— Почти, — ответил я. — Пока что я успешно избегаю короны, иначе вообще света Божьего не взвижу, а я из поколения, что работать очень не любит. При виде нагрузок у нас сразу депрессия.

— А что это?

Я подумал, пожал плечами:

— Да никто не знает. Красивое название для состояния лодырей.

Она покачала головой:

— Но почему... зеркала?

— Начинаю украшать свой дворец, — объяснил я. — Лучшее украшение, которое все признают, старинные вещи. Пусть даже они не так удобны и красивы, как современные, но древность придает шарм.

В ее глазах оставалось недоверие, теперь хорошо знает, что я непрост, на ее хитрость могу ответить целым букетом, потому лишь проговорила нехотя:

— Но как переправите так далеко? Зеркала обязательно побьются...

— Буду беречь, — пообещал я и добавил серьезно: — Леди Элинор, в вашем распоряжении скоро будет весь королевский дворец. Кейдан, как вам наверняка уже известно, всю жизнь собирал всякие магические диковинки. А возможностей у него было больше, чем у вас.

Она прикусила губу, в глазах начал разгораться жадный блеск.

— Да, я кое-что слышала...

— Я не стану оттуда ничего забирать, — пообещал я. — Хотя мог бы. Я же начну украшать свой дворец. Он поменьше вашего, королевского, я имею виду, но хочу в комнатах поставить эти зеркала, чтобы смотреться почаще, я же красавец? Это повышает самооценку. Когда красивый, то как бы и не замечают, что дурак. Во всяком случае, женщины.

Она покачала головой:

— Да, много вы знаете о женщинах, сэр Ричард.

— А как же, — сказал я довольно, — я все о них знаю!.. И вообще я все на свете знаю, такой вот я ум-

ный. И замечательный. И красивый. Потому и нужны мне везде зеркала, чтобы смотрелся...

— ...и повышал самооценку, — закончила она и зябко повела печами. — Представляю, до каких глубин она у вас возрастет!..

— Как удивляюсь, — заметил я скромно, — и восторгаюсь величию человеческого духа, его дерзновенной мощью и возможностями все так изгаунить, чтобы потом на том месте росли дивные и весьма пахнувшие цветы!

Дверь распахнулась, вбежала Дженифер, сияющая, радостная. Я вскочил, шагнул навстречу. Она бросилась мне на шею, от нее сильно пахло химическими реактивами, обцеловала щеки и глаза, отстранилась, жадно всматриваясь.

— Рич, — прошептала она, — когда мне сказали, что ты прибыл, я чуть сквозь стену не выпрыгнула!

Я поклонился, взял ее под руку и подвел к столу:

— Принцесса, позвольте вас усадить...

Она послушно села, но на меня смотрела восхитительно радостно-испуганными глазами, потом пригнулась к столу и спросила тихонько:

— Элинор, что это с ним?

Элинор сказала с мягкой улыбкой:

— Твой отец скоро будет королем.

— Что-о?

— Королем, — повторила Элинор. — У тебя такой брат... ладно, промолчу. Так что, возможно, нам придется оставить Брант, хотя бы временно, и переехать в Геннегау.

Дженифер молитвенно прижала кулачки к груди, на меня посмотрела почти жалобно.

— Ой, как я туда хочу!.. Я вообще куда-нибудь хочу. А насчет короля ты пошутил, верно?

Я покачал головой:

— Нет, Дженифер. Напротив, герцога скоро изберут королем. Ты побываешь в Геннегау, где у тебя будет дворец, а ты станешь принцессой, а кроме того, что для вас сейчас так важно, в королевских тайниках полно всяких колдовских штук. Все будет вашим. А еще... свою коллекцию тоже передам вам обеим. Стыдно сказать... но у меня накопилось... немало этих штук.

В ее глазах недоверие стало ярче.

— Серьезно?

— Все правда, — сказал я, — и насчет короля, и насчет королевского дворца. Я весь в делах и весь в бегах. Из-за политики не могу заняться, как вот вы, такими делами. Интересными, увлекательными! Но сейчас я сам не гам и другому не дам. Но вы все-таки свои, а ле-ди Элинор хоть и злая...

Элинор возмутилась:

— Я злая?

— А что, нет?

— Да я вам и четвертое зеркало отдам!

— Какое? — спросил я. — В котором мы с вами старого чародея видели?

Она покачала головой:

— Нет, то не отдам, но у меня в покоях есть еще одно такое же, что и в подвале. Забирайте!

Я подумал, покачал головой:

— Нет, у меня только три комнаты, где можно поставить зеркала. В спальне, ванной и в прихожей, чтобы гости смотрелись. А больше зачем?

Она наморщила нос, но кивнула:

— Ну да, еще бы... Ой!..

Я сосредоточился и, не двигая даже бровью, заполнял стол всевозможными сладостями и печеностями, а в конце создал две великолепные вазы с шариками мо-

роженого, одно шоколадное, другое сливочное с орешками, и придвинул их женщинам.

— У королей этим принято заканчивать, — пояснил я. — Как видите, у нас с вами больше общего, чем вы думаете.

Мартин из-за малочисленности народа в крепости сам руководил погрузкой ценных зеркал. Их бережно завернули в несколько слоев полотна, леди Элинор пожертвовала даже старыми коврами. В такой упаковке им в самом деле ничего не грозит, хотя я подозревал, что такое зеркало и молотом не сокрушить, там же не обычное стекло, как всем кажется.

Одно я отправил в Геннегау, велел доставить в королевском дворце в свой кабинет, второе в Савуази, а третье в Варт Генц. Вообще-то мне не помешало бы с десяток таких, я бы их везде растыкал, ну да ладно пока. Может быть, еще где-то найду. Вполне возможно, такие стоят у каких-то вельмож в прихожих, а те мимоходом рассматривают в них свои прыщавые рожи.

Мартин сказал с некоторым удивлением:

— Начинаете обустраиваться?

— Удивлен?

— Почему? Пора и жить начинать...

— Во имя Господа, — ответил я и перекрестился. Вообще-то мне теперь надо почаще упоминать Господа, святую деву Марию, а также Богоматерь, вспоминать церковь, ибо на меня уже начинают посматривать косо. — И вообще... Ну, поехали-поехали!

Первая телега под охраной пятерых хорошо вооруженных всадников двинулась в сторону ворот, это в Геннегау, тут сравнительно недалеко, а вот для отправки в Савуази уже потребуются набрать крепких парней

вне крепости, иначе тут вообще останется один Мартин.

Мелькнула мысль, что сам бы дотащил эти зеркала за полдня в любое место, но опомнился, сказал себе строго, что я дурак и все никак не выйду из оруженосности: а у графа достаточно и власти, и денег, и влияния, чтобы велеть доставить в целости и сохранности в такое-то место. Видно же, что повезут под усиленной охраной трепетно и нежно!

Элинора все-таки следила за мной, но я велел Мартину выяснить у нее жизненно важный вопрос насчет свободных лошадей, и пока она обстоятельно отвечала, я торопливо отступил за края здания, перетек в шкуру незримника и, торопливо толкнувшись от земли, мощно метнул себя в небо.

Небо привычно закрыто тучами, я рассерженно пробил их снизу, слой настолько толстый, что, будь еще чуть-чуть плотнее, можно бы расположить на нем довольно приличное королевство.

Я шел по крутой дуге вверх, а когда наконец-то взлетел над этим грязно-серым полем, ринулся по прямой, стараясь выжать максимальную скорость, заодно и проверить себя в тех пределах, границы которых вижу отчетливо.

Увы, заменить органику кремнийорганикой не получается, а то бы развил скорость вдесятеро больше, сейчас же довольно скоро выдохся и перешел в экономный режим «цена-качество», и махал не слишком редко, но так, чтобы меня хватило не только до Гандерсгейма, он уже показался на горизонте, а до лагеря графа Ришара.

Вскоре зелень внизу начала переходить в желтые пятна пустыни, затем снова буйство долин берет верх, я посматривал вниз и вспоминал, как летел здесь с Мириам и Вики, надо осторожненько спросить у Макса,

как там его владения с королевством, в котором та чистая трепетная принцесса...

Не часто удается одним взглядом окинуть сразу несколько королевств, но с такой высоты вижу с десятков, такое можно только в Гандерсгейме, где отдельный город — это королевство, в лучшем случае — город и пара деревенок.

Самое могучее королевство Гандерсгейма — это Тиборра со столицей — Тибор, в него входит десять городов и множество сел. Король Жильзак Третий, если не изменяет пока что память, дочь Элеонора Гордая, но это все пока далеко, а сейчас вот там внизу показалось королевство Белые Гарпии, правит великий король Вандерлит, но чем великий, я так и не узнал, а объяснить мне никто не сумел. Дочери у него нет, но есть у властелина города-королевства Гардекс, а если породнятся, то власть его укрепитя...

Хрен укрепитя, подумал я хмуро. Мы пришли, теперь все будет по нашей воле, хотя слышал, что король Вандерлит — умница и хитрец, а вокруг него в соседях одни дураки, шерсть покупает у жителей Гардекса, а обрабатывает в королевстве Поющих Деревьев, руду ему привозят из копий Бретокса, однако плавит в Йеремланде, там лучшие мастерские, и потому живет богаче всех...

Следующий город с деревнями вокруг я заметил буквально сразу, это и есть королевство Йеремланд. Имени короля не помню, просто не слышал ни разу, зато известно, что у него одна-единственная дочь, хоть и слишком юная, но таких замуж выдают, еще как выдают...

Та-а-ак, вон показалось королевство Меркер, там король — Франсуа Меченый. Размеры... Три города, восемнадцать сел... Как и у всех городов, обороноспособности никакой, войска только у варваров. Стены у

всех трех городов высокие и толстые, но ворота по договору с варварами сняты.

А вон и то злополучное Бретонское королевство. Стыдно признаться в невыполнении воинского долга, но там сейчас шлет мне гневные проклятия недоизнасилованная принцесса Констанция Бретонская, которая из самой династии Керлингов!.. Надеюсь, преданный ей народ не считает ее так уж увильнувшей от того, чтобы разделить судьбу подданных...

А вон первая башня великих магов Гандерсгейма, что выстроили их вокруг некоего мощного источника энергии, ныне разрушенного... Надо пообщаться с ними, страстные и неординарные люди, увлеченные, люблю таких...

Трижды видел укрепленные лагеря крестоносцев, но недостаточно крупные, так пролетел две трети Гандерсгейма, скоро и берег океана покажется, наконец внизу проступил исполинский четырехугольник, окруженный ниточкой глубокого рва, а еще вон частокол...

Я снизился чуть и рассмотрел в центре большой красный шатер герцога Ульриха, властелина Ундерлендов, командующего левым крылом вторжения в эту мятежную провинцию.

Медленно снижаясь, я заметил троих конных варваров, неспешнодвигающихся параллельно лагерю. Вот они скрываются за холмами, потом поворачивают и так же скрытно проезжают вдоль другой стороны.

Молодцы, мелькнула мысль. Так они заранее узнают о выступлении войск из лагеря, и еще когда только оруженосцы начнут выводить коней своим сюзеренам, эти уже помчатся к своему племени, чтобы там успели подготовиться и решить, драться или уходить.

Наблюдают за лагерем крестоносцев спокойно, явно уже рутина. У варваров преимущество в скорости передвижения, а тяжелой рыцарской коннице трудно

гоняться за таким противником по всему Гандерсгейму...

Ничего, подумал я раздраженно, вы, голубчики, приходили к нам с войной? Теперь война сама пришла к вам. И мы будем обращаться с вами не иначе, как вы собирались поступить с населением Сен-Мари. Мы, конечно, гуманисты, но мы с гуманизмом не переигрываем.

Я опустил за холмами, тщательно выбрав место, затаился, а когда варвары подъехали ближе, поглядывая беспечно в сторону лагеря, я натянул тетиву и выпустил три стрелы одну за другой.

Только третий успел увидеть опасность и натянул повод, однако стальное острие пробило ему горло, он наклонился на конскую гриву, ухватился обеими руками, а тех двоих стрелы заставили отшатнуться на крупы. Испуганные кони дернулись, и седла через мгновение остались пустыми.

Я выбежал наперерез, успел цапнуть пробегающего коня за повод. Животное вздрагивало и дичилось, я сказал несколько слов ласково, поднялся в седло спокойно, по-хозяйски, давая понять, что я тоже свой, и, разобрав ремни повода, пустил рысью в сторону лагеря.

Вдоль частокола через равные промежутки расположились вышки на длинных неотесанных столбах.

С одной из-под темной крыши прозвучал строгий оклик:

— Стой!.. Кто таков?

— Своего сюзерена знать не мешало бы, — ответил я наставительно. — Или из новеньких?

Страж громко охнул:

— Неужели ваша светлость Ричард?..

— Ну? — ответил я.

Он заорал:

— Эй там, внизу, быстро открыть ворота!..

Я въехал, как водится, гордо и уперев одну руку кулаком в бок, воины бросились навстречу, перехватили повод.

— Там еще пара коней, — сказал я, — вон за тем холмом. Кто первый найдет, того и будут.

Глава 4

Привлеченные шумом и гамом, в нашу сторону развернулись трое рыцарей, все в легких и удивительно хорошо подогнанных доспехах, чем так отличаются от всех, даже от сен-маринцев.

Один охнул и пошел навстречу с ликующей улыбкой, но остановился и преклонил колено, продолжая смотреть радостно и счастливо.

Я сказал державно:

— Сэр Витерлих...

— Ваша светлость, — ответил он с подъемом.

— Вообще-то уже мое высочество, — ответил я, — но это неважно, дайте я вас обниму.

Он поднялся, я обнял, а затем поприветствовал сэра Бульбоне и Анри Готмара, что смотрит на меня все теми же злобными свинячьими глазками, еще более широкий, чем был в Ундерлендах.

— Сэр Готмар, вы решили принять участие в активных действиях и прибыли сюда? Рад вас видеть! Как вам здесь? — спросил я покровительственно. — Правда, в полном восторге?

Он буркнул:

— Отвратительно.

— Зато летать не приходится, — сказал я. — Хотя... кто знает, кто знает...

Он побледнел, перекрестился и усердно поплевал через плечо. Витерлих расхохотался.

— Ему эти кошмары все еще снятся... Пойдемте, сэр Ричард, к герцогу, а то он нас потом на куски порубит, что сами вами попользовались... ха-ха... а ему такое счастье не выпало сразу. Кстати, что такое с высоким, не понял...

Я отмахнулся по дороге.

— Да это все мои попытки избежать королевской короны. Пришлось согласиться на гранда.

Он решил, что это шутка, захохотал, кто же в здравом уме будет отказываться от королевской короны, я посмотрел на его цветущее лицо и подумал, что он вообще-то прав, кто же в цветущем и благополучном королевстве допустит такую глупость, но сэр Витерлих, не знавший других регионов, кроме своих благополучнейших Ундерлендов, и представить себе не может, насколько могут быть разоренными и отчаявшимися жители других земель, и королем там становиться не только невыгодно, но и опасненько.

На пологом холме гордо высится шатер герцога, впереди нас туда бегом нырнули двое слуг, а через пару мгновений полог шатра рывком отлетел в сторону, что значит, открыл сам хозяин, не дожидаясь менее расторопного слуги или оруженосца.

Герцог вышел в элитном доспехе из синеватой стали, с настолько тщательной подгонкой частей, что выглядит литым.

Мне показалось, что на массивном подбородке на месте двух белых шрамов уже три, только третий вздут багровым рубцом, а так герцог не изменился: те же резко выступающие высокие скулы, хорошо защищенные толстыми надбровными дугами глаза, не поправился и не похудел, так что война в Гандерсгейме не слишком уж и что-то необычное.

Он охнул, увидев меня, поспешил навстречу. Я нарочито замедлил шаг, давая ему время преклонить колени, он хоть и герцог, но я — верховный главнокомандующий.

Мне показалось, что в его взгляде масса невысказанных вопросов, потому я поднял его не жестом, не словом, а обеими руками, взяв за плечи.

Он только хотел раскрыть рот, как я обнял тепло и дружески, сказал на ухо заговорщицким тоном:

— Дорогой герцог... пора, дорогой друг, пора.

Он насторожился, никогда я его не обнимал и ничего не шептал на ухо, невольно отстранился, бросил быстрый взгляд по сторонам.

— Ваша светлость?

— Теперь уже мое высочество, — поправил я, — но это пустяки. Рутина, можно сказать философски. Мы же философы?

— Ваше высочество? — повторил он в недоумении. — Ладно, расскажете. А пора куда? И что?

Я сказал еще тише, чтобы не слышали сопровождающие нас рыцари, пусть они и близкие друзья герцога:

— Пора начинать главное дело нашей жизни, дорогой друг!

Он зыркнул из-под насупленных мохнатых бровей.

— Ваша све... ваше высочество?

Я сказал еще тише:

— Конечно же, дорогой герцог, возрождение Арндского королевства в полной мере. Что еще нам так трепетно и дорого? Ради чего живем и дышим?

Он охнул, глаза округлились, я видел, как все вопросы выпорхнули из его черепа, как стая воробьев, в которых швырнули поленом, затем, опомнившись, сказал жарким шепотом:

— А я все ждал, когда же вы заговорите об этом!

Я сказал значительно:

— Время созрело. То разбрасывали камни, теперь вот собираем... чтобы забросить еще дальше.

— Господи, — прошептал он и торопливо перекрестился, истово и размашисто, — наконец-то!

— Пойдемте к вам, — сказал я, — обговорим.

Он повернулся к почтительно ожидающим рыцарям. Они торопливо поклонились, я со всех сторон ловил заинтересованные взгляды. Если кто и не знал еще, что я появляюсь чаще всего вот так таинственно, убедился. Так что во имя Господа, святой Девы Марии и во славу мудрой церкви, что ведет нас от победы к победе! Духовной, разумеется.

— Сэр Анри, — обратился он к Готмару, — созовите военачальников. Через час ждем всех в моем шатре.

Готмар прорычал:

— Будет сделано, ваша светлость... Только поосторожнее с нашим сюзереном. Он же чуть все Ундерленды не разнес!

Герцог отмахнулся:

— Здесь Гандерсгейм, не жалко.

Готмар и двое его друзей торопливо пошли от шатра, герцог властно повел дланью в сторону слуг, они на бешеной скорости помчались в шатер, что-то заносят, выносят, но когда перед нами откинули полог, там уже стол под чистой красной скатертью, строго по шнурку расставлены легкие кресла, посреди стола пока только массивный подсвечник, но едва мы уселись, засновали слуги, и на столешнице появились большие серебряные чаши для вина.

Герцог смотрел на меня жадными глазами, лицо пылает восторгом, потом опомнился, спросил торопливо:

— Сэр Ричард, так что насчет... высочества?

Я отмахнулся:

— Да я теперь еще и гранд Варт Генца. Сосредоточил всю власть в том королевстве в своих загребущих за счет того, что скромно так это поотпихивался от короны и трона.

— Зачем?

— Я политик, дорогой друг, — сказал я. — Учусь откусывать не больше, чем могу проглотить. Корона давила бы на лоб и связывала руки. А так я диктатор, хотя и сроком всего на год.

Он посмотрел пристально, покосился по сторонам, но мы одни, покачал головой...

— Похоже, — проговорил с нажимом, — там не представляют, что вы способны сделать за год...

— Вы смотрите в корень, — заметил я.

— Титул обязывает, — ответил он с легкой усмешкой.

— Вот именно, — согласился я. — Хотя как раз намерен укрепить их королевство и сделать всех счастливыми. Ну, не всех абсолютно, но большинство будет довольно.

— Во всем Варт Генце?

Я помотал головой:

— Вы делаете очень точные уточнения, дорогой герцог, что говорит о вашем остром и постоянно работающем уме. Для меня честь работать с вами!.. Конечно, я думаю не о Варт Генце, а о нашей идее построить справедливый мир, который священники называют Царством Небесным на земле, а мы — Арндским королевством. Не было дня, чтобы я о нем не думал.

— Ох, сэр Ричард...

— Именно так, — подтвердил я и сказал деловито, — однако все нужно делать в комплексе!.. Вы, дорогой друг, настоятельно убедите герцога Готфрида принять корону Сен-Мари. По не проверенным, но заслу-

живающим доверия данным, король Кейдан хочет отказаться от трона именно в его пользу.

Он вскрикнул:

— Господи! Почему?

— Не жаждет почему-то, — объяснил я, — чтобы королевскую корону выдрал из его рук наглый захватчик из-за Хребта. Даже не понимаю, о ком это он так. Кейдан у нас патриот, что очень похвально в данном случае.

Герцог пробормотал немного ошалело, но уже в задумчивости:

— С другой стороны, Готфрида Валленштейна в Сен-Мари давно знают и глубоко уважают...

— Дело только за Готфридом, — сказал я.

Он проговорил с сомнением:

— Будет упираться...

— Будет, — согласился я, — но на этот раз мы его слоим.

— Как?

— Кейдан, — сказал я, — которому он хранит верность, все равно уходит. Если королем Сен-Мари станет не герцог Готфрид, неизбежно выберут меня. Такое грозит недовольством многих местных лордов, что вызовет ответное недовольство моей высокой стороны, а затем и законные кровавые репрессии деспота. Будут реки пролитой крови и как бы напрасно отрубленные черепа. Хоть и много.

Он наклонил голову:

— Вы обрисовали все достаточно убедительно.

— А вам, — сказал я, — дорогой друг, уготовано поприще еще более, а то и совсем более.

Он со сдержанным волнением всмотрелся в мое государственное лицо:

— Что-то еще?

— Да, — ответил я. — Арндское королевство будем возрождать в несколько других границах.

Он спросил быстро:

— Каких?

— Пошире, — ответил я.

— Ваше высочество?

Я произнес медленно и с удовольствием:

— Влияние ордена Марешала распространим и по ту сторону Великого Хребта...

— На Армландию? — спросил он жадно.

Я кивнул:

— На Армландию, дорогой друг. На Турнедо. На Варт Генц...

Он охнул, перекрестился, щеки его окрасились волнением в багровый цвет.

— Сэр Ричард, но Варт Генц... вы планируете тоже?

— Уже запланировал, — ответил я. — И не хотел бы к ним влезать, но именно с их помощью сможем укрепить здесь влияние, потому от Варт Генца просто не могу отказаться. Северные рыцари чище и благороднее, еще не развращены роскошью и распутством южных народов... Они, простые и благородные, могут стать опорой. Не единственной, конечно, но весьма надежной.

Он сказал пламенно:

— Да! Да, сэр Ричард!.. Я всегда говорил, что нас спасет Север. Потому герцог Готфрид однажды и пытался закрепиться на той стороне Большого хребта, ибо там люди чище, с ними возрождать орден Марешала было бы легче...

Я благочестиво перекрестился.

— Герцог, под нашим влиянием сейчас ряд королевств с разным экономическим потенциалом, социальным устройством, своими законами, обычаями, склонностями... Императору Карлу не удалось их объе-

динить, он опирался только на меч. Но мы знаем, завоевать легко, удержать — трудно. Однако у нас два козыря, которых не было у Карла...

— Сэр Ричард?

— Первый, — сказал я и перекрестился снова, — церковь. Она объединяет все земли и народы в единое целое и скрепляет. Нет армландцев, сен-маринцев, турнедцев, вартгенцев... есть христиане! А второе, дорогой мой друг, это орден Марешаля. Да, сейчас нас крохотная горстка, да и та в подполье, но пора выйти на свет и начинать закладывать ячейки во всех подвластных нам королевствах!

Он сказал быстро:

— Сейчас же займусь! Сегодня же...

— И не просто закладывать, — добавил я. — Бурно разрастаться, набирать новых и новых членов.

Он посмотрел остановившимися глазами, дыхание сперло, я вывалил слишком много подарков.

— Арндское королевство, — прошептал он, вздрогнул и посмотрел на меня дикими глазами. — Королевство?

Я приложил палец к губам:

— Тихо-тихо, герцог.

— Но...

— Пока, — сказал я, — говорим только о королевстве. Чтоб не сглазить.

Он с трудом выдохнул:

— Боже правый... Я о таком даже не мечтал...

— Во имя Господа, — сказал я значительно. — Мы только исполняем Его волю.

— Да-да, Господь должен следить за нами благосклонно...

— Поднимайте всех членов ордена, — велел я. — Им предстоит потрудиться весьма зело. Открыть отде-

ления в Армландии, Турнедо, Варт Генце и Скарляндах...

— Скарляндах?

Я кивнул:

— Да, огромное по территории, но абсолютно разоренное недавним нашествием войск Карла. Люди там чисты и простодушны, они станут прекрасными братьями-рыцарями.

Он спросил осторожно:

— Скарлянды... тоже под вашим влиянием?

Я ответил тоже уклончиво:

— Под моим, но до какой степени... решится через пару недель. Вожди соберутся на общий съезд, я им забросил очень сладкого червячка... Надеюсь, заглотнут.

На его лице проступила тревога.

— Не слишком ли масштабно, если еще и Скарлянды?

— Это поневоле, — признался я. — В Скарляндах практически нет родовитого рыцарства. Они все по сути равны, что является одним из первых требований любого рыцарского ордена. Никого не придется ломать, убеждать, что двенадцать поколений великих предков, которые велят поступать иначе, чем указывает орден, нужно оставить в прошлой жизни... Отделения нужно создавать быстро! В каждом будет магистр...

Он отшатнулся:

— Как это? Магистр может быть только один!

— А вы будете верховным магистром, — пояснил я. — И координировать работу всех отделений. Сэр Ульрих, вы не сможете лично вникать во все мелочи! Это сейчас в ордене десятки человек, а будут десятки тысяч! А потом и сотни.

Он посмотрел остановившимся взором, лицо озабрилось внутренним светом, словно увидел пока незри-

мый для остальных Град Господень, что выстроят в будущем братья-рыцари.

— Пришло наше время, — прошептал он.

— И наступит иной мир, — согласился я.

Мы допили вино, герцог жестом распорядился, чтобы налили в чаши снова. Мы молчали, пока слуги аккуратно наполняли красивыми тонкими струйками, источающими аромат и тонкое благовоние. Я поглядывал на герцога и прикидывал, в достаточной ли мере он ощутил всю чистоту моих намерений и мое пылкое желание воссоздать Арндское королевство, ведь для масштабных перемен как нельзя лучше подходят рыцарские ордена.

Во-первых, там никакой вольницы, даже самый знатный лорд, вступая в любой из рыцарских орденов, принимает обет беспрекословного послушания не только магистру, но и комтурам. Во-вторых, братья-рыцари живут ради идеи торжества справедливости, в орден идут обычно лучшие из лучших, самые чистейшие души, и потому если орден создаст свои филиалы в других землях, то это и будет означать полный контроль и полное подчинение, а местные лорды потеряют свое влияние.

— Я сейчас отправлюсь к Ришару, — сказал я, — приму доклад о состоянии дел, подумаю, как быстрее умиротворить эту провинцию.

— Думаю, — сказал он, — вы уже знаете, как умиротворить.

— Знаю, — ответил я со вздохом, — но что-то есть у нас такое, что сопротивляется, хотя и знаем, как правильно!.. А вы пока пошлите гонцов в дальние воинские объединения. Дескать, прибыл лорд Ричард, у него есть новости и новые распоряжения.

— Всем, — уточнил он, — прибыть немедленно в

лагерь графа Ришара, оставив части на заместителей и помощников?

— Точно!

— Сделаю, — сказал он.

— Вас тоже, дорогой друг, — сказал я настойчиво, — жду непременно.

Он слегка напрягся:

— Но... я же все узнал от вас здесь...

Я кивнул:

— Все верно. Но графу Ришару за его воинские заслуги давно пора пожаловать титул герцога. Негоже, что под его рукой находятся два герцога, вы и Готфрид. И хотя мы все рыцари-крестоносцы, что значит братья во Христе, но все-таки некоторые важные мелочи стоит соблюсти, если это ничего не стоит.

Его лицо сразу посветлело, он с облегчением перевел дыхание, сказал уже намного спокойнее:

— Да, конечно, я обязательно буду на совете.

— И при награждении графа, — добавил я, — столь почетным титулом.

— Это непременно!

В шатер заглянул нарядно одетый паж с милым детским личиком, прошебетал, мило складывая розовые губки:

— Лорды собрались, ваша светлость.

Герцог взглянул на меня, я кивнул:

— Зовите.

Глава 5

Первыми вошли сэр Трандерт, все такой же массивный, широкий, только черная бородка стала длиннее, а на злодейски изогнутых черных бровях то ли пыль, то ли начинающаяся седина, затем Жерар и

Бульдоне, Бовман, Феофан — ближайшие лорды-рыцари герцога еще в Ундерлендах, барон Витерлих, граф Биллун...

Все почтительно кланялись, стараясь не бросать на меня слишком уж любопытные взгляды, они же не простолюдины, рассаживаются степенно и с достоинством, ждут, когда я или герцог расскажем, почему всех созвали так срочно.

Герцог взглянул на меня с улыбкой, потом посерьезнел, обратился к военачальникам:

— Слушайте внимательно. Я сам, если честно, горю желанием узнать, что и как за это время случилось в Армландии, Турнедо, как шла война, что теперь с Варт Генцем... Да, кстати, к нашему сюзерену теперь можно обращаться как к его высочеству... А почему и как, сейчас мы все, надеюсь, узнаем...

Я сказал со вздохом:

— Скоро у меня уже мозоль вырастет на языке от таких рассказов. И все из-за того, что по дурости обычно обгоняю почту!.. Я думал, две армии турнедских лордов, стальграфа Филиппа Мансфельда и рейнграфа Чарльза Мандершайда, уже в Гандерсгейме! Ну хорошо-хорошо, слушайте...

Вообще-то я старался рассказывать сухо и только факты, но получалось от этого еще круче, каждый домысливает, вижу по глазам, и то, чего никогда не было, а когда я перешел от победы над Гиллебердом к разгрому армады пиратов, они все едва не повизгивали от возбуждения, глаза горят, клыки блестят, а кулаки сжимаются до скрипа кожи и хруста суставов.

Герцог вклинился:

— Простите, ваше высочество... кстати, еще об этом не забудьте, если такая огромная армада потоплена, а войско уничтожено, то... наверное, вторую попытку повторят не скоро?

— Вообще не повторяют, — заверил я. — Просто не успеют. В гавани, куда они так и не смогли прорваться... как следует, уцелели корабли, которые строим. Это будет огромный флот огромных кораблей! Потому я и хочу, чтобы вы тут поскорее закончили. Нам понадобятся все силы, чтобы сперва выжечь пиратские гнезда на близлежащих островах, а затем плыть дальше...

— Через океан?

— Да.

— Но там же... — произнес он и осекся.

— Договаривайте, — сказал я со зловещим спокойствием. — Там Юг, откуда в наш мир течет зараза и отправляет наши земли. И это наша основная цель. Цель нашего великого крестового похода во имя Господа, во имя церкви, во имя всего лучшего в человеке, что дал Господь... Теперь отвечаю, почему я стал высочеством...

И снова слушают, затаив дыхание, я уж сам подумал, что мне либо везет, либо в самом деле крут, хотя, скорее всего, просто понимаю причины и следствия, вижу происходящие процессы и могу отчетливо представить, что получится... если не мешать, и что получится, если сделаю вот так или вот эдак.

Герцог заговорил первым, когда я закончил, и наступила торжественная тишина:

— Я горд и счастлив, что великая честь совершить невозможное... выпала нам. Никогда еще не пытались выйти в океан... Да что там в океан, нам не давали отплыть от берега!

Сэр Трандерт пробормотал хрипло, как огромный медведь после спячки:

— Если сумеем выйти в море... уже победа. А если попробовать ударить по их островам...

— Мы уже ударили, — прервал я. — За неимением времени не рассказывал, что мы с тремя кораблями

Ордоньеса уже пошерстили их острова! С крохотным экипажем вообще захватили один и все там разнесли.

Он смотрел остановившимися глазами.

— С тремя кораблями?

— Да, — подтвердил я. — Вы просто не видели, какие у нас корабли теперь! Там же пришлось выдержать битву со всем их флотом. Затопили не меньше сотни их корабликов, после чего один наш был настолько поврежден, что пришлось дать уйти ко дну, забрав команду на другие два. Так что можете себе представить, что будет, когда выйдем всем флотом!.. Потому заканчивайте здесь играть в демократов. Как они к нам, так и мы к ним. Око за око, зуб за зуб, сейчас это актуальнее, чем братство и всепрощение. Помните, Христос велел воздавать сторицей. Мы пришли сюда, чтобы покончить с войнами и жить мирно. А как покончить с войнами... должны понимать, все вы люди взрослые.

Герцог поднялся, жестом велел всем сидеть и проговорил со сдерживаемой улыбкой:

— На правах хозяина я заканчиваю сегодня совещание. Сэр Ричард сказал так много, что переваривать придется несколько дней. И привыкать к большим переменам. Сейчас уже ночь, я отпускаю вас, сэру Ричарду нужно отдохнуть, у него был очень трудный день...

Военачальники вскакивали, почтительно кланялись и выходили из шатра, быстро, но соблюдая степенность и достоинство.

Когда за последним опустился полог, герцог повернулся ко мне.

— Мой шатер в вашем распоряжении, сэр Ричард, — сказал он. — Я сейчас пошлю гонцов к Ришару, пусть тоже собирает военачальников к вашему прибытию.

— Если только граф недалеко, — ответил я. — Варвары могут перехватить курьеров.

Он усмехнулся, покачал головой:

— Граф Ришар из Армландии почти всех своих коней сюда забрал!.. И передал их курьерской службе. Никто не догонит и не перехватит, если гонцы на этих лошадках!

— Ну тогда ладно...

— А утром и мы выедем, — сказал он бодро. — Возьмем моих рыцарей, им нравится бывать в лагере Ришара. И вообще... захватим хороший отряд.

— Вам тоже понравится, — заверил я. — Но неужели варвары окружили лагерь?

Он поморщился:

— К сожалению, они довольно часто присылают сюда легкие отряды конников. Но теперь в бой не вступают, научены горьким опытом.

— Тогда зачем?

Он пожал плечами:

— Ждут, когда допустим какую-то серьезную ошибку... Вас что-то беспокоит?

Я проговорил нерешительно:

— Да у меня... Знаете, мне как-то и напоминать неловко, но я... паладин. Это значит, что служу церкви и Господу больше и ревностнее, чем остальные христианские рыцари. Иногда слышу незримый зов, который заставляет оставлять мирские удовольствия и топтать куда-то спасать кого-то, восстанавливать попорченную справедливость... что может показаться странным даже близким друзьям. Ну сами представьте, сидим на пиру, пьем вино и орем веселые песни про молодую жену трактирщика, и вдруг я серьезно, поднимаюсь из-за стола и говорю, что мне нужно отлучиться... после чего удаляюсь и незаметно исчезаю.

Он договорил тихонько:

— А потом обнаруживается, что в тот же день вас видели на другом конце королевства?

Я кивнул:

— Представьте себе.

Он сказал негромко:

— До меня доходили такие слухи. Но я понимал, что вы не можете быть связаны с нечистой силой. И я счастлив, что вы прояснили эту картину лично для меня, вашего друга.

Я сказал с еще большей неловкостью:

— По уставу паладинов все доброе должно совершаться во возможности тайно. Вы же помните, как два брата, один холостой, а другой женатый, тайком среди ночи подбрасывали друг другу своих баранов, ибо женатый считал, что одинокому труднее жить, а холостой полагал, что женатому надо кормить жену и детей, надо помочь... И долго не могли понять, почему всякий раз у них баранов столько же, сколько и было!

— Да-да, — проговорил он сдержанно, — добро нужно делать тайно, чтобы тот, кому делаем, не чувствовал себя перед нами униженным или хотя бы должным. Потому у вас такие... ограничения?

— Увы, — ответил я со вздохом. — Зато, чтобы мы лучше выполняли свои обязанности, нам дано несколько больше... ну, вы понимаете...

Он сказал поспешно:

— Да-да, паладины могут лечить раненых, отдавая им часть своей жизни...

— Своего здоровья, — поправил я. — Ну... и еще некоторые вещи, о которых говорить не принято, чтобы другие не чувствовали себя ущербными.

Он торопливо кивнул:

— Понял-понял. Это касается способности к быстрому передвижению. Сэр Ричард, вам неловко такое говорить, вижу, но... мне объяснять не надо! Мы понимаем, за такие способности нужно платить более

усердным служением Господу, на что многие из нас просто не способны.

Я поднялся:

— Спасибо за понимание, герцог. Конечно, я передвигаюсь не быстрее, чем колдуны, чародеи, волшебники и заклинатели. Однако не думаю, что вокруг лагеря полно варваров-чародеев.

Он поморщился:

— Какие из них чародеи, шаманы вообще мало что умеют. Но все-таки это опасно, сэр Ричард. Я слышал, паладины умеют лечить раны, отдавая часть своего здоровья, но про быстрое передвижение только догадывался, слушая про вас всякое-разное...

— Оно не очень-то популярно, — ответил я со слабой улыбкой. — Приходится отдавать здоровья еще больше, чем при лечении..

Он охнул:

— Тогда ни в коем случае! Поедете с отрядом. Я дам лучших из лучших воинов!

— Да это не страшно, — заверил я. — Другое дело, когда уже стар, тогда да, можно умереть сразу. А я молод и здоров, у меня только слабость потом, пока не нажрусь, как кабан, ибо много сил требуется. Но, герцог, не надо понапрасну, я же не решил еще... И кроме того, к вам я тоже добрался по-паладиньи, но у этих разбойников, у которых отнял коней, я сожрал всю еду из сумок, и, как видите, вы даже не заметили, что я недавно был слабее младенца!.. А сейчас, герцог, отдыхайте перед утренним выездом. А я пройдусь немного по лагерю, поразмыслю над великой тайной божественного создания мира Господом и теми целями, которые он перед нами поставил, но не объяснил популярно и доступно, чтобы не напугать вот так сразу великими целями...

...Не думаю, что герцог поверил, что я пошел мыслить, но чем общество приличнее, чем больше в нем эвфемизмов, и только самый что ни на есть простолюдин скажет, отправляясь в туалет, что именно он там будет делать, а все остальные ходят туда только помыть руки да еще поправить волосы перед зеркалом.

Выбравшись за пределы лагеря и отбившись от настойчивого желания встревоженных воинов сопроводить меня, я отошел за ближайший холмик, даже не холмик, а бугорок, прижался к земле, и оттуда взметнулся в воздух уже такой же темной, как и сама ночь, крылатой тенью и пошел в небо.

Насчет добавочных свойств паладинства — это я придумал вовремя. Все знают, что аскеты могут творить чудеса, отшельники и вообще наделены святостью, так что да, я тоже, будучи паладином, умею больше, чем другие, но за это и служу больше...

Надо мной небо темное, звезды по-южному крупные. Это значит, что я поднялся не так уж высоко, а подо мною проплывают неопрятные облака.

Я снизился, чтобы рассматривать землю, хотя есть опасность, что кто-то из бодрствующих шаманов попробует достать меня из ледяной Иглы или Костяной Решетки... так просто, ради забавы, мишень я мелкая, а опасности от такой крылатой тварюшки никакой...

Внизу волнистое плоскогорье, трава широкими пятнами, иногда кустарники, лес встречается только небольшими рощами, чаще всего — оливковыми. Проплывают холмы, совсем приплюснутые, скоро сровняются с землей, долины иногда понижаются без всякой причины, потом снова ровное, как столешница, плоскогорье...

Вон широкое смутно светящееся пятно небольшого города, но это для нас всего лишь городок, а они его

величают гордо королевством. Ничего, скоро покончим и с этим сепаратизмом.

Далеко показалась береговая линия, и только тут рассмотрел внизу лагерь, тоже огражденный рвом и частоколом. Снизился, в центре, как и положено, шатер лорда, я ожидал увидеть гордый стяг графа Ришара, но вместо него рассмотрел не менее гордое знамя рода Валленштейнов.

Поколебался, вот бы сейчас к герцогу, обнялись бы и поговорили, все-таки отец и сын, однако, как политику, мне лучше не выказывать столь явные знаки внимания.

Да, пусть все думают, что между нами идет соперничество за королевский трон. В этом случае Готфрид получит больше голосов и поддержки от сен-маринских лордов.

Ночь еще длится, крылья пока не ноют, я поднялся выше и, пользуясь тем, что над морем небо чистое, окинул взглядом береговую линию и водную гладь. С такой высоты она выглядит в самом деле вполне мирной и ровной, как у небольшого озера.

Я вздрогнул, далеко в море показались огоньки, отчетливо видно, что двигаются, хотя даже если бы это был мчавшийся под всеми парусами корабль, с такого расстояния он казался бы стоящим на месте.

Высоко в небе над тем местом появилось лиловое пятно с четко очерченными краями. Другое, более светлое, пятнышко оторвалось от поверхности воды и пошло вверх, не слишком быстро, так что у меня никаких определенных ассоциаций не возникло, но и не замедленно, как если бы поднималась некая огромная светящаяся птица.

Я наблюдал неотрывно, пока светлое пятнышко не слилось с лиловым. Я ожидал хотя бы яркой вспышки,

что-то должно произойти, однако слившееся пятно потемнело и растворилось в черноте неба.

Крылья держат легко, я прекрасно понимаю сейчас тех, кто нежится на мягко колыхающемся на волнах надувном матрасе. Для меня сейчас воздух настолько плотный, что нужно сложить крылья и повернуться клювом вниз, чтобы пойти к водной поверхности камнем.

На востоке небо начало светлеть, а потом порозовело. И хотя это вижу пока только я, а внизу в лагере еще ночь, я развернулся и медленно пошел обратно.

Граф Ришар мне всегда нравился, уже немолодой, очень немолодой, волосы белые, как снег, однако падают на плечи и спину такими густыми волнами, что и молодые позавидуют.

Всегда строг с виду, прям и аристократичен, высок, а из-за того, что даже за столом не сутулится, обычно выделяется ростом среди других рыцарей.

Лицо мужественно красивое, но в шрамах, некоторые продавили плоть до кости, и странно, что даже женщины, которым шрамы кажутся уродством, влюбляются в него и кокетничают напропалую.

Еще я не забывал, что граф Ришар де Бюэй — герой битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе и всех войн Армландии и Фоссано с соседями, что для меня как бы нечто отвлеченное, но я видел, с каким почтением другие произносили эти названия, что значит — битвы были неслабыми.

Мне давно уже надо было подсуетиться насчет герцогского титула, но как, если я сам был всего лишь графом, пусть и гроссграфом, а род де Бюэй является ветвью знатного и древнего семейства Мидхира, а те ведут родословную от самого легендарного Андрокоса, отыскавшего Кристаллы и выковавшего Меч Силы.

Так что я, жалую ему титул герцога, поднимаю его

не на такую уж и высоту, чтобы Ришар расчувствовался и расплакался. Сейчас, кроме войны в Гандерсгейме, его занимают разве что породистые кони...

Я восхитился собой, когда сумел неслышно приземлиться, перетек в человеческое тело и, выйдя из личины незримника, пошел в сторону центра, где высится шатер графа Ришара.

Голову я опустил, рассматривая свои сапоги, пару раз даже нагнулся, смахивая несуществующую грязь, это когда мне попадались навстречу, а так лавировал между шатрами и палатками, избегая проходить со стороны входа, где иногда стоит часовой, и так прошел почти до самого шатра главнокомандующего.

Дальше удалось бы вряд ли, но, к счастью, граф сам вышел из шатра. Деловито отдает последние наставления молодому военачальнику, тот кивает и все пытается бежать выполнять, но Ришар придерживал и объяснял, что сделать нужно не только быстро, но и хорошо.

Наконец отпустил, тот умчался, и тут Ришар увидел меня, вздрогнул всем телом, глаза расширились, он ухватился за сердце.

— Господи!

— Я здесь, — ответил я бодро, — здравствуйте, граф.

Он все еще с вытаращенными глазами качал головой.

— Ваша светлость...

— Я тоже рад вас видеть, — откликнулся я любезно.

На его строгом лице наконец-то начала проступать радость, хотя неудовольствия, понятно, оставалось больше.

— Сэр Ричард! — воскликнул он с укором. — Ну разве можно так? У меня сердце могло выскочить.

— Мы с вами старые кони, — заверил я, хотя Ришар старше меня вдвое, если не больше, но комплимент должен ему польстить, — нас ничем не испугать...

Но я творю богоугодные дела, и Господь дарует своим верным паладинам способность не только залечивать раны...

Он пробормотал:

— А, ну понял, понял...

И хотя я видел, что ничегошеньки он не понял, я сказал с подъемом:

— Ну вот и прекрасно!.. Конечно же, я пользуюсь теми возможностями, что дает святая церковь особо отличившимся паладинам. А теперь, дорогой друг, пойдёмте в шатер, мне есть что рассказать... как есть что и спросить.

Надеюсь, это прозвучало не слишком угрожающе, а так, выказывая мое высокое неудовольствие. Все-таки я проделал за это время массу работы, хотя дураки увидят только Изаэль в моей постели, Вирландину, и вообще некоторые ничего другого не видят, потому что это только и выискивают, а потом же громогласно обвиняют по принципу «Держи вора!».

Как водится, первым делом на стол выставили кувшин и две серебряные чаши дивной работы, каждая стоит целое состояние, но граф Ришар может позволить себе красивую жизнь и в военном лагере.

Пока слуга наполнял чаши вином, я помалкивал, но как только он удалился, сказал негромко:

— Скоро прибудет герцог Ульрих. Он полон почтения к вам, граф. Примите и вы его со всем уважением.

Граф приподнял брови, но я молчал, ожидая его реакции, и он проговорил вынужденно:

— Герцог? Прибудет?

— А что удивительного? — спросил я. — Вы командующий всей армией, он руководит войском ундерлендцев...

Он пробормотал:

— Да так... что-то мне мерещится, он не прибудет.

— На ваш зов? — изумился я. — Граф, вы шутите!

Он посмотрел на меня очень серьезно:

— Мне кажется, вы его переоцениваете...

— А вы меня?

Он посмотрел на своего сюзерена, я постарался выглядеть как можно старше и значительнее, вздохнул горестно.

— Ладно, посмотрим. Лордов собирать?

— Как всегда, — ответил я жизнерадостно. — Вздрючу всех и отбуду.

— К любовницам?

— К фавориткам, — поправил я. — Любовницы у особ рангом пониже.

— Тогда пока отдохните после долгой дороги, — сказал он с сомнением, — а я пойду распоряжусь...

Глава 6

Военачальники, знатные и знатнейшие рыцари собирались у Ришара быстро. Слух о прибытии лорда Ричарда прокатился со скоростью пустынного ветра, у которого нет на пути горных хребтов.

Я сел в самое высокое кресло, все заходят, преклоняют колена, я кивал милостиво, называл их по именам, и они, польщенные, занимали места за огромным столом, а кому не хватило, рассаживались вдоль стен на лавках.

Я оглядел всех исподлобья, ждут новостей, кто-то наверняка начал поговаривать, что вот мы воюем, а лорд Ричард пьет да по бабам, граф Ришар уже деликатно намекнул, кто-то меня яростно защищает, большинство же просто слушают с усмешкой. Мол, если и пьет, то кто из нас не пьет, лишь бы вот так же и дальше находил для нас такие интересные дела, как война,

сражения, штурмы замков, грабежи городов... Другое дело, когда забудет, что у верховного лорда есть обязанности...

— Хочу начать с хорошей новости, — сказал я без всяких предисловий. — Правда, до вас эти новости уже должны были докатиться, но, повторяю, вы увидите почему. Пираты собрались в огромном количестве и высадились на побережье... так, примерно, на пару десятков миль в длину. Кораблей были тысячи. Правда, большую часть они бросили на штурм гавани, где мы изволили заложить наш флот...

В шатре наступила мертвая тишина, я понял, что армии Мансфельда и Мандершайда не соприкасаются с войском Ришара, воюют где-то восточнее по побережью.

Митчелл спросил громовым голосом:

— Это хорошие новости?.. А какие же тогда плохие?

— Хорошие, — подтвердил я упрямо. — Треть флота пиратов погибла, пытаюсь прорваться в глубину бухты. Каравеллы Ордоньеса сражались отчаянно и потопили сотни их корабликов, но, увы, погибли и сами... Спешу сообщить, что сам Ордоньес с большей частью моряков выбрался на берег.

Я сделал паузу, Митчелл промолчал, зато Альвар Зольмс спросил с придыханием:

— А... пираты?

— Прорвались к нашим докам, — сообщил я. — Если бы не героическая оборона рыцарских отрядов под руководством герцогов Сулливана и Вирланда, нам бы не удержать Тараскон и доки.

Я видел на их лицах недоумение, сказал с нажимом:

— Герцоги Сулливан и Вирланд, пусть даже мои противники, а может быть, и вовсе враги, но... патриоты Сен-Мари! Оба пролили свою кровь, защищая королевство от пиратов, Сулливан был так изранен, что

его вытаскивали почти с того света... Вот как нужно любить родину!

Митчелл спросил нетерпеливо:

— И... как, удалось? Ведь удалось же?

— Могло и не удасться, — ответил я, — вы же тут все возитесь, сами помощи просите. А там на берег продолжали высаживаться бесчисленные орды морских варваров! Но тут подоспели две северные армии из Турнедо под руководством рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда...

Митчелл охнул и спросил гулко:

— А это еще кто?

Судя по лицам остальных, он выразил общее замешательство, я объяснил подчеркнуто спокойно:

— Могучее королевство Турнедо пало под нашими ударами, или и это для вас новость?.. А вы тут с дикарями никак не сладите. Большая часть земель по странной случайности оказалась в моей власти... ну так уж почему-то получилось, сам не пойму. И практически все воинские силы, что после взятия Савуази и гибели короля Гиллеберда сдались мне... Чтобы вернуть им боевой дух, я направил их в Сен-Мари, где они с ходу вступили в бой и сумели переломить ход грандиозной битвы!

Альвар Зольмс сказал в напряженной тишине:

— Слава Господу!

Многие начали креститься, шептать молитвы, возводя очи горе, только Митчелл посверлил меня маленькими злыми глазами и спросил с недоверием:

— Но... ваша светлость, что за армии из Турнедо? Мы же только что с ними воевали.

— Уже не воюем, — ответил я. — Скромно говоря, Турнедо — мое королевство. Я же скромный, вы не знали? По большей части, наше. Как и Варт Генц, но

Варт Генц мой целиком. Оттуда уже идут сюда новобранцы, вам предстоит обучить их и сделать воинами.

Ришар воскликнул взволнованно:

— Ваша светлость, что за новобранцы? Неужели из Варт Генца?

Я окинул взглядом замерших лордов и сказал доброжелательно:

— Вообще-то можете отныне обращаться как к моему высочеству. Мне пришлось принять корону... нет-нет, не подпрыгивайте, еще рано, я скажу, когда прыгать повыше!.. всего лишь корону гранда королевства Варт Генц.

Они даже не переглядываются, а смотрят неотрывно, слишком ошеломленные быстрым развитием событий.

Граф Ришар, верховный главнокомандующий, размашисто перекрестился.

— Сэр Ричард, — сказал он с неловкостью в голосе, — вы в самом деле нас пристыдили.

— Этого я и хотел, — сказал я сердито.

Он сказал тем же виноватым голосом:

— Новости у вас просто сшибающие с ног. А теперь какие плохие у вас новости?

Я покачал головой, постарался выглядеть отечески строгим, я же государь, сказал ровно:

— Плохие у меня новости... в том... что плохие новости у вас. Не понимаю, почему варвары еще не сброшены в море?.. Я направил из Сен-Мари обе турнедские армии сюда, где они?.. Вы даже не связались с ними! Да, я понимаю, они сразу вступили в сражения, стремясь показать себя, но тем более надо с ними держать связь!.. А где отдельные отряды искателей приключений, что потянулись из Турнедо, едва я захватил Савуази?

Митчелл хлопнул себя по лбу:

— Так вот о чем мне говорил Растенгерк!..

— О чем? — спросил я.

— Какие-то рыцари прибыли с незнакомыми знаменами, доспехи у них иной выделки... Воюют с варварами левее нас, сами по себе...

Я покачал головой:

— Вы получили и продолжаете получать подкрепления! Потому действуйте быстро и жестко. Варвары понимают только силу. Уничтожайте их стойбища, сравнивайте с землей их кочевья. Пленные нам тоже не нужны, как не были нужны им наши. Эта война должна быть закончена быстро. Мы перебили им хребет, больше такой попытки не повторят.

Альвар кивал, прикладывал ладони к груди, снова кивал, а Митчелл спросил тихонько:

— А закончить быстро... надо почему?

— Да потому, — сказал я раздраженно. — Противник будет вести партизанскую войну, так как у него легкая конница, нам за ними не угнаться. Потому нужно вообще лишать их базы!.. Они сдадутся только тогда, когда увидят, мы — не сен-маринцы!.. Мы гуманисты, потому предпочитаем решать все вопросы так, чтобы войны больше не возникали. А как это сделать?

Он подумал, предположил решительно:

— Перебить?

— Вот именно, — воскликнул я. — Вы проявляете признаки здорового демократизма! Если перебить, то проблема решается просто и красиво, как теорема Пифагора в ясный день.

Рыцари да и сам Ричард смотрели в некотором смущении, а Митчелл, взяв на себя роль выразителя рыцарского недопонимания, спросил:

— А города-королевства?

— Которые на стороне варваров, — объяснил я доступно, — предать милостиво огню, ибо так велел Хри-

стос. Которые держатся нейтралитета — тех поведем в светлое будущее демократии и гуманизма. Отстающих будем добивать по дороге, ибо мы милосердны и гуманны...

— А которые на нашей стороне?

Я усомнился:

— А такие есть?

Он покосился на молчаливых лордов, никакой поддержки, пошевелил мощными плечами.

— Наверняка, — сообщил он. — Все-таки их больше сотни! Неужели дураков не отыщется?

— Дураки угодны Господу, — изрек я, — он так и сказал в какой-то суре. Потому дураков оставим в покое, они первыми войдут в Царство Небесное. Правда, в то, что на небе. Все равно все эти карликовые королевства упраздним, чтобы не смешить муравьев.

— Уцелевшим сообщить, — спросил он деловито, — что высвобождается много бесхозных земель?

— Да, — согласился я, — но только никаких конкретных обещаний. Пусть это будет морковка, подвешенная в воздухе. А так вообще-то подумываю о заселении этих земель колонистами из северных королевств.

Он охнул:

— А их зачем?

— Будем перемешивать население, — сообщил я деловито. — Люди не должны обособляться! Из обособления развивается здоровый патриотизм и национализм, а нам это зачем, если строим светлое будущее для всего человечества, хочет оно того или не хочет?

Он смотрел вытаращенными глазами, сильно прибалдев, но все так же преданно, ибо я все так же веду их от победы к победе, а это значит, что с таким вождем будет богатая добыча и дальше.

Граф Ришар произнес со странной ноткой в голосе:

— Прибыл сэр Ричард, и сразу все завертелось...

Рыцари потихоньку начали переговариваться, я сказал с уверенностью в голосе:

— Мы ожидаем прибытия герцога Ульриха. Вместе с ним нужно разработать стратегию и тактику для той войны, которую мы навяжем противнику. Герцог ведет неспешную красивую войну, осторожную и без потерь, что очень похвально. Но, боюсь, у варваров каждый день рождается, а также садится впервые в седло больше народу, чем гибнет под мечами нашего доблестного рыцарского войска. Потому мы должны, как я уже сказал, вести ту войну, что нужна нам, а не противнику!.. Хотя вообще-то нам никакая не нужна, особенно здесь, потому, повторяю еще раз, даю вам пару недель, от силы — месяц, чтобы от варваров не осталось и следа!

Альвар Зольмс сказал с неуверенностью:

— Это что же... перебить всех?

— Почему? — удивился я. — У них есть выбор: красиво и гордо погибнуть под нашими мечами или же перейти к землепашеству! Можно заняться ремеслом в городе, пусть даже работать грузчиками. Любой труд почетен, как говорит Христос! В общем, план тотального наступления согласуем с герцогом Ульрихом, он привел прекрасные войска. Также нужно обязательно вызвать стальграфа Мансфельда и рейнграфа Мандершайда на совещание и координацию действий. А теперь все, я вас отпускаю. Идите и обмозговывайте, чтобы все быстро и решительно! Мы уже не те, мы теперь эти. И все, да, как и должно. Мы спасем мир от своей же собственной угрозы! Да, вот так прямо и честно, глядя прямо в глаза!

Военачальники вышли, на ходу обсуждая мои мудрые указания, а Ричард все еще смотрел на меня блестящими глазами и качал головой.

— Знаете, сэр Ричард, — сказал он доверительно, — с вашим появлением всегда все оживает. Хотя и так вроде бы не спим!

— Спасибо, граф, — сказал я. — Кстати, один деликатный вопрос... А так как я сам исключительно деликатный, потому мне весьма, как бы сказать вам, что не совсем правильно, когда у вас в подчинении два герцога... и, как предполагаю, скоро прибудут еще!

Он застыл на мгновение, затем повернулся ко мне и прямо посмотрел в глаза.

— Да, я тоже ощутил, — произнес он ровным голосом, — что начинаю уставать... Кому хотите передать командование?

Я запротестовал:

— Граф, вы не так поняли! Это вы не должны упираться, когда я вам красиво пожалуйю титул герцога. Герцог Ундерлендов Ульрих достаточно деликатный человек и не высказывает прямо неудовольствие, но наверняка ощущает дискомфорт! Да и герцог Готфрид...

Он подумал, снова переменившись в лице, кивнул.

— Да, — сказал он почти деловым голосом, — они оба избегают посещать советы командиров, которые я созываю. И я их не виню.

— Прекрасно, — сказал я. — Тогда я на ближайшем приеме пожалуйю вас титулом герцога.

Он поклонился:

— Буду польщен, хотя... это отсрочит мое возвращение в Армландию, где я, к зависти соседей, развожу самых быстрых коней.

— Граф, — сказал я с чувством, — если бы вы знали, от чего отказываюсь я! У меня у самого какие кони! Ну, пусть не кони, но как ржут!.. Но... надо. Без нас Царство Божье на земле не построят, у всех руки кривые, да и руководить этими остолопами надо.

Он коротко усмехнулся:

— Да, это не «ура!» и в атаку.

— Вот-вот, граф, вы теперь готовьте королевский прием, я ж не одного вас титуловать буду, так что все должно быть красиво, торжественно и в меру глупо. Это чтоб удовольствие получали все и веселились искренне, как добрые христиане, без вопросов и раздумий, как обустроить Гандерсгейм.

Он проворчал:

— Да уж теперь обустроим... Сто лет трава не будет расти!

— Нам надо идти мимо и дальше, — сказал я, — а не милосердие милосердствовать! Нам Царство Небесное строить, а мы все чужое дерьмо разгребаем.

Он посмотрел на меня со странным выражением.

— Да, — произнес негромко, — что-то мне чудится и мерещится, что не скоро мне разводить коней.

Глава 7

На другой день, дождавшись приезда основных военачальников, объявили большой прием по случаю прибытия лорда Ричарда. По приказу Ришара посреди лагеря поставили самый большой шатер, быстро соединив его из двух крупных, это мой, ибо неловко будет жаловать Ришара в его же полевых апартаментах.

Да и вообще у верховного лорда все должно быть самое-самое. Мир таков, могущество должно быть зримым. И такое положение дел останется очень надолго.

Герцог Ульрих, похоже, уже переговорил с Готфридом, тот выглядит взволнованным и встревоженным, сердце мое екнуло, властелин Брабанта еще не решился, видно по всему.

Я пошел навстречу, раскинув объятия. Мы встрети-

лись посреди прохода, обнялись при почтительном молчании лордов, я успел шепнуть ему на ухо:

— Соглашайтесь. Не ради себя, ради арндскости!

Военачальники начали стучать кулаками в железные груди, приветствуя, Готфрид вздохнул и с усилием улыбнулся всем.

Со стороны входа в лагерь послышались приветственные крики, удары о щиты рукоятями мечей. По главной дороге между шатрами едут в праздничных нарядах знатные лорды, никто их раньше не видел, на знаменах неизвестные гербы, на щитах грозных девизы.

Я с удовольствием слушал, как рыцари взволнованно переговариваются, строят догадки, эти знамена и этих явно могущественных людей не знает никто из сен-маринцев, фоссановцев и даже армландцев.

Впереди в прекрасных доспехах на рослых конях красиво и с достоинством приближаются двое рыцарей благородного облика, оба уже немолодые, выдавшие виды. По суровым лицам со шрамами видно, что сами водят рыцарскую конницу в атаки, смотрят смерти в глаза твердо и бесстрашно.

С ними все в дорожных одеждах, на груди золотые цепи различного достоинства, у многих с драгоценными камнями. Все до единого с непокрытыми головами, но сзади везут их шлемы, цельные, без плюмажей, простые и удобные боевые шлемы.

Я вышел навстречу, довольный и царственный, оба полководца соскочили с коней достаточно резво, приблизились и преклонили колена.

— Сэр Филипп, — сказал я.

Филипп Мансфельд ответил лязгающим металлом голосом, которому никогда не изменяет:

— Ваша светлость!

— Встаньте, сэр Филипп, — сказал я и повернулся ко второму.

Тот сказал четко, словно разрубил мечом щит:

— Ваша светлость!

— Сэр Чарльз, — ответил я. — Встаньте и дайте мне вас обнять. Подробнее я расскажу о вас чуть позже, а пока, друзья мои, отдыхайте перед приемом.

Ришар спросил заинтересованно:

— Это и есть турнедцы?

— Они самые, — сказал громко, чтобы слышали все собравшиеся рыцари. — Представляю вам двух героев битвы в Сен-Мари с морским десантом, рейнграфа Чарльза Мандершайда, командующего северной армией Турнедо, и стальграфа Филиппа Мансфельда, командующего второй ударной группировкой войск королевства Турнедо. Сейчас они, отличившись в битве с пиратами, пришли в Гандерсгейм.

Ришар обронил:

— Не пришли, я бы сказал, а поспешили в Гандерсгейм.

Рейнграф Чарльз кивнул:

— Совершенно верно, ваша светлость.

Ришар сказал учтиво:

— И, как я понял, с ходу ввязались в бои с местными войсками, не успев даже добраться до центрального лагеря?

Рейнграф лишь развел руками, а стальграф Филипп, жилистый и с суровым лицом ветеран, пытался изобразить хоть какое-то сожаление, но не смог.

— Простите, ваша светлость.

Ришар сказал дружелюбно:

— Да я бы и сам так поступил!.. Прошу вас в мой шатер, друзья. Нам есть что рассказать друг другу.

Я хлопнул по плечу рейнграфа:

— Спасибо вам. Вы так моментально откликнулись

на призыв помочь королевству Сен-Мари, что ни на минуту не опоздали к грандиозной битве!

Сэр Чарльз сказал с придыханием:

— Сэр Ричард, вы дали нам возможность хоть как-то очистить свое имя. Но, сказать честно, мы никогда такой грандиозной битвы не видели и никогда не встречались с таким необычным противником... Подумать только — пираты! Огромный десант с моря... Расскажи кому дома — не поверят. Чтоб с кораблей высаживались десятки тысяч... да и самих кораблей тысячи и тысячи!..

Ришар, подталкивая, уводил их в свой шатер, но стальграф задержался чуть, чтобы поинтересоваться:

— Сэр Ричард, можно вопрос...

— Слушаю.

— Если только это не военная тайна.

— Спрашивайте смело, — успокоил я. — Человек я только с виду нежный и ранимый, из деликатности разболтаю любые тайны. На самом же деле я просто совру красиво и вдохновенно!

Он спросил тихонько:

— Вы прибыли, чтобы приготовить... большое наступление?

— Большое, — подтвердил я, — и окончательное. Это не весьма, что огромные армии закованных в стальные доспехи рыцарей увязают здесь, как в песке, в мелких стычках, что не дает нам стратегического преимущества!.. Вы могли заметить, что варваров уже прижали к морю!.. Но я не уверен, что у нас за спиной в их стойбищах не садятся в седла новые тысячи молодых отважных удалцов. А этого допускать нельзя!

Ришар кивнул мне, дескать, эти двое выглядят настоящими воинами, они поймут необходимость тех крутых мер, о которых я говорил.

Вечером в моем шатре все знатные и знатнейшие толпятся вдоль стен, потом будут с гордостью рассказывать, что присутствовали, видели собственными глазами, а их с горящими глазами будут уговаривать рассказать еще и еще раз.

Я на троне, для этого у одного из кресел спинку заменили более высокой, Арчибальд Вьеннуанский, веселый и белозубый, я вообще его не видел иным, подошел со свитком в руке, свернутым в трубочку, встал справа от трона, элегантнейший красавец, всегда в изумительно подогнанных по фигуре доспехах, но для этого случая снял, заменив роскошным кафтаном, от воротника и до краев расшитым золотом.

— Ваше высочество, — прошептал он, дохнув на меня винными парами, — все готово!

— Справишься? — спросил я.

Он сказал горделиво:

— С чем угодно!

— Хорошо, — сказал я. — Не будем тянуть, а то вино в бочках перегреется.

Он заулыбался во весь рот, выступил вперед и прокричал торжественно:

— Стальграф Филипп Мансфельд!

Стальграф выступил вперед, с достоинством преклонил колено. Арчибальд развернул лист, но, прежде чем читать, окинул взглядом присутствующих, отмечая жадное любопытство на лицах.

— Стальграф Филипп Мансфельд, — сказал он громко и ясно, — вы, командующий первой ударной армией королевства Турнедо, быстрым маршем провели ее через Армландию и Тоннель под Большим Хребтом в Сен-Мари, где с ходу, не выстраивая за неимением времени в боевые порядки, ударили высадившимся пиратам в тыл и тем самым помогли спасти Тараскон с его верфями!.. За этот подвиг, воинское мастерство и

ту роль, которую вы сыграли в нашем общем деле, его высочество сэр Ричард жалует вас титулом лорда Галекширского с пожалованием вам королевства Жемчужных Ключей!..

У стальграфа не только язык отнялся, но и остановилось дыхание, я не только вернул ему смысл жизни, но и полностью реабилитировал его воинскую славу и умение полководца в глазах турнедцев.

Не в силах выговорить ни слова, он молча поклонился, но взглянул на меня с такой благодарностью, что мне стало неловко, будто я и его в чем-то да обманул, хотя вроде бы подарил аж целое королевство!

Арчибальд снова развернул лист, явно гордясь такой ролью и таким жадным вниманием, сказал с тем же подъемом:

— Рейнграф Чарльз Мандершайд!.. Вы, командующий второй ударной армией королевства Турнедо, немедленно откликнулись на предложение сэра Ричарда идти в Гандерсгейм... но на выходе из Тоннеля узнали про вторжение армады пиратских кораблей и несметных десантов, потому вместе со стальграфом Мансфельдом без колебаний и потери времени мгновенно ударили по высадившимся пиратам, уничтожили крупные отряды и, прорвавшись к кораблям, сожгли несколько десятков, что вызвало панику среди высадившихся!.. За этот подвиг его высочество сэр Ричард, властелин королевства Сен-Мари, гроссграф Армландии, пфальцграф Фоссано, гранд Варт Генца, маркграф Гандерсгейма и фюрст архипелага Рейнольдса... жалует вас землями королевства Сильверланд!

Рейнграф молча смотрел на меня, затем выдал придуренным голосом:

— Ваше высочество...

Я сказал негромко:

— Ваши королевства с сэром Мансфельдом рядышком, так что не подеретесь, надеюсь.

Он поклонился и отступил, Арчибальд шепнул мне тихонько:

— Там сколько еще королевств?

— Примерно с сотню, — ответил я. — Только на-граждать пока особенно некого, так что останутся в цепких лапах государства без всякой поспешной приватизации... Кто там следующий?

Следующим преклонил колено сэр Эндрюс. Арчибальд провозгласил громко:

— Сэр Эндрюс Бэрбоун! По приказу и с милостивого соизволения его высочества гранда Ричарда вам дается титул барона и поместье в Эльзенхауэне.

Арчибальд передал мне кинжал в дорогих ножнах с инкрустацией золотом, я повернулся к сэру Эндрюсу:

— Поднимитесь, барон.

Он поднялся, исполненный почтения, я подал ему обеими руками клинок. Тот принял тоже обеими руками, не отрывая от меня преданнейшего взгляда, поклонился и проговорил дрогнувшим голосом:

— Ваше высочество...

И отошел в толпу, где его толкали в бока и поздравляли.

Арчибальд прочел по бумаге дальше:

— Виконт Ульрих Росбент!

Ульрих преклонил колено, Арчибальд зачитал громко:

— За доблесть и мужество его высочество вам жалует титул барона и дарует в пользование земли Урширка!

Ульрих сказал растроганно:

— Ваше высочество...

Арчибальд прервал громко:

— Доблестный сэр Риккардо!

Вперед вышел и преклонил колено Риккардо, первый муж Лоралеи. У меня сердце дрогнуло и чуточку кольнуло болью, чему я смутно удивился, вроде бы все забыто, а поди ж ты...

— По приказу и с соизволения его высочества, — зачитал громко Арчибальд, — вам даруется титул барона и поместье в Кейтвуде!

Риккардо взглянул на меня непроницаемыми глазами.

— Ваше высочество...

Он принял обеими руками кинжал и отступил.

— Граф Альвар Зольмс!

Альвар, несколько удивленный, торопливо вышел вперед, преклонил колено и смотрел на меня большими живыми глазами.

Арчибальд сказал с подъемом:

— По приказу и с милостивого соизволения его высочества графа Варт Генца Ричарда вам даруется титул лорда Устерского и земли в Альгатске!

Альвар выдохнул с жаром:

— Ваше высочество!

А Арчибальд уже продолжал громко:

— Барон Максимилиан фон Брандесгерт! По приказу и с соизволения его высочества Ричарда вам даруется титул графа Стоунширского!

Макс понялся с колен, сказал не то с благодарностью, не то с упреком:

— Ваше высочество!

Громко и радостно протрубили фанфары, все повернули головы ко входу. Полог открыл и вошел граф Ришар, уже в красной мантии с горностаевым верхом, по проходу между военачальниками и доблестнейшими рыцарями крестоносного воинства он двигался под одобрительные выкрики, но когда приблизился к моему трону, все умолкли и даже перестали двигаться.

Арчибальд прокричал звонко и торжественно:
— Гриф Ришар де Бюэй!

Ришар остановился внизу за шаг от первой ступеньки на помост, где мой трон, грациозно преклонил колено, но спина ровная, взгляд прям и спокоен.

Я откинулся на спинку кресла и наблюдал за ним спокойными глазами.

— Граф Ришар де Бюэй! — произнес звонким и радостным голосом Арчибальд. — По приказу и с соизволения его высочества гранда Ричарда вам даруется титул герцога Магенбрукского и Коппервудского!.. А также фюрста Гандерсгеймского с передачей поместий в тех землях в ваше владение!

Я поднялся, Арчибальд крайне торжественно взял из рук одного из прислуживающих рыцарей подушечку с золотой бахромой, на ней красная шапочка, которую охватывает золотая корона герцога, повернулся и с поклоном протянул мне.

Я взял оттуда корону и надел на склоненную голову графа. Арчибальд с поклоном протянул мне другую подушечку, на ней кинжал с золотой рукоятью и в красных ножнах.

Я обеими руками протянул этот кинжал Ришару.

Он принял, а я сказал тепло:

— Поднимитесь, ваша светлость!

Краем глаза я видел, что герцог Ульрих сдерживает довольную улыбку. Отныне урона для его достоинства не будет, если присутствует на совещаниях, которые проводит Ришар — не только герцог, но и фюрст.

Глава 8

Будакер разговаривает с Митчеллом, они с ним теперь неразлейвода, но когда увидел, как возле меня оказалась брешь, подошел со смиренным видом.

— Сэр Ричард, — спросил он смущенно, — меня, видать, так часто по голове били, что вытряхнули всю память. Хоть убейте, не могу вспомнить хоть одну из земель, которые вы раздаривали так отечески щедро.

Я сказал с родительской снисходительностью:

— Сэр Будакер, пока вы тут с переменным успехом деретесь с полуголыми дикарями и никак не можете с ними справиться, я успел завоевать еще одно королевство и получить контроль над двумя соседними.

Он охнул, глаза полезли на лоб, но все же опомнился и сказал обидчиво:

— Мы справляемся! Последние остатки прижимаем к морю!..

— Пленных много?

Он покачал головой:

— Пираты стараются раствориться среди местных племен.

— Помогает?

Он снова покачал головой, но ответил достаточно осторожно, не уверенный в моей реакции:

— Но вы же велели вести войну жестко, вот нам и все равно, кто оказывает сопротивление: местные или пришлые...

Я сказал резко:

— Именно! Мы строим справедливое правовое общество, где будет гуманизм и торжество культуры! Поэтому пиратов всех нужно уничтожить, а с ними и тех местных, кто из них хотя бы бросит косой взгляд в сторону носителей высокой гуманности, терпимости и толерантной мультикультурности.

Он спросил с настороженностью:

— Это кого?

— Эх, — сказал я раздраженно. — Все это надо делать сейчас, чтобы после окончания военных действий объявить и Гандерсгейм зоной свободы, сравнитель-

ной культуры и почти стопроцентной гуманности. Нам нужен процветающий край!

Он ожил, сказал бодро:

— Как повелите, ваше высочество! Под вашим чутким руководством Гандерсгейм уже становится краем высокой культуры и гуманности. Вот только сожжем последние стойбища!

— Торопитесь, — велел я. — Все ускорилося, сэр Будакер! Вам же хочется вернуться в родные земли?

Он уточнил:

— В те, которые вы пожаловали?

— Ну да, разве они теперь не родные?

— Еще как, — ответил он, — но здесь настолько, что я не знаю... Вот даже Митчелл не рвется вернуться к милой Даниэлле, а у него золото, а не жена. Здесь жизнь, сэр Ричард.

Вокруг нас собирались рыцари, Митчелл уже рядом с Будакером, я кивнул ему, выделяя как старого знакомого, а остальным, обращаясь сразу ко всем, сказал громко и повышая голос:

— Помните, конные варвары — это захватчики!.. Здесь было королевство Сен-Мари, пока сюда не высадились с моря несметные толпы этого сброда, что захватили все долины!.. Города, запершись в своих стенах, держались долго, но им пришлось пойти на соглашение с захватчиками. Да, это было давно, очень давно... и если б варвары стали жить мирно, мы бы примирились с тем, что они там поселились...

Митчелл уточнил зло:

— Примирились бы?

— Да, — сказал я, — за истечением срока давности преступление перестает считаться им. Но они там расплодились и начали нападать и на Сен-Мари!.. Вы помните нашу последнюю битву, когда мы спасли королевство, варвары уже осаждали Геннегау!.. А сейчас

мы здесь с ответным ударом. Так пусть же он будет справедливым и потому беспощадным. Мы должны понимать, что давность срока не оправдание для захвата чужих земель, если захватчики не ведут себя как добрые христиане...

Вокруг меня разом накалился воздух, настолько плотной оказалась ярость, справедливое негодование и патетическое недоумение, почему варвары все еще существуют.

— Уничтожим! — раздался громовой крик.

— Истребим!

— Всех до единого!

— И ни следа чтоб...

Я вскинул руку, прокричал:

— Нет-нет! Только тех, кто нападал или оказывал помощь нападавшим. Если какое-то стойбище скрывает наших противников, это стойбище должно быть стерто с лица земли. Я не хочу возвращаться к этой проблеме снова и снова. Варваров в Гандерсгейме не должно остаться ни одного! А те, кто останутся, будут уже не варварами.

Митчелл спросил мрачно:

— А если непонятно, на чьей стороне стойбище?

— Все сомнения решаются в нашу пользу, — терпеливо пояснил я элементарные вещи. — А как иначе, если мы сильнее?..

Сэр Будакер спросил в некотором беспокойстве:

— Ваше высочество, а что насчет наших варваров?

Я спросил сердито:

— Это каких?

Он напомнил:

— Нам помогает племя ассиров.

— А-а-а, — сказал я и поморщился. — Это даже не племя, а целый союз племен... Хоть не очень крупных.

— Их оставим?

Я покачал головой:

— Насколько помню, их вождь Растенгерк женился на Мириам, дочери короля Тиборры, кажется... Словом, он уже начинает вписываться в городскую жизнь... нет, не городскую, а оседлую. Нам не нужны кочевники! А будут заниматься земледелием — они перестанут быть воинственными дикарями.

Он кивнул:

— Мудрое решение.

— Дык это же ваш сюзерен изрек, — напомнил я. — Разве я не всегда почти мудрый?

Он посмотрел на меня и сказал со вздохом:

— Ох, ваше высочество... что про вас только не рассказывают...

— Хорошего не скажут, — согласился я. — Это же наша отличительная человеческая черта, мы ж не эльфы какие-то ушастые!

— Да не знаю, — ответил он, — хорошее это или плохое, но говорят, вам драконы служат...

Я изумился:

— Мне? Кто такое говорит?

Он ответил неопределенно:

— От местных наши слышали. А те вроде бы сами видели, как к вам прилетают драконы и кланяются, кланяются... Крылья вот так в стороны, а мордами в землю!

— А-а-а-а, — протянул я, — так бы и сказал! Конечно, а как же... Вот так прилетают стаями, садятся во круг и кланяются, кланяются, кланяются.

Он просветлел лицом:

— Значит, правда?

— Ну да, — сказал я строго, — а ты, значит, не веришь в своего лорда?

Он вскрикнул почти испуганно:

— Верю-верю, только не бейте!

— То-то, — сказал я, — в лорда надо верить. А пока ладно... там столы к пиру уже накрыли?

Возможно, будут обиды, когда я потихоньку начну отстранять от рычагов старых соратников, таких надежных, как граф Ришар... Однако граф прибыл со своим войском, а то, что ему поручено общее командование, не отменяет того, что у него все равно есть своя небольшая армия.

В случае недовольства моими действиями, словами или вообще чем-то, мало ли какая вожжа под хвост попадет, он волен забрать свое личное войско и увести его в Армландию, я же ничего сделать не могу, это его право, закрепленное договорами лордов с королем.

Но теперь я не просто вожак, что ведет своим авторитетом и харизмой на завоевания, что обеспечивают славу, почести и богатства, но я государь, который для внутренних преобразований в стране должен стоять на ногах крепко.

И если лорды выразят недовольство, я просто распушу их личные войска, а замки могу просто скрыть, как сделал это Генрих Второй в Англии, а через пятьсот лет решил повторить кардинал Ришелье во Франции.

Хотя, конечно, это крайняя мера. Уверен, что в отношении Ришара и прочих старых соратников все останется по-прежнему, но уже в виде молчаливого исключения, а на их наследников это исключение распространяться не будет.

А Сен-Мари, Скарлянды, Варт Генц и Турнедо дадут достаточно мощное войско, подчиненное только мне, чтобы никто из лордов даже не пытался противиться моим преобразованиям.

Я быстренько перетек в личину птеродактиля и полетел к башне Сьюманса. Трусливое опасение, что вот возьмет и шарахнет чем-то, отшел, ибо, во-первых, я совсем не дракон, даже зубы убрал из клюва, а со спины снес шипы начисто, а во-вторых, они с ходу видят, где настоящий зверь, а где человек в его личине.

Башня Сьюманса все так же блестит на жарком южном солнце, словно в самом деле из слонячьей кости, наверху широкая площадка, слегка прикрыта легким навесом, так что влетать надо осторожно.

Впрочем, я ж не дракон, все равно ничего не шибу, разве что сам шарахнусь. Внизу поплыли невысокие кусты, зеленая трава, парочка прудов, но живности я не рассмотрел, к тому же, как мне намекнули в прошлый раз, Сьюманс питает симпатию к змеям, их полно вокруг его башни, и я, напрягая зрение, рассмотрел некоторых особо заметных гадов, лениво-шустрых, с треугольными или стреловидными головами, одни замерли, прогревая холодную кровь и кости, если те у них есть, другие ползут, извиваясь волнами и петлями.

Одна подняла голову и посмотрела, как мне показалось, прямо на меня холодными стеклянными глазами. Я ругнулся, чувствуя озноб, никакая змея меня еще не рассмотрит на такой высоте, но все равно как-то гадко от ее взгляда.

Вершинка башни приблизилась, я растопырил крылья, упираясь во встречное давление воздуха и гася скорость, но не успел вытянуть задние лапы и опуститься на каменный край, как на площадке коротко вспыхнуло, появился Сьюманс и сразу сказал живо:

— А-а, сэр Ричард!.. А мы как раз о вас вспоминали...

Я опустил на прохладный камень, как можно быстрее перетек в людскую личину. Дважды вспыхнул

свет, появились Тиграт и Герберт. Я торопливо поклонился им.

Они смотрели на меня с благожелательным любопытством, создали себе по креслу и уселись, спокойные и неторопливые.

Я сказал с неловкостью:

— Мне бы вот так...

Сьюманс сказал утешающе:

— И так, как у вас, замечательно. Хоть и медленно, зато природой полюбуетесь вволю...

— Да что мне с того любования, — проворчал я. — Что-то не весьма зело у меня. Научите как-нибудь?

Он вздохнул:

— Увы, источник магии разрушен. Это так, остатки. И то в пределах башни. Потому мы так загорелись тем новым направлением, что вы нам показали. И всеми его возможностями.

— Не все загорелись, — напомнил я.

— Не все, — сказал он с печалью, — но их понять можно... Это у меня характер, как у кузнечика, все прыгаю, так и не ощутил со всей мощью, чего мы лишились.

— Зато что-то да обрели.

Он кивнул, выражение его лица заметно потеплело.

— Если честно, вы нам занятную игрушку подкинули!.. Хотя, конечно, это не игрушка, понимаем... У нас прямо соревнование какое-то началось. Кто сделает воздушный шар побольше, у кого продержится в воздухе дольше, чем у других... Конечно, все без магии!

Тиграт хмыкнул:

— Ну, не совсем...

Герберт сказал сердито:

— Это совсем другое дело!

— Разве? — спросил Сьюманс ехидно.

Я поинтересовался:

— А почему пришлось с магией? Это же нечестно.

Тиграт поморщился, сказал с неохотой:

— Когда мы построили шары достаточно большие, чтобы пролететь хотя бы несколько миль, тут и случилось...

Герберт коротко хохотнул.

— Именно случилось, Тиларет чуть не обделался от ужаса. Даже не сразу сообразил, что делать. У самой земли успел сплести заклятие... га-га-а!

Сьюманс объяснил мне снисходительно:

— Варвары начали бить по шарам из Костяных Решеток. И еще из какой-то дряни.

— Ледяных Игл, — подсказал Тиграт.

— Да-да, именно. Спасибо, Тиграт, ты всегда умеешь выставить меня выжившим из памяти.

Тиграт фыркнул возмущенно:

— Ладно-ладно, обидчивый вы наш. Тиларет чуть не погиб, еще двое потеряли шары. В конце концов мы стали бить в ответ, выжигая там целые площади.

Он взглянул на меня с некоторым смущением, я сказал одобрительно:

— Правильно делаете. И никаких нарушений соглашений я не вижу. Вы реализуете право каждого гражданина на вынужденную самооборону с превышением необходимости, что понятно и оправданно, об этом даже в Библии насчет сторицы и Содомы с Гоморрой. За каждый выстрел из Костяной Решетки нужно заливать огнем квадратную милю! Если, конечно, там эти дикари, а не воины Креста.

Тиграт, приободренный, сказал уже свободнее:

— Мы не милю, но акр точно выжигали так, что и трава года три расти не будет.

— С перепугу, — с ухмылкой добавил Герберт.

Все правильно, ободрил я снова, думая о том, что шары шарами, но и дракона теперь варвары не собьют,

побоятся ответного удара. Если у кого еще и останется Костяная Решетка, то спрячет подальше и не возьмет в руки.

— На шарах, — сказал я, — можно пересечь даже океан. Вообще можно летать хоть сутками, хоть неделями.

Тиграт возразил недоверчиво:

— Сэр Ричард, воздух остывает быстро! А взять с собой слишком много горючего масла тоже не получится.

— Есть и другие варианты, — сказал я таинственно.

Тиграт насторожился, а Герберт спросил жадно:

— Какие?

— К примеру, — сказал я, — наполнять не воздухом. И вообще делать шар закрытый наглухо, чтобы воздух не выходил... который не совсем воздух, а если еще точнее, вовсе не воздух.

— А что?

— Газ, — ответил я любезно.

— Газ? Что за газ?

— Который легче воздуха, — объяснил я все так же любезно. — В этом случае вообще не нужно подогревать. Он и так прет вверх, успевай только балласт за-таскивать! Я расскажу как-нибудь подробнее, сейчас просто дел, делов, а так я бы да, с огромным нашим удовольствием и даже удовлетворением!

Он сказал с досадой:

— Ну что у вас, людей, за такие важные дела? Все можно отложить... Вы же так много интересного нам показали!

— Я только начал, — сказал я таинственно. — Эх, мудрый Тиграт, какой бы из вас получился великий ученый... А так вы всего лишь великий маг... Жаль, конечно, такие мозги пропадают...

Он пощупал голову и сказал обидчиво:

— Ну почему же пропадают? Что-то совсем не чувствую, чтобы пропадали. Еще как работают. Хотя, конечно, чем наполнять шар, никак не додумаясь. Разве воздух не газ?

— Газ, — согласился я.

— Он что, тяжелый?

— Нет, как раз средний. Есть газы тяжелее воздуха, есть легче. Нам нужен именно легче.

Он сказал жадно:

— Где его взять?

Я вздохнул.

— В двух словах не рассказать. Вот если бы вы стали ученым...

Он посмотрел на меня, как лев на ягненка.

— Вы пытаетесь меня принудить?

Я примиряюще выставил перед собой ладони:

— Ни в коем случае! Под принуждением хорошо только канавы копают, а творческая работа не идет... Просто намекиваю со всей своей слоновьей деликатностью и обезоруживающей грацией, что в магии вы давно все уперлись в потолок... Ну ладно, мы все уперлись! Человечество. А в науке — дух захватит от бескрайней высоты и возможностей!

Он поморщился:

— Какие возможности?... Это же начинать все с начала...

— Зато можно пройти быстрее, — сказал я, — очень быстро! Фуксом.

Он посмотрел на меня в сомнении:

— Вы уверены?

— Ну да, — сказал я бодро. — Мы же знаем, что когда было придумано, кем придумано и как! Осталось только повторить.

В его глазах вместе с сомнением я увидел просто отчаянную надежду.

— Это вы откуда-то знаете... а мы нет.

— Я буду подсказывать, — заверил я. — Сам бы занялся, но на мне уже три королевства! А я не могу смотреть, как люди умирают в нищете и невежестве, так и тянет самому добить, чтоб не мучились, я же гуманист, в будущем все станут гуманистами!

Он зябко передернул плечами.

— Правда? Что-то расхотелось в такое будущее... Впрочем, мы сами его творим, оно будет таким, каким на этот раз сами сделаем... если, конечно, возьмемся. Один я не стану, но если удастся привлечь на свою сторону наших друзей-магов...

Сьюманс перебил в нетерпении:

— Сэр Ричард, а что-нибудь еще показать нам можете?

Тиграт воскликнул с укором:

— Да мы с воздушными шарами только начали! Там столько впереди нового...

Сьюманс сказал жадно:

— Да мне просто интересно, если ли еще какие-то направления...

— Миллион, — заверил я. — И в конце... нет, еще на середине каждого направления у вас будет мощи побольше, чем у всех Великих Магов, вместе взятых! Герберту, великому математику, любопытно будет узнать о таких вещах, как дроби или отрицательные числа, а Тиграту могу показать кое-что из опытов с электричеством... У вас есть кошки?

Тиграт поморщился:

— Кошки? Да ни за что! Мы что, старые девы?

— Гм, — сказал я, — ладно, заменим сухим листком бумаги...

Я порезал лист узкими полосками до половины, так что они свисают, как щупальца, взял щетку и прогладил несколько раз, а затем, свернув в кольцо, показал,

что они расходятся колоколом, отталкиваясь из-за однородности зарядов друг от друга, а когда предложил Тиграту сунуть туда руку, он вскрикнул и отдернул от неожиданности, когда ленточки потянулись к руке жадно.

— Это называется электричество, — объяснил я. — Вся мощь Великих Магов началась с этого вот пустячка. И сия мощь позволяла гасить и зажигать звезды. Да-да, я знаю, что такое звезды... Хотите повторить эксперимент?

Они все трое вскочили и протянули руки к щетке.

Глава 9

Главное, стучит в голове, показать им морковку по-слаще. Ничего скрывать не буду, все выложу, умолчу только, что для каждого следующего шажка науки нужна более развитая инфраструктура. А усилиями одних ученых ее не потянуть, нужно развивать еще много чего. Но сказать такое — сразу обрубить крылья.

Зато если начнут, потом уже бросать не захотят, так же много сделано, осталось чуть-чуть! Не знают еще, что каждый шажок будет даваться труднее и труднее.

С другой стороны, они всю жизнь привыкли решать задачи, у них мозги повернуты так, что им только подбрасывай соломки или дровишек в огонь, а это я сумею...

Я взглянул на заходящее солнце, охнул, как будто вот прям опаздываю на важную встречу:

— Ого! Как время летит!.. И его ничем не остановишь... Все-все, я бегу, мчусь, устремляюсь, дела, дела, дела...

Сьюманс взмолился:

— Сэр Ричард!.. Вы показали самый краешек загадки! Это нечестно!.. А дальше?

— Это не загадка, — пояснил я. — Это ничтожное проявление сверхгигантской мощи, которую вы сможете подчинить себе без всякой магии. Эта сила поднимет по вашему желанию в небеса целые города, ею можно сдвигать горы и орошать пустыни, превращая их в сады!..

Они все трое смотрели, онемев и с раскрытыми ртами. Я сказал торопливо, делая вид, что уже почти опоздал:

— Если не отыщете путей сами, я в следующий раз подскажу следующий шаг. Но, учтите, я не знаю, как все делается подробно!.. Я понимаю суть явления и я видел, как его подчинили и что с ним делали!.. Потому могу только намечать вехи... Все-все, бегу!

Я вскочил на перила, Сьюманс поморщился, наши великие дела и проблемы простых людей им неинтересны, и чего это я вожусь с такой ерундой, когда мог бы заниматься таким увлекательнейшим делом...

— Увидимся! — прокричал я и прыгнул с площадки навстречу далекой земле.

Падая сквозь ветер, я растопырил руки, и почти моментально они превратились в крылья. Когда в ударе, а адреналин выплескивается из ушей, превращение происходит намного быстрее.

Я красиво взмыл по крутой кривой и понесся с огромной скоростью, делая вид, что где-то меня ждут в нетерпении, но это на всякий случай, если кто из магов посмотрит мне вслед, а на самом деле сразу начал злобно думать, как убить остальные дни.

Ну каким нужно быть дураком, даже адиётом, чтобы назначить съезд вождей Скарляндов аж через месяц? Сказали бы, не поверил.

Сквозь разрывы в тучах показались знакомые земли королевства Турнедо. Я круто пошел вниз, хотя надо бы в Савуази, там наверняка накопилось дел, которые сумел бы решить в нужном ключе только я...

Конечно, и без меня решатся, но мои лорды умеют в лучшем случае поддерживать тот же уровень, что вообще-то хорошо, но я бы наверняка придумал, как дать новый толчок сзади...

На перекрестке дорог постоялый двор, я снизился за рощей, а оттуда уже вышел человеком. Настроение паршивое, ненавижу состояние, когда нужно чего-то ждать, тем более когда сам же и придумал эту дурость...

В харчевном помещении почти пусто, если не считать двух скотоводов, мирно беседующих за дальним столом, перед ними всего две кружки пива и грубо нарезанный сыр.

Хозяин поспешил навстречу, сразу угадав по манере держаться состоятельного гостя.

— Вина?.. Кушанья?

— И то, — сказал я, — и другое. Можно что-нить и третье.

— Ваша милость?

Я отмахнулся:

— Да это так. Вдруг есть что-то особенное.

Он умчался, я опустился за стол, продолжая думать, что в Гандерсгейме теперь пойдет быстрее, хоть и не за один день, как хочется, а мне нужно сосредоточить усилия на том, чтобы решить затянувшийся вопрос декайданизации, но это не горит, гораздо важнее сейчас под любыми предложениями ускоренно и усиленно, пока не опомнились и не раскусили, чем всем грозит, создавать наемную армию, которая будет подчинена только мне. Будет у меня армия, будет и все остальное. Великий вождь сказал однажды, что меч порождает власть, так что самый большой меч должен быть у меня.

Для этого придется торчать здесь, потому что это войну в Гандерсгейме могу доверить другим, дело не хитрое, воевать и дурак умеет, а вот незаметненько провести такую реформу, чтоб никто и не заметил...

Хотя, конечно, некоторые заметят, но я должен вести ее в таких условиях, что, даже если поднимут крик, друзья-сотоварищи скажут резонно: ну ты че, если не создать по-быстрому армию, нас проглотит хоть Варт Генц, хоть Гиксия, хоть Ирам или вообще кто угодно!

Потому, дескать, самый лучший вариант — этот Ричард, он укрепит наши силы, а когда уйдет, сможем рулить в своих интересах уже укрепленным государством...

За мой стол неспешно опустился крупный кряжистый воин, ветеран, видно даже не по шрамам, а по уверенным манерам бывалого бойца.

Слуга принес ему гороховый суп, я взглянул с сочувствием и велел подать на его половину жареных бараньих ребрышек. Негоже сильному мужчине пробавляться едой слабых женщин.

Он кивнул мне с благодарностью, я кивнул в ответ, мол, пустяки, ты же тоже заплатил бы за меня, будь у тебя лишние деньги.

Он молчал, пока пожирал все, как лесной пожар, я напряженно размышлял, как разыскать Хоффмана и разделаться с ним, что-то он тревожит меня не меньше, чем сам Карл...

С флотом и усиленной защитой гавани как-то подзабыл почти про железную дорогу, а ее строят круглые сутки, сменяясь бригадами. Как только протянут от Тоннеля хотя бы в Турнедо, это же будет неиссякаемое пополнение армии, причем — быстрое, никаких утомительных маршей.

Ветеран доедал мясо, я взмахом руки велел слуге

подать ему кувшин с вином, плачу я, вот деньги вперед...

— Благодарю, — обронил наконец воин густым голосом. — Еда — понятно, а вино — это уже роскошь...

Я отмахнулся:

— Не обращай внимания.

Он покачал головой:

— Вы заплатили ему втрое.

— Да? — спросил я. — Неужто у нас инфляция?..

Собственно, это женское дело — считать деньги.

Он хмыкнул:

— Когда заканчиваются, каждый начинает считать.

Я снова отмахнулся:

— Мне везет, всегда хватает.

Он оглядел меня внимательно:

— Чувствуется, вы не простых кровей... Из благородных?

— Очень, — подтвердил я. — Веду свой род от самого Адама и Евы.

Он хмуро улыбнулся.

— Я тоже, но на родственников мы не больно похожи. Ко мне, к примеру, никто не обращается «ваша милость»...

Он взглянул на меня пытливо, я ответил с достоинством:

— Ко мне можно как к милости, можно и как к высочеству. Мы, бродячие рыцари, не очень-то следим за ритуалами.

Он посмотрел с недоверием.

— Если даже высочество, — сказал он хмуро, — то с чего тут углы оттираете?

— Дурью маюсь, — ответил я честно.

— А с чего?

— Нужно как-то месяц убить, — объяснил я. — Це-

лый месяц до одного крайне важного дня! Хотя уже поменьше, конечно, но все равно.

— Так займитесь чем-то другим.

— Не могу, — ответил я, сердитый на самого себя. — Только о том дне и думаю. От него слишком много чего зависит! Если что не так, все рухнет.

Он подумал, поморщил лоб.

— А что за день? Вроде бы нет важных... Разве что Святого Агапия? Но до него не месяц, а неделя...

— Агапий, — ответил я, — это, конечно, да, весьма. Он же святой! Еще какой, ну да... Очень святой. Но как-то не до Агаперия, ибо человек — это целый мир, вселенная, можно сказать, вообще-то как бы! Это я, понятно. Для меня важный я, а святой Агаперий чуть ниже на ступеньку.

Он хмыкнул:

— Ну хоть попытайтесь заняться чем-то другим.

— Можно бы, — ответил я, — но вдруг сломаю или напорчу? У меня такие умные помощники, что лучше не вмешиваться. Да и заниматься государственными делами так неохота... Я же был таким прекрасным и благородным рыцарем, вспомнить противно, каким хорошим дураком был и какой сволочью стал.

— Ну-ну?

Я сказал с воодушевлением:

— Придумал! Когда стану королем, начну по ночам надевать маску, выходить на улицы родной столицы и вершить справедливость!.. Неча всяким королям и законам навязывать нам несвободу и всякое там!.. Я приду дать вам волю, люди! А то и вовсе создам оппозицию, буду ее потихоньку финансировать из казны, добиваться отмены привилегий, коррупции, произвола короля...

Он смотрел скептически.

— Ничего не понял. Против какого короля?

— Против вот этого, — пояснил я и постучал кулаком себе в грудь. — Потому что он свинья, свинтус, свинтус грандиозус, потому и стал королем!.. Именно потому хороший человек вынужден идти в оппозицию, а отсюда я его выведу на баррикады, если не струсит...

Он поинтересовался, явно забавляясь:

— А не струсит?

Я отмахнулся и сказал безнадежным голосом:

— В том-то и дело, что он честный, а честный хоть и струсит, но пойдет. И потому, пока его еще там не убили, я пока порезвлюсь с благородными подвигами как дурак, поосвобождаю принцесс...

Он фыркнул:

— У нас тут принцесс давно не бывало. Но принцы есть.

Я отмахнулся:

— Принцы пусть сами освобождаются. Они хоть и не мужчины, а принцы, но требования к ним как к мужчинам, вот такая у нас странная диалектика. От меня тоже порой кто-нибудь из старых друзей, кто помнил меня еще как странствующего рыцаря... эх, были деньки!.. требует, чтобы я вел себя соответственно...

— Ну и?

Я скривился:

— Но я же государь, можно сказать, хоть и мелко-ватенький пока!.. Какой же я тогда рыцарь? Если буду рыцарить, все королевство моментально про... профекалю, даже мои закадышники дураком назовут! И не только королевство, всех влиятельных друзей подставлю. Не-е-е-ет, я буду на троне править железной рукой просвещенного деспота, а ночами бороться за демократию и гуманизм. Вот тогда и стану уравновешенным человеком

Он смотрел уже не просто заинтересованно, а ошалевши по самые уши.

— Это... как?

— Люди — сложные натуры, — сказал я со знанием дела. — В каждом из нас живет сволочь. В ком-то большая, в ком-то поменьше, а у некоторых, говорят, совсем маленькие, хотя в это не верю, раз у меня у самого просто смотреть страшно, как Джомолунгма какая-то. Что делать, если Ева не утерпела, пока Адам спал... Но в то же время в каждом есть и божья искра! Тоже у кого-то мелкая, у кого-то средняя, а есть и такие, у которых просто пламя...

Он хмыкнул:

— Но вы в это не верите, так?

— Конечно, — подтвердил я. — Если у меня она меньше инфузории туфельки, а то и хламидомонады, то как у кого-то может быть больше?.. В общем, как я понимаю, кого Господь любит, того испытывает по полной, чтобы потом отобрать в свой небесный легион для битвы в Валгалле с Антихристом... ой, что-то у меня глаз задергался... В общем, мне соскучиться не дают, как я ни стараюсь... Да ты пей, вино хорошее!

Он пробормотал:

— Да я от ваших речей уже одурел так, что и вина не надо. Хотя, конечно, кувшинчик с собой возьму с вашего разрешения.

— Бери, — сказал я.

Глава 10

Оставшиеся дни я так и провел на постоялом дворе, выстраивая свою стратегию на будущее и выгравивая политику завтрашнего дня. Хотя перерыв в делах и вынужденный, но, чувствую, пошел на пользу, многое прояснил сам для себя, заодно попрактиковался и со своими приспособляющимися к этому миру возможностями.

Одежду и обувь могу видоизменять достаточно легко: хватает двух-трех минут, чтобы роскошный костюм лорда превратить в потрепанную душегрейку из звериной шкуры, какие носят самые бедные пастухи, а изящные сапоги — в растоптанные башмаки из грубой воловьей шкуры.

Обратный процесс занимает вдвое дольше времени, да и сосредотачиваться надо тщательнее, чтобы шитье золотыми нитями не пошло криво. После двух суток непрерывных тренировок я все-таки сумел по своей воле модифицировать одежду, и тогда понял, что магия еще не ушла из этого мира, она растворена даже в воздухе, и какое счастье, что искусство управлять ею потеряно людьми, начавшими строить цивилизацию заново.

В Савуази я появился в облике купца, но к воротам подошел уже в своем грозном и внушающем. Стражи распахнули ворота, один унесся вперед, крича что-то вроде: спасайтесь, куры, поп идет! Я быстро пошел по центральной аллее к дворцу, строгий и нахмуренный.

Придворные, что прогуливаются по саду, сразу засуетились, кто-то стремится укрыться с моих глаз, кто-то лезет навстречу и угодливо кланяется, я шел, вздернув голову, на поклоны отвечал совсем редко и едва-едва.

У дверей навстречу выбежал Ортенберг, быстрый и настороженный, в светлых глазах блеснула ярость, словно я вот только и думаю, что тайком проверяю его охрану.

— Ваше высочество...

— Сэр Ортенберг, — сказал я отрывисто. — Что-нибудь чрезвычайное?

Он покачал головой:

— Нет, ваше высочество.

— Тогда моего коня, — велел я. — И...

По его лицу я понял, что мне надо срочно развернуться, если не хочу быть сбитым с ног. Бобик налетел, весело гавкнул и попытался повалить меня, чтобы покувыркались вместе, я строго прикрикнул, и он тут же сел, выказывая полную и абсолютную готовность по-виноваться и делать все, что я велю.

Пока я его трепал и чесал за ушами, конюхи вывели арбогастра. Я вспрыгнул в седло, Ортенберг смотрит непонимающими глазами, я сказал властно:

— Вернусь скоро. Надеюсь, с хорошими новостями. Пока ничего тут не спалите!..

Он вскрикнул:

— Ваше высочество! Вы, что же, даже во дворец не заглянете?

— Когда вернусь, — пообещал я, — с недельку вообще выходить не буду, пока все не разгребу. А пока... так всем и сообщите, вернусь с хорошими новостями, а если здесь у кого что-то будет не сделано — начну спускать шкуры!

К стольному граду Древограду мы мчались через ненастье, дороги залиты холодными осенними дождями, ночами лужи покрываются льдом, однако, судя по глубоким колеям, ведущим к свежему частоколу, жизнь бьет ключом, несмотря на плохую погоду.

Уже вблизи ворот мы обогнали две заляпанные грязью чуть ли не до крыши повозки, на колесах налипла вязкая глина, ее разбрасывает, как фейерверком. Бобик показал лошадям зубы, те с испугу шарахнулись, коляска одним колесом попала в кювет.

Я не стал оглядываться и предлагать помочь выбраться, все мы в чем-то да виноваты, влетел через распахнутые ворота, а там сразу стало видно, что в городе не просто оживление, а необычное оживление. Мно-

жестов крытых повозок собрались не только вокруг главного терема, Шварцкопф его упорно называет дворцом, но и стоят на всех ближайших пустырях, площадях и даже базарах, охраняемые угрюмыми стражами.

Я подъехал к дворцу шагом, чтоб не приняли за нападение, кто-то из людей вождя узнал, охнул, ринулся ко мне с радостным воплем:

— Ваше высочество!.. Ваше высочество, позвольте вашего коня?

— Можете и собачку, — разрешил я.

На Бобика смотрят с ужасом, как он ни старается выглядеть милым и приветливым песиком, но размеры пугают, это же не корова, что ест только траву.

— Хорошо, ваше высочество, — промямлил самый храбрый. — Чем оно... питает себя?

Я отмахнулся:

— Только покажите ему кухню, а он уже сам покажет, что ест и как ест.

— Ой, нам на такое лучше не смотреть...

— Как хотите. Где мой друг Шварцкопф?

— Сейчас позовем...

С крыльца раздалось могуче:

— А меня звать не нужно, когда появляется его высочество Ричард Завоеватель!

Шварцкопф спустился по ступенькам неспешно и важно, слишком много народу видит и оценивает, как выглядит и как держится в общении с правителем могучего и опасного королевства Варт Генц.

Я демонстративно обнял его и сказал громко:

— Ну, пойдем в дом, хочу есть и пить, устал за длинную дорогу!

— Буду рад, ваше высочество, — сказал Шварцкопф очень довольный. — Сегодня стоит отдохнуть, а завтра можно и...

Я помотал головой:

— Я отдыхаю быстро, а за хорошо накрытым столом разве не отдых?.. А потом можно и о наших делах. Поговорить, имею в виду.

Шварцкопф быстро сказал двум внимательно слушающим помощникам:

— Слыхали?.. Готовьте зал!.. Ваше высочество, прошу вас сюда...

Похоже, он ждал и готовился. В небольшом и достаточно богато обставленном зале, в основном — головами убитых зверей на стенах и множеством мечей, щитов и топоров там же, уже торопливо накрывают стол, слуги посматривают на меня с жадным любопытством крестьян, увидевших прибывший цирк.

Шварцкопф сам отодвинул для меня кресло, где-то да подсмотрел такой жест, выждал, пока я сел, опустился напротив и уставился мне в рот с жадным любопытством.

К счастью, я достаточно огрубел, уже не стесняюсь, ем почти по-рыцарски, то есть выплевываю кости на середину столешницы или бросаю под стол, вдруг да Бобик прибежит, держусь свободно и бесцеремонно, как и надлежит лорду, которому никто не посмеет указать на плохие манеры, и тут уж если свинья, то свинья всем напоказ.

— Гонцов к вождям послали? — поинтересовался я.

Он хитро улыбнулся:

— Нет.

— Что случилось? — спросил я в предчувствии неприятностей.

Он развел руками:

— Да нет надобности. Вы же сказали, что даете месяц на совещания, переговоры друг с другом, утряску деталей, а потом явитесь выслушать ответ.

— И?

— Вожди уже здесь, — сообщил он. — Кто-то был еще четыре дня тому, а самые последние — вчера вечером. Сейчас вот слух, что вы уже прибыли во дворец, катится по городу!.. Многие увидели вашего красавца коня и чудесную собачку, мне б такую...

— Понятно, — сказал я и незаметно перевел дух. — Собираются?

— Да, — ответил он счастливо. — Когда закончите трапезовать, сразу можно в главный зал, там уже половина мест занята.

— Отлично, — проговорил я, — тогда подавайте сладкое. Не спеша.

Зал заполнен почти весь, я посмотрел в щель, сердце все-таки колотится слишком уж, оно у меня трусоватое, не такое, как я сам, стыдно за него, но тут уж ничего не поделаешь, приходится жить с таким.

Собрались там, как вижу, сильные и суровые люди, стойкие и крепкие, в самом деле только те, кого называем полевыми командирами. Они привыкли решать быстро и жестко, но это не значит, что из таких не вырастают потом главы государств.

Шварцкопф, что тоже заглядывает в щель, оглянулся и спросил шепотом:

— Готовы, ваше высочество?

— Готов, — ответил я, тут уже неважно, готов или нет, надо, — объявляй.

Он вошел крупно и владетельно, сказал приподнятым голосом:

— Его высочество Ричард Завоеватель!

Я помедлил несколько секунд, надел самую доброжелательную улыбку, закрепил ее и вошел в зал легкой походкой отдыхающего человека.

В зале зашумели, я не услышал криков хвалы или

поздравлений, да и не с чем, взгляды нетерпеливо-настороженные, я улыбался и улыбался, двигаясь через весь зал к возвышению, где за столом на правах хозяина расположился Шварцкопф, но с краешку, мне оставил середину.

У самого стола я остановился, развернулся к притихшему залу и сказал легко:

— В прошлый раз я все сказал, помните? Теперь послушаю, о чем вы договорились за месяц.

Они немножко оторопели, ждали речь, но я сел за стол и с прежней легкой улыбкой отдыхающего человека смотрел на них, стараясь, чтобы в моем взгляде читались добродушие, спокойствие и даже некоторая беспечность.

Шварцкопф подпрыгивал, высматривал людей в зале, подскочил и сказал торопливым басом:

— Вождь ляндерей Калейдер желает сказать слово!

Из переднего ряда поднялся высокий крепкий мужчина, уже немолодой, но поджарый и крепко сбитый.

— Ваше высочество, — проговорил он медленно, — мы долго обсуждали этот вопрос в племени... а потом и с вождями соседних племен. Много спорили... Конечно же, все мы жаждем возродить древнюю славу Великой Скарляндии, однако...

Я молчал и благожелательно улыбался, пусть видят, что мое дело предложить и малость посодействовать, но если будут упираться, то баба с возу — кобыле легче. Мне эта морока совсем не нужна, делаю от чистого сердца и потому еще, что мне особенно трудиться не придется.

По-моему, они народ ушлый, всматриваются в меня настолько пристально и внимательно, что видят насквозь то, что хочу им внушить.

— Однако, — сказал Шварцкопф, воспользовав-

шись тем, что тугодумный Калейдер долго подбирает слова, — Варт Генц сейчас намного сильнее. Я правильно ухватил мысль мудрого Калейдера?

Калейдер прорычал с угрозой:

— Правильно. Но не прерывай меня больше!

Он сел, сердито посапывая, а Шварцкопф, ничуть не смутившись, продолжил быстро:

— Мудрый вождь Калейдер сказал верно, я лишь закончу то, что он недоговорил. Варт Генц сильнее, хотя бы временно, потому в этих условиях пытаться предлагать им своего короля как-то...

Теперь он запнулся, подбирая нужное слово, и сердитый, что у него перехватили инициативу, Калейдер сказал резко:

— Глупо! Дурь. Они только посмеются, хотя и знают наши исконные права на общую корону. Одно дело — право, другое — сила!

Вождь Гарасдир, что во главе племени едров, зашевелился, но только кряхтел и отводил взгляд.

В зале зашумели, один из вождей крикнул громко:

— Идея хороша, но ничего не получится.

Вождь Калейдер вперил в меня требовательный взгляд:

— Сэр Ричард, вот вы прекрасно понимаете и признаете наши права на общий трон, но... что можете сделать вы? При всем доверии к вам в Варт Генце вы тоже не всесильны!

Я вздохнул, развел руками:

— Золотые слова, и вообще вы очень точно все сформулировали. Наверное, вас все уважают и чтут за ясность мысли и точность рассуждений...

Он настолько польщенно заулыбался, что я мысленно поставил против него галочку, и этот мой, а он пробормотал:

— Вы очень проницательны, мой лорд... Вообще-то у меня есть пара предложений...

Он запнулся, додумывая нечто, Шварцкопф сказал сердито:

— Опять что-то головоломное?

— Да, — согласился Калейдер. — Очень.

— Ну давай, не тяни!

— Да рискованно не тянуть, — сказал Калейдер. — Не о корове речь, о Скарляндах... Что, если вы, гранд Варт Генца, станете и королем Скарляндов?

Вожди недовольно зашумели, вождь ятваргов Гардard Быстрый громко выругался и грохнул кулаком себя в грудь:

— Этого никогда не будет!

Я сказал торопливо:

— Вы абсолютно правы, отважный и пылкий Гардard!.. Мне вовсе не нужно самому стремиться на этот слишком высокий для меня трон. Я не вартгенец, а правитель крохотной далекой страны под названием Армландия... Вообще-то она даже не страна, а область небольшого королевства Фоссано, а я там гроссграф. Местных реалий не знаю, у нас там горы, лес да овцы, а у вас тут бескрайние равнины и пшеница, пшеница, пшеница... Потому мне самому безопаснее остаться просто грандом на год в Варт Генце, как я и обещал, да вернуться в свою родную Армландию, маленькую, зато безопасную и дружелюбную...

Они смотрели несколько оторопело, наконец Гардard пробормотал:

— Эта... вы не вартгенец?

Я помотал головой:

— Ни в коем случае! Я вижу, до вас тут новости добираются поздно, сообщу все сам. В общем, соседнее с Варт Генцем королевство Турнедо напало на мою крохотную мирную Армландию, которая пасла себе овец и

никого не трогала. Ряд государей возмутились этим и решили остановить захватчика, среди них был и король Варт Генца. Врага уничтожили, но король погиб со своими сыновьями! Началась междоусобная война, и меня позвали как друга и союзника, чтобы я принял корону. Таким образом, дескать, война за трон окончится, так как все считают, что лучше никому, чем соседу.

Гардард хмыкнул:

— Вам — это никому?

— Верно, — сказал я, — я ведь чужак, корней у меня там нет. Но я отказался становиться королем, так как историческая правда на стороне Скарляндов, корона должна быть у одного из ваших. Потому я принял титул гранда и обязался править в течение года, а потом вернусь в свою крохотную мирную Армландию, которая пасет овец и никого не трогает.

Они снова долго молчали, раздумывали, наконец Калейдер прогудел, как огромный нажратый шмель:

— Это меняет дело.

— Не целиком, — добавил Гардард сварливо.

— Не целиком, — согласился Калейдер, — но все-таки...

Шварцкопф похлопал ладонью, широкой, как лопата, по столу, и проговорил медленно:

— Кстати, даже если сэр Ричард остался бы у нас королем... и что? Во-первых, он тем самым стал бы скарляндцем. Во-вторых, его дети уже точно были бы скарляндцами. Если уж совсем быть точным, то напомню, что все скарляндцы — бывшие поселенцы из Гиксии, когда в древние времена там был мор, и народ хлынул на эти пустые тогда земли и начал распахивать твердую, как камень, землю!

Я вскинул руки:

— Погодите, погодите!.. Я полностью разделяю ва-

ше мудрое видение проблемы насчет будущего королевства. Конечно же, король должен быть один, и он должен быть... гм... скажем так, сам титул должен звучать примерно так: «Король Скарляндов и гранд Варт Генца».

Напряжение начало сползать с их лиц, как капли дождя. Первым заговорил Калейдер, в его громохочущим голосе я уловил полнейшее удовлетворение:

— Король Скарляндов и гранд Варт Генца!.. Да, это самое то, что надо. Мой народ отдаст голоса за этот вариант.

Гардард сказал почти сразу же:

— Мой тоже.

Юный Коготь тоже не раздумывал долго, только зыркнул на меня испытующе и сказал веско:

— Я — за.

Другие вожди переговаривались недолго, почти все подтвердили, что да, это их устраивает тоже, еще как устраивает, но только как это все сделать, чтобы без новой кровопролитной войны, все от нее устали, но в то же время никто не желает уступать...

Я сказал почтительно:

— Вы все сделали мудрый выбор еще потому, что народ Варт Генца тоже устал от нелепой борьбы за трон, где до этого все было спокойно и такой проблемы вообще не возникало. А как это сделать... Давайте подумаем, потому что все решаете только вы, а я лишь припадаю к истокам вашей мудрости и вашей прозорливости, что и выдвинули вас в вожди племен. Однако одно хочу сказать со всей решимостью: королем Скарляндии должен быть кто-то из вас!.. Я очень-очень благодарю вас за предложенную честь, однако же... простите, но я пришел сюда всего лишь, чтобы помочь вам, а не пытаться сорвать какой-то куш.

В зале зашумели сперва недоумевающе, потом под-

нялся настоящий гам, когда уже спорят друг с другом и ничего больше не слышат.

Шварцкопф поднялся во весь гигантский рост, заорал, с грохотом ударил кулаком по столу. Шум начал стихать, и он прокричал:

— Сэр Ричард, я вижу, не всем понятны причины, почему вы отказываетесь и от короны Скарляндов! Вообще-то непонятно и мне.

Я поднялся, раскинул руки в стороны:

— Вот я весь здесь, с открытым сердцем. От короны Варт Генца отказался почему — знаете. От короны Скарляндов... а что скажут в Варт Генце, подумали? При всем доверии ко мне, скажут: предал, переметнулся... А вам это надо?.. Вдруг там соберутся и отстранят меня от управления? Тогда точно, кого бы ни избрали королем, он сразу двинет армию на захват Скарляндии!..

В зале на этот раз никто не закричал, а остатки шума рассеялись, наступила мертвая тишина.

Я сказал тяжелым голосом:

— Я вас понимаю и, уже сказал, беспримерно счастлив и рад вашей оценке моих способностей. Но давайте этот вопрос отложим на полгода-год, когда Скарлянды окрепнут в кратчайшие сроки и уже не позволят ни завоевывать себя, ни навязывать им чужого короля!.. Если вы и тогда захотите избрать меня королем, я не стану упираться. Но сейчас — это опасно... Давайте сделаем перерыв на полчаса, хорошо?

Глава II

Шварцкопф объявил перерыв, чтобы собравшиеся могли отлучиться по нужде, раздать помощникам указания, посоветоваться друг с другом, согласовать общие позиции.

Я тоже удалился с ним в его комнату, что служит ему кабинетом и спальней. Он хитро улыбнулся, едва за нами закрылась дверь.

— Маленькая мирная Армландия? — спросил он весело. — А что насчет королевства за Большим Хребтом?..

Я развел руками:

— То добыча. Очень большая. Но скажу вам, как другу, одну весьма неприятную вещь. Там есть свой легитимный король, Его Величество Кейдан, продолжатель великой династии. У него есть дети, наследники. Так что сбросить короля мне не позволит ни один из местных лордов, ни даже из моих. Самое большее, что нам светит, — это получить большой выкуп и уйти в Армландию, подписав с королевством Сен-Мари договор о мире и ненападении. А вот Армландия... да, она моя.

Он выслушал, деловито кивнул:

— Тогда да, понятно. В Сен-Мари вам королем не стать?

— Абсолютно, — заверил я. — Клянусь вам, и пусть меня разразит на этом месте гром небесный, если я собираюсь сесть на трон Сен-Мари. Нет и еще раз нет!

Он прислушался, сказал с удовлетворением:

— Уже возвращаются.

— Недолго спорили, — заметил я.

— Думаете, плохо?

Я пожал плечами, со Шварцкопфом тоже не стоит расслабляться, сказал мирно:

— Не для меня.

Он быстро зыркнул на меня, во взгляде почти враждебность, сказал со вздохом:

— Ну да, вам-то ничего не грозит...

— Давайте сделаем так, — сказал я, — чтобы и Скарлянды уберечь. Пойдемте, пора принимать решение.

— Какое?

Я удивился:

— Еще не сказал? Ну хорошо, сейчас скажу...

В зале уже негде яблоку упасть, пришли, как я понял, и сопровождающие вождей.

Я прошел к столу, но не стал садиться, а повернулся к залу лицом.

— Опасность, — произнес я четко, — все-таки нависает. Через год я покину Варт Генц, и надо, чтобы Скарлянды за это время стали равными по мощи. Как это сделать? Способ довольно прост, хотя вам он очень не понравится.

В зале настороженное молчание, только вождь Калейдер угрюмо проревел:

— Говорите, ваше высочество. Мы убедились, что все сказанное вами идет на пользу нашему королевству. Даже если задевает чьи-то интересы.

Гардard немедленно нахмурился.

— Это на кого тут намекают? — протянул он и положил ладонь на пояс, где висят пустые ножны.

Многие начали ворчать и злобно поглядывать по сторонам. Я сказал быстро:

— Вот видите? А я всего лишь хочу сказать о взимании налогов. Сейчас каждый вождь собирает в своем племени сам, но так королевство не построить. Скарлянды останутся страной с кучей племен, неспособных решать большие задачи. Уж не обижайтесь, но это так. И любой сосед, где вся власть в самом деле централизована, придет и завоюет вас...

В зале зашумели, я властно вскинул руку. Голоса начали смолкать, все смотрели теперь рассерженно.

— Вы сами это знаете, — сказал я безжалостно, — а вопите... как подростки какие-то, не по уму, а по чувствам, видите ли!.. Да любой завоеватель, не обязательно Варт Генц, сперва натравит вас друг на друга... хотя

вы и так деретесь, нужно только подбрасывать вам в огонь сухих дровишек... Вы это знаете!

Шварцкопф возразил с достоинством:

— Когда вторгнется враг, мы все разом, забывая о распрях...

Я покачал головой:

— Не забудете. И вы сами, повторяю, это знаете. Сосед куда ненавистнее далекого врага. Всегда могучие народы, разделенные на племена, падали под ударами малочисленного, но собранного в железный кулак народа. Всегда, — подчеркиваю, всегда! — удавалось натравить племена друга на друга и таким образом завоевывать огромные страны!

Они ворчали, багровели, я внимательно следил за их лицами, это хоть и весьма импульсивные люди, но возраст и опыт сказывается, каждый начал прикидывать, принял бы он помощь Варт Генца, который предложил бы помочь подавить соседа... и даже если бы отказался после некоторого колебания, но не факт, что откажется сосед, которому предложит помощь против него...

В зале поднялся седой и сгорбленный Гарасдир, вождь племени едров, к нему сразу начали оборачиваться все, я понял, это неформальный лидер, умеющий высказывать общие мысли собравшихся.

— В целом, — сказал он размеренно, — сказано верно, но... и что? Что предлагаете? Чтоб передали всю власть вам вот так сразу?

Я тоже поднялся, вскинул руки:

— Тихо-тихо. Я на вашу власть не претендую. Вообще. Каждый остается вождем в своем племени и с прежними полномочиями. Просто для повышения обороноспособности Скарляндов как государства... которого еще нет, есть только земли, предлагаю укрепить войска.

Гарасдир сказал раздраженно:

— Мы только это и делаем!

— Каждый по-своему, — возразил я. — И свои отряды. Это не дело. Войска — это еще не армия. А побеждает только армия, вы же это понимаете.

— И что конкретно?

— Конкретно, — сказал я. — Предлагаю поступить так, как правильно для роста и могущества королевства Скарляндов, которого еще нет, но скоро будет: налоги собирают королевские сборщики! И пусть короля и королевства еще нет, но возрождение королевства начнем с учреждения королевских сборщиков налогов! А чтобы вы могли проверить, куда и что потрачено, выделите людей, которые будут записывать, сколько получено, а я буду отчитываться, куда и сколько истратил!.. Таким образом в Скарляндах будет и наконец-то центральная власть, и в то же время король останется полностью в ваших руках, что для вас, как догадываюсь, немаловажно.

Они советовались и разговаривали долго, к моему облегчению, никто не хватался за оружие, все прекрасно понимают, что если налоги будут и дальше собирать вожди племен, то один сдаст больше, другой меньше, но никто не сдаст все, но когда все будут подозревать, что сосед сдает меньше, то налоги в конце концов перестанут поступать в казну вовсе, это конец еще не родившемуся королевству, конец мечте о возрождении былой славы и общей короны для Скарляндов и Варт Генца.

Вождь Гарасдир, как самый старый и наименее конфликтный, поднялся и, опираясь костлявыми ручищами в спинку стула впереди, проговорил скрипучим голосом:

— Это неприятно... и никому не нравится. Но если в самом деле хотим строить королевство... а не жить, как живем, то да... как-то надо. Предлагаю подумать, как собирать налоги, это тоже непросто...

Гардard крикнул из зала:

— Ятварги пусть собирают у едров, ляндерей, кракофорсов и ганичей! И там дальше.

Один из вождей, я не разглядел, кто именно, прорычал из другого конца:

— Только ятварги пусть берут не у кракофорсов, а у ганичей!.. Тогда уж точно не дадут спрятать ни монетки...

Кто-то криво улыбнулся, кто-то откровенно ржанул, остальные остались трагически серьезными. То, что решат, станет обязательным, поклянутся честью, потому нужно сразу правильно утрясти все так, чтобы никто не был ущемлен и чтобы тяжелую телегу государственности тянули сообща.

Шварцкопф поднялся, прокричал мощно:

— Хочу напомнить, на самом деле времени у нас еще меньше, чем говорит сэра Ричард!.. Армию так быстро не создать, потому давайте не терять ни часа времени!

Я с трясущимся сердцем перевел дыхание, стараясь держать на лице все ту же мирную доброжелательную улыбку, даже рот заболел, словно туда конский мундштук вставили.

Шварцкопф проревел:

— Перерыв на полчаса!.. Вождей восьми ведущих племен прошу в мою комнату. Там, где нет этих воплей, быстро решим, в каком объеме и как собирать налоги.

Я не приближался к дверям той комнаты вовсе, подчеркивая всем остальным каждым жестом и время от времени объясняя, что это их дело, пусть решают очень важное дело для Скарляндов, и пусть сбор налогов остается в их руках.

А мое будет только укрепление обороноспособности Скарляндов.

И в моей власти будет всего лишь армия.

Один из вождей, явно его племя мелковато, чтобы принимать участие в обсуждении сбора налогов, подошел ко мне, лицо виноватое, поклонился.

— Я представляю племя колдереев, — сказал он, — Самогор, сын Стоунзера... Вожди очень разочарованы, что вы не пожелали принять титул короля Скарляндов. Хотя, конечно, мы понимаем шаткость ситуации, что возникнет, если примете корону.

— Да уж, — ответил я.

— Мы благодарны, — сказал он с чувством, — вам за мудрое и осторожное решение. Сейчас среди оставшихся идут дебаты, что вам предложить взамен. Лучший вариант, по нашему мнению, это корона князя. Не король, но ему подчинены все вожди племен. Все вожди с этим согласны...

Я ухмыльнулся:

— Хотя король был бы лучше?

— Лучше, — признался он сокрушенно. — Однако мы понимаем, что это вызвало бы гнев и раздражение в Варт Генце, а нам лучше не злить могучего соседа.

Я сказал с оптимизмом:

— Пока лучше не злить, но это пока! Историческая справедливость восстановится, однако сейчас, как вы понимаете правильно, нельзя раскачивать лодку непомерными амбициями и заявлениями. Чуть позже все будет!.. Так и скажите всем в зале. Сейчас пусть в Варт Генце думают, что Скарлянды сближаются с ними на их условиях.

Он сказал тревожно:

— Как бы не получилось так и на самом деле...

— Наша армия, — напомнил я, — будет создаваться ударными темпами. Мы ее спешно вооружим и, чтобы не была столь заметной... отправим на боевую обкатку и приобретение опыта в Гандерсгейм. А когда вернет-

ся, тогда и будет настоящий честный разговор, кто кому и что должен.

Он сказал напоминаяше:

— И тогда вы примете корону Скарляндии!

— Если еще не передумаете, — ответил я с вежливой улыбочкой. — Я не хочу быть королем на час. Вот долговременные отношения — по мне. И если решите удостоить этого почетного титула именно меня, то чтоб это было надолго.

После перерыва Шварцкопф сказал с виноватой улыбкой, что часть вождей все же сомневаются насчет налогов, что будут стекать теперь все ко мне в загребушие.

Я сказал твердо, с подъемом и неукротимым блеском честнейших глаз:

— Я сам от вас требую жесткого и неукоснительного контроля за каждой полученной и потраченной монеткой, пусть все будет на виду, и только на виду!.. И чтобы комиссия, которую выберете вы, сообщала вам о всех моих тратах!.. Это значит, что каждый мой шаг будет у вас под контролем!

Они переглянулись, обескураженные, все ждали, что буду отстаивать самостоятельность, в конце концов престарелый Гарасдир, мне он не зря казался самым хитрым и подозревающим, сказал с некоторой озадаченностью в голосе:

— А зачем это вам?

— Сбор налогов?

— Нет, чтоб за вами наблюдали.

Я усмехнулся и сказал заговорщицки:

— Это наблюдение будет не за мной.

Он посмотрел настороженно:

— Ваша светлость?

Я сказал тише:

— Закладываю основы государственности королев-

ства Скарляндов вообще. Если бы я собирался остаться здесь королем, я бы постарался избавиться от такой унижительной опеки, это же ясно!.. Но я скоро уйду за Большой Хребет или в Армландию, неважно. А тот, кого выберете королем Скарляндов, будет уже связан этими правилами, которым мы за это время придадим гранитность закона!

Он слушал внимательно, наконец с облегчением заулыбался:

— А-а-а, теперь да, понятно. А то я все думал, что это вы свою же власть сами же и ослабляете!

По его лицу я видел, как в мозгу промелькнули десятки мыслей насчет будущего короля, очень лакомые мысли, все-таки, как ни стар, но это может оказаться и преимуществом.

Я развел руками:

— Ради будущего Скарляндии.

Он подумал, сказал осторожно:

— Ваше высочество, я могу прислать вам дополнительные отряды. Если нужно, конечно.

Я сказал с благодарностью:

— Конечно, нужно. Если они хороши, то могут и остаться на потом в качестве постоянной охраны.

Он взглянул чуть настороженно, я сказал даже больше, чем он рассчитывал, но я же без всякой задней мысли, так что он успокоился, но весь взыграл, уже чувствую, как забегает мыслью на год вперед, а то и дальше, дальше, уже и корону надел, и Варт Генц нагнул, и в уstraшенную Гиксию вводит армию...

Шварцкопф взглянул с вопросом в не по фигуре умных глазах, а я обнял его и сказал доверительно:

— Теперь начинается работа во славу Скарляндов! Только бы успеть... Ветеранов можете оставить на мес-

тах на всякий случай, а молодых парней, желающих стать воинами, всех направляйте в Гандерсгейм. По дороге их перехватят мои люди еще в Турнедо, снабдят оружием и немного обучат, так что в Гандерсгейм придут уже настоящими орлами.

— Гандерсгейм, — пробормотал он, — слышал, слышал. Там все еще боевые действия?

— Да, — ответил я. — Там страна варваров. Они добивали Сен-Мари, когда мы туда вторглись, так что мы спасли королевство, а варваров отбросили в их края.

Он сказал деловито:

— Теперь у вас возможности добить врага в его логове. Это прекрасная идея начет новобранцев! Во-первых, ветераны будут обучать их во время долгого марша. Во-вторых, там окажутся не одни перед лицом врага, а справа и слева будут войска опытных воинов, уже побывавших в сражениях.

Я сказал с облегчением:

— Я рад, что вы сразу все схватываете, дорогой друг. Все-таки предлагаю нечто новое для Скарляндов. Насколько я знаю, отсюда никуда войска не отлучались.

Он вздохнул:

— Ваша светлость, Скарлянды всегда только отбивались, да и то редко успешно!

— Теперь будет мощная боеспособная армия, — заверил я. — И больше никому не позволим разорять святыне скарляндские земли, где лежат наши деды и прадеды, гордо и смело сложившие головы во славу ее будущего величия!

Он украдкой смахнул непрошеную слезу, выпрямился и сказал с чувством:

— Не позволим!

— А вернем армию через полгода, — повторил я. — За это время наберутся боевого опыта, обтешутся, мно-

гому обучатся. Это будет в самом деле армия, а не толпа деревенских парней, которым дали оружие, но не показали, как правильно обращаться, чтобы не обречь ноги ни себе, ни товарищу. И они возродят древнюю славу Скарляндов, которую коварные и злобные враги втоптали в грязь и надеются, что Скарлянды никогда больше не оправятся и не потребуют возмещения за все смертельные обиды! Никто не забудь, ничто не забыто!

Он задохнулся от переполняющего его волнения, глаза вспыхнули звездным огнем, лицо налилось кровью, вскрикнул громовым, но сорвавшимся от избытка чувств голосом:

— Да!.. Да.. Именно так!.. Именно это кипит в моей душе, но я не могу выразить в словах, а вы, ваша светлость, так четко и выверенно...

— Практика, — ответил я. — Я тоже милитарист еще тот, хотя демократ больше некуда. Но поскреби демократа... нет, лучше не скрести! Теперь давайте подумаем, как ограничить чрезмерные права племенных вождей. Все-таки у нас сейчас не государство, а союз племен, да и то такой, что все готовы вцепиться друг другу в глотки и без иноземного вмешательства...

Он сказал горько:

— Не вцепляются только потому, что за спиной дом горит, а племя голодает. А так бы, да вцепились бы сразу!.. У всех друг к другу счеты. Всякие разные.

— Нужно собрать общий съезд вождей, — сказал я деловито. — И на нем выработать общие правила укрепления государственности. Понятно, все будут держаться за свои неотъемлемые, но можно принять такие, что, мол, в случае внешней опасности все временно передают свои права ими же выбранному одному из вождей.

Он уточнил с хитрой улыбкой:

— Лучше кому-то со стороны, ваше высочество. Так им легче. Друг друга ненавидят, все ж соперники! Но с этим уже решили, раз вы не против. Власть на год будет передана князю Скарляндии Ричарду Завоевателю!

Он умолк, в радостном предвкушении потер ладони и даже как-то нехорошо хихикнул.

Я спросил настороженно:

— Ну?

Он сказал с подъемом:

— Я вижу, с этими реформами... мы скоро в самом деле сможем на равных тягаться с Варт Генцем!.. А если добавить несколько месяцев подготовки, что вы затеяли... Варт Генц просто устрашится напасть на эти священные земли!

Я пробормотал:

— Ну, это на поверхности.

Он покачал головой:

— Это для вас. А мы что, начиная все сначала, еще не были готовы... сами по себе.

— Я только подтолкнул вас, — заметил я. — Ускорил события.

Он сказал довольно:

— Теперь это и другие начинают понимать. И ликуют. Дело в том, чтоб успеть создать армию до того, как Варт Генц нападет!..

— При мне это невозможно, — заверил я. — По крайней мере, пока правлю Варт Генцем.

Он сказал счастливым голосом:

— Вот в этом и есть наше счастье! А за этот год мы создадим крепкую армию! Даже раньше.

— Через полгода, — повторил я, — она вернется из Гандерсгейма настоящей, обученной, обстрелянной, с боевым опытом, способная воевать с кем угодно.

Он счастливо вздохнул:

— Наконец-то я дожил до этого дня...

— Я тоже, — ответил я. — Я тоже.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	59
Глава 8	67
Глава 9	77
Глава 10	87
Глава 11	95
Глава 12	101
Глава 13	111
Глава 14	121
Глава 15	128
Глава 16	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	153
Глава 2	160
Глава 3	169
Глава 4	176
Глава 5	185
Глава 6	192
Глава 7	205

Глава 8	215
Глава 9	226
Глава 10	234
Глава 11	243
Глава 12	249
Глава 13	259
Глава 14	268
Глава 15	277
Глава 16	287

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	298
Глава 2	310
Глава 3	321
Глава 4	333
Глава 5	343
Глава 6	355
Глава 7	363
Глава 8	371
Глава 9	383
Глава 10	390
Глава 11	401

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КНЯЗЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *И. Топоровская*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 14.02.2012.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 54 000 экз.). Заказ 7976.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-55380-8

9 785699 553808 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 48. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-55380-8

9 785699 553808 >

Риц@рдэ

Длинные Руки —

князь

